Сергей Плохий

ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРИЯ

Падение Советского Союза

CoRpvS

Последняя империя. Падение Советского Союза

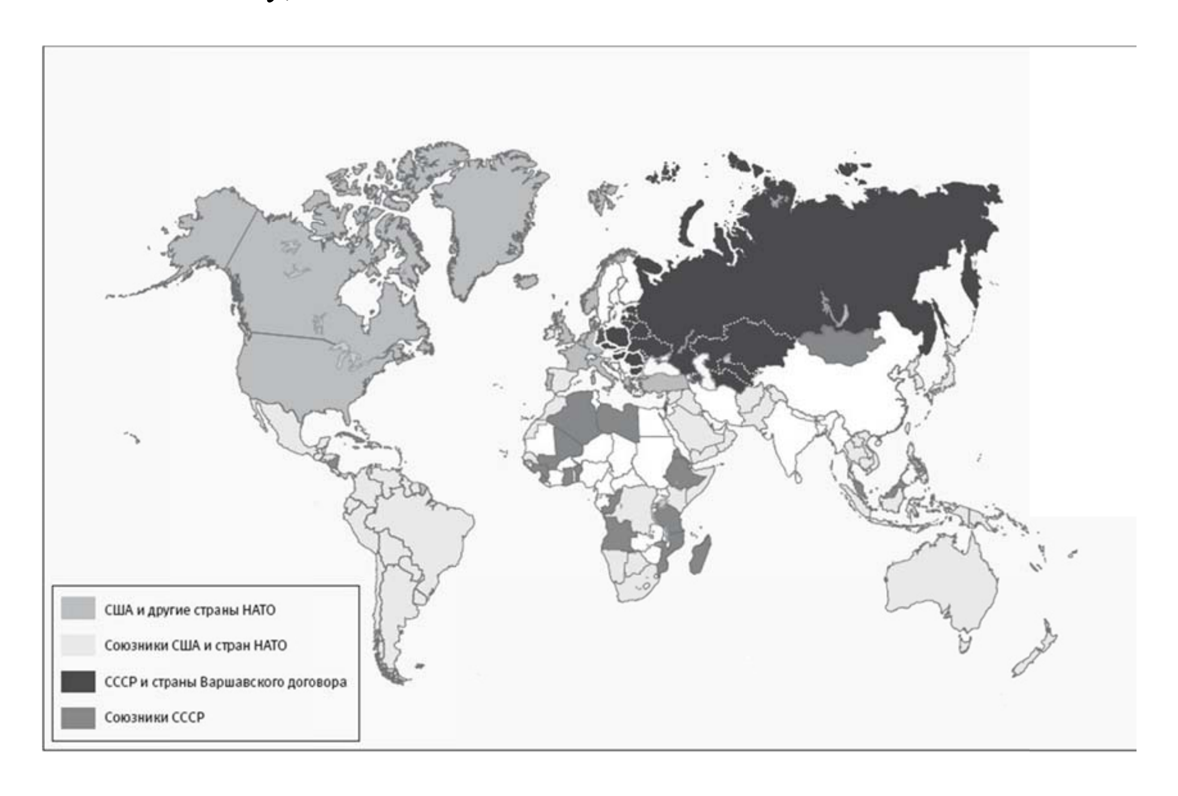
Посвящается детям империй, завоевавшим свободу

Serhii Plokhy

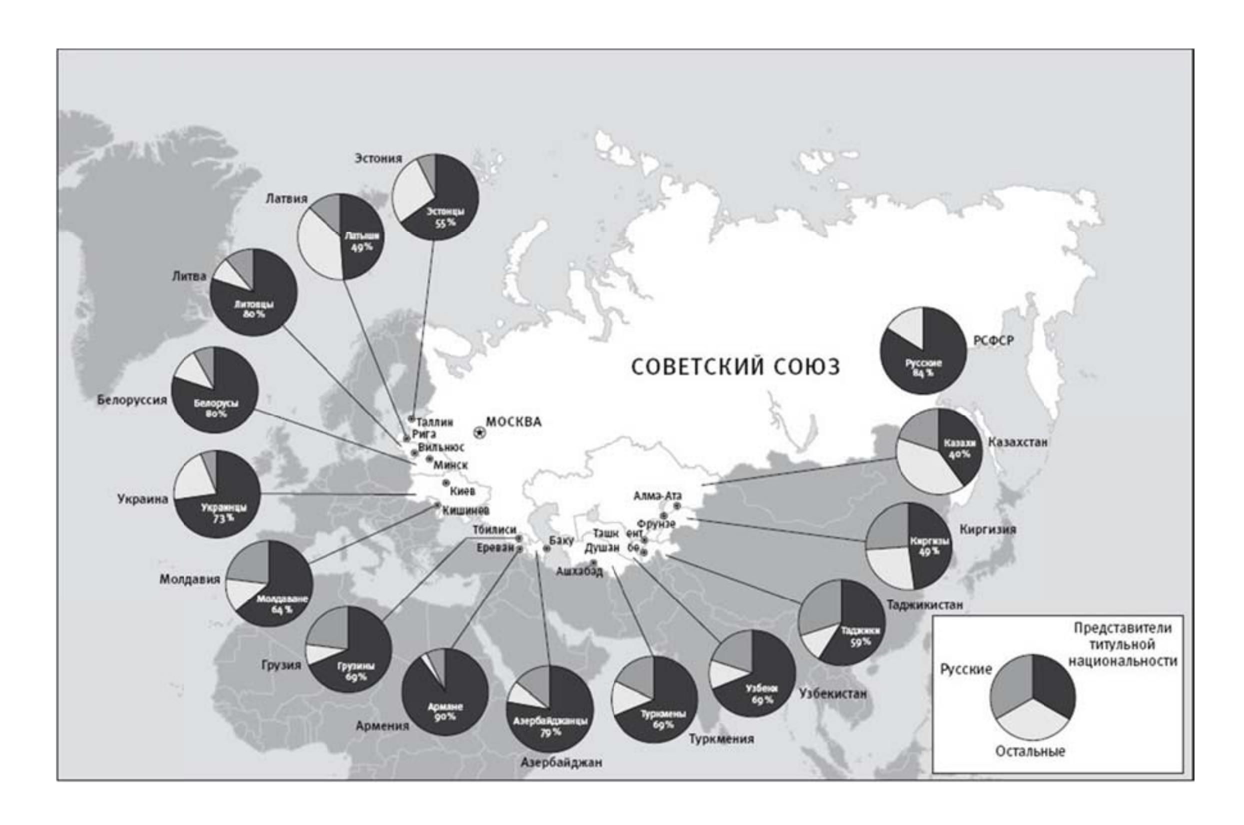
THE LASTEMPIRE

The Final Days of the Soviet Union

Публикуется с разрешения издательства BASIC BOOKS, an imprint of PERSEUS BOOKS LLC. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Мир в эпоху холодной войны (1980).

Империя и национальные окраины.

Предисловие

Мало кто ожидал увидеть такое. На фоне вечернего неба над головами собравшихся на Красной площади туристов, над стволами винтовок почетного караула с флагштока здания Сената – резиденции советского правительства и, до недавнего времени, символа коммунизма – спускали красный флаг. Миллионы телезрителей, наблюдавших эту картину в рождественский вечер 1991 года, не могли поверить своим глазам. В тот же день в прямом эфире передали обращение уходящего в отставку первого и последнего президента СССР Михаила Горбачева. Советского Союза не стало.

Первым на вопрос, что произошло, попытался ответить президент США Джордж Г. У. Буш. Он выступил перед американцами вечером 25 декабря, через несколько часов после того, как Си-эн-эн и другие телеканалы показали речь Горбачева и спуск флага. Американский лидер попытался объяснить, что за подарок получили к Рождеству сограждане. Он связал новости из СССР с победой США в холодной войне.

Через несколько недель Буш выступил с ежегодным посланием к народу. В нем распад Советского Союза был назван “переменой почти библейского масштаба”. По словам Буша, “милостью божьей Америка победила в холодной войне”, установился новый миропорядок. Выступая на объединенном заседании Сената и Палаты представителей, президент заявил: “Мир, некогда разделенный на два вооруженных лагеря, признает теперь одну сверхдержаву – Соединенные Штаты Америки”. Зал взорвался аплодисментами[1].

Более сорока лет США и СССР вели глобальное противостояние, которое лишь благодаря счастливой случайности не завершилось ядерной

катастрофой. Разделение мира на два лагеря (первый олицетворяло красное знамя над Кремлем, второй – звездно-полосатый флаг над Капитолием) казалось вечным. Те, кто учился в школе в 50-х годах, еще помнят учебные сигналы ядерной тревоги, во время которых нужно было прятаться под партами. Сотни тысяч американцев воевали в горах Кореи и во вьетнамских джунглях, десятки тысяч погибли, чтобы остановить наступление коммунизма. Поколения интеллектуалов спорили, был ли Элджер Хисс советским шпионом. Десятилетиями Голливуд чувствовал последствия маккартизма. Еще за несколько лет до краха Советского Союза по улицам крупнейших городов США шли демонстранты, призывавшие к ядерному разоружению. Отношение к этому вопросу раскалывало семьи: так, молодой активист Рональд П. Рейган стал врагом собственного отца – президента Рональда У. Рейгана. Американцы и их союзники воевали по всему миру, и, казалось, этой войне не будет конца. Однако вооруженный до зубов противник, не проигравший ни одной битвы, вдруг спустил флаг.

Причина для радости действительно была. Однако готовность президента объявить о победе в холодной войне в день отставки Горбачева (стремившегося, как и Рейган и Буш ее завершить) выглядела странно и даже вызывала тревогу. Отставка Горбачева означала конец советской эпохи (юридически СССР прекратил свое существование четырьмя днями ранее, 21 декабря). Но распад Советского

Союза не являлся главной целью американцев в холодной войне. Телеобращение Джорджа Буша 25 декабря и январское послание Конгрессу противоречили прежним заявлениям администрации. Ранее руководство Соединенных Штатов утверждало, что холодная война кончится благодаря сотрудничеству с Горбачевым. Первое подобное заявление прозвучало во время саммита СССР и США на Мальте в декабре 1989 года, а последнее Белый дом опубликовал всего за несколько часов до рождественской речи Буша (“Вместе с президентом Рейганом, мною и лидерами наших союзников Горбачев, сделав вклад в создание объединенной свободной Европы… приближал преодоление глубоких противоречий холодной войны”)[2].

Рождественское выступление Буша ознаменовало отказ от прежней политики. Президент США и его администрация переосмыслили свое отношение к событиям в бывшем СССР. Хотя в 1991 году Джордж Буш и его советник по национальной безопасности Брент Скоукрофт публично заявляли об ограниченности своего влияния, теперь они взяли на себя ответственность за наиболее драматическое событие советской политической жизни. Эта новая оценка, появившаяся во время избирательной кампании баллотировавшегося на второй срок Буша, повлияла или даже стала основой американских представлений о финале холодной войны. Эти представления, по большому счету мифические, связывали окончание холодной войны с утратой КПСС своей власти и распадом Советского Союза. Более того, люди увидели в этих событиях плоды политики США, то есть победу Америки[3].

Эта книга ставит под сомнение триумфалистскую интерпретацию распада СССР. Поводом для пересмотра стали недавно рассекреченные

документы из Президентской библиотеки Джорджа Г. У. Буша, в частности, меморандумы его советников и стенограммы телефонных переговоров Буша с мировыми лидерами. Эти материалы свидетельствуют, что и сам президент, и его советники пытались продлить жизнь Советского Союза. Их пугал рост влияния Бориса Ельцина и стремление союзных республик к независимости. После того как СССР прекратил свое существование, США требовали закрепления всего советского ядерного арсенала за Россией и сохранения влияния России на постсоветском пространстве (прежде всего в республиках Средней Азии).

Почему же руководство страны, якобы боровшейся против СССР в холодной войне, вело такую политику? Ответы можно найти в документах Белого дома и иных американских источниках. С их помощью можно проследить, как риторика вошла в противоречие с политикой администрации США (последняя пыталась спасти Горбачева, рассматривая его как своего главного союзника на мировой арене). Для достижения этой цели Белый дом был готов мириться с дальнейшим существованием КПСС и советской системы. Американское руководство боялось превращения СССР в "Югославию с ядерными бомбами". Ядерная эра изменила природу противостояния великих держав и значение слов "поражение" и "победа", но не смогла повлиять на используемый массами лексикон. Администрация Буша пыталась сделать невозможное: согласовать язык и мышление эпохи холодной войны с геополитическими реалиями сменившего ее времени. Ее действия оказались продуктивнее, чем непоследовательные заявления.

Легко понять волнение свидетелей спуска красного флага с кремлевского флагштока при мысли об утратах США, понесенных в глобальном противостоянии с СССР. Однако теперь, двадцать пять лет спустя, важно беспристрастно оценить те события. Взгляд на распад Советского Союза как на символ победы США в холодной войне помог формированию представления о преувеличенном влиянии Соединенных Штатов на мировую политику. Это произошло в десятилетие, предшествовавшее событиям 11 сентября 2001 года и девятилетней войне в Ираке (в то время такое мнение было наиболее широко распространено). Завышенная оценка американского фактора в крахе СССР подготовила почву для распространения в современной России конспирологических теорий, считающих распад Советского Союза результатом усилий ЦРУ. Это мнение озвучивается не только на экстремистских сайтах, но и транслируется российскими телеканалами[4].

Я предлагаю куда более сложную и, вероятно, дискуссионную панораму предшествовавших падению СССР событий. "Американский мир", установившийся после холодной войны, отмеченной противостоянием двух идеологических лагерей, возник скорее случайно. Важно попытаться проследить процесс формирования этого мира, чувства, умышленные и неумышленные действия его создателей с обеих сторон Атлантического океана. Это поможет понять, что в последние полтора десятилетия пошло не так.

Вынесенный в заголовок концепт “империя” – необходимая предпосылка предложенной здесь интерпретации процессов 1991 года. Я солидарен с мнением политологов и историков, считающих, что проигранная гонка вооружений, экономический спад, возрождение демократии и идеологическое банкротство коммунизма сами по себе не предопределили гибель СССР. Ее причиной стали имперское наследие, полиэтнический состав населения и псевдофедеративное государственное устройство Советского Союза. Значение этих факторов в полной мере не сознавали ни американские политики, ни советники Горбачева.

Хотя СССР часто называли “Россией”, он представлял собой целый конгломерат народов, управлявшихся из Москвы то грубой силой, то культурными уступками. Большую часть советской эпохи республиками руководили твердой рукой. Де-юре русские владели крупнейшей из союзных республик, однако, кроме РСФСР, в состав СССР входило еще четырнадцать республик. Численность русских составляла около ста пятидесяти миллионов – примерно 51 % населения Союза. Вторая по численности этническая группа – украинцы – составляла около 20 % населения СССР.

Победив в борьбе, развернувшейся в ходе Русской революции, большевики получили возможность сохранить Российскую империю. Они достигли этого путем реорганизации государства в псевдофедеративное (по крайней мере, согласно Конституции). Это продлило существование России как многонационального государства, но и она повторила судьбу империй прошлого. В 1990 году большинство союзных республик уже имело собственных президентов, министерства иностранных дел и более или менее демократически сформированные парламенты. Однако до 1991 года мир не понимал, что *Советский Союз* не равнозначен *России*[5].

Я считаю распад СССР явлением, аналогичным произошедшему в XX веке распаду Австро-Венгерской, Османской, Британской, Французской и Португальской империй. Советский Союз назван здесь “последней империей” не потому, что в будущем империй не будет, а потому, что он был последним государством, сохранявшим наследие “классических” империй нового времени. По моему мнению, крах СССР связан с несовместимостью имперской системы правления и электоральной демократии. После введения Горбачевым в 1989 году элементов электоральной демократии политикам из РСФСР пришлось задуматься над ответом на вопрос: готовы ли они нести бремя империи? А политикам из других союзных республик, в свою очередь, пришлось решить, желают ли они оставаться в империи. В конце концов и первые, и вторые ответили – “нет”.

Первыми возможностью расстаться с империей воспользовались лидеры прибалтийских республик и областей Западной Украины – территорий, насильственно включенных в СССР в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа (1939). За ними последовали политики из России и восточно-украинских областей, входивших в Советский Союз до Второй мировой войны. Новые демократические лидеры прибалтийских государств, Грузии и Армении стремились добиться независимости. В остальных республиках

власть продолжали удерживать старые элиты. Однако после прекращения поддержки со стороны Горбачева политическое выживание его наместников попало в зависимость от результата выборов. Это вынудило их договариваться с растущими демократическими силами. Итогом этих событий стал распад СССР на пятнадцать государств по старым республиканским границам[6].

Я уделяю основное внимание пяти месяцам 1991 года – времени с конца июля до конца декабря, – когда мир буквально стал другим. В конце июля, за несколько дней до визита в Москву Джорджа Буша и подписания исторического документа о разоружении, глава СССР Горбачев и лидер РСФСР Ельцин пришли к судьбоносному соглашению о реформировании Советского Союза. Их договоренности послужили поводом для августовского путча. В конце декабря отставка Горбачева с поста президента поставила точку в истории СССР. Описывая падение Советского Союза, многие ученые и публицисты игнорировали критически важный период между переворотом ГКЧП и отставкой Горбачева. Некоторые из них прямо или косвенно соглашаются с утверждением, согласно которому советская эпоха закончилась вместе с запретом КПСС после путча. В моей книге я доказываю ошибочность этого мнения. В момент переворота партия ничем не руководила. Из-под контроля партийного центра вышли даже местные парторганизации. Путч и последующие события ослабили СССР, но он просуществовал еще четыре месяца. Перемены, решившие судьбу обломков Советского Союза и его ядерного арсенала, произошли осенью и в начале зимы 1991 года[7].

Стивен Коткин в своих работах о распаде СССР и крахе коммунистических режимов в Восточной Европе сосредотачивается на понятии “негражданского общества”. Под этим он подразумевает партийные элиты, руководившие советской империей до отказа от коммунистического эксперимента. Согласно Коткину, Советский Союз, как и империя Романовых, начал рушиться сверху. Он считает, что распад СССР инициировали и осуществили элиты в центре и на периферии. Действительно, улицы советских городов не заполняли толпы митингующих с требованием роспуска СССР. Бывшая сверхдержава распалась на удивление мирно, особенно в четырех республиках, на территории которых размещалось ядерное оружие: России, Украине, Белоруссии и Казахстане. В конечном счете судьба СССР была решена в высоких кабинетах. Это произошло в ходе масштабного диалога с участием крупнейших политических фигур Запада и Востока – диалога, который стал настоящей борьбой нервов и дипломатических навыков. Ставки были огромны. На карту было поставлено политическое и, в отдельных случаях, даже физическое выживание игроков[8].

Центральную роль в событиях 1991 года сыграли несколько человек, которые, по моему мнению, несут основную ответственность за драматическую и вместе с тем мирную перемену мировой политики. Предлагаемая картина событий не однополярна, как мир после 1991 года, и

не биполярна, как мир во время холодной войны. Скорее, она многополярна: таким мир был большую часть своей истории и таким станет в будущем благодаря расширению влияния Китая и проявлению внутренних политических и экономических проблем в США. Я уделяю особое внимание решениям, которые принимались не только в Вашингтоне и Москве, но и в Киеве, Алма-Ате (с 1993 года – Алматы) и столицах остальных союзных республик, вскоре получивших независимость. Главными действующими лицами книги являются четыре политических лидера, которые сыграли наиболее значительную роль в судьбе СССР и всего мира.

Во-первых, это президент Джордж Г. У. Буш – один из самых осторожных и непритязательных западных лидеров своего времени. Именно поддержка им Горбачева и беспокойство о сохранности ядерного арсенала продлило дни советской империи и предопределило мирный характер ее распада. Во-вторых, это президент России Борис Ельцин, человек прямолинейный и решительный. Он с горсткой единомышленников противостоял путчистам, а позднее отказался последовать примеру сербского президента Слободана Милошевича, чтобы сохранить разваливающуюся империю или пересмотреть границы России. В-третьих, это хитроумный глава Украины Леонид Кравчук, чья непреклонность в вопросе получения республикой независимости приговорила Союз. Последним по порядку, но не по значимости, является Михаил Горбачев: он рисковал больше всех и потерял все – престиж, власть, государство. Этот человек увел страну от тоталитаризма, открыл ее миру, внедрил демократические процедуры и начал экономические реформы. Горбачев изменил свое государство и мир настолько, что для него ни там, ни там не осталось места.

Мой главный аргумент достаточно прост: судьба СССР была решена в последние четыре месяца его существования – с начавшегося 19 августа 1991 года путча до состоявшейся 21 декабря встречи глав республик СССР в Алма-Ате.

Я считаю, что судьбу советской империи предопределили не политика США, не конфликт союзного центра с РСФСР, не напряженные отношения Москвы с союзными республиками. Главную роль сыграли отношения между Россией и Украиной. Последним гвоздем в гроб стало нежелание (или неспособность) руководства руководства двух крупнейших республик найти способ сосуществования в рамках единого государства.

Восьмого декабря в Беловежской пуще Ельцин и Кравчук не смогли договориться о переустройстве Союза по модели, предложенной Горбачевым. Вместо этого они решили распустить СССР и образовать взамен Содружество Независимых Государств. Принимавшее саммит белорусское руководство не представляло себе Союз без России. То же можно сказать о президентах республик Центральной Азии: у них не оставалось иного выхода, кроме как последовать примеру руководителей России и Украины. Возглавляемый Горбачевым Союз без России или Украины никому не был нужен.

За двадцать лет многие участники тех событий (Джордж Буш, Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Леонид Кравчук, их советники) опубликовали свои мемуары. Эти книги интересны и содержат много ценных материалов, однако воссоздаваемая в этих книгах картина неполна. Газетные репортажи незаменимы для понимания духа времени, но указанные источники появились тогда, когда секретные документы еще были недоступны, а политики предпочитали помалкивать. Я преодолел ограничения, с которыми приходилось сталкиваться моим предшественникам, используя интервью главных действующих лиц и рассекреченные в последние годы архивные документы.

Я пользовался недавно рассекреченными материалами из Президентской библиотеки Джорджа Г. У. Буша. Речь идет о бумагах Совета по национальной безопасности, переписке сотрудников Белого дома, занимавшихся организацией зарубежных визитов президента, стенограммах его встреч и телефонных переговоров (доступ к части этих документов я получил благодаря запросам, поданным в соответствии с законом “О свободе информации”). Эти материалы, а также первоисточники, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне, коллекции Джеймса Бейкера в Принстонском университете и архиве Горбачев-фонда в Москве, позволили воссоздать неизвестные ранее подробности краха СССР. Кроме того, мне посчастливилось лично провести интервью с несколькими центральными участниками описываемых событий, в частности, с бывшим президентом Украины Леонидом Кравчуком и с бывшим руководителем Белоруссии Станиславом Шушкевичем.

Использованные источники помогли мне ответить на многие “как” и отдельные “почему”. Поиск ответов на последний круг вопросов я, как правило, начинал с попытки понять идеологические, культурные и личные мотивы, влиявшие на персонажей, и изучать информацию, исходя из которой они принимали решения. Надеюсь, что предложенные ответы не просто прольют свет на причины крушения Советского Союза, но и помогут объяснить хронические проблемы сосуществования России и Украины после его распада. Кроме того, я надеюсь, книга поможет читателям понять истинную роль США в падении СССР, так как влияние Соединенных Штатов в мире до сих пор в значительной степени определяется решениями 1991 года. Непонимание причин ведет не только к имперскому высокомерию, но и к упадку собственной империи. И неважно, используется это слово для самоопределения или нет.

Часть I
Последний саммит

Глава 1
Встреча в Москве

В английском языке слово “саммит” означает вершину горы или высшее достижение. В 1953 году это слово пополнило лексикон дипломатов: тогда два отважных альпиниста смогли наконец покорить Эверест, а Уинстон Черчилль, выступая в британском парламенте, заявил о “саммите народов”.

Два года спустя, когда “саммитом” назвали встречу советских и западных лидеров в Женеве, слово стало общеупотребительным. Встречи на высшем уровне с 30-х годов стали важным компонентом международных отношений, и дипломаты с политиками остро нуждались в новом термине. Слово “саммит” подошло идеально. Несмотря на то, что правители с незапамятных времен встречались для обсуждения общих проблем, в доавиационную эпоху такие события были довольно редки. Появление же авиации не только произвело революцию в военном деле, но и не меньшим образом повлияло на дипломатию, цель которой – предотвращение военных конфликтов. Так дипломатия в буквальном смысле покорила новые высоты.

Современная история саммитов началась в сентябре 1938 года, когда премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен прилетел в Германию, пытаясь отговорить Адольфа Гитлера от нападения на Чехословакию. Уинстон Черчилль, Франклин Д. Рузвельт и Иосиф Сталин внесли свой вклад в развитие личной дипломатии, еще не имевшей собственного названия. Во времена холодной войны практика проведения саммитов (встречи Никиты Хрущева и Джона Ф. Кеннеди, а позднее – Леонида Брежнева и Ричарда Никсона) стала общепринятой, но советская дипломатия еще долго не признавала этот термин. Лишь летом 1991 года советские газеты отвергли предпочитаемую до тех пор формулу “встреча на высшем уровне” и заменили его английским словом “саммит”. Для термина, в следующее десятилетие почти исчезнувшего из дипломатического лексикона, эта победа стала Пирровой[1].

“Встреча на высшем уровне” (из-за которой советская сторона пошла на изменения в своей дипломатической терминологии) сорок первого президента США Джорджа Г. У. Буша и первого президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева была запланирована в Москве на 30–31 июля 1991 года. К саммиту готовились долго, однако дату определили всего за несколько недель до события: работавшие на износ советские и американские специалисты почти до последнего момента согласовывали детали исторического договора. Буш хотел, чтобы все произошло как можно скорее: никто не знал, надолго ли задержится в Кремле Горбачев и сохранится благоприятная для заключения соглашения обстановка.

Белый дом преподносил встречу Буша и Горбачева как первый саммит после окончания холодной войны. Договор был призван заложить фундамент сотрудничества двух великих держав и касался такого важного вопроса, как ядерное оружие. В Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), который после девяти лет переговоров был наконец готов, речь шла о взаимном сокращении ядерных арсеналов почти на 30 % (на 50 % – советских межконтинентальных ракет, нацеленных в основном на США). Как следовало из 247-страничного договора, сопровождаемого 700 страницами протоколов, президенты двух стран были готовы не просто обуздать гонку вооружений, но и начать разоружение[2].

Противостояние двух крупнейших держав, начавшееся после Второй мировой войны и едва не приведшее мир к катастрофе, кончилось. А с

падением в ноябре 1989 года Берлинской стены и воссоединением Германии, а также с принятием Горбачевым “доктрины Синатры” (что позволило восточноевропейским сателлитам действовать на свое усмотрение и в итоге покинуть орбиту Москвы) конфликт, составлявший суть холодной войны, оказался исчерпан. Начался вывод советских войск из Восточной Европы. Но перемены в политике почти не коснулись ядерных арсеналов. Чехов как-то заметил, что если в первом акте пьесы на стене висит ружье, во втором оно должно выстрелить. А у двух сверхдержав ядерных “ружей” имелось более чем достаточно.

Ядерное оружие было неотъемлемым атрибутом холодной войны. Именно ему история обязана и опасными виражами, и тем обстоятельством, что две большие страны, первыми заполучившие ядерное оружие, не переступили черту и избежали открытого конфликта. В условиях “холодного” геополитического противостояния вокруг расчлененной Германии Америка (летом 1945 года пополнившая свой арсенал ядерной бомбой) не чувствовала себя беззащитной перед Советами, имевшими превосходство в обычных вооружениях в Центральной и Восточной Европе. С другой стороны, СССР видел уязвимость собственной территории. Советские власти ускорили разработку ядерной бомбы, и в 1949 году (не без помощи похищенных у США технических секретов) также обзавелись новым оружием.

Теперь на планете имелось две ядерных сверхдержавы, и, судя по войне в Корее, в перспективе их ждало неизбежное столкновение. Каждая, стараясь превзойти соперницу, работала над ядерным оружием нового поколения. Так, в 50-х годах обе страны стали обладателями водородной бомбы – оружия куда более разрушительного и менее предсказуемого, чем ядерная бомба. Осенью 1957 года, когда СССР вывел на орбиту спутник (это означало наличие ракет, способных донести ядерный боезаряд до США), сверхдержавы вступили в новую, более острую стадию соперничества. В 1953 году скончался Сталин, и к власти пришло более открытое для диалога с Западом руководство. Однако оно слишком полагалось на достижения советского ракетостроения (Союз первым запустил беспилотный спутник, а чуть позднее и пилотируемый космический корабль) и нередко вело себя непредсказуемо, а значит, по-прежнему представляло большую угрозу.

В октябре 1962 года на Кубе появились советские ракеты, и страны, возглавляемые Хрущевым и Кеннеди, оказались в шаге от ядерной войны. К тому времени советско-американское соперничество охватило всю планету. Началось оно с Восточной и Центральной Европы, оказавшейся в цепких объятиях СССР, и распространилось в Азии (в 1949 году в Китае пришли к власти коммунисты, а еще через несколько лет произошел раскол Кореи). После распада Британской и Французской колониальных империй в 50-х годах ареной противостояния двух великих держав стала остальная Азия, а также Африка. А когда за военной помощью и моральной поддержкой к Советскому Союзу обратилась Куба, в поле битвы превратилась и Латинская Америка.

В октябре 1962 года сверхдержавам пришлось пойти на компромисс: СССР согласился убрать ракеты с Кубы, США – из Турции. Кеннеди с Хрущевым получили хороший урок. Нужны были меры для снижения напряженности, и в 1963 году лидеры двух стран подписали первое соглашение о контроле над ядерными вооружениями – Договор о частичном запрещении ядерных испытаний. Понадобилось восемь лет переговоров, начало оказалось более чем скромным, но все же это был шаг в верном направлении. С тех пор, продолжая конкурировать в глобальном масштабе и провоцировать локальные войны от Вьетнама до Анголы, сверхдержавы постоянно вели переговоры о сокращении ядерных арсеналов, находя утешение в доктрине взаимного гарантированного уничтожения (обе страны обладали арсеналом, достаточным для того, чтобы стереть друг друга с лица земли).

В мае 1972 года в Москве Леонид Брежнев подписал с Ричардом Никсоном договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), а в 1979 году в Вене – с Джимми Картером договор ОСВ-2. Согласно этим договоренностям, производство ядерного оружия оказывалось под контролем. Однако вскоре после подписания ОСВ-2 (1979) последовал ввод советских войск в Афганистан, а год спустя – бойкот американцами летних Олимпийских игр в Москве. Следующий президент США, Рональд Рейган, стремился восстановить мощь и международный авторитет Соединенных Штатов после фиаско во Вьетнаме. Смерть Брежнева в 1982 году вызвала кризис преемственности власти в Советском Союзе. Возросла международная напряженность, грозя – впервые с 60-х годов – превратить холодную войну в “горячую”[3].

Первого сентября 1983 года недалеко от Сахалина советский перехватчик сбил южнокорейский авиалайнер с 269 пассажирами на борту, в числе которых был американский конгрессмен. Позднее, в конце сентября, на подмосковной базе ПВО подполковник ракетных войск Станислав Петров увидел на радаре вспышку, означавшую запуск ракеты. Чуть позднее радар показал вероятный запуск еще четырех ракет. Заподозрив, что дело в сбое компьютера, офицер не стал сообщать командованию. Поступи он иначе, ядерная война приобрела бы вполне реальные очертания. Впоследствии выяснилось, что причиной сбоя системы дальнего оповещения стало редчайшее стечение обстоятельств: датчики спутника были засвечены солнечным светом, отраженным от высотных облаков. Петрова западные СМИ позднее чествовали как героя. Тем не менее, удручает тот факт, что предотвратить глобальную катастрофу ему помогло не убеждение, что США не могут первыми нажать кнопку, а бытующее среди военных мнение, что ядерный удар наносится не одной ракетой, а сотнями одновременно. После “инцидента Петрова” СССР продолжал жить в ожидании удара[4].

В ноябре 1983 года Советский Союз принял натовские учения в Европе “Умелый лучник” за приготовления к ядерной войне. Зарубежная советская резидентура сбилась с ног в поисках признаков Армагеддона. В том же месяце сто миллионов американцев смотрели телефильм “На следующий

день” *(The Day After)* о жителях города Лоуренс (штат Канзас), по которому якобы был нанесен ядерный удар. Многие прямо связывали появление этого фильма с изменением риторики Рейгана. Еще в марте 1983 года он называл СССР “империей зла”, а уже в январе 1984 года произнес знаменитую речь про Ивана и Аню, где говорилось о желании советского и американского народов жить в мире и согласии. “Давайте на мгновение представим, – обращался он к изумленной аудитории в январе 1984 года, – что Иван и Аня оказались, ну, скажем, в зале ожидания или укрылись где-то от дождя и бури, и там же оказались Джим и Салли; языковой барьер между ними отсутствует, они познакомились. О чем будут вести разговор эти люди? О том, чье правительство лучше? Или о том, какие у них дети, чем они зарабатывают на жизнь?”[5]

Однако чтобы перевести фокус с интересов сверхдержав на интересы обычных людей, нужно было нечто большее, чем перемена риторики. Джордж Г. У. Буш понимал это как никто другой. В годы холодной войны он немало времени посвятил выработке политики США по отношению к Советскому Союзу и часто занимал посты, предполагавшие высочайшую степень ответственности. Буш родился 12 июня 1924 года на Северо-Востоке в семье сенатора. После Перл-Харбора, когда ему было семнадцать лет, он поступил в ВМС, отложив до лучших времен учебу в Йельском университете. В девятнадцать лет он стал самым молодым летчиком американской морской авиации и совершил пятьдесят восемь боевых вылетов. В январе 1945 года, вернувшись с Тихого океана, Буш женился на девятнадцатилетней Барбаре Пирс, которая подарила ему шестерых детей. Первенец, будущий президент Джордж У. Буш, родился в 1946 году. Буш-старший изучал экономику в Йеле. Пройдя за два с половиной года четырехлетний курс, Буш с семьей перебрался в Техас, что было довольно неожиданно для человека его происхождения и воспитания, и занялся нефтяным бизнесом. К середине 60-х годов, когда Буш решил пойти в большую политику, он был уже миллионером и президентом нефтяной компании, которая специализировалась на глубоководном бурении.

Начало внешнеполитической карьеры Буша пришлось на первые годы разрядки в советско-американских отношениях. В 1971 году Никсон назначил сорокапятилетнего республиканца из Хьюстона, к тому времени уже получившего и потерявшего место в Конгрессе, представителем США в ООН. После Уотергейтского скандала Буш оказался главным архитектором инициированного еще Никсоном сближения Китая и Америки и четырнадцать месяцев провел в Пекине в качестве главы Бюро по связям с КНР, помогая создавать альянс прежде всего против СССР. В 1976 году Буш вернулся в Вашингтон и возглавил ЦРУ, где руководил тайными операциями в Анголе против поддерживаемого кубинцами правительства Агостиньо Нето. Будучи в 19771979 годах директором Совета по международным отношениям, Буш прекрасно знал о состоянии советско-американских отношений.

В 1981 году Джордж Буш стал сорок третьим вице-президентом США. Победивший на президентских выборах Рональд Рейган резко усилил антисоветскую риторику. Он планомерно наращивал военный потенциал Америки и поднимал дух нации после вьетнамского фиаско и экономического кризиса конца 70-х годов. В то же время Рейган не прекращал поиски советского лидера, с которым можно было бы договариваться о двустороннем сокращении ядерных арсеналов. Поиски шли непросто, так как руководители СССР умирали один за другим. В ноябре 1982 года, вскоре после того как Рейган выступил с инициативой о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), скончался Брежнев. Его преемник, бывший глава КГБ Юрий Андропов, умер в феврале 1984 года. И, наконец, в марте 1985 года умер преемник Андропова Константин Черненко. Буш, представлявший свою страну на похоронах, в 80-х годах стал частым гостем в Москве. В Америке он даже заработал себе прозвище *You die, I fly* (“Вы умрете, я прилечу”). В марте 1985 года, во время похорон Черненко, Буш встретился с пятидесятичетырехлетним Михаилом Горбачевым[6].

В июле 1991 года Буш, в 1988 году выигравший президентскую гонку, впервые посетил Москву в качестве главы США. В тот раз он прибыл не на похороны, а на переговоры. За время, прошедшее с последнего визита Буша, в СССР произошли перемены. Доклад, подготовленный аппаратом президента для подписания нового договора, гласил:

Со времени последнего визита в 1985 году мы были свидетелями снятия преград в Европе и конца мирового порядка, расчлененного подозрением. Тогда Михаил Горбачев принял на себя руководство Советским Союзом, положил начало фундаментальным сдвигам и взялся за проведение реформ, преобразовавших мир. И в Америке теперь все знают по крайней мере два русских слова: *гласность* и *перестройка.* А тут все ценят английское слово *демократия*[7].

Буша в поездке сопровождала шестидесятишестилетняя жена Барбара. Как правило, при пересечении Атлантики с запада на восток у пассажиров нарушается сон: московское время опережает вашингтонское на восемь часов. В полете Буш был занят чтением документов. Приземлившись теплым вечером 29 июля в Шереметьево-2, Джордж и Барбара Буш были встречены недавно назначенным вице-президентом Геннадием Янаевым. За время трехдневного визита американский президент проникся симпатией к этому непритязательному человеку, который исполнением протокольных обязанностей и полным неучастием в политических решениях, вероятно, напомнил Бушу собственное пребывание на вторых ролях в рейгановском Белом доме. Когда президентский кортеж достиг Москвы, уже темнело. “Время от времени прохожие приветственно махали нам руками, и мы включили внутреннее освещение салона, чтобы люди лучше нас видели, – вспоминал Буш. – На улицах было сумрачно, и несколько раз мы махали фонарным столбам, принимая их за людей, а потом от души веселились над этим”[8].

Сигнальные огни американской внешней политики светили во всю мощь, но слишком трудно было разобрать что-либо в сумерках, в которые был погружен СССР. После долгих колебаний Горбачев решился на реформы и сотрудничество с США. Он все настойчивее обращался к Америке с просьбой о финансовой помощи. Некоторые из ближайших соратников Горбачева, в том числе премьер-министр Валентин Павлов и глава КГБ Владимир Крючков, выступали против этого. А военные считали, что Горбачев зашел непозволительно далеко, сокращая ВПК в обмен на ничтожные уступки американцев.

При этом некоторые руководители союзных республик день ото дня расширяли свое влияние. Один из них, лидер РСФСР Борис Ельцин, должен был также встретиться с Бушем в Москве. После этого президенту США предстояло лететь в Киев на встречу с другой восходящей звездой – главой Украины. Власть перестала быть прерогативой Москвы. Ее дисперсия росла, и программа саммита, включавшая встречи с руководителями союзных республик, учитывала это. У американского президента имелась возможность обсудить все это с советниками в Вашингтоне, а теперь наступило время вынести собственное суждение о новой советской реальности. И самым насущным вопросом оставался следующий: как помочь Горбачеву остаться у власти и продлить советско-американский “медовый месяц”?

Михаил Горбачев возлагал на московский саммит большие надежды. За год с небольшим это была уже третья встреча с Джорджем Бушем: в конце мая – начале июня 1990 года он встретился с президентом США в Вашингтоне, а в середине июля 1991 года пообщался с ним в Лондоне на встрече “Большой семерки”. Горбачев всякий раз просил о финансовой поддержке, однако советского лидера интересовали не только деньги: его популярность у сограждан падала, и единственным способом поправить дело оставалась внешняя политика. Саммит должен был напомнить гражданам СССР о роли Горбачева в мире.

Родившийся в марте 1931 года (на семь лет позднее Буша) Михаил Горбачев был первым советским лидером, который появился на свет и вырос после революции 1917 года. Как и Буш, Горбачев был “южанином” – он происходил из Ставропольского края, – также получил отличное образование: окончил юридический факультет престижного Московского университета и начинал карьеру не в столице. На этом сходство заканчивалось. Буш происходил из политической аристократии, а Горбачев родился в семье крестьян-переселенцев из России и Украины. Советский лидер говорил на южном диалекте русского языка, на который оказал сильнейшее влияние украинский язык, и эта особенность позволила его критикам из числа интеллектуальной элиты смотреть на него как на провинциала. В Москве Горбачев женился на студентке МГУ Раисе Титаренко, которая своим рождением также была обязана превозносимой в Советском Союзе дружбе народов: ее отец был железнодорожником с

Украины, мать – русской крестьянкой из Сибири (там родилась и выросла Раиса). В отличие от Бушей, у которых было шестеро детей, у Горбачевых была лишь одна дочь – Ирина.

После университета Горбачев вернулся в Ставрополь, где его ожидала головокружительная партийная карьера. Как явствовало из подготовленной для Буша справки, "в начале своей карьеры Горбачев занимал комсомольские и партийные должности в Ставрополе. В 1970 году, когда ему было всего тридцать девять лет, он стал первым секретарем краевого комитета КПСС и занимал этот пост, пока не был назначен в Секретариат ЦК КПСС". В Ставрополе Горбачев тесно сошелся с двумя представителями брежневской верхушки, имеющими непосредственное отношение к Ставрополью: "вахтенным идеологии" Михаилом Сусловым, а также председателем КГБ и будущим генсеком КПСС Юрием Андроповым. Именно они содействовали переводу Горбачева в Москву[9].

До прибытия в Москву в 1979 году (в качестве секретаря ЦК по сельскому хозяйству) Горбачев редко участвовал во внешней политике, если не считать зарубежных визитов в составе делегаций низшего и среднего партийного звена. Однако стоило ему оказаться в период андроповской каденции на более значимой должности, а в марте 1985 года получить пост генерального секретаря ЦК КПСС, как он показал себя способным учеником. Московские либералы нашли в его лице руководителя, готового внимать их советам и взять на себя смелость попытаться изменить положение в стране и за рубежом. Многие из них ностальгировали по относительно свободным временам Хрущева и политике разрядки времен раннего Брежнева. Были среди них и тайные сторонники "Пражской весны" (1968). Горбачев, разделявший позицию Хрущева, который в середине 50-х годов выступил с осуждением сталинских репрессий (оба деда генсека пережили арест), а также деливший комнату в общежитии МГУ со Зденеком Млынаржем, одним из зодчих "Пражской весны", был внимательным слушателем и, что гораздо важнее, человеком решительным.

Во внутренней политике Горбачев инициировал перестройку, которая ослабила партийный контроль над централизованной экономикой и дала толчок к зарождению рыночных отношений. Помимо этого он положил начало политике гласности, которая ослабила надзор за СМИ, а также заложил предпосылки для идеологического плюрализма. Во внешней политике Горбачев вернулся к идеям, близким к политике разрядки, но отверг "доктрину Брежнева", сводимую к постоянному политическому и военному присутствию СССР в странах Восточной Европы. В лице Горбачева Рейган и Буш наконец обрели партнера, который, во-первых, не собирался пока умирать, а во-вторых, был готов обсуждать разоружение. Менее чем через месяц после вступления в должность Горбачев приостановил развертывание в Восточной Европе советских ракет средней дальности, а еще несколько месяцев спустя предложил Соединенным Штатам наполовину сократить стратегический ядерный потенциал.

В ноябре 1986 года в Рейкьявике (Исландия) Рейган и Горбачев, к ужасу своих советников, едва не договорились ликвидировать *все* ядерное оружие. Помешала неуступчивость Рейгана, не пожелавшего отказаться от программы противоракетной обороны – Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Горбачев считал, что в случае реализации американцами проекта СОИ Советский Союз рискует оказаться в положении проигравшего. Встреча зашла в тупик, и, казалось, мир снова ждут мрачные дни. Но все же со временем стороны смогли вернуться к диалогу. Андрей Сахаров, создатель советской водородной бомбы и видный диссидент, помог убедить Горбачева в том, что СОИ – чистая фантазия. В 1987 году советский лидер прилетал в Вашингтон для подписания договора об ограничении ядерных арсеналов США и СССР и демонтаже ракет средней дальности в Европе. Теперь же, в июле 1991 года, Горбачев и Буш собирались пойти проторенной тропой и подписать новый договор о сокращении ракет дальнего радиуса действия[10].

В месяцы, предшествовавшие московскому саммиту, советский лидер был поглощен борьбой за политическое выживание. С одной стороны, президент СССР, его союзники и доброжелатели на родине и за рубежом были убеждены, что реформирование системы невозможно без демократических преобразований, а с другой – что экономические реформы вкупе с демократизацией не дают желаемых результатов. Перестройка разрушила старую экономическую модель еще до того, как были внедрены и заработали рыночные механизмы. Гласность раздражала аппаратчиков, так как ставила крест на их монополии в СМИ, а также (впервые после 1917 года) позволяла открыто критиковать пороки системы. На фоне нарастающих экономических трудностей и стремительного снижения уровня жизни Горбачев подвергался нападкам со стороны и аппаратчиков, и реформаторов, призывавших к радикальным преобразованиям по образцу Польши и других восточноевропейских стран – бывших сателлитов Советского Союза.

В бюллетене, подготовленном Джином Гиббонсом из агентства “Рейтер” для западных журналистов, прибывших в Москву на встречу Буша с Горбачевым, указывалось на пропасть между властью и народом. “‘Форт Апачи’, – гласит вывеска над вестибюлем посольства США в Москве, точно отражая атмосферу в советской столице, терзаемой муками экономических неурядиц. Проезжая по улицам города с населением 8,8 миллиона человек, Джордж Буш увидит длинные очереди, пустые витрины, изношенные автомобили и десятки замерших строительных кранов. Но совершенно иное откроется ему в Кремле: люстры, сверкающие позолотой и хрусталем, потрясающая живопись, изысканнейшие наборные полы из дорогой древесины, мрамор, которого хватило бы на не одну тысячу памятников”[11].

Из-за ухудшения уровня жизни с каждым днем росло недовольство рядовых советских граждан, вызванное не только их собственным положением, но и привилегиями верхушки, и потому решения Горбачева не находили отклика у людей, ради которых он старался. Ведя в дни саммита репортаж из Москвы, Питер Дженнингс (ведущий телеканала Эй-би-си,

входящего в “большую тройку”) сообщил зрителям, что рейтинг Горбачева упал до критических 20 % (аналогичный рейтинг Буша в то время – вскоре после “Бури в пустыне” – превышал 70 %). Однако в общении с западными журналистами Горбачев излучал оптимизм. Он показал на дружелюбно настроенных людей у Кремля и, обращаясь к Дженнингсу, сказал: “Смотрите, кому-то я все-таки нравлюсь… Я – тот человек, который все это начал. И если кто-то списывает Горбачева, то это от поверхностности суждений”. Впервые за многие месяцы у Горбачева появилось ощущение, что он наконец берет ситуацию под контроль[12].

Первая официальная встреча в рамках саммита состоялась в полдень 30 июля 1991 года в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. “Горбачев был восхитителен, – писал Джордж Буш, делясь впечатлениями от первого заседания, – непостижимо, как он выдерживал давление”. Советский лидер и впрямь находился в затруднительном положении, да и состав его делегации указывал на эрозию власти: он отправился на встречу с Бушем в сопровождении руководителя советского Казахстана Нурсултана Назарбаева. Борис Ельцин, глава РСФСР, явиться отказался: он ожидал запланированной в тот же день сепаратной встречи с американским президентом. Наконец, на встрече не было советского министра обороны маршала Дмитрия Язова, приславшего вместо себя заместителя[13].

Путь Горбачева к саммиту был очень непрост. То, что он считал достижением, расценивалось некоторыми влиятельнейшими членами руководства как торговля советскими интересами. Высшее военное командование принимало в штыки любое сокращение оборонных расходов, но Горбачев в деле урезания бюджета ВПК превзошел даже Никиту Хрущева (его небывалые сокращения обычных вооружений в начале 60-х годов советские военные вспоминали с содроганием). Но не только военные считали, что американцы добились своего почти по всем важным пунктам договора о ядерных вооружениях. Аналогичное мнение высказывал Строб Тэлбот, один из ведущих американских дипломатов второй половины 90-х годов, главный зодчий политики Госдепартамента в отношении России.

Тэлбот писал в журнале “Тайм” после московского саммита:

Почти по всем важным вопросам, касающимся СНВ, Соединенные Штаты добились приемлемых для себя результатов… Из-за немедленного отказа от значительной части главной ударной силы СССР, которую составляли баллистические ракеты наземного базирования, Горбачев в договоре по СНВ безоговорочно принимает подчиненную позицию, по крайней мере в ближайшей перспективе, и позволяет США сохранить превосходство в числе бомбардировщиков, крылатых ракет, а также ракет подводного базирования.

Тэлбот назвал вещи своими именами. Но почему Горбачев был готов подписать столь невыгодный договор? Тэлбот предположил, что

СССР пошел на такие большие уступки, а США так мало предложили взамен по одной простой причине: революция Горбачева есть величайшая в истории распродажа. А цены в подобных случаях предельно низки[14].

Горбачев поручил своему министру обороны трудновыполнимую, если не сказать невозможную задачу: убедить Генеральный штаб и ВПК принять условия, которые предусматривали двустороннее сокращение числа ракет, но не распространялись на авиацию. Это давало американцам неоспоримое преимущество в средствах доставки ядерных боезарядов: по количеству тяжелых бомбардировщиков США превосходили СССР. В итоге советские военные дали свое согласие[15].

Последний трудный вопрос был улажен менее чем за две недели до саммита. Он касался права американской стороны осуществлять контроль над испытательным полетом ракеты "Тополь". Первая советская межконтинентальная баллистическая ракета подвижного грунтового базирования, известная в США как *Sickle,* "серп", только что пополнила ядерный арсенал СССР. Огневые испытания были завершены в декабре 1987 года, а к июлю 91-го Советский Союз имел в своем распоряжении 288 "Тополей", нацеленных на США, у которых имелся дефицит сопоставимых мобильных баллистических ракет. "Тополь" представлял собой "сардельку" 20,5 метра длиной и 1,7 метра в диаметре, установленную на четырнадцатиколесную установку для транспортировки и пуска, благодаря чему мог избегать обнаружения. Это выгодно отличало его от других представителей своего класса. Трехступенчатая ракета-носитель оснащалась ядерной боеголовкой весом до тонны и мощностью 550 килотонн (примерно сорок бомб, сброшенных на Хиросиму).

После холодной войны было проведено исследование: что ждет Нью-Йорк, если по нему будет нанесен удар мощностью 550 килотонн? Подсчеты показали, что число жертв превысит пять миллионов, половина жителей Манхэттена погибнет под руинами, а остальные получат смертельную дозу облучения. Пожары уничтожат все в радиусе 6,5 километра от эпицентра взрыва, а облако радиоактивных частиц накроет Лонг-Айленд. Американских переговорщиков не пугали сами по себе ракеты "Тополь", поскольку аналогичного оружия у США было достаточно. Их беспокоило главным образом то обстоятельство, что "Тополь" мог нести более одной боеголовки, а это путало все карты. Чтобы выяснить, на что способен "Тополь", советник по национальной безопасности Брент Скоукрофт и его коллеги боролись за право ознакомиться с результатами огневых испытаний "Тополя" на дистанции до одиннадцати тысяч километров. Принимая во внимание превосходство Америки в прочих видах ядерных вооружений, СССР счел требование неприемлемым. В итоге Советы дали согласие на испытательную дальность десять тысяч километров и отказались "покрыть" оставшуюся тысячу[16].

Горбачеву хотелось, чтобы противоречия были улажены до 16 июля 1991 года, когда он должен был отбыть в Лондон на саммит "Большой семерки". На 17 июля у советского лидера была запланирована встреча с

президентом Бушем и другими лидерами “Большой семерки”, и он собирался обратиться за финансовой помощью для остро нуждавшегося в деньгах Советского Союза. И 17 июля, всего за несколько часов до встречи Горбачева и Буша, маршал Язов скрепя сердце подписал документ, отвечавший требованиям США. Горбачев официально пригласил Буша в Москву, а президент США заверил, что приедет, вероятнее всего, в конце июля – до отпуска, который он собирался провести в своем доме в Кеннебанкпорте (штат Мэн)[17].

Во время первой московской встречи с Бушем 30 июля Горбачев призвал гостя ускорить прием СССР в Международный валютный фонд. В Лондоне Горбачев отрицал прямую связь между подписанием договора СНВ-1 и просьбой о предоставлении СССР членства в МВФ и американской помощи, чтобы не сложилось впечатление, будто он готов променять стратегические интересы своей страны на денежные знаки США. В Москве же, озвучивая свои финансовые ожидания, советский лидер действовал куда напористей.

“В присутствии делегации я еще раз обращаюсь к президенту с просьбой поручить им рассмотрение вопроса о членстве [СССР] в МВФ, – сказал Горбачев. – В ближайшие год-два меня ожидают большие проблемы. Назовите ваши условия: ассоциированное членство, полуассоциированное членство. Нам очень важно получить доступ к фонду”. Буш не выказал особого желания брать на себя обязательства предоставлять полноправное членство и, как следствие, оказывать всемерную финансовую поддержку, как это было на лондонском саммите “Большой семерки” в середине июля. “Мы говорим как раз о том, что вас интересует, не отягощая полноформатным членством”, – ответил он[18].

После обеда Горбачев пригласил гостя прогуляться по территории Кремля. Президентов немедленно обступили десятки журналистов. “Агентам КГБ пришлось раздвигать толпу, – вспоминал Буш. – Случилось несколько досадных инцидентов… была повреждена одна фотокамера, но ‘танк’ двигался дальше. Горбачев просил напирающих журналистов не препятствовать движению”. Тысячи корреспондентов съехались в Москву для освещения столь ожидаемой встречи, и каждый старался подобраться поближе.

У некоторых сцена вызвала ощущение дежавю. Тремя годами ранее Рональд Рейган посетил Москву для ратификации договора о ракетах средней и малой дальности. Рейган и Горбачев так же разговаривали на Красной площади с советскими гражданами. В визите Рейгана было больше символизма, чем реального наполнения. Нынешний же визит был само содержание – Бушу и Горбачеву предстояло не только ратифицировать старый договор, но и подписать новый. И все же, по признанию Дэвида Ремника (будущего редактора журнала “Нью-Йоркер”, а в те годы – московского корреспондента “Вашингтон пост”), встреча и отдаленно не напоминала преисполненный драматизма и страсти приезд Рейгана. Из советской столицы Ремник писал: “Буш вел себя, точно попал на йельскую

вечеринку: ‘Итак, – обращался он к группе русских туристов, – значит, вы все из Сибири?’” В нем не было притягательности, на которую все рассчитывали[19].

Одной из причин стала личность самого Буша. Компетентный руководитель и осмотрительный государственный деятель, в плане обаяния он заметно уступал своему предшественнику. Затмевал его и хозяин Кремля: именно *Горби*, как западные СМИ фамильярно называли советского лидера со времен его визита в США в декабре 1987 года, оказался в центре внимания. “В войне имиджей, – признал Уолтер Гудмен из “Нью-Йорк таймс”, – Михаил Горбачев, даже пользуясь услугами переводчика, легко побивает Джорджа Буша”. Однако, несмотря на то, что Горбачев выглядел импозантнее, все сходились во мнении, что политический вес Буша больше. По словам Гудмена, московский саммит “в пух и прах разнес первейшую заповедь телевидения, согласно которой имидж важнее реальности”[20].

Пока лидеры двух стран обсуждали членство СССР в Международном валютном фонде, первые леди – Барбара Буш и Раиса Горбачева – демонстрировали не только перемену модели советско-американских отношений, но и поддерживали политические амбиции своих мужей. Барбара Буш, пользуясь вниманием СМИ к саммиту, появилась в нескольких американских ток-шоу и опровергла слухи, будто она из-за нездоровья супруга отговаривала его от баллотирования на второй президентский срок. Более того, своим заявлением о том, что президент обязан трудиться во имя страны, миссис Буш фактически дала старт его кампании. Успех московского саммита сыграл Джорджу Бушу на руку: вернувшись в Вашингтон, он немедленно выступил с соответствующим заявлением.

Несмотря на разницу в возрасте и воспитании (Раиса Горбачева была почти на семь лет моложе Барбары Буш), первые леди прекрасно поладили. В этом состояло главное отличие от напряженных отношений Раисы Максимовны с Нэнси Рейган: та в свое время предала огласке слова первой леди СССР, якобы заметившей, что для жилой резиденции Белый дом имеет вид слишком официозный и музейный. Как и многие, лично знавшие Раису Горбачеву, Нэнси Рейган утверждала, что та предпочитала лекции беседе. В конце июля 1991 года в Москве Раиса Максимовна, отвечая на вопрос журналиста, сказала: “Вас интересует, что шепчут на ухо моему супругу? Думаю, это вопрос не ко мне”. Это был явный намек на замечание Нэнси Рейган, будто Раиса Максимовна нашептывает Михаилу Сергеевичу слово “мир”. Горбачева одним выстрелом убила двух зайцев: обставила Нэнси Рейган и ответила на обвинения советских критиков в том, что она непомерно влияет на супруга[21].

За время визита Горбачевых в Вашингтон в июне 1990 года между Раисой Максимовной и Барбарой Буш установились теплые личные отношения. Пока их мужья обсуждали вопросы торговли, первые леди посетили церемонию вручения дипломов в женском колледже Уэлсли в Массачусетсе. Изначально предполагалось, что выступит лишь Барбара Буш.

Однако сто пятьдесят студенток возразили против основного доклада в исполнении женщины, которая в свое время стала домохозяйкой лишь после года учебы в колледже. Администрация колледжа решила предоставить слово и Раисе Горбачевой. Вдобавок к тому, что Раиса Максимовна преподавала в университете и имела ученую степень, она пользовалась в Соединенных Штатах огромной популярностью благодаря политике, которую проводил ее муж. О том, что Раиса Горбачева изучала марксистско-ленинскую философию и ученым званием была обязана научному коммунизму, благосклонно умалчивали (ее биография в справочнике к московскому брифингу гласила, что она изучала и преподавала философию). Принимая во внимание разногласия в Уэлсли, советская сторона была сначала против этого визита, но американцы настояли на своем. Раиса Максимовна получила возможность встретиться с американскими студентками. Позднее она заявила, что их вопросы подтолкнули ее к сочинению автобиографической книги "Я надеюсь…", которая популяризовала горбачевскую политику на родине и за рубежом[22].

В день открытия московского саммита первые леди совершили экскурсию по кремлевским храмам и музеям, а затем приняли участие в церемонии открытия у Новодевичьего монастыря скульптурной группы, подаренной Барбарой Буш. Это была копия скульптуры "Дорогу утятам!", изображающей утку, ведущую восемь птенцов. Оригинал скульптуры, созданной по мотивам детской повести Роберта Макклоски (1941), находится в Бостонском общественном парке, где и разворачивалось действие произведения. "Есть какая-то магия в том, что американские детишки в Бостоне любят уток, играют с ними, и точно так же ведут себя дети в Москве", – заявила на церемонии Барбара Буш. Своим подарком она как бы продолжила начатую на родине кампанию за детское просвещение. Однако, несмотря на то, что композиция должна была способствовать преодолению культурных и идеологических различий, она стала символом трудностей московско-вашингтонского диалога: американские ценности, встреченные поначалу с энтузиазмом, приживались не лучшим образом. Москвичи и их дети любили утят, но повесть Макклоски мало кому была известна[23].

Около половины четвертого 31 июля 1991 года, на второй день саммита, Джордж Буш и Михаил Горбачев вошли в Зимний сад Большого Кремлевского дворца. Их краткая встреча была предусмотрена кремлевским протоколом, в соответствии с которым происходило подписание важных договоров. По парадной лестнице президенты спустились в облицованный розовым мрамором Владимирский зал – один из пяти залов дворца, названных в честь орденов Российской империи. Сам дворец был построен в середине XIX века Николаем I, а после 1917 года приспособлен под партийные и государственные нужды. Кроме того, здесь устраивали приемы зарубежных делегаций[24].

Договор о сокращении ядерных вооружений, казалось, знаменовал начало новой эпохи, торжество разума над безумием. "Церемония тронула меня до глубины души, – вспоминал Буш. – Она была не просто ритуалом;

она дарила молодежи всего мира надежду, что идеализм еще жив”. Горбачев расчувствовался не меньше. Когда Буш упомянул о наращивании в течение полувека военной мощи, Горбачев заметил: “Слава богу, как говорят у нас в России, мы это остановили”[25].

Подписывая договор СНВ, лидеры двух стран торжественно пообещали не размещать против другой стороны более шести тысяч ядерных боезарядов и ограничили количество оснащаемых боеголовками межконтинентальных ракет, которыми располагала каждая страна, 1600 штуками. Бушу и Горбачеву даже удалось выйти за рамки повестки дня, включающей контроль над вооружениями и их сокращение. В знак того, что идеологическое противостояние также близко к завершению, Буш пообещал обратиться к Конгрессу с просьбой о предоставлении Советскому Союзу статуса страны с режимом максимального благоприятствования в торговле. В этой привилегии СССР ранее отказывали по причине нарушения прав человека и отказа выдавать выездные визы евреям.

Наблюдались и признаки расширения сотрудничества на международной арене. Президенты приняли коммюнике по Ближнему Востоку, пообещав приложить совместные усилия для организации международной конференции по региональной безопасности и сотрудничеству. СССР пообещал, что попытается усадить палестинцев за стол переговоров, а США пообещали повлиять на Израиль. Также была достигнута договоренность о том, что госсекретарь Джеймс Бейкер и министр иностранных дел Александр Бессмертных нанесут визит в Израиль, где Бейкер обсудит условия конференции, а Бессмертных проведет переговоры об установлении дипломатических отношений между Израилем и СССР. Некоторые газеты утверждали, что заявления по Ближнему Востоку стали едва ли не важнее подписания договора о СНВ. Наконец, была достигнута договоренность в отношении Кубы: СССР пообещал ослабить экономическую поддержку Фиделя Кастро. Казалось, не осталось ни одного вопроса, за который не могли бы взяться – и решить – лидеры двух некогда враждующих сверхдержав[26].

В Большой Кремлевский дворец Буш и Горбачев прибыли из подмосковной резиденции в Ново-Огарево. Не имея определенной повестки дня, они посвятили пять часов обсуждению вопросов мировой политики и попытались очертить новый миропорядок. Позднее Горбачев называл эти неформальные переговоры “звездным часом” своей внешней политики (“нового мышления”): по его мнению, они знаменовали поворотный пункт в выработке “совместной политики держав, которые еще недавно считались врагами и… были готовы поставить на грань катастрофы весь мир”. И если бы все зависело от Горбачева, то мир превратился бы в советско-американский кондоминиум, в котором две страны не только уживались, но и решали бы все международные вопросы – к обоюдному удовольствию[27].

На открытой веранде, выходившей на Москву-реку, Горбачев знакомил американского президента со своим видением нового миропорядка. Павел Палажченко, переводчик советского президента, позднее вспоминал его

слова: “Мир становится все более многообразным, многополярным, но в нем должно присутствовать некое подобие оси, которую могли бы создать наши страны”. В своих мемуарах советский лидер не использовал метафору оси, но она замечательно передавала суть его размышлений. Горбачев был готов к обсуждению с Бушем широчайшего спектра вопросов. Он стремился к совместной советско-американской политике в отношении единой Европы, которая не только набирала политико-экономический вес, но и наращивала военную мощь. Также Горбачев высказал пожелание выступить с единых позиций в отношениях с Японией, Индией и Китаем – странами с населением два миллиарда человек, которые переживали подъем. Кроме того, речь шла о вечно неспокойном Ближнем Востоке и о роли Африки в мире.

Буш, как всегда, проявлял осторожность. Должно быть, в глубине души он был настроен более чем скептически. В мемуарах президент писал: “Горбачев начал с пространного диалога, за все время которого мне едва удалось вставить реплику”. Однако советская сторона считала, что это не просто монолог. “Буш соглашался, – вспоминал Палажченко, – и видно это было не по многословным заявлениям, а по тому, как он стремился обсудить с Горбачевым, в двустороннем формате, вопросы, к которым ранее США не подпустили бы Советский Союз и на пушечный выстрел”. Буш заверил, что, несмотря на давление, он не усомнится в успехе горбачевских реформ. Правые требовали покончить с недавним противником, воспользовавшись уязвимостью Советского Союза, а левые трубили о нарушениях там прав человека. Однако Буш не собирался играть на слабости СССР.

У советского руководства возникло ощущение, что его услышали. Горбачев позднее с ностальгией вспоминал: “Мы жили будущим”. Анатолий Черняев, советник Горбачева по вопросам внешней политики и один из немногих советских аппаратчиков, находившихся тогда в Ново-Огарево, записал в дневнике: “Это общение ближе, чем в свое время с ‘друзьями’ из социалистических стран: нет фарисейства, лицемерия, нет патернализма, похлопывания по плечу и послушания”[28].

Неформальные переговоры, произведшие сильное впечатление на советскую сторону, которая жаждала, чтобы США признали ее равной себе, почти не нашли отражения в американских источниках. Брент Скоукрофт, не менее осторожный политик, чем Буш, так описал свои впечатления: “Переговоры удались. Наконец мы смогли подписать договор СНВ-1, что стало огромным шагом на пути к переосмыслению места и роли стратегических ядерных сил в новую эру”[29]. Вспоминая в мемуарах новоогаревские переговоры, Буш ни словом не обмолвился о советских инициативах касательно совместной политики. Советская сторона понимала, что Буш слушает – но слышал ли он?

На пресс-конференции после подписания соглашения произошел эпизод, послуживший красноречивой иллюстрацией к происходящему. Когда Горбачев стал хвалить ход и итоги саммита, Буш, который пользовался наушником для синхронного перевода, с улыбкой повернулся к нему: “Я не понял ни слова из того, что вы сказали”. Возникла техническая неполадка.

“Так, вы меня сейчас слышите? А сейчас? А сейчас? Все в порядке? А сейчас? А сейчас?” – спрашивал взволнованный Горбачев. Буш прекрасно слышал, но русскую речь не понимал. Конфуз длился еще несколько минут. “Я так понял, что вы почти согласны?” – спросил Горбачев, когда мини-кризис был разрешен. Бушу перевели, и он ответил: “То, что я услышал, мне понравилось”.

Судя по воспоминаниям Буша, новоогаревские инициативы Горбачева были утеряны при переводе. Горбачев предавался мечтам[30].

Глава 2
Могильщик партии

Вечером 31 июля 1991 года Джордж и Барбара Буш устроили прием в Спасо-хаусе, резиденции американского посла в Москве. Утром они улетали в Киев. Кроме Михаила и Раисы Горбачевых, список гостей включал только что избранного президента РСФСР Бориса Ельцина и глав других союзных республик. Присутствовали также члены советского правительства, например министр обороны маршал Дмитрий Язов и председатель КГБ Владимир Крючков. Гостям подали суп-пюре из кресс-салата с кунжутом, говядину под соусом из трюфелей, жареный картофель. Официанты разливали каберне-совиньон “Жорж де Латур” (урожай 1970 года, винодельни Болье), брют “Саммит кюве” (1987, “Айрон Хорс”), а также шардоне “Кювезон” урожая 1990 года. Венчали ужин кофе, чай и сладости[1].

Выступая с приветственным словом, Джордж Буш стал хвалить советского партнера. Он представлял, какие трудности ждут Горбачева, с каким противодействием он сталкивается. Буш произнес: “Я верю, что подписание этого договора дает надежду не только народу Советского Союза, не только жителям Соединенных Штатов Америки, но и всему миру. Да, я верю в это всем сердцем”. Он поднял бокал за гостей, особенно за Горбачева, которого назвал “уважаемым и любимым мной человеком, чьи действия в течение последних шести лет подарили надежду всем, кто, подобно мне, верит, что человек и в одиночку способен изменить мир к лучшему… Мы расстаемся в полной уверенности. что вместе сможем достигнуть прочного мира, а с ним – и более яркого будущего для наших детей”[2].

Похвалы Буша в адрес Горбачева явно не понравились министрам-консерваторам советского президента. Скоукрофт, советник Буша по вопросам национальной безопасности, сидел за одним столом с министром Язовым. За обедом они обменивались мнениями об СНВ. Маршалу Язову (краткий справочник для делегации США характеризовал его как человека, желавшего сохранить “влияние и престиж военных”) был не особенно по душе горбачевский внешнеполитический курс. “Настроение у него [Язова] было мрачное, – вспоминал Скоукрофт, – он жаловался, что все шло так, как хотели мы, а состояние советских Вооруженных Сил ухудшалось с каждым днем. Не принималось новое вооружение. молодежь не стремилась на военную службу, части, возвращавшиеся из Европы, негде было размещать, и т. п. Я спросил, почему он продолжает беспокоиться о боеготовности

советских войск. Кто им теперь угрожает? Он ответил, что угроза исходит от НАТО". Скоукрофт показал, что не разделяет его озабоченности. Постепенно ему удалось убедить несчастного Язова поддержать тост за НАТО. Но, несмотря на то, какое вино пили на приеме, едва ли у маршала осталось приятное послевкусие[3].

Во время обеда в резиденции посла стало заметно, что у Горбачева натянутые отношения не только с консерваторами. Борис Ельцин, явно недовольный тем, что сидит не за главным столом, посреди обеда поднялся с места, в компании Нурсултана Назарбаева подошел к Бушу и стал громко заверять президента, что сделает все для победы демократии. "Сидящие за столами наблюдали за происходящим не только с любопытством, но прежде всего с недоумением и естественным вопросом – что бы все это значило?" – позднее писал Горбачев. Он был явно уязвлен. В мемуарах Горбачев описал этот эпизод наряду с другим, имевшим место накануне вечером[4].

Прием в честь Буша проходил 30 июля, в первый день саммита, в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца. Михаил и Раиса Горбачевы вместе с Джорджем и Барбарой Буш стояли рядом, приветствуя гостей. Вдруг явилась пара, которая выпадала из общей картины: мэр Москвы Гавриил Попов сопровождал Наину Ельцину, супругу только что избранного президента России. Самого Ельцина видно не было. Когда приветствия подходили к концу, он внезапно появился в поле зрения, широко улыбаясь. "Вы что, оставили супругу на Попова?" – с некоторым беспокойством пошутил Горбачев. "Он больше не опасен", – отозвался о своем союзнике Ельцин.

Ельцин позвонил Горбачеву накануне вечером и спросил, можно ли ему выступить вместе с ним и Бушем. Горбачев ответил отказом. Теперь Ельцин счел себя вправе поступать так, как ему заблагорассудится. Он подошел к Барбаре Буш и, будто хозяин приема, неожиданно предложил ей проследовать в столовую. Она была шокирована: "А разве так можно?", после чего встала так, чтобы между ней и Ельциным оказалась Раиса Горбачева. "Все это время Буш и Горбачев смотрели в другую сторону, будучи занятыми обстоятельной беседой, кажется, о висевшей над ними затейливой люстре", – отметил корреспондент "Уолл-стрит джорнал". Гости, среди которых было немало сотрудников аппарата Горбачева, были поражены бесцеремонностью Ельцина. Американцы удивились не меньше.

Джордж Буш позднее заявил подчиненным, что Ельцин доставил ему массу хлопот. Американский президент упомянул этот эпизод в мемуарах: если бы Ельцин настоял на своем и проводил Барбару Буш к столу, Горбачев "оказался бы в весьма затруднительном положении". Скоукрофт, невзлюбивший Ельцина со времен первого визита российского лидера в США, был вне себя от ярости: "Пришло время сказать этому малому, что мы не позволим использовать нас в своих мелочных играх". Послу США Джеку Мэтлоку было предписано доставить соответствующую ноту ельцинскому министру иностранных дел Андрею Козыреву. Мэтлок позднее писал:

“Поведение Ельцина было и хамским, и ребяческим. Его желание привлечь к себе внимание ставило в неловкое положение и Горбачева, и Буша”[5].

Несмотря на недовольство Ельциным, Буш, Скоукрофт и другие члены делегации США понимали, что им в любом случае придется иметь дело с этим человеком. Звезда Горбачева клонилась к закату, и американский истеблишмент возлагал огромные надежды на Ельцина. У того было все, чего недоставало Горбачеву: всенародная поддержка на президентских выборах, открыто антикоммунистические взгляды, готовность к радикальной перемене внутренней и внешней политики. Но можно ли работать с Ельциным, учитывая его чудачества? И как обращаться с ним, чтобы не подорвать авторитет Горбачева? Это для Буша и его советников стало головоломкой номер один.

Борис Ельцин появился на свет в один год с Горбачевым. В их происхождении было немало общего. Родившийся в 1931 году на Урале, в рабочей семье, Ельцин всего достиг сам и оказался на вершине благодаря неиссякаемой энергии. По образованию инженер, Ельцин впервые заявил о себе в строительной отрасли, одной из самых непростых в советской экономике. Испытывая хронический финансовый и кадровый голод (в отличие от того же ВПК), строительные организации выполняли пятилетние планы за счет труда осужденных и маргинальных элементов. И здесь многое зависело от характера человека, руководящего строительством. Ельцин начинал свою карьеру в 1955 году в Свердловске с должности прораба и двигался по карьерной лестнице за счет того, что показывал результаты выше средних. В 1976 году Ельцин был избран первым секретарем Свердловского обкома КПСС. В сорок пять лет он стал фактическим правителем огромного промышленного региона, который в советской иерархии стоял выше горбачевского Ставропольского края.

И если Горбачев поднимался по служебной лестнице за счет урожайности зерновых и отдыха московского начальства на минеральных курортах Ставрополья, то Ельцин двигался по той же лестнице за счет промышленного производства и выполнения планов по строительству. В Свердловске Ельцин стал известен благодаря не только построенному, но и разрушенному им. В 1977 году по указанию из Москвы руководство Свердловской области снесло дом, где летом 1918 года большевики казнили царя Николая II и членов его семьи. Партийные руководители опасались, что этот дом может стать местом паломничества. Ломал Ельцин не менее быстро, чем строил: последнее пристанище царя, на чьих глазах умирала прежняя Россия, снесли за одну ночь. Теперь партия могла спокойно праздновать шестидесятилетие Октябрьской революции: ничто не напоминало о злодеянии, совершенном основателями социалистического государства.

В общении с согражданами Ельцин всегда чувствовал себя непринужденно, любил нравиться массам, но его восхождение как демократического лидера началось только в эпоху перестройки, когда Горбачев пригласил энергичного руководителя в Москву. Вскоре Ельцин

принял бразды правления городом, парализованным метастазами коррупции. Он избавился от брежневских кадров и сделал свой кабинет открытым для журналистов – тем понравился энергичный, не чуждый новаций первый секретарь Московского горкома партии. Но очень скоро Ельцин обнаружил, что в Москве, в отличие от Свердловска, он лишен свободы действий. В Москве сильному главе города приходилось иметь дело с еще более сильным Политбюро, кандидатом в члены которого он состоял. И очень скоро коллеги Ельцина стали подмечать чередование у него всплесков лихорадочной активности с периодами депрессии.

Различия во взглядах на темп реформ спровоцировали конфликт Ельцина с его бывшим патроном Егором Лигачевым, который возглавлял когда-то Томский обком, а сейчас представлял консервативное крыло горбачевского Политбюро. Осенью 1987 года Ельцин выступил не только против Лигачева, но и против самого Горбачева, указав на проблемы и обвинив Политбюро в низкопоклонстве перед генсеком. Горбачев в ответ сместил Ельцина с высшей должности в Московской партийной организации и лишил статуса кандидата в члены Политбюро. На партийной карьере Ельцина был поставлен крест. После он извинялся перед Горбачевым и его коллегами, но это не возымело действия. Казалось, жизнь инженера-строителя вернулась в исходную точку: в ранге министра он был назначен первым замначальника Госстроя СССР – страны, которая еще строила социализм, но уже помышляла о перестройке. Изгнание Ельцина из Политбюро знаменовало поражение либералов в лагере Горбачева и триумф консерваторов. Год спустя Лигачев публично отчитал Ельцина: “Борис, ты не прав”[6].

Но если Политбюро в лице Ельцина потеряло одного из своих радикальных представителей, то нарождающееся в России демократическое движение неожиданно обрело лидера. Ситуация в стране менялась в пользу Ельцина. Ни на миг не забывая о могуществе партаппарата, способного вмешаться в реформаторскую политику, и не будучи в состоянии взять его под свой контроль, Горбачев начал отодвигать партию от власти. В 1989 году (через год после исключения Ельцина из Политбюро) Горбачев санкционировал возрождение политической деятельности вне КПСС, покончив таким образом с более чем шестидесятилетней политической монополией коммунистов. Новая избирательная система впервые в советской истории делала возможными выборы на альтернативной основе, а партийным секретарям было сказано, что они могут остаться при власти лишь в случае их избрания – причем не только на партийных должностях. Реальная власть переходила из партийных кабинетов в региональные советы и республиканские парламенты.

Партийцы роптали, но терпели. Все они получили возможность попытать счастья на выборах, и самым расторопным удалось воспользоваться влиянием КПСС и пройти в набирающие силу местные советы. Перемены инициировались и поддерживались свыше. В марте 1990 года решением Съезда народных депутатов из Конституции изъяли статью об

особом значении компартии для государства и общества, а также учредили пост президента СССР (им, после безальтернативного голосования депутатов, стал Горбачев). Пост генсека тоже сохранялся за Горбачевым, но он почти сразу стал переводить советников и самые важные элементы партийного аппарата из ЦК в только что образованную администрацию президента.

От кардинальных реформ, которые проводил Горбачев, никто не выиграл больше, чем его заклятый враг Ельцин. Весной 1989 года, когда в СССР состоялись первые относительно свободные выборы в советы народных депутатов, Ельцин вступил на путь, прежде заказанный опальному советскому политику. Он ухватился за эту возможность с присущей ему энергией. "Обычным людям импонирует его антипартийная направленность, – сообщается в биографии Ельцина, включенной в краткий справочник Буша, – а призывы ускорить темп реформ находят отклик у либерально настроенной интеллигенции". Ельцин не был гроссмейстером аппаратных игр, но зато блестяще управлялся с толпой. А когда перестройка буксовала, но цвела гласность, желающих послушать речи хватало[7].

Попытка Горбачева реформировать сталинскую систему управления экономикой лишь ускорила ее крах. Провал реформ в экономике, рост товарного дефицита и набирающая силу критика партии – все это вело к тому, что КПСС стала проигрывать. На Съезде народных депутатов СССР в мае-июне 1989 года политически оформилась оппозиция. Либерально настроенные депутаты из Москвы, Ленинграда и других крупных городов объединились с единомышленниками из прибалтийских республик, стремившимися к широкой автономии, а в перспективе – к полной независимости. Этот альянс был направлен против партийного аппарата.

Авторитет Ельцина как лидера российской оппозиции ни у кого не вызывал сомнений. Люди устали от пустых слов. Провал горбачевской политики, итогом которой стали пустые магазины и общественное недовольство, способствовал росту популярности Ельцина не в меньшей степени, чем его невероятное политическое чутье и способность объединить либеральных сторонников перестройки и лидеров рабочего движения под лозунгом возрождения России. В марте 1989 года, вопреки воле Кремля, москвичи избрали Ельцина народным депутатом СССР. Год спустя он стал народным депутатом РСФСР от Свердловска, а еще через два месяца – председателем Верховного Совета РСФСР, обойдя по итогам голосования двух кремлевских кандидатов. Вскоре Ельцин объявил о своем выходе из КПСС.

Разрыв Ельцина с партией был обставлен максимально публично – отречение состоялось перед депутатами последнего партсъезда в июле 1990 года. Когда съезд отказался принять предложенное Ельциным новое название партии – Партия демократического социализма, – тот объявил о выходе из КПСС. Ельцин указал на необходимость перехода к многопартийной системе и заявил, что, будучи председателем российского парламента, не может

подчиняться какой бы то ни было партии. Этот шаг дался ему нелегко. Ельцин долго правил текст заявления об отставке, а в день его оглашения не находил себе места от беспокойства. Поздно вечером, накануне выступления, Ельцин поделился опасениями с Геннадием Бурбулисом, уроженцем Свердловской области, в то время своим ближайшим соратником. "Это был человек, который не просто мучился предстоящим выступлением, – вспоминал Бурбулис. – Он самым глубоким образом переживал то, что предстоит ему сделать… И он, не скрывая, говорил: 'Но это же то, что меня вырастило!'"[8]

Горбачев считал выход Ельцина из партии концом карьеры последнего. Однако это привело к повальному бегству из партии. В основном происходило это без нарочитости: члены партии просто прекращали платить взносы, ходить на собрания, выполнять партийные поручения. Партия теряла былую силу. В 1990 году вместе с Ельциным партия недосчиталась 2,7 миллиона человек, и численность КПСС с 19,2 миллиона упала до 16,5 миллиона. Потери только от прямого выхода из партии составили 1,8 млн. человек. Горбачев позднее вспоминал, что за восемнадцать месяцев (до 1 июля 1991 года) более 4 миллионов членов КПСС (почти четверть общей численности) либо сами покинули партию, либо были исключены из ее рядов за антипартийную позицию или за отказ выполнять распоряжения и платить взносы[9].

Массовый исход озадачил верхушку. В январе 1991 года секретарь ЦК Олег Шенин предупредил секретарей республиканских и областных комитетов – многие из покинувших КПСС в 1990 году были рабочими и крестьянами: тревожный сигнал для партии, гордившейся своей близостью к пролетариату. Еще опаснее был уход интеллигенции. Если рабочие и так не рвались в КПСС (членство мало что давало рядовым коммунистам), то многие представители интеллигенции охотно вступали в партию, чтобы влиться в ряды управленцев или попасть в номенклатурную верхушку партийно-государственного аппарата, который почти стопроцентно состоял из коммунистов. Не только руководящие должности, но и должности в вузах, а также в разветвленном и щедро финансируемом научно-исследовательском секторе нередко требовали наличия партбилета[10].

Осенью 1990 года появились трещины и в стенах оплота привилегий – дипломатической службы и корпуса специалистов, получивших разрешение работать на Западе. Членство в партии было важным условием получения должности, позволяющей жить на "загнивающем Западе" и иметь невообразимую в СССР зарплату. Многие советские граждане, бывавшие за границей, разуверились в системе, однако скрывали свое недовольство. К 1990 году негласный договор между аппаратчиками и интеллигенцией, по которому партия соглашалась принимать заверения в лояльности за чистую монету, а интеллигенция была согласна притворяться в обмен на льготы, себя исчерпал.

Выход Ельцина из партии с сохранением должности спикера российского парламента продемонстрировал элите, что членство в партии

уже не является необходимым условием карьерного роста. За четыре последних месяца 1990 года из партии вышли четырнадцать советских чиновников, работавших в международных организациях в Женеве. Этот казус обсуждался в меморандуме, который орготдел ЦК предоставил руководству. Авторы меморандума признавали идеологическую подоплеку нового явления. По их убеждению, главный виновник происходящего находился в Москве. ЦК знал, что ряд советских граждан в Женеве поддерживал тесные связи с ельцинским кругом и московской оппозиционной прессой и даже собирался учредить Женевское отделение оппозиционной Республиканской партии России.

Мятеж не ограничился Женевой. В ЦК стали поступать сообщения о том, что брожение умов отмечено также в советских дипломатических миссиях и сообществах в Нью-Йорке, Вене, Париже и Найроби. Требования деполитизировать службы внешних сношений также поступали из центрального аппарата МИДа. Аппаратчики ЦК были готовы списать такое поведение на алчность привилегированных представителей советской интеллигенции. Согласно меморандуму ЦК, "бунтовщики" просто отказывались платить партвзносы в иностранной валюте, которые расценивали как дополнительный налог. Рациональное зерно здесь действительно имелось: работавшие за границей бюрократы, как правило, были недовольны тем, что у них изымают львиную долю зарплаты, выплачиваемой международными организациями. Они были обязаны передавать свои твердовалютные доходы в финотделы советских представительств за рубежом. Многие отказывались это делать.

Некоторые дипломаты решили и вовсе не возвращаться домой. Меморандум гласил, что в 1989–1990 годах семь советских чиновников из числа работавших в Женеве отказались вернуться в СССР после истечения срока рабочей командировки. Они самостоятельно добивались продления контрактов и продолжали работать за границей. Эти "перебежчики" отказывались от контактов с советской миссией в Женеве и не желали подчиняться распоряжениям руководства. Брожение в среде дипломатов и граждан, работавших в международных организациях, свидетельствовало о неспособности партии удержать идеологически расшатанный управленческий класс. То обстоятельство, что люди, имеющие доступ к реальным, а не мнимым благам, перестали стремиться к членству в партии и начали ее покидать, не сулило КПСС ничего хорошего[11].

После выхода из партии Ельцин отнюдь не лишился привилегий: к тому времени он уже был главой российского парламента, получал хорошую зарплату, имел просторный кабинет и служебный лимузин с водителем. Собственно, он был не первым аппаратчиком, занявшим должность в одном из новых демократических институтов. Его предшественниками стали партийные функционеры из республик Закавказья и Прибалтики, де-факто выступившие против центра еще до лета 1990 года.

Первые шаги по демократизации, предпринятые Горбачевым и его союзниками, почти не сказались на общественной поддержке усилий по преобразованию СССР. Зато они дали советским народам возможность заявить о себе и поставить под угрозу целостность Союза, в который те были втянуты без их согласия. Горбачев, как и его сторонники в СССР и за рубежом, считал, что национальный вопрос в Советском Союзе решен. В отличие от правителей Британской, Французской, а также (самый свежий пример) Португальский империи, советским лидерам поразительно долго удавалось сохранять контроль над нетитульными нациями, сберегая империю. В конце 80-х годов это осталось в прошлом.

Столкновения на национальной почве (все началось в 1988 году с конфликта между азербайджанцами и армянами в Нагорном Карабахе – армянском анклаве в Азербайджане) явились полнейшей неожиданностью для тех, кто верил в успех советского эксперимента. Осенью 1988 года в демонстрациях (в основном в республиках Прибалтики и Закавказья) ежемесячно принимало участие около двух миллионов человек. Пытаясь остановить межэтнические столкновения и восстановить порядок, центр нередко прибегал к силе. Главная угроза Советскому Союзу исходила не от Кавказа, а от Прибалтики, оккупированной в 1940 году и реинтегрированной в состав империи после Второй мировой войны. Двадцать третьего августа 1989 года активисты выступающих за независимость прибалтийских организаций продемонстрировали свою силу, устроив Балтийский путь – живую цепь, которая протянулась от Таллина (Эстония) через Ригу (Латвия) до Вильнюса (Литва). Акция была приурочена к пятидесятилетию заключения пакта Молотова – Риббентропа, послужившего основанием для советской аннексии, законность которой Соединенные Штаты никогда официально не признавали.

В конце 1989 года Коммунистическая партия Литвы объявила о неподчинении ЦК КПСС. Власть теряла не только партия: государство, которому служили Горбачев и его коллеги, приходило в упадок. Манифестации, в том году особенно масштабные в прибалтийских и закавказских республиках, вызвало главным образом то, что к Конституции СССР предлагались поправки, дававшие Верховному Совету право отменять республиканские законы, если те противоречили законодательству СССР, а также в одностороннем порядке решать вопросы выхода республик из СССР. В марте 1990 года только что сформированный парламент Литвы объявил о независимости республики. К лету 1990 года большинство советских республик, включая возглавляемую Ельциным Россию, объявили о своем суверенитете, что означало: республиканские законы выше советских. Внешние контуры империи, задрапированной под добровольное объединение, еще сохранялись, но перед испуганными правителями в Москве уже вставал призрак ее распада[12].

Консолидация россиян началась в 1989 году, и не в РСФСР, а за ее пределами, как реакция на подъем национализма в Прибалтике, Молдавии, других республиках Советского Союза, где русские не составляли

большинства. Вскоре она неожиданным образом охватила и Россию. Российские либералы, опиравшиеся главным образом на Москву и Ленинград, начали склоняться к политическому союзу с прибалтийскими республиками, к тому времени объявившими о суверенитете. Лидеры российского демократического движения разделяли либерально-экономические взгляды прибалтийских коллег и теперь решили перенять их политическую стратегию. Весной 1990 года, в ходе избирательной кампании за место в российском парламенте, Ельцин принял идею российского суверенитета, которая в сложившихся обстоятельствах сулила республикам рост политической и экономической власти. Это был блестящий ход, и он способствовал росту популярности Ельцина не только в среде московской и ленинградской интеллигенции.

До перестройки не многие россияне (Ельцин не был исключением) отождествляли себя с РСФСР, крупнейшей из советских республик, у которой, тем не менее, не было своей коммунистической партии и Академии наук. Зачем, если КПСС и Академия наук СССР и так базировались в Москве, руководили ими русские и все те же русские составляли костяк персонала? В интервью в конце 1990 года Ельцин признавался: “Я считал себя гражданином страны [СССР], а не России. Ну, еще я считал себя патриотом Свердловска, поскольку там работал. Но понятие России было для меня настолько относительным, что за время работы первым секретарем Свердловского обкома партии по большинству вопросов я обращался не в российские отделы. Сначала я обращался в ЦК КПСС, а после этого – в союзное правительство”[13].

К тому времени Ельцин не был единственным политиком, который разыгрывал российскую карту. Не менее успешно занимались этим консерваторы, сплотившиеся вокруг идеи создания в РСФСР собственной коммунистической партии. Эта идея получила развитие в первые месяцы 1990 года, как ответ на формирование в конце 1989 года в рамках КПСС Демократической платформы во главе с Ельциным и другими сторонниками радикальных реформ. Члены Политбюро не знали, как им реагировать. Горбачев метался. “Если будет РКП [Российская коммунистическая партия], – объяснял он коллегам на заседании Политбюро з мая 1990 года, – то она будет давить больше на компартии других республик, и те скажут: а зачем нам вообще КПСС?!” А несколько минут спустя он отчитал секретаря ЦК, который высказался против создания Российской коммунистической партии: “Если мы откажем (в отношении РКП), русские скажут: мы их (инородцев!) собирали тысячу лет. А теперь они нас учат, как жить! Да катитесь вы все от России подальше!”

Горбачев был против российской парторганизации, так как это могло усилить шовинистические тенденции в России и национализм в других республиках; кроме того, она могла превратиться в платформу консервативной оппозиции его реформам. Но и ответить отказом он не мог. Николай Рыжков, глава правительства, отметил на том же заседании Политбюро: “Если мы пойдем против создания РКП, наше место в ней

займут ‘ельцины’”. Чем бы ни закончилась история с новой компартией, Горбачев не хотел терять власть. И он предложил решить этот вопрос на XXVIII съезде, который должен был состояться в июне 1990 года. В том же месяце появилась Коммунистическая партия РСФСР. Как и опасались, она стала оплотом ультраконсервативной анти-горбачевской оппозиции внутри КПСС[14].

Для Горбачева и его соратников оба варианта – и облачение России в тогу демократии (вариант Ельцина), и ее заключение в строгий костюм коммунизма (к чему стремились консерваторы) – были подобны воплотившемуся ночному кошмару. В умах россиян зрели семена идентичности, не в полной мере соответствующей советской и опровергающей приверженность имперскому прошлому, настоящему и будущему, которая лежала в основе целостности СССР. Угроза российского суверенитета обсуждалась на Политбюро еще в начале лета 1989 года. Вадим Медведев, в то время ведущий идеолог партии, высказался против предоставления России прав, которые уже были признаны за другими республиками: “Если мы оформим ее так же, как другие республики, то неизбежно превращение СССР в конфедерацию. РСФСР – стержень Союза”.

Горбачев с ним соглашался: “Восстановить авторитет России – это да. Но не путем суверенизации России. Это означало бы вынуть стержень из Союза”. Было неясно, как сочетать усиление российского влияния с отказом в суверенитете (к которому стремились другие республики). Решение проблемы отложили, но сама проблема осталась. Рыжков на заседании Политбюро в ноябре 1989 года сообщил: “Надо бояться не Прибалтики, а России и Украины. Пахнет общим развалом. И тогда нужно другое правительство, другое руководство страны, уже иной страны”. Осенью 1989 года мало кто предполагал, что уже через несколько месяцев пророчества Рыжкова начнут сбываться[15].

В мае 1990 года, после трех туров голосования, с относительно небольшим перевесом (535 голосов – за, 467 – против) Ельцин стал спикером российского парламента. Но декларация политического суверенитета России, предложенная им несколько месяцев спустя, получила поддержку уже двух третей депутатов. Выступая перед депутатами, Ельцин сказал: “Сегодня центр для России – и жестокий эксплуататор, и скупой благодетель, и временщик, не думающий о будущем. С несправедливостью этих отношений необходимо покончить. Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие оставить себе”. Так появился новый защитник России. Летом 1990 года руководимый Ельциным парламент объявил Россию суверенным государством и заявил о главенстве российских законов над законами СССР. Осенью того же года Рыжков на Политбюро заявил, что ни одно из его распоряжений не было исполнено. Вскоре он был уволен Горбачевым в рамках кадровой перестановки в Совете Министров, целью которой было прекратить “парад суверенитетов”[16].

Когда большинство советских республик объявило о своем суверенитете, не было и намека на уместную формулу, определяющую их новые отношения с союзным центром. Конституция СССР предоставляла фасад для сверхцентрализованного государства и даже гарантировала республикам право покинуть Союз, но не предлагала инструментов для урегулирования взаимоотношений. Фактически республика либо находилась в составе Союза и под полным контролем Москвы, либо покидала его. Литва хотела выйти из СССР, тогда как Россия, Украина и некоторые другие республики стремились к новому договору. Горбачев сделал все возможное, чтобы не допустить ухода Литвы и не дать российскому парламенту избрать Ельцина и объявить о суверенитете. В обоих случаях он потерпел фиаско. Советское политико-экономическое пространство распадалось, углубляя экономический кризис и угрожая существованию самого СССР.

Решение, которое летом 1990 года предложили Горбачеву консерваторы из его окружения, сводилось к тому, чтобы навязать верховенство союзных законов над законами республиканскими. Достигнуть этого можно было только введением чрезвычайного положения. Горбачев дал согласие на разработку плана действий на случай чрезвычайной ситуации. Кроме того, он объявил о начале радикальных контрреформ: Президентский совет и Совет Министров подлежали роспуску, а на смену им должны были прийти Совет Безопасности и Кабинет Министров, которые подчинялись бы непосредственно президенту. Однако Горбачев сопротивлялся попыткам принудить его ввести чрезвычайное положение. В декабре 1990 года, когда был созван Съезд народных депутатов, около четырехсот его членов проголосовали за внесение в повестку дня вопроса об отставке Горбачева. Их предложение не набрало большинства голосов. Зато министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, либеральный союзник Горбачева, подал в отставку после того, как подвергся нападкам со стороны консерваторов за “торговлю советскими интересами”. Горбачев, чье положение было не менее шатким, не пытался его удержать. Шеварднадзе предупредил делегатов о надвигающемся реакционном перевороте. В письме американскому коллеге и личному другу Джеймсу Бейкеру он заявил, что действовал так, как ему подсказывала совесть[17].

Переворот действительно произошел. На съезде инициативу захватили консерваторы, а Горбачев, вместо того чтобы уйти в отставку, решил возглавить этот парад. В январе 1991 года, без формального введения чрезвычайного положения, он предоставил председателю КГБ Владимиру Крючкову, министру обороны Дмитрию Язову и недавно назначенному министру внутренних дел Борису Пуго полную свободу действий. Уже 5 января по приказу Язова (под предлогом содействия военному призыву) в Прибалтику вошли воздушно-десантные части. Одиннадцатого января центральные СМИ объявили об учреждении в Вильнюсе промосковского Комитета национального спасения. Еще три дня спустя подразделения спецназа МВД и КГБ предприняли штурм вильнюсской телебашни, которую защищали сторонники независимости Литвы. Погибло пятнадцать человек.

Двадцатого января внутренние войска применили оружие в Риге. Погибло четыре человека. Пять дней спустя советские газеты опубликовали постановление о совместном патрулировании советских городов армией и внутренними войсками.

В марте Горбачев учредил Совет Безопасности – высший совещательный орган при президенте, состоявший почти целиком из сторонников жесткой линии. В том же месяце по инициативе Горбачева прошел всесоюзный референдум, и 76 % проголосовавших высказались за сохранение Союза. Несмотря на то, что референдум проигнорировали новые правительства республик Прибалтики и Закавказья, его результаты воодушевили советского президента и его советников. А 28 марта он отдал войскам приказ не допустить проведения в Москве демонстраций в поддержку Бориса Ельцина. В тот день сторонники жесткой линии в российском парламенте должны были поставить на голосование вопрос о снятии Ельцина с поста спикера. Попытка не удалась. Демонстрации в Москве прошли, несмотря на запреты. Войска для разгона не использовались. Если славяне, входящие в состав спецподразделений, без колебаний открывали огонь по неславянам из Прибалтики и Закавказья, то стрелять в "братьев" они были не очень-то готовы. Кроме того, Горбачев, оглядывавшийся на Запад, не мог допустить масштабного кровопролития. И он отдал войскам приказ вернуться в казармы; этот шаг был с радостью встречен демократической оппозицией (на некоторое время Ельцин даже прекратил нападки на президента) и осужден консерваторами. Горбачев опять их разочаровал, отказавшись пойти до конца. По их логике, он превратился в препятствие.

В отличие от Ельцина, Горбачев не допускал и мысли о том, чтобы по собственной воле выйти из партии, причем не только потому, что он оставался верен социалистическим идеалам и искренне считал, что партию можно реформировать (о чем не раз во всеуслышание заявлял), но также из тактических соображений: ему не хотелось, чтобы партийная машина обернулась против него самого. Черняев за несколько дней до выхода Ельцина из партии описал в дневнике разговор с Горбачевым. "Шкурники. Им, кроме кормушки и власти, ничего не нужно", – клял Горбачев секретарей райкомов и горкомов, с которыми встречался в тот день. "Ругался матерно, – вспоминает Черняев. – Я ему: 'Бросьте их. Вы – президент; Вы же видите, что это за партия, и фактически Вы заложником ее остаетесь, мальчиком для битья'". На Горбачева увещевания не подействовали: "Думаешь, не вижу? Вижу. Но нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина набросится на меня"[18].

Решающее противостояние предполагалось на пленуме ЦК, назначенном на 24 апреля 1991 года. Парткомы по всей стране требовали отставки Горбачева с поста генерального секретаря КПСС. Но Горбачев опять переиграл противника. Участники встречи с изумлением узнали из утренних газет, что накануне он заключил соглашение с… Борисом Ельциным и

руководителями республик, стремящихся к суверенитету. Во время встречи в Ново-Огарево они условились разработать новый Союзный договор.

Наконец-то Горбачев нашел альтернативу чрезвычайному положению: вместо того чтобы вернуть статус-кво и, опираясь на силу, снова вернуть власть центру, он отыщет способ примирить центр и республики. Этот маневр освободил бы Горбачева от диктата той части его окружения, которая склонялась к жесткой линии. А 24 апреля, отвечая на острую критику, прозвучавшую на заседании ЦК, Горбачев заявил, что готов уйти в отставку. Партийная верхушка отступила: без Горбачева партия была обречена. В тот момент он был единственным защитником от Ельцина и демократов. Попытка партийного переворота потерпела крах. Горбачев устоял, однако сторонники жесткой линии не сдались[19].

В июне 1991 года Ельцин выиграл президентскую гонку. Во время инаугурации 10 июля он, принимая присягу, пообещал отстаивать российский суверенитет. Империя рушилась на глазах. “Создатели русской нации”, как окрестил сторонников российского национального возрождения гарвардский историк Роман Шпорлюк, выходили победителями из борьбы против “хранителей Российской империи”. В день выборов президента России Анатолий Черняев записал в дневнике: “М. С. оказался менее прозорливым, чем Ельцин со своим звериным чутьем. М. С. боялся, что русский народ не простит ему отказа от империи. А русскому народу оказалось наплевать”. Черняев понимал, что без России имперский проект обречен: “Ведь без России ничего не будет. Союза не будет. И реально опираться Президент может только на нее… не на Туркмению же с Назарбаевым!”[20]

Горбачев был вынужден принять результаты выборов: его бывший протеже, а ныне оппонент, стал первым президентом РСФСР благодаря народному мандату, которого у него самого не было: Горбачева сделали президентом СССР депутаты советского парламента. И теперь Горбачев никак не мог обойтись без Ельцина.

Горбачев, Ельцин и Назарбаев накануне московского визита Буша согласовали наконец условия нового Союзного договора. Республики объявлялись хозяевами недр и сохраняли за собой право самостоятельно определять размеры отчислений в союзный бюджет. В компетенции союзного правительства остались оборона и национальная безопасность, а внешнеполитические вопросы предполагалось решать посредством консультаций с республиками. Также Горбачев, Ельцин и Назарбаев согласовали изменения в правительстве: сторонники жесткой линии, которых ввел туда Горбачев, должны были уйти, а новый кабинет предстояло сформировать и возглавить Назарбаеву. Подписание Союзного договора было назначено на 20 августа 1991 года[21].

Ельцин, уже ставивший Горбачева в неловкое положение сначала на партийных мероприятиях, а после и в присутствии американцев, был не просто всенародно избранным главой крупнейшей союзной республики; под

его контроль должно было перейти большинство нефтяных и газовых месторождений СССР. Таким образом, состояние союзной казны (и, вероятно, зарплата самого Горбачева) зависело от доброй воли Ельцина. И, как бы ни оскорбляло Горбачева поведение президента России, ему не оставалось ничего, кроме смирения. Похоже, то же можно было сказать и в отношении президента США. Подарок, приготовленный Бушем для Ельцина – изготовленная из серебра чаша от Тиффани стоимостью 490 долларов, – был дороже подарков для прочих членов советской верхушки. Советский президент получил экземпляр первого американского издания "Анны Карениной", который фигурировал в перечне подарков без указания цены. Белый дом по-прежнему большинство геополитических яиц складывал в корзину Горбачева; приготовленный для него подарок был бесценен[22].

Впервые Буш встретился с Ельциным в сентябре 1989 года, когда тот приехал в Соединенные Штаты. Ельцин (еще депутат советского парламента) навестил одиннадцать американских городов, не раз выступал в университетах, появился в телешоу "Доброе утро, Америка!", навестил Космический центр им. Джонсона в Хьюстоне (штат Техас), клинику им. Майо (г. Рочестер, штат Миннесота), встречался с ведущими американскими бизнесменами и политиками по всем Соединенным Штатам. Ельцин назвал эту поездку осуществлением мечты всей жизни. Дважды облетев на вертолете статую Свободы, Ельцин сообщил, что "стал вдвое свободнее". Он не скрывал желания стать любимцем Америки взамен Горбачева.

"Все мое представление о капитализме, о Соединенных Штатах, об американцах, которое годами вдалбливали мне в голову, в том числе и при помощи 'Краткого курса ВКП(б)' – все это за полтора дня моего пребывания здесь развернулось на сто восемьдесят градусов ", – сказал он, выступая перед прессой. Но самое сильное впечатление произвел на Ельцина супермаркет. Товарный ассортимент в одном из торговых центров Хьюстона разительно контрастировал с пустыми полками советских магазинов. По словам советников российского лидера, именно тогда "в ельцинском большевистском сознании рухнула последняя подпорка"[23].

В программу ельцинской поездки в Соединенные Штаты входил также непродолжительный визит в Белый дом. Эта встреча оставила неприятные воспоминания у помощников американского президента. Желая узнать мнение Ельцина о событиях в СССР, Буш, тем не менее, не хотел задеть самолюбие Горбачева, для которого Ельцин к осени 1989 года превратился во врага номер один. Ельцин был официально приглашен советником Скоукрофтом. "Ему [Ельцину] сказали, – вспоминал Роберт Гейтс, будущий глава ЦРУ и министр обороны, в то время занимавший пост заместителя советника по национальной безопасности, – что он, возможно, встретится с президентом. Мы старались придать этому визиту статус неформального, поэтому стопроцентных гарантий никто не давал". Когда Кондолиза Райс, советолог и сотрудник Совета по национальной безопасности, провела Ельцина в Белый дом через подвальный ход Западного крыла, он поинтересовался, пользуются ли этим ходом гости президента, и заявил, что

не ступит дальше и шагу, если у него не будет уверенности во встрече с Бушем. Райс ответила, что если Ельцин не желает говорить со Скоукрофтом, он вправе вернуться в отель.

Ельцин сдался. Скоукрофту его речь о том, как Соединенные Штаты могут помочь советской экономике, была неинтересна, и он, по свидетельству Гейтса, едва не задремал. Все изменилось, когда в кабинет вошел Буш. “Ельцин изменился, как хамелеон, – вспоминал Гейтс. – Он оживился… Всем своим видом показывал, что лишь сейчас получил достойного собеседника”. Буш подтвердил, что поддерживает Горбачева, но своего Ельцин добился: он встретился с президентом. Едва покинув Белый дом, он подошел к журналистам, ожидавшим на лужайке, и поведал о встрече. “Это не был тот тихий, небогатый событиями визит, на который мы рассчитывали, – вспоминал Скоукрофт, – но все обошлось”[24].

Ельцин произвел благоприятное впечатление на Буша, а Скоукрофту показался неискренним (судя по воспоминаниям, советник в полной мере так и не избавился от этого впечатления). Прежние сторонники Ельцина в администрации Буша, в том числе Райс и Гейтс, были потрясены его бесцеремонностью и непредсказуемостью. Гейтс в мемуарах писал: “Он [Ельцин], видимо, слишком много выпил, во время выступления в Университете им. Джонса Хопкинса подал себя не в самом выгодном свете, да и в целом держался грубовато”. Тем не менее, окружение Буша не могло не заметить, как изменилась расстановка сил в Москве весной 1990 года, после первых относительно свободных выборов в республиканские парламенты. Хотя Горбачев оставался наиболее приемлемой для Запада фигурой, никто не сомневался, что будущее за энергичным Ельциным.

В июне 1990 года, неделю спустя после избрания Ельцина главой российского парламента, Гейтс отправил Бушу меморандум: Ельцин, “проявив замечательную приспособляемость и умение играть по правилам… показал себя эффективным и популярным политиком, пусть и неровным”. Гейтс рекомендовал избегать негативных комментариев о Ельцине: “Вполне возможно, в один прекрасный день мы сядем с ним за стол переговоров”. Буш пометил на полях: “Согласен”. Очередной визит Ельцина в США состоялся в июне 1991 года, вскоре после выборов президента России. Прошел он с огромным успехом и укрепил отношения с американской администрацией. Буш и Ельцин даже пытались вместе позвонить Горбачеву в Москву, чтобы предупредить его о возможной попытке захвата власти сторонниками жесткой линии (соответствующая информация пришла по американским дипломатическим каналам от московских сторонников Ельцина). Отношения Ельцина с администрацией Буша, не лучшим образом начавшиеся осенью 1989 года, нормализовались. По крайней мере, некоторое время так казалось[25].

В программу визита Буша в Москву в июле 1991 года была включена встреча с российским президентом. Она состоялась 30 июля. Горбачев, не желавший, чтобы встреча Буша с Ельциным прошла без него, на завтрак с американским президентом пригласил Ельцина, а также Назарбаева. Они

должны были составить компанию советникам Буша и Горбачева. Таким образом, встреча с Бушем, к которой стремились Ельцин с Назарбаевым, прошла бы под контролем Горбачева. Назарбаев принял приглашение и обратился к Бушу с просьбой об инвестициях в добычу полезных ископаемых. Что касается Ельцина, то он отказался играть роль в “массовке”, отведенную ему советским лидером. На завтрак он не явился, но пригласил Буша в свой новый кабинет в Кремле. Буш приглашение принял[26].

Встреча Буша с Ельциным длилась минут сорок. Речь они вели в основном о новом Союзном договоре. Сам факт встречи американского и российского лидеров свидетельствовал о том, что Белый дом признал Ельцина. Президент США, судя по всему, стремился уверить российского лидера (а также Горбачева) в поддержке реформ и при этом пресечь попытки Ельцина открыть представительство РСФСР в США или подписать сепаратный договор о сотрудничестве. “Как вы знаете, мы не можем установить дипломатические отношения с вашей республикой, которую мы признаем частью СССР”, – должен был сказать Буш Ельцину. Все время встречи он придерживался этой линии. Когда Ельцин спросил: “Я так понимаю, вы поддерживаете мою идею формализовать наши отношения?”, Буш (не самым дипломатичным образом) ответил: “Вы имеете в виду отношения между США и Россией – или ваши отношения с центром? Мне не совсем понятен вопрос”. Госсекретарь Джеймс Бейкер так “перевел” слова Буша разочарованному Ельцину: “Ответ будет зависеть от того, что именно в Союзном договоре будет сказано о полномочиях республик во внешней политике”[27].

Если Ельцин, приглашая Буша в свой кремлевский кабинет, стремился предстать перед согражданами в образе независимого лидера, то он, бесспорно, преуспел. Если он желал “натянуть нос” Горбачеву, то и это ему удалось. Однако если Ельцин желал расположить к себе американского президента, то потерпел фиаско. Почти десятиминутное опоздание Ельцина привело Буша в крайнее раздражение. Визит вежливости, запланированный на пятнадцать минут, растянулся до сорока: Ельцину пришлось повторно озвучивать для российских и американских советников, присоединившихся к президентам позднее, основные тезисы своей беседы с американским президентом. Наконец, Ельцин преподнес сюрприз, попытавшись устроить импровизированную пресс-конференцию. Российский президент заявил журналистам, приглашенным в Кремль без ведома Буша, что стороны уже подготовили проект договора о российско-американском сотрудничестве, за что он благодарен Бушу. Американский президент проглотил пилюлю, но когда Ельцин пригласил журналистов задавать вопросы, Буш сказал, что опаздывает. Садясь в машину, он сказал Скоукрофту: желание Ельцина “сыграть на публику” застало его врасплох[28].

События московского саммита оживили в памяти Буша и Скоукрофта воспоминания об эксцентричном политике, с которым они встретились в сентябре 1989 года. И все же, несмотря на казалось бы непредсказуемое поведение Ельцина, Буш находил с ним все больше точек соприкосновения.

Летом 1991 года одним из важнейших вопросов “советской повестки дня” Буша значилась независимость Эстонии, Латвии и Литвы (эта тема интересовала многих членов Конгресса). Буш осторожно подталкивал Горбачева к признанию независимости Литвы, объявленной в 1990 году. Тот колебался. А Ельцин – нет: от имени России он осудил действия Москвы, применившей в начале 1991 года силу, и одобрил стремление прибалтов к независимости. Теперь, стоя рядом с Бушем, Ельцин снова заявил о своей поддержке: он сам пришел к выводу, что Россия и Соединенные Штаты разделяют позицию по Прибалтике – трем республикам надо позволить уйти из Союза. Горбачев так не считал[29].

Покидая на следующий день Москву, Буш был обеспокоен как угрозой Горбачеву, исходящей от его же силовиков, так и своеволием глав союзных республик. Самым несговорчивым из них был Ельцин. Но не только он стремился к ослаблению центра и большей свободе для своего Отечества.

Глава 3

Цыпленок по-киевски

Около полудня 1 августа 1991 года самолет Джорджа Буша покинул Шереметьево и взял курс на Киев, третий по величине город Советского Союза. В начале 1991 года на столицу Украины было нацелено около сорока американских боеголовок мощностью до 170 килотонн каждая. В случае обмена ядерными ударами нескольких взрывов хватило бы для того, чтобы сровнять двухмиллионный город с землей. Подписание договора СНВ-1 означало, что в случае войны на город придется меньше ракет. Впрочем, цель Джорджа Буша заключалась не в том, чтобы доставить киевлянам это известие. Американский президент спешил с сообщением иного свойства[1].

Предполагалось, что визит продлится не более пяти часов, но хронометраж играл второстепенную роль. По мнению Буша, США не стоило ограничиваться контактами с одной Москвой, а следовало завязать отношения и с союзными республиками. Это было новое слово в истории советско-американских отношений – и признак стремительных перемен в советской политике. В администрации Буша никто не мог предвидеть скорого распада СССР или предугадать, что через считанные месяцы решающую роль в этом сыграет именно Украина. В качестве площадки для объявления о новом политическом курсе американцы выбрали Киев потому, что украинское руководство отнюдь не склонялось к идее полной независимости. Антимосковские силы на Украине были сильны, но назвать их непримиримыми было бы слишком.

Горбачев был не в восторге от мысли, что президент Америки посетит Украину – вторую по численности населения советскую республику, руководство которой стремилось к большему, нежели предусматривал новый Союзный договор. В отличие от Буша, Горбачев прекрасно понимал, насколько важна Украина для СССР, и опасался, что визит президента США может ободрить антисоветские силы. Поэтому президент СССР сделал все от него зависящее, чтобы визит не состоялся. В понедельник, 21 июля, когда до приезда Буша в Москву оставалось чуть более недели, послу США Джеку

Мэтлоку позвонил специальный советник Эд Хьюэтт. К нему в Белый дом пришел временный поверенный в делах СССР и вручил срочную депешу из Кремля, в которой содержалось требование: президенту США следует воздержаться от посещения Киева. Для Мэтлока это стало неожиданностью. Советское правительство ссылалось на "напряженность", однако в Киеве все было спокойно. К тому же полным ходом шли приготовления к визиту, начатые Мэтлоком с согласия министра иностранных дел СССР. Задействована в них была не только американская, но и украинская сторона, и отмена визита на этой стадии грозила поставить американцев в очень непростое положение.

Требование Москвы застало врасплох и Буша. Новость он узнал во время полета в Турцию. Вместе с Брентом Скоукрофтом президент подготовил ответное заявление: если советское руководство против его визита в Киев – так тому и быть, но, учитывая, что приготовления уже идут, ответственность должна взять на себя Москва. Мэтлок связался по открытой линии с Госдепартаментом и, зная, что разговор наверняка прослушивается КГБ, указал на вероятные негативные последствия отмены визита – для Москвы, а не для Вашингтона. На следующий день то же самое он сообщил министру иностранных дел СССР Александру Бессмертных. Обеспокоенный Бессмертных связался с Горбачевым, и тот якобы сказал: "Скажите американцам, пусть успокоятся и не меняют планы. Если президент захочет посетить Киев, я уверен, ему окажут радушный прием". Горбачеву пришлось принять новые правила игры[2].

Как следует из советских стенограмм беседы Буша и Горбачева 30 июля 1991 года, президент США пытался убедить коллегу, что киевский визит ничем тому не грозит: "Хочу заверить вас, что во время поездки в Киев ни я, ни кто-либо из сопровождающих меня лиц не допустит чего-либо, что могло бы осложнить ситуацию, вмешаться в решение вопроса о том, когда Украина подпишет Союзный договор". Горбачев намекнул на причину своих опасений: "Что касается Украины, то, может быть, сыграл роль вот какой факт: стало известно, что незадолго до вашего визита фонд 'Наследие' подготовил доклад, в котором рекомендовал американскому президенту воспользоваться посещением Украины, чтобы стимулировать сепаратистские настроения, ибо это имеет стратегическое значение". Буш в ответ заявил: "Мне неизвестно об этом докладе. Но, я надеюсь, вам доложили – я подчеркивал необходимость предельной тактичности в определении программы визита. Я был готов посетить не Киев, а, скажем, Ленинград. Мне очень хочется побывать в одном из ваших городов. Но я ни в коем случае не собираюсь поддерживать сепаратизм. Киев был включен в программу только после того, как ваш министр иностранных дел сообщил, что вас это полностью устраивает"[3].

Если бы все зависело от Горбачева, Буш никогда не попал бы в Киев. Кстати, Ельцин в украинском вопросе разделял позицию Горбачева: оба считали, что второй по величине советской республике непозволительно идти своим путем. Горбачев в частных и публичных выступлениях

предупреждал о возможности гражданского конфликта и даже войны. Ельцин вел себя сдержаннее, хоть и настроен был не менее решительно. “Украина не должна покидать Советский Союз”, – в своем кремлевском кабинете заявил он американскому президенту. Без Украины, утверждал Ельцин, славянские республики утратят доминирующее положение в Советском Союзе. Его “неравнодушие” к Украине отражало настроения в России. По данным опроса, проведенного Информационным агентством США в феврале-марте 1991 года, лишь 22 % россиян поддерживали независимость Украины, а почти 60 % ей противились. Совершенно иначе общество относилось к Прибалтике: 41 % опрошенных высказался в пользу независимости Литвы, 40 % – против[4].

В конце июня 1991 года ЦРУ подготовило для президента и его советников сводку со сценариями развития событий в СССР. Лишь один из них – насильственный распад – предполагал обретение Украиной независимости. Двумя другими вариантами были: “беспорядочное блуждание” страны; государственный переворот, осуществленный сторонниками жесткой линии, и сохранение Советского Союза. Последний вариант предполагал независимость прибалтийских республик, трех республик Закавказья, Молдавии, а Украине отводилась роль участника славяно-среднеазиатского союза, где главную скрипку должна была бы играть Россия. Ельцин склонялся к тому, чтобы Украина стала частью этого объединения, Горбачев же опасался “недружелюбного расставания” советских республик.

Как впоследствии оказалось, и ЦРУ, и Горбачев, и Ельцин сходились в том, что если США желают мирной трансформации советского режима и (исходя из договора об СНВ) сокращения его ядерного арсенала, они должны согласиться и с тем, что Украина останется в Союзе[5].

В ходе переговоров с Горбачевым в Ново-Огарево (которые советским лидером преподносились как звездный час его “нового мышления”) Бушу напомнили о важности национального вопроса в СССР. Монолог Горбачева о советско-американских перспективах был прерван: Николасу Бернсу (сотруднику Совета по национальной безопасности, также отвечавшему за связи Белого дома с прибалтийскими диаспорами в Америке) позвонил кто-то из знакомых и сообщил, что неопознанные боевики атаковали устроенный недавно таможенный пост на литовско-белорусской границе и, как бы в назидание, убили шестерых литовских таможенников. Бернс поделился новостью с Бушем и членами американской делегации. Горбачев пришел в ярость (президент США узнает о теракте в СССР раньше, чем глава СССР!) и поручил подчиненным все выяснить. В посольстве США склонялись к мысли, что это дело рук ОМОНа. У американцев возникло подозрение, что за убийством стояли московские сторонники жесткой линии, а целью их было унижение Горбачева. Если так, то своего они добились. Попытка Горбачева обрисовать свое видение нового мироустройства была сорвана. “Воцарилась гнетущая атмосфера, – вспоминал Буш. – Переговоры продолжились, но без прежнего пыла”.

Трагические события в Литве поставили на повестку дня вопрос о самоопределении республик. Советский президент воспользовался возможностью и попросил американцев поддержать политику СССР по отношению к Югославии: Москва пыталась предотвратить распад другого славяно-мусульманского государства. Горбачев рассчитывал на американскую помощь в удержании советских республик:

В мире огромное количество действительных и мнимых межнациональных и межэтнических проблем. Кроить по этому признаку границы государств – значит провоцировать хаос. Если бы я сейчас начал перечислять потенциальные территориальные проблемы, которые возникли бы в этом случае, не хватило бы пальцев, причем не только у меня, но и у всех присутствующих. Например, у нас, в Советском Союзе, 70 % межреспубликанских границ фактически не определены. Раньше этим никто не занимался, все решалось в рабочем порядке, на уровне чуть ли не райсоветов.

Новость о бойне на литовской границе усилила аргументы Горбачева по поводу повторения в СССР югославского сценария. Она пришла в самый подходящий момент – накануне “безнадзорного” визита Буша на Украину[6].

После часа дня 1 августа 1991 года руководители Украинской Советской Социалистической Республики собрались в киевском аэропорту Борисполь, чтобы встретить почетного гостя. Буш стал вторым президентом США, приехавшим в столицу Украины. Первым посетил Киев (в конце мая 1972 года) Ричард Никсон – после подписания с Брежневым договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и договора об ограничении систем противоракетной обороны.

Никсон прибыл в Киев на советском самолете, которым из-за выявленной в Москве технической неисправности пришлось заменить основной борт, также советский.

Джорджу Бушу подобных проблем удалось избежать: он летел на новом президентском лайнере “Боинг-747” (пришедшем на смену “Боингу-707”, которым пользовались президенты США от Никсона до Рейгана). В 1972 году Никсон был впечатлен интерьером советского авиалайнера; президент вспоминал, что “в некоторых отношениях он поражал даже больше, чем наш”[7].

Сейчас же Джордж Буш с гордостью показывал вице-президенту СССР Геннадию Янаеву интерьер самолета, который по предложению Нэнси Рейган оформили в калифорнийско-техасском духе. Советский вице-президент встретил чету Бушей в московском аэропорту, а Горбачев попросил Джорджа Буша взять Янаева с собой в Киев. Одни полагали, что Горбачев руководствовался желанием подчеркнуть особое место Украины в СССР, другие склонялись к мысли, что Янаев приставлен к американцу соглядатаем. Как только президентский борт оторвался от земли, Буш устроил Янаеву экскурсию и показал, кроме прочего, командный центр. Янаев (бывший, по признанию Буша, самым высокопоставленным из

советских руководителей, которым приходилось подниматься на борт этого самолета) отвечал вежливыми замечаниями. Впоследствии Буш в разговоре с помощниками назвал вице-президента СССР “приятным малым”, но уточнил, что тот “не бог весть какая шишка”[8].

Во время перелета члены президентского аппарата развернули лингвистическую полемику. Джек Мэтлок, ознакомившись с текстом речи, с которой Буш в тот день должен был выступить в украинском парламенте, стал возражать против употребления названия республики с определенным артиклем *(the Ukraine):* “Проследите, чтобы президент не употреблял артикль. Пусть говорит просто – *Ukraine.* Украинские американцы считают, что артикль превращает это слово в название географической области, а не страны”. Спичрайтер возразил: “Но мы ведь говорим ‘Соединенные Штаты’ *[the United States]?”* Победил политический довод Мэтлока: “Если президент скажет – *the Ukraine,* Белый дом через неделю будет завален письмами и телеграммами с протестами”.

В Соединенных Штатах проживало около 75о тысяч граждан украинского происхождения. Еще миллион – в Канаде. Немногочисленная по североамериканским меркам община была стабильна, сплочена и политически активна. Все годы холодной войны старейшины украинской диаспоры в США убеждали голосовать за республиканцев, и небезуспешно. Буш это знал и согласился с Мэтлоком. Опустив артикль, Буш успокоит избирателей и не причинит вреда Горбачеву: русскому языку неведомы определенные и неопределенные артикли. Кроме того, Мэтлок попытался изъять из речи пассажи о поддержке Горбачева и Союзного договора, поскольку считал их неуместными для Киева, но было уже поздно: текст успели раздать журналистам[9].

“В Киеве, лежащем в 515 километрах южнее Москвы, на берегах Днепра, Буш увидит совершенно другой Советский Союз, – читаем в ознакомительном проспекте для американских СМИ. – Город опрятен и чист, с широкими зелеными проспектами. Он словно создан для яркого, волнующего завершения визита”. Автор буклета шутя сообщал, что истинной причиной президентского визита послужил старт кампании заместителя пресс-секретаря Белого дома, этнического украинца Романа Попадюка, который якобы метил на пост президента Украины. (Девиз кампании, острил автор, звучал так: “Мне нечего сообщить вам по этому поводу”.)

Киев встретил Буша как столица суверенного государства. Оркестр, кроме гимнов СССР и США, исполнил и гимн Украины. Вопрос о лояльности республики Москве оставался открытым. Джек Мэтлок, сопровождавший Никсона во время визита 1972 года, заметил и другие отличия.

Теперь, в 1991 году, речи произносились на английском и украинском языках, а не на английском и русском, как девятнадцать лет назад[10].

Многое с тех пор изменилось. Никсон прилетел в Киев спустя десять дней после того, как Брежнев заменил национально ориентированного

партийного руководителя Украины Петра Шелеста на лояльного Владимира Щербицкого. Ставленник Брежнева превратил Украину в образцовую советскую республику. Происходивший, как и Брежнев, из Днепропетровской области, Щербицкий был одной из ключевых фигур днепропетровского клана – группы сторонников Брежнева, которые почти монопольно правили Союзом до смерти своего лидера в ноябре 1982 года. Щербицкий выстроил на Украине вертикаль из лично преданных ему партийных чиновников, и Горбачев целых четыре года копил силы, чтобы осенью 1989 года отправить его в отставку.

С 50-х годов украинская партийная элита правила не только республикой: она стала младшим партнером в управлении всем Союзом. “Вторая советская республика” заключила с “первой” – РСФСР – негласный договор о разделе власти, когда украинские элиты помогли восхождению на московский Олимп Никиты Хрущева – многолетнего бессменного первого секретаря Коммунистической партии Украины. Ввиду того, что РСФСР не имела собственной компартии (правда, русские руководили всесоюзной коммунистической организацией), украинские кадры представляли на московских партсъездах крупнейший блок. Украинцы весьма успешно пользовались правом голоса. Хрущев десятками переводил в Москву своих союзников и назначал их на руководящие посты. Даже его падение в 1964 году лишь укрепило положение украинцев.

Смещенного Хрущева у руля партии сменил Леонид Брежнев, русский родом с Украины, который, заполняя в 30-х годах бланк члена партии, в графе о национальной принадлежности указал: украинец. Николай Подгорный (по-украински Микола Підгорний), еще один выходец с Украины, стал председателем Верховного Совета, номинально возглавив советское государство. Пост главы правительства достался Алексею Косыгину, русскому, а после его смерти в конце 70-х годов – Николаю Тихонову, в прошлом украинскому чиновнику. Министр внутренних дел и заместитель главы КГБ принадлежали к брежневскому клану и были взращены украинским партаппаратом. Днепропетровский клан должен был сохранить власть и после смерти Брежнева: больной генсек в качестве преемника рассматривал Владимира Щербицкого.

Однако после смерти Брежнева в 1982 году Кремль перешел под контроль КГБ. Юрий Андропов вел к вершинам власти Горбачева, который, хоть и был наполовину украинцем, не имел связей ни с партаппаратом Украины, ни с московскими украинцами. Позднее Горбачев освободил Щербицкого от занимаемой на Украине должности и перекрыл пути, которыми украинские чиновники попадали в Москву, где набирали политический вес. Украинская партийная верхушка, которая лишилась карьерных перспектив в союзном центре и терпела нападки у себя дома, решила, что Москва ее предала. Соглашение с центром, действовавшее со времен Хрущева (лояльность в обмен на развязанные руки и разделение полномочий с центром) теперь не действовало, причем разорвали пакт не украинцы.

Недовольство партийной элиты начало назревать после аварии на Чернобыльской АЭС (апрель 1986 года). Электростанция подчинялась Москве, но ликвидация последствий аварии, как и эвакуация людей из зоны бедствия, легла на плечи украинских властей. Кроме того, Москва настаивала на проведении первомайской демонстрации – в то самое время, когда Киев накрыло радиоактивное облако. Партийное руководство полагало, что Горбачев заставил Щербицкого провести демонстрацию, угрожая смещением с должности. Чернобыльская авария вызвала массовое протестное движение, а разрешать конфликт приходилось украинским элитам. И, в дополнение ко всему, центр поощрял в республике демократическое движение. Теперь Москва приносила украинской партийной верхушке одно беспокойство[11].

В Киеве Джорджа и Барбару Буш встретил пятидесятисемилетний спикер украинского парламента Леонид Кравчук. Члены американского журналистского корпуса описали его так: “Энергичный, с седой шевелюрой, загоревший малый, слегка похожий на Джона Готти; видно, что он прирожденный политик, этакий украинский Ньют Гингрич”. На самом деле жизненный Кравчука сильно отличался от биографии одиозного босса нью-йоркской мафии и начинающего политика-республиканца. Бывший аппаратчик, второй год занимавший должность спикера, Кравчук сочетал верность Москве и настойчивость, с которой он отстаивал украинские интересы. Кроме того, он единственный мог примирить интересы партийного аппарата эпохи Щербицкого и повестку дня, которую диктовали Украине движения за независимость и демократию[12].

Принадлежащий к тому же поколению, что и Горбачев с Ельциным (Кравчук родился в 1934 году), украинский лидер происходил с Волыни (Западная Украина), которая в те годы входила в состав Польши, и не понаслышке знал о лишениях. Вторая мировая война была отмечена не только военным противостоянием Германии и СССР, но и Холокостом, этническими чистками и столкновениями украинских и польских националистов в его родных краях. Отец Кравчука служил в Красной Армии и погиб на фронте, и Леонид с младых ногтей учился выживанию. Как он вспоминал, дед проповедовал философию, которую можно свести к сентенции: “Не лезь на рожон”.

Собственными глазами видевший, как в конце 40-х – начале 50-х спецслужбы преследовали еще гулявших на свободе участников украинского национально-освободительного движения, Кравчук не нуждался в секретном докладе Хрущева 1956 года, чтобы понять, насколько предвзятой была судебная система в годы культа личности. И все-таки, подобно Горбачеву и Ельцину, чьи родственники пострадали в годы “Большого террора”, Кравчук без колебаний встал на службу коммунистической партии. Он окончил Киевский университет по специальности “политэкономия” и сделал головокружительную карьеру. Но если Горбачев и Ельцин были руководителями, в чьем ведении находились крупные регионы, то Кравчук представлял собой типичного аппаратчика, бюрократа от партии.

К 80-м годам Кравчук, некогда подданный Польши, возглавил отдел агитации и пропаганды ЦК Коммунистической партии Украины. Он не мог похвалиться ни донбасским происхождением, ни принадлежностью к днепропетровскому клану, и, проживи Брежнев дольше, этот пост, наверное, остался бы пиком его карьеры. Но явился Горбачев, начались перестройка и гласность, прошли первые относительно свободные выборы, и партии понадобились люди, способные общаться с массами, умеющие отстаивать свою точку зрения в политических дебатах. Кравчук эти качества проявил, и, когда осенью 1989 года Щербицкий, не доверявший волынскому гению пропаганды, ушел в отставку, последнему удалось из завотделом ЦК КПУ стать секретарем ЦК по идеологии.

Летом 1990 года Кравчук стал спикером украинского парламента вместо Владимира Ивашко, которого Горбачев, пытаясь восстановить пошатнувшееся российско-украинское сотрудничество, перевел в Москву и назначил своим заместителем в руководстве партаппаратом. Так Кравчук оказался у руля законодательного органа, в котором около трети депутатов выступало за независимость, а остальные склонялись к расширению автономии в рамках СССР. “На посту председателя украинского Верховного Совета, – читаем в бюллетене Буша, – Кравчук вынужден избегать конфликта между требованиями коммунистического большинства в парламенте и интересами депутатов, выступающих за независимость”. Он искусно маневрировал, наполняя конкретным содержанием декларацию о суверенитете, принятую летом парламентом. Дэвид Ремник, освещая для “Вашингтон пост” киевский вояж президента, цитировал слова Кравчука о том, что тот видит возможность создать полнокровное украинское государство и не намерен упускать этот шанс[13].

Кравчук оказал американскому гостю радушный прием, хотя визит и стал для него неожиданным. Москва не позволила Кравчуку принять участие в подготовке, и его в самый последний момент его вызвали из отпуска. Он прилетел из Крыма прямо в Борисполь – пресса отметила загар – и даже не имел времени заехать домой. Кравчук начал выступление, поприветствовав Джорджа и Барбару Буш “на украинской земле”, подчеркнув таким образом приоритет украинского над советским, но избегая ссылок на независимость. Перед Кравчуком тоже стояла лингвистическая задача. Вот уже год Украина была формально суверенным государством, но по-настоящему независимой она не стала. В чем отличие? Похоже, никто, кроме Горбачева, этого не знал, и Кравчук приложил максимум усилий, чтобы уравнять эти понятия: “Американский народ [слишком] хорошо знает цену подлинного суверенитета, и Декларация независимости одной из первых провозгласила… идеалы свободы, равенства и братства”.

Джордж Буш (собственную точку зрения на свободу и независимость он выскажет несколько часов спустя) в ответной речи начал с менее спорных вопросов. Он отметил, что Украина – историческая родина сотен тысяч американцев (здесь вместо *homeland* он употребил слово *motherland,* по мнению американских спичрайтеров, ласкающее слух советского человека).

Президент процитировал Тараса Шевченко, выразил удовлетворение возвращением с Запада на Украину христианских лидеров, изгнанных Советами, и возрождением прочих религиозных общин. Что касалось отношений Вашингтона с республиками, то здесь он вел себя не менее осторожно, чем с Ельциным. “Мы будем поддерживать как можно более прочные отношения с правительством Горбачева, – заявил Буш, – однако мы ценим и новые реалии… И поэтому мы, будучи сами федерацией, хотим хороших отношений. с республиками”[14].

Из аэропорта президентский кортеж проследовал в центр Киева. “Перед терминалом собралось множество людей с желто-голубыми флагами, знаменовавшими стремление Украины к независимости”, – писал в мемуарах Джек Мэтлок. “По пути следования кортежа стояли тысячи украинцев, – читаем в репортаже. – Многие приветственно махали руками, почти все радовались при виде Буша; несколько женщин держали букеты домашних цветов; некоторые поднимали маленьких детей; а один мужчина в качестве традиционного приветствия принес огромную булку и пачку соли”. Эта встреча очень отличалась от сдержанного приема в Москве: для москвичей он был в первую очередь гостем Горбачева, популярность которого с каждым днем падала. Но Киев отличался от Москвы не только энтузиазмом. Помощник Горбачева Анатолий Черняев, сопровождавший генсека во время встречи с канцлером Германии Гельмутом Колем, проходившей в Киеве в начале июля, записал в дневнике: “Ощущение, будто в каком-то большом западноевропейском, скорее немецком, городе: XIX век, улицы, зелень, прибрано, чисто, ухожено… И, в общем, […] сытно… по сравнению с Москвой!”

В августе настроение встречающих было таким же, как в июле, когда Черняев заметил у киевлян плакаты наподобие: “Колю – да! Горбачеву – нет!” Толпа была пропитана антигорбачевскими настроениями. Некоторые плакаты были адресованы гостям из Америки: “У Москвы пятнадцать колоний”; “Империя зла жива”; “Если быть частью империи так здорово, почему Америка из нее вышла?”; “Колумб открыл Америку, Буш открывает Украину”. Джордж Буш эмоционально реагировал на адресованные ему приветствия. В обращении к украинскому парламенту несколько часов спустя он сказал: “Каждый американец в этой длинной колонне. был до глубины души тронут теплотой приема, оказанного нам народом Украины. Такое никогда не забудется”. Трудно сказать, понял ли президент и его окружение, что горожане увидели в них союзников против Москвы[15].

Люди, встречавшие Буша, были сторонниками украинской независимости – активистами политической организации “Рух”, то есть “движение”. “Рух”, выражавший интересы миллионов украинцев, зародился осенью 1989 года как Народное движение Украины за перестройку. Движение было организовано по образцу народных фронтов в Прибалтике и вначале искренне поддерживало Горбачева. В этой организации, созданной по инициативе бывших диссидентов, освобожденных по указанию Горбачева, а также лидерами украинской интеллигенции, генсек усматривал

противовес консервативному партийному руководству: Кравчук вспоминал, что Владимир Щербицкий ненавидел слово “перестройка”.

Во время одной из встреч с киевлянами Горбачев сказал, что люди должны оказывать давление на партаппарат снизу, а он сам станет давить сверху. Щербицкий обернулся к своим советникам, приставил палец к голове, явно намекая на проблемы с психикой у Горбачева, и спросил: “А на кого тогда он будет опираться?”[16] Щербицкий оказался прав. “Рух” недолго поддерживал Горбачева. В октябре 1990 года, на втором съезде организации, руховцы убрали из названия “Народное движение Украины за перестройку” слово “перестройка” и объявили главной целью достижение независимости. К тому времени Украина успела объявить суверенитет, позволив парламенту отменять любой союзный закон, если он вступал в противоречие с республиканским. Но партаппарат, секретные службы, армия и большая доля промышленных предприятий, как и прежде, управлялись из Москвы. “Рух” искал способ изменить ситуацию. Кроме того, его лидеры выступали против участия Украины в обновленном Союзе, адептом которого был Горбачев. Визит Буша в Киев был бы расценен либо как поддержка “Руха”, либо как жест солидарности с его противниками – в зависимости от позиции, которую займет американский президент. А сигналы, получаемые на этот счет лидерами “Руха”, не обнадеживали. Поговаривали даже, что Буш едет по поручению Горбачева.

Накануне встречи, 31 июля, когда Буш вел в Москве переговоры с Горбачевым, “Рух” провел в Киеве пресс-конференцию, посвященную предстоящему американскому визиту. В числе присутствующих были Иван Драч – поэт и председатель “Руха” и Вячеслав Черновол – в прошлом диссидент и многолетний узник ГУЛАГа, а ныне глава Львовской областной администрации. Рядом с ними сидел легендарный Левко Лукьяненко – бывший политзаключенный, правовед, выпускник МГУ, который в первый раз был арестован в 1961 году за то, что, прибегнув к марксистско-ленинской аргументации, обосновал независимость Украины, после чего более четверти века провел за решеткой. Бывшие узники ГУЛАГа объединились с представителями национальной интеллигенции, чтобы привести Украину сначала к суверенитету по-советски, а потом и к подлинной независимости.

Первым на пресс-конференции выступил пятидесятипятилетний Иван Драч. Он похвалил Буша за поддержку народов СССР во время его работы в администрации Рейгана, после чего сменил любезный тон на критический:

Кажется, президент Буш загипнотизирован Горбачевым. Администрация Буша продолжает говорить о стабильности так, словно Москва – источник этой стабильности. К тому же не стоит забывать, что уже в качестве президента Буш никогда не придавал особого значения демократическим движениям в республиках… Например, он отказался от встречи с лидерами “Руха” в Вашингтоне. И точно так же отказался встретиться с нами здесь. Боюсь, он прибыл сюда как выразитель интересов центра.

Непосредственной причиной недовольства “Руха” был отказ президента США провести сепаратную встречу с оппозицией. Когда руководство

движения обратилось к Белому дому с просьбой о такой встрече, им дали понять: “Рух” пригласят на обед, который будет дан в честь Буша Кравчуком и другими руководителями КПУ. Кроме того, лидеров “Руха” уязвили высказывания американцев, которые нивелировали самобытность Украины. Комментируя заявления Белого дома о том, что Буш едет в Киев, чтобы составить мнение о советской действительности и культуре, Драч заявил, что

президент Буш попал пальцем в небо. Если он хочет увидеть советскую действительность и культуру, их можно увидеть и в Кремле. В Кремле он может насладиться империалистической культурой и алчностью. А здесь – Украина. Мы не образчик советской культуры; мы – следствие алчной политики советской власти, народ, порабощенный горбачевским центром[17].

В итоге Буш попал под двойной пресс: в Москве на него давил Горбачев, а в Киеве – “Рух”. Президента беспокоила мысль о том, как его примут. По дороге из аэропорта он буквально ошеломил Кравчука, когда попросил его просмотреть текст выступления. На украинского лидера это произвело неизгладимое впечатление: услышать такое от представителей советского руководства было бы нереально. Все, от Брежнева до Горбачева, просто диктовали Украине, что и как делать. А Буш, президент самого богатого и могущественного государства мира, искренне интересовался мнением Кравчука. Кроме того, он дал вчерашнему партаппаратчику, а ныне демократу совет, который тот запомнил на всю жизнь: загляните людям в глаза, чтобы понять, проголосуют они за вас или нет. Кравчук прочитал переведенный черновик выступления Буша и предложил кое-какие поправки. Но некоторые места, которые могли не понравиться его коллегам, были слишком важны, чтобы вымарать их[18].

Непродолжительная беседа Кравчука и Буша перед выступлением в парламенте уверила спикера в том, что гость с уважением относится к Украине: так, Буш упоминал об “экономической мощи” республики и ее большом населении, “примерно равном населению Великобритании или Франции”. Месседж можно было прочесть так: “Дипломатические отношения с Киевом – при посредничестве Москвы”; Буш дал понять, что стремится к тесным отношениям с Горбачевым, к которому испытывает глубокое уважение, и никоим образом не собирается влиять на позицию

Украины по отношению к Союзному договору (“Я *понимаю,* что вы затягиваете заключение договора, пока не подготовите собственную конституцию”)[19].

Руководство Украины решило воспользоваться визитом Буша в Киев для решения двух вопросов: открытия в США украинского консульства (в Киеве только что открылось консульство США) и инвестиций на сумму около пяти миллиардов долларов. (Предполагалось, что Америка предоставит Украине статус страны с режимом наибольшего благоприятствования в торговле.) Еще одним вопросом стало сотрудничество в деле ликвидации последствий Чернобыльской аварии. В качестве ответного жеста украинцы могли предложить разве что сотрудничество в ООН – было очевидно, что они уже готовы выйти на международную арену в роли самостоятельного игрока. В

отличие от оппозиции, украинское руководство не просило о признании независимости, но, тем не менее, двигалось в том же направлении.

Лидеры Украины добивались того же, что и Ельцин для РСФСР, и даже с большим усердием, но тактичнее, и Бушу приходилось куда проще. Именно киевляне, встречавшие Буша, и украинские избиратели в США помогли ему выбрать верный тон. “Союзный договор уже разработан, – сказал американский президент Кравчуку, – и, насколько я понимаю, он дает больше возможностей для прямых контактов с республиками. В то же время мы можем развивать экономические связи, сотрудничать в сфере ядерной безопасности”[20].

Первого августа около четырех часов дня, после встречи с руководством Украины и обеда, на котором присутствовали и представители оппозиции, Буш прибыл в парламент. Члены украинского парламента, которые ради речи президента США прервали дебаты об имплементации суверенитета Украины, представляли пятидесятидвухмиллионное население страны, на 70 % состоящее из украинцев и на 20 % – из русских. Также на Украине проживало около полумиллиона евреев. Примерно половина населения страны говорила на русском языке, вторая половина – на украинском.

Западные территории, включенные в состав СССР после Второй мировой войны (в межвоенный период значительная их часть принадлежала Польше, а еще ранее Австро-Венгрии), были оплотом украинского национализма. Их население голосовало в унисон с населением прибалтийских республик, которые были также аннексированы Советским Союзом. Восток же голосовал так, как и соседние области России – там это зависело от того, где живут избиратели: в городе или в деревне. Крупные города, например Харьков, считались оплотом демократический оппозиции, как и Москва с Ленинградом. Жители же глубинки пребывали под влиянием коммунистической пропаганды. В украинском парламенте коммунисты составляли абсолютное большинство, занимая 239 мест из 450. Национал-демократы, объединявшие националистов и либералов, за которых проголосовали избиратели на западе страны и в крупных городах востока, включая Киев, располагали 125 мандатами[21].

Главной темой речи Буша (президент выступал на фоне огромной статуи Ленина) была свобода, а также приходящая с ней ответственность. Он начал с этимологии: “Много веков назад ваши предки нарекли эту страну Украиной, ‘границей’, потому что ваши степи связывают Европу и Азию. Однако украинцы стали пионерами иного рода. Сегодня вы открываете границы… свободы”. Вопреки опасениям лидеров “Руха”, Буш говорил об Украине – ее людях, истории, географии – как о чем-то отдельном от Москвы. Выступление Буша разительно отличалось от речи Никсона 1972 года, когда за обедом, данным в его честь украинскими официальными лицами, Никсон назвал Киев “матерью городов русских”[22].

Остальное в выступлении Буша украинской оппозиции понравилось гораздо меньше. Речь президента, хотя она была написана так, чтобы не оскорбить украинцев, подтвердила худшие предчувствия Драча и его коллег:

“Кое-кто призывает Соединенные Штаты сделать выбор между поддержкой президента Горбачева и стремящимися к независимости лидеров всего СССР. Я считаю, что это неверный выбор… Президент Горбачев добился поразительных результатов, и целями его политики гласности, перестройки и демократизации стали свобода, демократия и экономическая свобода”. Потом Буш объяснил, как он понимает слово “свобода”, и тем окончательно обескуражил “Рух”: “Свобода – это не то же, что независимость. Американцы не станут поддерживать тех, кто стремится к независимости для того, чтобы сменить тиранию, навязываемую издалека, местным деспотизмом. Они не станут помогать тем, кто поощряет самоубийственный национализм”. Сомнений не осталось: США не поддержат стремление Украины к независимости[23].

Николас Бернс вспоминал:

Не думаю, что летом 1991 года кто-либо из членов американской делегации допускал возможность дезинтеграции Советского Союза. Между Горбачевым и Бушем установились довольно доверительные отношения. Мы достаточно успешно сотрудничали по большинству вопросов, и нам очень хотелось посетить Киев, чтобы показать свой интерес к республикам. Мы хотели увидеть постепенное ослабление СССР, реформы и преобразования, поскольку мы опасались, что если прямо поддержать национальные движения, дело может обернуться насилием, а это могло бы ослабить контроль над ядерным оружием в ряде республик. Казалось, что медленный упадок нам на руку[24].

Речь вызвала у парламентариев смешанные чувства. Коммунистическое большинство аплодировало осторожности Буша; демократическая оппозиция ее осудила, как и единомышленники в США. Буш попытался успокоить украинских американцев, заявив в Киеве: “Если вы видели, как я, точно сумасшедший, размахиваю руками из лимузина, то поняли бы, почему я это делаю; меня внезапно осенила мысль: а вдруг кто-то из этих людей, стоящих вдоль дороги, прибыл из Филадельфии, или Питтсбурга, или Детройта, где живет так много американцев украинского происхождения! И теперь, стоя рядом со мной, они внемлют моим словам”. Он считал, что речь приведет в восторг его украинских избирателей. Сказать, что Буш просчитался, – значит ничего не сказать[24].

Диаспора, воодушевленная событиями на Украине, не поддерживала ни Горбачева, ни коммунистическое руководство республики. Она поддерживала “Рух”, и если “Рух” был чем-то недоволен, то недовольной оставалась и диаспора. Мало кто знал, что Горбачев убеждал Буша воздержаться от посещения Киева, что приезд дался Бушу и его команде немалым трудом. В воскресенье 4 августа, три дня спустя после визита Буша в Киев, группа украинцев пришла к Белому дому с плакатами: “Я американец украинского происхождения и не поддерживаю Джорджа Буша” и “Г-н Буш! Независимость Украины – это свобода всех ее меньшинств”. Составленное ими письменное обращение заканчивалось угрозой, что на следующих выборах они проголосуют отнюдь не за Буша: “Г-н президент, мы пришли к

тому неутешительному выводу, что в ходе визита в Киев вы блестяще выполнили поручение Горбачева. И все-таки, несмотря на союз Горбачева и Буша, Украина станет независимой, и это так же верно, как и то, что солнце всходит и заходит. А мы, ваши соотечественники, во время речи якобы стоящие рядом, не были с вами. Мы учтем урок на президентских выборах в 1992 году”[26].

Негативный отклик на выступление Буша не ограничивался украинской диаспорой. С разгромной критикой выступил Уильям Сэфайр, колумнист “Нью-Йорк таймс” и бывший спичрайтер Никсона: он назвал “пугающую своим малодушием речь ‘Цыпленок по-киевски’” одной из грубейших ошибок администрации[1]. По словам Сэфайра, Буш “отговаривал украинцев от самоопределения, недальновидно заставляя Вашингтон встать на позиции московского централизма и грести против течения истории”. А фраза “Цыпленок по-киевски” стала для общественности США синонимом нерешительности, присущей зарубежной политике Буша. В книге воспоминаний, написанной совместно с Бушем, Скоукрофт утверждал, что, говоря о “местном деспотизме”, тот подразумевал не Украину, а Молдавию и некоторые другие советские республики. Джек Мэтлок, пожалуй, приложивший к организации визита больше усилий, чем кто-либо, заметил, что именно Сэфайр вставил в речь Никсона 1972 года слова о “матери городов русских”[27].

Первого августа 1991 года почти ничто, кроме протестов бывших политзаключенных и едва ли известных за пределами Украины интеллектуалов, не указывало Бушу и его советникам на проблему. После оваций коммунистического большинства в украинском парламенте президент США со своим окружением покинул здание в обществе Леонида Кравчука и его помощников. Их лимузины проследовали к месту одной из самых чудовищных трагедий Холокоста – оврагу Бабий Яр близ средневековой Кирилловской церкви.

“Поездка к Бабьему Яру, растянувшаяся на двадцать минут, для президента Буша стала, пожалуй, самым запоминающимся эпизодом визита”, – гласил репортаж[27].

В конце сентября 1941 года на склонах Бабьего Яра нацистская зондеркоманда 4-А за два дня расстреляла около 34 тысяч евреев. Расстреливали днем, не таясь. Чтобы заглушить крики, нацисты включали граммофоны, но это мало помогало, и расправа стала уроком для горожан. То были первые дни немецкой оккупации Киева и первые жертвы Бабьего Яра. К осени 1943 года, когда Красная Армия освободила Киев, в Бабьем Яру были казнены еще семьдесят тысяч человек: советские военнопленные, украинские националисты, цыгане, заложники из числа гражданских лиц, пациенты психлечебниц. Перед отступлением из Киева нацисты пытались замести следы: они выкапывали тела и сжигали их, а пепел рассеивали. Но им не удалось стереть ужас из памяти тех, кто уцелел.

Советская власть расследовала казни: на Нюрнбергском процессе речь шла о ста тысячах погибших, – но не евреях, а просто гражданах СССР без различения национальности. В 1966 году свет увидел “роман-документ” киевского писателя Анатолия Кузнецова “Бабий Яр”, однако цензоры сократили текст романа на добрую четверть. Лишь в 1970 году, когда писатель эмигрировал на Запад, роман был издан без купюр. А в 1976 году в Бабьем Яре поставили памятник. Согласуясь с официальной версией, он был призван увековечить память о погибших *советских гражданах*[24].

На фоне этого памятника Джордж Буш готовился произнести речь. “Внимательно осмотрите величественный монумент из бронзы и гранита, на фоне которого выступит Буш, – гласил текст бюллетеня для журналистского корпуса. – Венчает его фигура женщины, которая склонилась в попытке поцеловать своего ребенка. И только зайдя с тыла, мы можем оценить весь трагизм и ужас происходящего – руки женщины связаны за спиной”.

В своей речи у памятника Буш выразил признательность Украине за то, что она по-новому подошла к увековечению памяти о погибших евреях, признав их жертвами Холокоста: “Много лет трагедия Бабьего Яра оставалась непризнанной, но теперь эти времена позади. Скоро вы повесите на этом месте мемориальную доску со словами признания геноцида евреев, истребления цыган, беспримерного по своей жестокости уничтожения коммунистов, христиан – всех, кто посмел восстать против безумца-нациста”. Как и в украинском парламенте, Буш нашел способ отметить вклад Горбачева в переоценку советской истории и засвидетельствовать поддержку своему кремлевскому партнеру, переживающему не лучшие времена. Буш провел прямую параллель между ним и важной для Америки фигурой: “Когда-то Авраам Линкольн сказал – мы не сможем уйти от истории. А Михаил Горбачев сделал историю правдивой”.

“Меня душили слезы, когда мы подходили к памятнику в Бабьем Яре, где нацистские оккупанты лишили жизни десятки тысяч украинцев, евреев и представителей других национальностей, – вспоминал Буш. – Выступая, мне приходилось делать паузы, когда речь доходила до описания ужасов, творившихся здесь пятьдесят лет назад”. Речь и в самом деле изобиловала леденящими кровь подробностями. Барбара Буш слушала, сидя рядом со скромно одетыми, сельского вида старушками, которым удалось выжить в бойне, и теми, кто им помог выжить. Не скрывал своих чувств и Леонид Кравчук. В годы нацистской оккупации ему, восьмилетнему мальчишке, пришлось стать свидетелем массовой казни. Спустя несколько месяцев после визита Буша он выступал на церемонии по случаю пятидесятой годовщины трагедии Бабьего Яра и часть речи произнес на идише; позднее в интервью он признал, что в дни величайшей трагедии не все украинцы вели себя достойно. Этим он признал, что к Холокосту были причастны и украинские коллаборационисты[30].

Выступление Буша приняли с воодушевлением. Иван Драч и другие лидеры “Руха”, одними из первых на Украине признавшие значение трагедии Бабьего Яра, одобрили этот шаг. Украинско-еврейский альянс против

советской системы, созданный в ГУЛАГе усилиями диссидентов обеих национальностей, становился реальностью благодаря “Руху”, на который серьезно влияли вчерашние диссиденты. “Рух” стоял в авангарде борьбы с антисемитизмом, от которого Украина до сих пор не избавилась, и “руховская” политическая платформа поддерживала украинско-еврейское сотрудничество, направленное против диктатуры центра[31].

Единственными, кто почувствовал себя не в своей тарелке, были сопровождавшие Буша представители Горбачева: вице-президент Геннадий Янаев и советский посол в Вашингтоне Виктор Комплектов. Так как речи, произносимые в рамках визита, звучали по-украински и по-английски, а рабочими языками мероприятий служили украинский и английский, гостей из Москвы почти все время не оставляло недоумение. Комплектов, слушая Буша в парламенте, заметил: “Хорошо хоть английский я знаю, иначе вообще не понял бы, что здесь происходит”. Если верить “шпаргалке” Буша, Янаев немного владел английским. Даже если так, в Киеве он этого не показал. Украинские чиновники прекрасно говорили по-русски, а переход на украинский язык имел символическое значение для республики, официально ставшей суверенной.

Американцы пригласили украинского переводчика. Кроме того, по просьбе украинской стороны они устроили встречу Буша и Кравчука без Янаева. По словам члена Совета по национальной безопасности Эда Хьюэтта, с вице-президентом СССР, не говорящим по-украински и, вероятно, не понимающим большей части произнесенного по-английски, украинцы обращались так, будто перед ними был “председатель всесоюзной ассоциации прокаженных”. Во время обеда у Кравчука весь вид Янаева выражал то скуку, то раздражение. Но правила игры изменились, и Янаев это понимал[32].

Около семи часов вечера американский борт № 1 покинул Борисполь и взял курс на Вашингтон. Администрация подводила итоги: достигнута важная веха на долгом пути к ядерному разоружению, выработана новая политика по отношению к национальному самоопределению советских республик, оказана поддержка демократии – и при этом выражена солидарность с кремлевским коллегой, пытающимся удержать распадающуюся сверхдержаву. А в самолете, летящем в Москву, посол Мэтлок и советский вице-президент Янаев “провозглашали здравицы за казавшийся очень успешным визит”. Джордж Буш предвкушал заслуженный отдых в Кеннебанкпорте. Июль выдался тяжелым. Август обещал быть ленивым и томным[33].

Часть II
Танки августа

Глава 4
Крымский пленник

Михаил! Надеюсь, с вами все в порядке”, – такими были первые слова воображаемого обращения, которое Джордж Буш записал на маленький диктофон. Все годы своего президентства он вел аудиодневник. Вечером 19

августа 1991 года президент был мысленно далеко от США: он думал о Михаиле Горбачеве.

Надеюсь, они гуманны к вам. Ваше руководство страной было фантастически конструктивно. На вас нападали и справа, и слева, но доверие к вам безгранично. Пока, черт побери, мы не знаем, что происходит в вашей стране, где и в каких условиях вас содержат, но мы были правы, оказывая вам содействие. Я горжусь тем, что мы поддерживали вас, и хоть на телевидении не будет недостатка в “говорящих головах”, которые объяснят, что было сделано не так, все ваши поступки имели одну цель – сделать свою страну лучше, сильнее, богаче[1].

Президент фиксировал свои мысли о дне, который назвал историческим. В тот день в далекой Москве бывшие соратники Горбачева объявили о введении чрезвычайного положения, его самого отстранили от власти якобы по состоянию здоровья, а на улицах появились танки. Буш, лишь несколько недель назад вернувшийся из Москвы, никак не ожидал такого поворота. Предыдущую ночь он провел в семейном гнезде Уокерс-Пойнт в городе Кеннебанкпорт (штат Мэн), и сильнее всего его волновала предстоящая утром игра в гольф. Она должна была начаться в половине седьмого, пока ураган “Боб” еще не достиг побережья. Компанию президенту собирались составить Брент Скоукрофт, остановившийся в гостинице “Нонантум” в Кеннебанкпорте, и Роджер Клеменс, знаменитый питчер “Бостон ред сокс”. Но едва Буш уснул, как его разбудил телефон. Советник по национальной безопасности звонил отнюдь не для того, чтобы поговорить об игре или грозящей сорвать ее непогоде. Повторялась прошлогодняя история, когда Саддам Хусейн вторгся в Кувейт. Новость затрагивала сферу международной политики и грозила сорвать не только предстоящую игру, но и отпуск: в Москве произошел переворот.

За полчаса до этого Скоукрофт мирно лежал в кровати, читая сводки. Телевизор показывал круглосуточный канал Си-эн-эн, и краем уха советник по национальной безопасности услышал, как диктор сказал что-то об отставке Горбачева по состоянию здоровья. Звучало это подозрительно: всего несколько недель назад Скоукрофт видел Горбачева, и тот был в полном здравии; он прислушался. ТАСС сообщил о болезни Горбачева и учреждении комитета с полномочиями по введению чрезвычайного положения. В числе лиц, возглавивших комитет – группы сторонников жесткой линии во главе с вице-президентом Геннадием Янаевым, – были глава КГБ Владимир Крючков и министр обороны маршал Дмитрий Язов. Скоукрофт позвонил своему заместителю Роберту Гейтсу и попросил проверить данные по каналам ЦРУ. Потом вызвал вызвал заместителя пресс-секретаря Романа Попадюка, остановившегося в том же отеле, и поручил ему составить заявление на случай, если данные подтвердятся.

Скоукрофт позвонил президенту и рассказал ему, что знал. К тому моменту не было ни одного подтверждения по какому-либо из правительственных каналов, в том числе ЦРУ. “Боже мой!” – была первая реакция Буша. Стали обсуждать, как реагировать: журналисты уже ломились

в дверь гостиничного номера Попадюка. “Президент склонялся к тому, чтобы открыто осудить переворот, но в случае его успеха нам пришлось бы иметь дело с путчистами, независимо от того, насколько омерзительным, с нашей точки зрения, было бы их поведение, – вспоминал Скоукрофт. – И мы решили, что тон президента должен быть осуждающим, но что все мосты мы сжигать не будем”. Мысли у Скоукрофта были отнюдь не радужные: путч с таким количеством участников-тяжеловесов вполне мог удаться. ‘^неконституционный” (*extra-constitutional*) – такое определение переворота предложил Скоукрофт президенту. Прежде чем Буш снова попытался уснуть, они условились, что Скоукрофт будет следить за ситуацией и позвонит в половине шестого утра. Попадюк вышел к прессе с кратким заявлением, по сути признав: администрация не обладает информацией из независимых источников. А Скоукрофту он сказал, что утром президента ждет общение с прессой, и вряд ли будет уместно рассуждать о путче на поле для гольфа. “Возможно, будет дождь”, – ответил Скоукрофт. О гольфе пришлось забыть[2].

Утром положение не прояснилось, разве что ушли последние сомнения насчет переворота. Что случилось с Горбачевым? Что на уме у заговорщиков и как повлияет переворот на советско-американские отношения и сам СССР? Все понимали, что это событие не пройдет бесследно.

ЦРУ, как обычно, перебирало варианты. Вероятность возвращения к доперестроечному режиму аналитики оценили в 10 *%;* в 45 *%* – вероятность патовой ситуации в отношениях демократов и сторонников жесткой линии и в те же 45 % – вероятность поражения заговорщиков. Возможность успешного путча ЦРУ рассматривало с большим скепсисом, чем тот же Скоукрофт, отчасти потому, что не удалось обнаружить признаков серьезных приготовлений: переворот был затеян почти спонтанно. И все же оставалось лишь гадать, как будут развиваться события. Буш провел краткие переговоры с премьер-министром Великобритании Джоном Мейджором и президентом Франции Франсуа Миттераном. Для них сообщение о перевороте стало как гром среди ясного неба. Буш объяснил Миттерану, что заговорщики застигли Горбачева врасплох (придерживаться этой линии утром посоветовал Скоукрофт). “Если они ничего не знали, то, черт возьми, откуда мы могли узнать?” – записал президент в тот день на диктофон. Казалось, события приобретают наихудший оборот: мало того, что ЦРУ проворонило переворот, так еще президент и советники вынуждены получать информацию из новостей Си-эн-эн. “Пресса утверждает, что разведка сплоховала”, – пожаловался в то утро Буш премьер-министру Канады Брайану Малруни[3].

Госдепартамент также оказался не готов. Джеймс Бейкер, проводивший отпуск в Вайоминге, узнал о перевороте из оперативного центра Госдепа лишь час спустя после того, как Скоукрофт услышал о нем в теленовостях. Сводя информацию из Вашингтона и сообщения своих помощников, рассеянных по всему миру, Бейкер делал заметки в охотничьем блокноте. Сверху на маленьких страницах стояла фраза, мало подходящая для урегулирования международного кризиса: “Ради пары рогов охотник согласен на все” *(Hunter will do anything for a buck* $). Первые записи Бейкера

гласят: “Никакого влияния. Все по минимуму”, “Какое-то время будет сложно иметь дело с новыми ребятами”, “Подчеркнуть отсутствие у них политической легитимности”. После этого, похоже, появилась надежда: “Ельцин сейчас ключевая фигура. Нужно поддерживать с ним отношения. Показать, что мы пытаемся собрать информацию. Установить контакты с реформатором”.

А в Москве, как назло, посол Джек Мэтлок уже покинул место службы, а назначенный вместо него Роберт Страус еще не приступил к обязанностям. Страус – техасец, тесно связанный с Бушем, без знания русского языка и без дипломатического опыта, – должен был стать посредником между президентом США и Горбачевым. Теперь же оказалось, что Горбачев покинул сцену. Буш позвонил Джиму Коллинзу, американскому поверенному в делах, который уже успел побывать в расположенном через улицу от посольства здании российского парламента. Коллинз рассказал президенту, что российский Белый дом открыт, но следов присутствия Бориса Ельцина там нет. Находящимся в Москве американцам, сообщил поверенный, ничто не угрожает.

Это была единственная хорошая новость, которую Буш смог сообщить журналистам, спрятавшимся в тесном зале президентского дома от принесенного ураганом дождя. Буш выразил глубокую обеспокоенность событиями в Москве, заверил, что американское правительство следит за ситуацией, и заявил, что заговоры, бывает, терпят неудачу: “Можно сначала взять власть в руки, а потом столкнуться с сопротивлением народа”. Следуя совету Скоукрофта, президент охарактеризовал смену власти в СССР не как неконституционную, а как *внеконституционную*. Похвалы Буша в адрес Горбачева звучали как поминальная речь. Он признался, что не делал попыток связаться по телефону с советским лидером. Сильнее всего Буша беспокоило, продолжат ли заговорщики вывод советских войск из Восточной Европы, начатый Горбачевым, и будут ли они соблюдать договор СНВ и прочие соглашения по контролю над ядерными вооружениями. Президент сказал, что пока будет длиться ‘^неконституционное” правление, вся помощь со стороны США будет заморожена, но санкций не последует, если новое руководство СССР не будет нарушать международные обязательства.

Буш не желал сжигать мосты. Он нашел несколько добрых слов в адрес советского вице-президента Янаева и, несмотря на прямой вопрос журналиста, отказался поддержать призыв Ельцина к всеобщей забастовке. В глубине души Буш сомневался в том, что Янаев организатор путча, и поделился своим ощущением с канцлером Германии Гельмутом Колем. Буш симпатизировал советскому вице-президенту, с которым он виделся во время недавнего визита в Москву и Киев. Узнав, что Янаев заядлый рыбак, он даже послал ему несколько блесен из личных запасов. Буш не знал, получил ли снасти предполагаемый лидер путчистов. На пресс-конференции президент США поделился “смутным чувством”, что Янаев не противник реформ, однако признал, что его действия говорят о другом. Буш отметил, однако –

как оказалось, справедливо, – что руководил переворотом не Янаев, а глава КГБ и сторонники жесткой линии из числа военных[4].

Пресс-конференцию трудно было назвать успешной. СМИ, пораженные сдержанностью Буша, сравнили ее с реакцией президента на бойню на площади Тяньаньмэнь. И Буш, чтобы спасти положение, по совету Скоукрофта прервал отпуск. Он решил прямо перед объективами телекамер отбыть в Вашингтон, показав этим, что контролирует ситуацию и участвует в разрешении международного кризиса. Это меняло картинку на экране, но президентская позиция осталась прежней. В тот день важнейшим заданием, о котором ни на миг не забывали сотрудники администрации, было сохранить суровый тон, чтобы не вызвать у заговорщиков соблазна денонсировать подписанные Горбачевым международные соглашения. Гельмут Коль признался Бушу, что его беспокоит, продолжится ли вывод войск из Восточной Германии. То же самое он слышал от восточноевропейских руководителей, в чьих странах до сих пор квартировали советские военные. Соединенным Штатам и их союзникам удалось получить большую часть того, чего они добивались от Горбачева, но будут ли придерживаться договоренностей его преемники?[5]

Американские лидеры никогда не исключали, что советская политика сотрудничества с Западом окажется недолговечной. В январе 1991 года, выслушав отчет ЦРУ о событиях в Советском Союзе, госсекретарь Джеймс Бейкер заметил: “Вы, парни, по сути, говорите, что рынок идет вниз и нам следует сбрасывать активы”. Бейкер предлагал сорвать куш, пока ставки в американо-советских отношениях не начали падать. В мемуарах он написал: “‘Сбрасывать’ означало получить от Советов все, что можно, пока страну не захлестнула реакция или не начался распад”. Той же политики американцы придерживались весной и летом 1991 года. Роберт Гейтс вспоминал, что в предшествовавшие перевороту месяцы администрация исповедовала подход, обозначенный Скоукрофтом на президентском брифинге по национальной безопасности 31 мая 1991 года: “Наша цель заключается в том, чтобы помочь Горби как можно дольше удержаться у власти, подталкивать его в правильном направлении, и делать то, что даст нам наибольшую внешнеполитическую выгоду”.

Теперь, когда Горбачев оказался вне игры, главной задачей стало не потерять достигнутое. Падение Берлинской стены в 1989 году ознаменовало собой крах коммунизма в Восточной Европе. Смогли бы новые кремлевские лидеры восстановить стену между Востоком и Западом? Этого никто не знал. В тот же день, 19 августа 1991 года, Джордж

Буш надиктовал текст воображаемого сочувственного послания Горбачеву. Кроме того, он записал на диктофон:

Я думаю, сейчас надо сделать так, чтобы ситуация не ухудшилась. Я говорю о Восточной Европе, о воссоединении Германии, о выводе войск из стран Варшавского договора и о самом Договоре, оставшемся не у дел. [Советское] сотрудничество на Ближнем Востоке, конечно, жизненно важно, но пока, как знать, мы можем оказаться без него[6].

Судя по всему, Буш старался примирить интересы своей страны с явной личной симпатией к Горбачеву. Мысленно президент возвращался в недавнее прошлое и пытался понять, мог ли он или его администрация помочь Горбачеву избежать мятежа. Ему удалось убедить себя, что с американской стороны было сделано все возможное. В дневнике Буш ответил критикам, утверждавшим, что он слишком увлекся Горбачевым. В попытке переворота Буш видел оправдание своей политики в отношении центра и советских республик: “Если бы мы списали со счетов Горбачева и оказали большую поддержку Ельцину, пришлось бы наблюдать, как бунт военных и спецслужб принимает более уродливые формы, чем сейчас”.

Труднее было ответить на вопрос, достаточно ли сделали США и их союзники, чтобы поддержать Горбачева в июле на лондонском саммите “Большой семерки”, когда он просил о финансовой помощи. Первым этот вопрос поднял Брайан Малруни во время телефонного разговора с Бушем, который состоялся после пресс-конференции. Он напомнил Бушу о вопросе, заданном в Лондоне Гельмуту Колю: “Если через месяц Горбачева отстранят от власти и люди станут упрекать нас в том, что мы сделали слишком мало, то расценивать ли предлагаемые нами шаги как нечто такое, что мы должны сделать?” Коль, который был обязан Горбачеву объединением Германии и который яростней всех настаивал на том, чтобы предоставить СССР как можно больше кредитов, якобы ответил: “Совершенно верно”. И Буш, и Малруни знали, что на лондонском саммите Коль считал, что Горбачеву нужна помощь, и были вполне удовлетворены, когда канцлер изменил свою позицию, заявив, что Германия принимает решение Соединенных Штатов и остальных стран “семерки” выразить Горбачеву поддержку, но денег много не давать. “У вас еще есть сомнения, что его [Горбачева] свергли потому, что он слишком сблизился с нами?” – поинтересовался Малруни у Буша. “Думаю, уже никаких”, – ответил американский президент[7].

Горбачев планировал вернуться из Крыма в Москву 19 августа. В отпуск он уехал 4 августа, примерно тогда же, когда Буш отправился в Уокерс-Пойнт. Как и вилла американского президента, резиденция Горбачева стояла у моря, но если Буш уехал в Мэн, спасаясь от жары, то Горбачев отправился на юг, чтобы понежиться на солнце: как и многие советские люди, он не представлял себе отпуска без загара и купания в Черном море. Но, в отличие от сограждан, он мог позволить себе шикарный, по советским меркам, отпуск.

В 1988 году для Горбачева близ поселка Форос построили виллу. Входящий в состав Большой Ялты Форос лежал примерно в 40 километрах от Ливадии, где в 1945 году проходила конференция с участием Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля и Иосифа Сталина. Особняк, известный как госдача № 11, или объект “Заря”, возвели в те годы, когда Горбачев и его соратники в Политбюро развернули кампанию за отмену привилегий для партийного руководства и госаппарата. В августе 1991 года, когда семья Горбачевых приехала в Форос, Раиса Максимовна распорядилась снять в

пляжных домиках хрустальные люстры. Но и без люстр резиденция поражала роскошью.

“Зарю” построили в рекордные сроки на голых скалах. Чтобы придать местности приветливый вид, сюда привезли тысячи тонн земли, кустарники и деревья. Каждую зиму дожди и ветер отчасти обнажали скалы. Вместо утраченной почвы привозили новую. Рукотворный пляж, для устройства которого пришлось взорвать скалы и привезти сотни тонн песка, сообщался с террасой подъемником. Для защиты виллы от ветров, в этих местах особенно сильных, строители с помощью динамита углубились в породу, приспособив скалу под укрытие. Офицеры КГБ, которые обеспечивали безопасность, жаловались, что обороняться от атак и с моря, и с суши здесь трудно, но это место нравилось Горбачеву. Как и прежде, в августе 1991 года в Форос приехала и семья дочери Горбачева: тридцатичетырехлетняя Ирина Вирганская (в девичестве Горбачева), по профессии врач, ее супруг Анатолий, также врач, и две их маленькие дочери.

Восемнадцатое августа, последний день отпуска генсека, начался как обычно. Он и Раиса Максимовна проснулись около восьми часов утра, позавтракали. Около одиннадцати часов Михаил Сергеевич и его супруга, чьи перемещения отмечались охранниками под кодовыми обозначениями но и ill, спустились к морю. Раиса Максимовна отправилась купаться, а Михаил Сергеевич остался на пляже: несколько дней назад у него случился приступ радикулита. Отпуск у Горбачева, как всегда, был рабочим. После завтрака генсек просматривал речь, которую должен был произнести 20 августа в Москве на церемонии подписания нового Союзного договора – плода многомесячного лавирования и переговоров центра с набирающими все больший вес республиками. Около половины пятого Горбачев провел телефонный разговор с одним из своих помощников, Георгием Шахназаровым, который отдыхал на соседнем курорте и помогал готовить речь. Как оказалось, это был последний звонок Горбачева перед долгой паузой.

Несколькими минутами ранее два офицера КГБ, прибывшие в Крым вместе с генералом госбезопасности Юрием Плехановым, главой Службы охраны, приказали телефонистке Тамаре Викулиной из центра правительственной телефонной связи отключить Горбачеву все линии. Викулина попросила, чтобы генсеку позволили сделать еще один звонок – она только что сказала Горбачеву, что связывает его с Шахназаровым. Возражать офицеры не стали. Но едва разговор был окончен, как все линии, связывающие дачу с миром, были отключены – даже система связи, позволявшая президенту СССР отдать приказ о ядерном ударе. Президентский ядерный чемоданчик на следующий день намеревались отослать в Москву, где он должен был оказаться в руках мятежников, в числе которых были министр обороны маршал Язов и начальник Генштаба генерал Михаил Моисеев – обладатели двух остальных ядерных чемоданчиков. Военные получили бы абсолютный контроль над ядерным арсеналом[8].

Горбачев заподозрил неладное в тот момент, когда Владимир Медведев, руководитель личной охраны, около 16.45 вошел в комнату, где генсек после обеда читал газету, и доложил, что из Москвы прибыла делегация: глава президентского аппарата Валерий Болдин, два секретаря ЦК КПСС и командующий сухопутными войсками генерал Валентин Варенников. Все, кроме Варенникова, были людьми проверенными, давно знакомыми, но тем не менее президент разволновался. Он поинтересовался у Медведева, как эти люди проникли на тщательно охраняемый объект. Медведев объяснил, что в составе делегации также генерал Плеханов, начальник Службы охраны КГБ, а значит, и самого Медведева. Что им нужно? Медведев не знал. Сам он к тому времени уже понимал, что дело идет к перевороту. Несколькими минутами ранее, когда Плеханов появился в его кабинете и попросил, чтобы приезжих провели к Горбачеву, Медведев попытался связаться с президентом по телефону "и понял, что действовали по хрущевскому сценарию. Все линии связи были отрезаны"[9].

О том, что в стране, возможно, переворот, Горбачев догадался, когда сказал Медведеву, чтобы визитеры подождали, и поднял трубку. Он собирался позвонить своему давнему союзнику – председателю КГБ Владимиру Крючкову. Трубка молчала. То же самое с другими телефонами – всего их было пять, включая красный аппарат, установленный на случай, если Горбачеву придется принять на себя обязанности главнокомандующего. Теперь сомнений не оставалось. Мало того, что визитеры нарушили протокол, прибыв без приглашения. Они посмели изолировать советского лидера. Горбачев позвал к себе Раису Максимовну, а потом дочь и зятя. После краткого семейного совета было решено, что все поддержат Михаила Сергеевича. Горбачев позднее напишет, что он твердо решил не поддаваться давлению и не менять политический курс, чего бы это ни стоило. Момент был очень тревожный. "Все мы знали историю нашей страны, ее ужасные страницы", – вспоминала Раиса Горбачева[10].

Последним советским лидером, смещенным в 1964 году своими же подчиненными, был Никита Хрущев. Ему повезло: он остался жив. Все иные советские лидеры умерли, пребывая в должности, и некоторые из них – при обстоятельствах более чем подозрительных. Так, ходили слухи, что Сталина отравили: он умер, когда готовился нанести удар по ближайшим соратникам, в том числе по бывшему руководителю госбезопасности Лаврентию Берии. Предполагаемый инициатор убийства Сталина вскоре был арестован военными по приказу Хрущева, обвинен в работе на британскую разведку и расстрелян. Брежнев скончался в 1982 году, когда, по некоторым данным, готовил передачу власти в обход бывшего председателя КГБ Юрия Андропова. Согласно утверждениям Владимира Медведева, охранника Брежнева, много лет Андропов (наряду с некоторыми другими членами Политбюро) снабжал Брежнева снотворным; умер Брежнев во сне. Горбачев прекрасно знал историю своих предшественников и кремлевские обычаи[11].

Учитывая прецеденты, было хорошим знаком то обстоятельство, что заговорщики решились на переговоры. Обсудив положение с семьей,

Горбачев вышел к незваным гостям. Те уже были в здании. Одни сидели на диване, другие расхаживали по холлу второго этажа и поражались роскоши. Здесь они встретились с Горбачевым. Тот страдал от приступа радикулита и передвигался с трудом. Горбачев пригласил гостей в кабинет и, обращаясь к тем, с кем чувствовал себя непринужденнее, поинтересовался, не арестуют ли его. Его заверили, что нет. Визитеры объяснили Горбачеву, что приехали обсудить ситуацию в стране. Горбачев переменил тон. “Кого вы представляете и от чьего имени говорите?” – спросил он, едва заговорщики вошли в кабинет, где было всего два стула для посетителей. Они молчали. Горбачев повторил вопрос. Когда ему ответили, что они представляют комитет, включающий Крючкова, Язова и Янаева, президент спросил, кто учредил комитет: Верховный Совет? На этот вопрос у них не было ответа. Горбачев немедленно увидел их слабое место: комитет, который они представляли, был как минимум ‘^неконституционным”[12].

Валерий Болдин, пятидесятишестилетний руководитель президентского аппарата, знавший Горбачева лучше всех, утверждает, что тот почувствовал себя несколько свободнее, когда услышал имена членов ГКЧП. Болдин вспоминает в мемуарах: сильнее всего президент боялся, что визитеры представляют его заклятого врага – Бориса Ельцина. В предыдущие дни Горбачев разговаривал по телефону с Крючковым, обсуждая политическую ситуацию. Горбачев опасался, что в последний момент Ельцин откажется подписать Союзный договор. Еще 14 августа Горбачев долго разговаривал с Ельциным, пытаясь убедить его не поддаваться давлению критиков, требовавших проведения всероссийского референдума о Союзном договоре. “В общем, мы попрощались на хорошей ноте, – написал Горбачев. – Хотя у меня остался осадок, не ушло ощущение, что Ельцин чего-то недоговаривает…”

Когда два дня спустя, 16 августа, Ельцин отбыл в Алма-Ату на встречу со своим союзником Нурсултаном Назарбаевым, обеспокоенный Горбачев позвонил в Москву Болдину и поинтересовался, известно ли ему о визите. “Ты понимаешь, как это называется. Сепаратно, проигнорировав мнение президента СССР, местечковые лидеры решают государственные вопросы. Это заговор”, – якобы сказал он своему помощнику, который уже был в сговоре с Крючковым. Восемнадцатого августа, когда заговорщики ступили на порог дачи в Форосе, Ельцин издал указ о переподчинении на территории РСФСР оптово-посреднических фирм бывшего Госснаба СССР. Так что сильнее всего Горбачева беспокоил именно Ельцин[13].

Судя по воспоминаниям Болдина, в последние годы правления Горбачев давил на КГБ, чтобы тот прослушивал разговоры Ельцина. Делалось это вопреки протестам Крючкова, который докладывал, что его люди отказываются этим заниматься. Крючков передавал транскрипты Болдину, а тот – непосредственно Горбачеву. Советскому лидеру не давала покоя мысль о возможном альянсе политических противников, к которым он причислял не только Ельцина, но и своего либерального советника, “крестного отца перестройки” Александра Яковлева, а также военных. Особенно встревожила

Горбачева расправа с Николае Чаушеску в декабре 1989 года. Обсуждалась возможность установления прямого президентского контроля над управлением КГБ, отвечающим за охрану президента. Горбачев серьезно увеличил штат личной охраны и повысил ей жалование. Кроме того, генсек стал чаще пользоваться бронированным лимузином. В августе 1991 года его охранники по-прежнему подчинялись Крючкову.

Не один лишь Горбачев хорошо помнил события в Румынии: люди, отвечающие за его безопасность, тоже держали их в памяти, но выводы делали совсем другие. И 18 августа не ожидавшие никого охранники Горбачева вышли навстречу лимузинам, держа наизготовку автоматы. Один из их начальников, генерал Вячеслав Генералов, приехал вместе с заговорщиками. Он дал команду опустить оружие, чтобы избежать румынского сценария (по вине охранников Чаушеску пролилась кровь, что впоследствии привело к его казни). Охранники пропустили незваных гостей через КПП. Главная линия обороны рухнула. Однако когда генсек попросил заговорщиков пройти в кабинет, места для генерала Плеханова, руководителя управления КГБ, в нем не нашлось. Для Горбачева он уже был изменником, который ради “спасения собственной шкуры” пошел на предательство[14].

Горбачева, сидевшего в кабинете перед представителями заговорщиков, беспокоило не поведение охраны, а предательство тех, кому он доверял. Несмотря ни на что, он пытался выиграть политическое противостояние, которое вполне могло закончиться трагически для него и для его семьи. Как только стало ясно, что заговор составили не политические оппоненты, а те, кто перед ним заискивал, Горбачев почувствовал некоторое облегчение и уверенность в себе. “Все это были люди, которых я выдвигал и которые меня теперь предали!” – отмечал Горбачев в мемуарах. Раньше он держал этих людей в подчинении и даже теперь выставил Плеханова из своего кабинета. Болдина он оборвал на полуслове, обозвав его “мудаком”, который приехал “лекции читать о положении в стране”.

Гости были поражены. Предложенный ими выбор был таков: либо Горбачев подписывает указ о введении чрезвычайного положения, либо временно передает свои полномочия Геннадию Янаеву и остается в Крыму в силу “медицинских причин”, а они делают в Москве всю “грязную работу”. Заговорщики, многие из которых когда-то обсуждали с Горбачевым введение чрезвычайного положения в качестве запасного сценария, рассчитывали, что на одно из этих предложений он точно согласится. Горбачев категорически отверг оба. “Я сказал им, – вспоминал Горбачев, – что если вы действительно обеспокоены ситуацией в стране, давайте созывать Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов. Давайте обсуждать и решать. Но действовать только в рамках Конституции, закона. Иное для меня неприемлемо”. Горбачев снова оказался в своей стихии: переговоры, маневрирование, убеждение. Он попросил их раскрыть планы и назвал их затею губительной. “Вы подумайте и передайте товарищам”, – сказал он гостям, пожимая гостям на прощание руки. Генералу Валентину Варенникову, который особенно

настойчиво требовал введения чрезвычайного положения, Горбачев сказал: “Очевидно, после такого разговора мы не сможем работать вместе”.

Когда делегация удалилась, Горбачев пересказал разговор семье и своему помощнику Анатолию Черняеву – аппаратчику с сильными либеральными убеждениями, автору многих горбачевских внешнеполитических инициатив. “Спокоен, ровен, улыбался”, – записал Черняев в дневнике несколько дней спустя. И все же Горбачев не мог смириться с тем, что его предали. Он не мог поверить, что Крючков был заодно с заговорщиками, а упоминание о том, что среди последних оказался еще и маршал Язов, ввергло его в шок. “А может, они его туда вписали, не спросив?” – спросил Горбачев, имея в виду верного ему министра обороны. Черняев шефу сочувствовал, но не мог удержаться от замечания, что все заговорщики – это его люди[15].

Визитеры покинули дачу в растерянности. Водитель позднее рассказал, что по дороге в Форос они были полны энергии и разговаривали о погоде. На обратном же пути все были сердиты и молчали. Болдин позднее высказывал сожаление, что они не успели окунуться в море, как, вероятно, собирались: предполагалось, что разговор с президентом пройдет в дружеском тоне, он подпишет один из заготовленных документов, и у них еще останется время для купания. Все оказалось иначе. Возвращаясь, посетители Фороса не раз и не два поднимали бокалы, пытаясь успокоить расходившиеся нервы. И до того, как через два с половиной часа самолет сел в Москве, они успели осушить довольно вместительную бутылку виски, закусывая салом, хлебом и зеленью.

Они сразу же отправились в Кремль. В просторном кабинете премьер-министра СССР Валентина Павлова (когда-то здесь работал Сталин) их встретили главные заговорщики: сам Павлов, руководитель КГБ Крючков, министр внутренних дел Борис Пуго и вице-президент Янаев. Присутствовал и министр обороны Дмитрий Язов, в чьей преданности Горбачев уверял Буша несколько недель назад. Все уже знали об отказе Горбачева сложить полномочия: генерал Плеханов, глава службы охраны, из самолета позвонил Крючкову и рассказал о том, что произошло в Крыму. Теперь заговорщики дожидались возвращения делегации, чтобы услышать все из первых уст и решить, что делать[16].

В очках, седой, с лысиной на полголовы, шестидесятисемилетний Крючков меньше всего производил впечатление заговорщика. “Гений канцелярии”, известный своим служебным рвением и предусмотрительностью, в начале 50-х годов оказался в МИДе, а потом в посольстве в Будапеште, где очутился под крылом у посла Юрия Андропова. (Во время их работы, в 1956 году, в Венгрии произошло восстание.) В 60-х годах Крючков вслед за своим покровителем перешел в КГБ, а в 1974–1988 годах возглавлял внешнюю разведку. В 1988 году Горбачев выдвинул его на пост председателя КГБ. У Крючкова были весьма могущественные покровители, в том числе близкий соратник Горбачева Александр Яковлев.

Реформаторы хотели, чтобы КГБ возглавлял не “вахтенный идеологии”, как прежде, а человек с опытом международной работы, не понаслышке знающий, как отстает от Запада СССР.

Крючков отвечал этим условиям… по крайней мере, так казалось. На самом деле его работа за границей сводилась к пребыванию в Венгрии в 50-х годах, а единственным достоянием Запада, которое он ценил по-настоящему, было виски – продукт, недоступный простым советским гражданам. Роберт Гейтс, в те годы замдиректора ЦРУ, узнал о пристрастии Крючкова к этому напитку в декабре 1987 года, когда тот прилетал в Вашингтон в рамках подготовки первого визита Горбачева в США. Гейтс и Колин Пауэлл (тогда советник Рейгана по вопросам национальной безопасности) обедали с Крючковым в вашингтонском ресторане. Крючков попросил скотч. Переводчик, перейдя на английский, заказал “Джонни Уокер ред”, но Крючков поправил его, сказав, что хочет “Шивас ригал”. “У этого человека вкусы отнюдь не крестьянские”, – записал Гейтс. Лично ему Крючков напоминал скорее профессора, чем шефа разведки[17].

Мало кто сомневался, что Крючков и многие другие заговорщики сначала поддерживали горбачевскую перестройку, трактуемую ими как совокупность реформ, направленных на усиление советской власти при сохранении ее основ. Но стоило им понять, что перестройка несет угрозу не только партии, к которой самые прагматичные из них уже не чувствовали идеологической привязанности, но и политическому устройству, а значит, и их месту в государстве, как их позиция переменилась. Роберт Гейтс, который в феврале 1990 года встречался с Крючковым в Москве, не мог не заметить перемену во взглядах последнего. Гейтс в Москве сказал Джеймсу Бейкеру, что Крючков “уже не сторонник перестройки” и что “Горбачеву следует проявить осторожность”: председатель КГБ поделился с американским гостем соображением, что “людей тошнит от перемен”, перестройка провалилась, экономика пришла в упадок, а межнациональные отношения портятся день ото дня. “Похоже, Крючков поставил крест на Горбачеве”, – вспоминал позднее Гейтс[18].

Причина, побуждавшая заговорщиков к действиям, состояла в том, что их положение во власти оказалось под угрозой. Горбачев позднее предположил, что заговор созрел, когда им удалось подслушать один из самых конфиденциальных разговоров между ним и Ельциным в последние часы 29 июля 1991 года, за день до прилета Буша. Место действия – все та же дача в Ново-Огарево, где два дня спустя должны были состояться переговоры Горбачева и Буша; третьим участником встречи был Нурсултан Назарбаев. Они до полуночи обсуждали кадровые перестановки, которые должны были последовать за подписанием 20 августа Союзного договора. В новом правительстве Назарбаев должен был стать премьер-министром вместо Валентина Павлова. Ельцин настаивал на снятии Крючкова и Язова. Назарбаев хотел избавиться и от Янаева. Тогда, обсуждая дальнейшую судьбу своих людей, Горбачев чувствовал себя неловко, но все же дал

согласие на отставку Крючкова и министра внутренних дел Пуго, однако отстоял Язова[19].

По приказу Крючкова разговор был записан на пленку, и председатель КГБ понял, что действовать нужно незамедлительно. Но следовало дождаться момента, когда Горбачева не будет в Москве. В 1964 году Брежнев и его сообщники заключили тайный союз против Хрущева и наметили план действий, пока он был в отпуске. Через два дня после отлета Горбачева в Крым Крючков вызвал двух подчиненных и поручил подготовить предварительную оценку возможной реакции общества на введение чрезвычайного положения. Результаты не обнадеживали: эксперты пришли к выводу, что реакция будет в массе отрицательной. Нужно было дождаться ухудшения экономической ситуации. Но Крючков понимал, что выступить нужно прежде, чем Горбачев вернется и 20 августа подпишет Союзный договор. Была, конечно, некоторая надежда, что альянс Горбачева и Ельцина к тому времени распадется. Но Горбачев и Ельцин 14 августа в телефонном разговоре подтвердили свою готовность подписать договор.

Крючков тут же приказал своим помощникам разработать план введения в стране чрезвычайного положения. На следующий день, 15 августа, он распорядился прослушивать телефоны Ельцина и других демократически настроенных руководителей. Шестнадцатого августа Крючков и сообщники несколько раз собирались, чтобы обсудить дальнейшие шаги. На следующий день на секретном объекте “АБЦ” собралась расширенная группа (Крючков, высшие партийные и правительственные чиновники). Разговор начался с того, что премьер-министра Павлова – пока еще не участника заговора – спросили, знает ли он о своей грядущей отставке. Тот ответил, что “хоть сейчас готов в отставку”, но все-таки присоединился к путчистам. Впоследствии на допросах Павлов и другие участники встречи

17 августа утверждали, что снятие президента с должности даже не обсуждалось – они лишь собирались слетать в Крым и убедить его ввести чрезвычайное положение. Восемнадцатого августа к Горбачеву отправили делегацию, а перед этим президенту отключили связь и нейтрализовали его охранников. Даже если Крючков, Павлов и другие не считали себя заговорщиками, в ту минуту, когда прозвучал приказ отключить телефоны, они фактически стали таковыми[20].

Делегация, летавшая в Форос, к десяти часам вечера 18 августа уже вернулась в Кремль. Язов вспоминал, что отчет заговорщиков прозвучал примерно так: “Он [Горбачев] их выгнал, подписывать документы не стал. В общем, мы, дескать, ‘засветились’. И если сейчас расходимся ни с чем, то мы на плаху, а вы – чистенькие…”

Согласия заговорщики достигли не сразу. Отказ Горбачева позволить им сделать “грязную работу” стал неожиданностью. Тот Горбачев, которого они знали – хитрый политик, – должен был поддаться давлению. Своим же отказом президент поставил заговорщиков в затруднительное положение. Продолжать курс на введение чрезвычайного положения означало нарушить закон. Заговорили о том, что уж если Горбачев отказался их поддержать, то

следует отступиться. Болдин колебался: “Я знаю президента, он никогда не простит подобное обращение с ним”. Дороги назад уже не было – особенно тем, кто летал в Крым. Единственной надеждой оставалась передача Горбачевым президентских полномочий Янаеву – по состоянию здоровья[21].

Этот вариант прежде рассматривался как запасной. Крючков и другие заговорщики не сомневались, что Янаев согласится, а сам вице-президент даже не подозревал о заговоре, пока, за несколько часов до возвращения делегации из Крыма, не переступил порог премьерского кабинета. Как и членов делегации, Янаева в тот момент трудно было назвать трезвым: известного своим пристрастием к застольям советского вице-президента вызвали прямо из-за стола в одном из подмосковных санаториев, куда он ездил навестить друга. За несколько часов до этого, ничего не зная о заговоре, Янаев разговаривал с Горбачевым по телефону и обещал на следующий день встретить его в аэропорту. Когда винные пары начали рассеиваться, Янаев очень расстроился из-за того, что на него взвалили это ‘^неконституционное” мероприятие. Хоть он и был вправе принять обязанности президента в случае недееспособности последнего, не было никаких доказательств того, что Горбачев нездоров.

Когда Крючков положил на стол указ из одного предложения, Янаев начал отпираться: президент должен вернуться после того, как отдохнет, поправится. Кроме того, вице-президент утверждал, что не готов взять на себя управление страной. Заговорщики не отступали. Переход власти в руки Янаева был для них единственной, пусть призрачной, надеждой на легитимацию заговора. Поэтому они давили на Янаева, упирая на то, что нужно навести в стране порядок и спасти урожай. Вице-президента убеждали, что основное бремя ляжет на них самих. Изображая “доброго полицейского”, Крючков сказал: “Подписывайте, Геннадий Иванович”, и тот подписал. Указ гласил:

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента на основании статьей 127(7) Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Затем и. о. президента Янаев подписал указ о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), куда, кроме него самого, вошли Крючков, Язов, Павлов и другие заговорщики. Действие Конституции приостанавливалось: вся власть в стране переходила к ГКЧП.

Необходимые документы подготовили заблаговременно. Несмотря на ссылки на Конституцию, ни один из указов ГКЧП не был конституционным. Дело было не только в том, что Янаев не имел права принимать полномочия Горбачева (ведь президент был дееспособен): даже Горбачев не обладал полномочием вводить чрезвычайное положение без согласия союзного и республиканских парламентов. Кроме того, отсутствовали и причины для объявления чрезвычайного положения: 18 августа 1991 года не было ни стихийных бедствий, ни техногенных катастроф, ни массовых беспорядков.

Единственная критическая ситуация, которая пришла на ум авторам документов, касалась спасения урожая, но и в сельском хозяйстве положение было не лучше и не хуже обычного. Впрочем, Янаев и члены ГКЧП уже поставили свои подписи, а это значило, что Рубикон перейден и пришло время действовать. Янаев и Павлов уединились в кабинете и. о. президента и пили до рассвета. Владимир Крючков провел остаток ночи, встречаясь со своими замами, начальниками управлений. Идея ГКЧП принадлежала ему, и его подчиненные принимали непосредственное участие в составлении нужных путчистам документов и в первых тайных приготовлениях. Пришло время задействовать весь аппарат КГБ. В половине четвертого утра Крючков созвал высших чинов КГБ и объявил им о сворачивании перестройки. Демократическое руководство не владеет ситуацией, сказал он, имея в виду Горбачева и его либеральных советников, и пришло время ввести чрезвычайное положение[22].

Первые новости о введении чрезвычайного положения (на срок до шести месяцев) были переданы по советскому радио и телевидению в шесть часов утра 19 августа. Теле– и радиостанции работали в таком режиме, как если бы в стране объявили траур по высшему руководителю. Когда умирали генсеки – Брежнев (1982), Андропов (1984), Черненко (1985), – радио и телевидение транслировали в основном классическую музыку и балет. Не означал ли показ “Лебединого озера” кончину очередного лидера? Наверняка это никто не знал. Прозвучало лишь заявление о болезни Горбачева, не подкрепленное, однако, медицинским заключением[23].

Горбачев, проведший в Форосе бессонную ночь, узнал о собственном смещении благодаря небольшому радиоприемнику, сохранившемуся у него по недосмотру заговорщиков. “Какое счастье, что он оказался с нами! – записала в дневнике Раиса Горбачева. – По утрам, бреясь, Михаил Сергеевич обычно по нему слушал ‘Маяк’. Взял его с собой в Крым. Стационарный приемник, имеющийся здесь, в резиденции, ни на одном диапазоне не дает приема. Маленький ‘Сони’ работает”. Ночь выдалась тревожной. “К нашей бухте подошло несколько больших военных кораблей, – писала Раиса Максимовна. – ‘Сторожевики’ необычно приблизились к берегу, постояли минут пятьдесят, а затем отошли, отдалились. Что это? Угроза? Изоляция с моря?” Ни она сама, ни ее муж не знали ответа на этот вопрос[24].

Появление необычно большого числа патрульных кораблей возле дачи Горбачева было одним из немногих фактов, которые ЦРУ могло предоставить президенту Бушу в довесок к официальным советским сообщениям. Еще одно донесение гласило, что самолет Горбачева не покидал Крым. Американцы знали, что Горбачев там, однако никто не мог сказать, что с ним.

Вечером 19 августа президент Буш надиктовал текст заочного обращения к Горбачеву:

Вот я сижу с разноречивыми собранными донесениями и совершенно не знаю, вернетесь ли вы, Михаил. Надеюсь, вы не допустите чего-либо

компрометирующего вас лично и в случае вашего возвращения на вас не падет тень. Надеюсь, Ельцин, требующий вашего возвращения, проявит твердость и не позволит силам, стоящим за этим гнусным переворотом, себя одолеть.

Слова его звучали как молитва. И можно было лишь догадываться, будет ли она услышана[25].

Глава 5
Бунтарь

Вначале седьмого утра Бориса Ельцина разбудила дочь Татьяна. Ночью он прилетел из Алма-Аты, где встречался с Нурсултаном Назарбаевым, и проспал не больше пяти часов. Сначала Борис Николаевич не мог взять в толк, что стряслось, однако когда Татьяна сообщила ему о перевороте, первой реакцией Ельцина было: “Это же незаконно”.

На календаре было 19 августа. Вечером предыдущего дня все мысли Ельцина занимало предстоящее подписание Союзного договора. Он не знал, чего после этого ждать от Горбачева: не попытается ли тот настроить против России среднеазиатские республики, лояльные президенту СССР? Теперь же Ельцин сидел, не отрываясь от телевизора. Стало ясно, что Горбачев не входит в число членов ГКЧП. Подписание договора отменялось. И что теперь делать?

Первой взяла себя в руки Наина Иосифовна Ельцина: “Боря, кому звонить?” Большинство членов российского руководства жили поблизости от дачи Ельцина в правительственном поселке Архангельское-2. В отличие от Горбачева, у Ельцина связь работала. Собравшиеся застали Ельцина в глубокой задумчивости. Никто не сомневался, что произошел переворот. Судя по составу ГКЧП, у заговорщиков в руках оказались все инструменты власти. Правительство России осталось “бумажным тигром”: у него были министерства и ведомства, но отсутствовал контроль над армией, КГБ и внутренними войсками. Демократически избранным мэрам Москвы и Ленинграда (с сентября 1991 года – Санкт-Петербурга) теоретически подчинялась местная милиция, но и только. Мысль начать с ГКЧП переговоры быстро отогнали. Руководство России решило положиться на свой народ.

Ельцин и члены правительства стали готовить обращение: “В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный президент страны”. Российское руководство объявило действия ГКЧП незаконными и призвало “граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию”. Борис Ельцин, премьер-министр Иван Силаев и спикер парламента Руслан Хасбулатов призвали к всеобщей забастовке до выполнения следующих требований: предоставление Горбачеву возможности обратиться к стране; немедленный созыв внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Обращение было написано от руки и перепечатано дочерью Ельцина. Основные тезисы продиктовали по телефону российскому вице-президенту Александру Руцкому, находившемуся в Москве. Заместитель московского мэра Юрий

Лужков сел в машину и уехал в столицу с копией обращения. Президент поручил ему поднимать москвичей.

Было около девяти часов утра, и Ельцину предстояло решить, что делать. Оставаться на даче или ехать в Москву? “Мы опасались, что нас здесь [в Архангельском-2] ‘накроют’”, – вспоминал премьер-министр Силаев. Это было несложно, но не меньшей была и угроза, что российских лидеров арестуют по дороге. Охрана сообщила, что у поселка появились вооруженные сотрудники КГБ, а к столице идут танки, и предложила тайно доставить Ельцина на лодке по Москве-реке до дороги, а оттуда машиной до Москвы. Президент отказался. Он решил открыто ехать в Белый дом – так окрестили москвичи огромное здание российского парламента – и руководить сопротивлением оттуда. В глазах Наины Иосифовны стояли слезы. Когда Ельцин надел бронежилет и стал готовиться к отъезду, она пыталась отговорить его: “Что дает этот ваш бронежилет? Голова-то открыта. А главное – голова… Слушай, там танки, что толку от того, что вы едете? Танки вас не пропустят”. Ельцин ответил: “Нет, они меня не остановят”. И тогда Наина Иосифовна по-настоящему испугалась. Сам Ельцин несколько иначе вспоминает свой ответ. “Надо было что-то сказать, – писал он в мемуарах, – и я сказал: ‘У нас российский флажок на машине. С ним не остановят’”. Из ельцинских воспоминаний не совсем понятно, какой флаг он имел в виду: РСФСР (красное полотнище с вертикальной голубой полосой слева, под которым он несколько недель назад давал президентскую присягу) или триколор (официальный флаг Российской империи, а позднее – Февральской революции 1917 года). Именно трехцветный флаг стал символом ожиданий народа в дни путча.

Несколько часов спустя Ельцин взобрался на один из танков, окружавших Белый дом, и зачитал воззвание к народу. Его помощники развернули трехцветное знамя. “Этот импровизированный митинг не был пропагандистским трюком, – делился воспоминаниями Ельцин. – После выхода к людям я испытал прилив энергии, громадное внутреннее облегчение”. Теперь Ельцин возглавлял сопротивление заговорщикам, якобы намеревающимся спасти Советский Союз. Россия восстала против собственной империи[1].

Для большинства заговорщиков бессонная ночь 18 августа сменилась не менее тревожным утром. Едва пробило пять часов, как председатель КГБ Владимир Крючков отдал приказ отправить командующему Московским военным округом Николаю Калинину бланки распоряжений об аресте. Премьер-министр Валентин Павлов требовал схватить тысячу оппозиционеров. Крючков был настроен не столь радикально: его список насчитывал около семидесяти имен, включая либерально настроенных помощников Горбачева Эдуарда Шеварднадзе и Александра Яковлева. Имелся также краткий список из восемнадцати фамилий, куда входили активисты союза “Щит” – отставные офицеры, которых заговорщики считали наиболее вероятными кандидатами на роль организаторов массовых протестов. Имя Ельцина в кратком списке не значилось.

Президент России не входил в число личных друзей Горбачева, и путчисты рассчитывали привлечь его на свою сторону. Крючков направил спецгруппу КГБ “Альфа” к даче Ельцина с приказом “обеспечить условия для переговоров” российского президента с советским руководством. Это означало арест; однако вскоре Крючков передумал. Он надеялся, что Верховный Совет СССР придаст перевороту законный вид и старался избегать опрометчивых действий. Немотивированный арест такой заметной фигуры, как Ельцин, не мог не вызвать вопросов у парламента. Поэтому было решено ждать: если Ельцин пойдет на сотрудничество, трогать его не будут; а если нет, то его арестуют за нарушение чрезвычайного положения. По расчетам заговорщиков, это должно было дискредитировать Ельцина. Путчисты верили, что большинство устало от анархии и с радостью примет их сторону. Вот почему утром 19 августа никто не препятствовал Ельцину: “Альфе” приказали не останавливать президента по пути в Москву[2].

В десять часов утра, когда заговорщики собрались в кабинете и. о. президента Янаева на первое рабочее заседание ГКЧП, Крючков известил собравшихся о контакте с президентом России. Результат не воодушевлял: “Ельцин отказывается сотрудничать. Я с ним разговаривал по телефону. Пытался вразумить. Бесполезно”. Это была неудача, но причин волноваться у путчистов не было.

К шести часам утра танки Таманской дивизии окружили Останкино; еще час спустя в город начали входить остальные подразделения Таманской и Кантемировской дивизий, хорошо знакомые москвичам по парадам на Красной площади. Всего в город были направлены около 4 тысяч человек личного состава, более 350 танков, около 300 бронетранспортеров и 420 грузовиков. Они съезжались в столицу вместе с возвращавшимися с дач горожанами. Военная техника запрудила трассы. Лимузин Ельцина едва успел проскочить.

Москвичи на чем свет стоит ругали генералов и пробки, но к солдатам относились вполне дружелюбно. Они заговаривали со срочниками, чей средний возраст не превышал девятнадцати лет, несли им еду и интересовались: зачем вы приехали? Будете ли стрелять? Ответа на первый вопрос ни солдаты, ни офицеры не знали, но точно знали, что стрелять в гражданских не станут. С другой стороны, заговорщики были уверены, что события развиваются по их сценарию. В Москве никто не митинговал, предприятия работали в обычном режиме, а призыв Ельцина к всеобщей забастовке остался без ответа. Его обращение с танка выглядело эффектно, но людей возле Белого дома, которые смогли его слышать, было немного. Ситуация за пределами Москвы также казалась спокойной. Крючкову непрерывно докладывали об обстановке. Позднее он вспоминал: “Везде было спокойно. Первая реакция обнадеживала, даже пошла какая-то эйфория…”[3]

Теперь настало время объяснить советскому народу и международному сообществу, чего же хотят заговорщики. В пресс-центр МИД на пресс-конференцию, назначенную на шесть часов вечера, пригласили множество иностранных корреспондентов и тщательно отобранных советских. (Там же

несколько недель назад, после подписания договора по СНВ, проводили совместную пресс-конференцию Буш и Горбачев.) Уставший и подавленный Геннадий Янаев, который вчера и понятия не имел о заговоре, должен был как-то преподнести его публике. Крючков, Язов и Павлов отказались встречаться с общественностью – они предпочли управлять закулисно, – а остальные заговорщики, включая министра внутренних дел Бориса Пуго, уселись за длинным столом перед сотнями журналистов[4].

"Дамы и господа, друзья, товарищи, – сказал Янаев, открывая пресс-конференцию, – как вы уже знаете из сообщений средств массовой информации, в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Михаилом Сергеевичем Горбачевым обязанностей президента СССР, на основании статьи 127(7) Конституции СССР вице-президент СССР приступил к временному исполнению обязанностей президента". Янаев напирал на то, что страна из-за реформ оказалась в очень непростой ситуации, и пообещал обеспечить как можно более широкое обсуждение нового Союзного договора. Когда он закончил, журналисты смогли обратиться к членам ГКЧП с вопросами. В тот день после обеда путчисты закрыли московские газеты с либеральным уклоном, а вечером собирались задействовать находящееся под их контролем телевидение для освещения переворота в желаемом ракурсе. В зале присутствовали съемочные группы телевидения. Расчет заговорщиков был прост: пресс-конференцию вел "свой" человек, и если кто-либо из иностранцев задал бы неудобный вопрос, его быстро "оттенили" бы "правильными" вопросами лояльных журналистов.

Вначале все шло как по маслу. Звучали вопросы, сформулированные так, чтобы помочь Янаеву обосновать применение чрезвычайных мер и осудить действия Бориса Ельцина. Корреспондент "Правды" сказал, что призыв Ельцина к всеобщей забастовке может "привести к самым трагическим последствиям". Однако после иностранцы обрушили на членов ГКЧП град вопросов о здоровье Горбачева и указали на незаконный характер переворота. Но самым болезненным оказался удар, нанесенный Татьяной Малкиной. Молодой репортер "Независимой газеты" (одной из закрытых путчистами) проникла на пресс-конференцию без приглашения. Когда ничего не подозревающий ведущий дал слово ей, она поинтересовалась: "Понимаете ли вы, что сегодня ночью совершили государственный переворот? Какое из сравнений вам кажется более корректным – с семнадцатым или шестьдесят четвертым годом?" Параллель с большевистским переворотом и смещением Хрущева была более чем очевидна.

Янаев уклонился от ответа, сказав лишь, что данный случай не имеет прецедентов. Но следующий вопрос иностранного журналиста пришелся в точку: не консультировал ли гэкачепистов генерал Пиночет, возглавивший в 1973 году переворот в Чили? По залу прокатился смех, послышались аплодисменты. Ведущий призвал к порядку. Янаев отказался признать, что действия ГКЧП нарушают Конституцию, и пообещал, что до 26 августа будет созван Верховный Совет. Кроме того, он как мог убеждал

присутствующих, что предан “своему другу президенту Горбачеву” и с нетерпением ждет его выздоровления и возвращения. Перед конференцией Янаев получил от Горбачева сообщение с требованием восстановить связь в Форосе и предоставить самолет. Требование было отклонено. Вместо этого охрана подключила телевизионный кабель, чтобы Горбачев и члены его семьи смогли увидеть пресс-конференцию[5].

Пресс-конференция вышла провальной. Телекамеры показали стране изможденного аппаратчика с не очень здоровым лицом, странной стрижкой, дрожащим голосом, заложенным носом и руками, которые он не знал, куда девать. Янаев, не очень известный стране и не слишком уважаемый теми, кто его знал, лишь подтвердил опасения путчистов: стране стало ясно, что с властью можно не только спорить, но и высмеивать ее. В тот же вечер выяснилось, что гэкачеписты не вполне контролируют и телевидение. В вечерней программе “Время” не только зачитали обращение ГКЧП к народу и упомянули о пресс-конференции, но и рассказали о том, что происходит у Белого дома, где сторонники Ельцина строили баррикады. Теперь москвичи понимали, что сопротивление возможно, и знали, куда идти.

После пресс-конференции стало ясно, что у заговорщиков нет лидера. Тайным вдохновителем переворота был Крючков, но формально власть получил Янаев, а он, будучи искушенным аппаратчиком, пытался удержаться на вершине единственным известным ему способом – избегая ответственности. Валентин Павлов, призывавший к жесткому воздействию на оппонентов и забастовщиков, допился до гипертонического криза и отлеживался в больнице. Маршал Язов и министр внутренних дел Пуго были на ножах с тех пор, как их подчиненных стали привлекать для борьбы с национально-освободительными движениями и ни одна из сторон не собиралась признать себя ответственной за неудачи. В Минобороны приехала супруга Язова Эмма и стала умолять мужа порвать с ГКЧП и позвонить Горбачеву. Язов сказал: “Эмма, ты пойми, я один”. Маршал смотрел трансляцию пресс-конференции и качал головой. “Дима, – сказала Эмма Евгеньевна мужу, – с кем ты связался! Ты же над ними всегда смеялся”[6].

После пресс-конференции члены ГКЧП собрались в кабинете Янаева. От эйфории не осталось и следа. Теперь они увидели: Ельцин представляет собой реальную угрозу. Утро 20 августа началось со служебной записки КГБ о допущенных накануне ошибках: ГКЧП не смог ввести чрезвычайное положение, определить местонахождение и изолировать лидеров оппозиции, перекрыть каналы связи между оппозиционными группами и поставить под контроль медиаресурсы. Была еще одна плохая новость: вероятность того, что Верховный Совет одобрит действия ГКЧП, таяла на глазах, поскольку ползли слухи, что Горбачев жив и здравствует. В то утро Крючков, Язов и Пуго приказали разработать план штурма Белого дома[7].

Весь день 19 августа Борис Ельцин провел в Белом доме. Его жена Наина, младшая дочь Татьяна и другие члены семьи укрылись в небольшой

квартире на окраине Москвы, принадлежавшей президентскому охраннику. Они покинули Архангельское-2 вскоре после того, как лимузин с российским флажком умчал президента в Москву. Семью посадили в "рафик" охраны. Боре и Маше, маленьким детям старшей дочери Ельцина Елены, сказали, что если охранники прикажут лечь на пол, они должны немедленно подчиниться. "Мама, они в голову стрелять будут?" – спросил мальчик. Эта фраза потрясла семью. При выезде из поселка микроавтобус осмотрели сотрудники КГБ. В ночь на 20 августа Татьяна из уличного телефона-автомата позвонила в Белый дом, но ей так и не удалось поговорить с отцом. Ее заверили, как она вспоминала, что "все нормально, папа практически не спит, непрерывно работает, настрой боевой"[8].

Ельцин чувствовал себя в своей стихии. Исходящие от него чувство силы и убежденность в победе создали российскому лидеру такую ауру, о которой члены ГКЧП могли лишь мечтать. Харизматический политик, тонко чувствующий настроение масс, Ельцин с готовностью шел на риск, чего нельзя было сказать о его конкурентах, в том числе и о Горбачеве. Подобно Линкольну и Черчиллю, в кризисных ситуациях Ельцин проявлял лучшие черты своего характера, а вот в спокойное время нередко чувствовал растерянность, даже депрессию. Такое было с ним, к примеру, после снятия с должности первого секретаря Московского горкома партии осенью 1987 года: тогда он даже попытался покончить с жизнью, ударив себя в грудь канцелярскими ножницами. Он "лечился" от депрессии алкоголем, удивлял сторонников и противников непредсказуемым поведением. Но сейчас президент был на коне[9].

Девятнадцатого августа президент России объявил переворот неконституционным, а учреждения и армейские части на территории РСФСР перевел в свое прямое подчинение: теперь КГБ СССР, внутренние войска и Вооруженные Силы должны были исполнять приказы президента России – и ничьи больше. Правда, в глубине души Ельцин готовился к худшему. Доклады, полученные в тот день ГКЧП, не обманывали: страна вовсе не готовилась к всеобщей политической забастовке. К концу дня объявили забастовку лишь несколько шахт в далекой Кемеровской области.

За оборону Белого дома отвечал сорокачетырехлетний вице-президент РСФСР Александр Руцкой. В прошлом военный летчик, он воевал в Афганистане и дважды был сбит; будучи схвачен агентами пакистанской разведки, он якобы получил предложение эмигрировать в Канаду в обмен на сотрудничество с ЦРУ, однако сохранил верность своей стране. Впоследствии Руцкого освободили из плена. Он получил звание Героя Советского Союза, был избран в парламент, а в мае 1991 года выдвинут кандидатом в вице-президенты в паре с Ельциным. Бунтарь и кадровый военный, Руцкой был идеальным кандидатом на роль организатора обороны Белого дома, которая в значительной мере зависела от опыта "афганцев". Однако ни плохо вооруженные люди Руцкого, ни наспех возведенные баррикады, построенные москвичами по образцу тех, которые в январе 1991 года сооружали литовцы в Вильнюсе у своего парламента, не устояли бы

против крючковского спецназа и танков Язова. Ельцин, Руцкой и другие российские руководители прекрасно это понимали. Им оставалось уповать на то, что ГКЧП не отдаст приказ о штурме, а если это все же произойдет, солдаты откажутся стрелять[10].

Ельцин пытался склонить на свою сторону вошедших в Москву военных. Президент лично обращался к командующим. Один из первых его звонков, сделанных еще из Архангельского, был адресован генералу Павлу Грачеву, сорокатрехлетнему ветерану Афганистана, главнокомандующему ВДВ. Ельцин встречался с ним несколько месяцев назад во время президентской кампании, и тогда генерал заверил, что готов защищать российское правительство. Теперь настало время проверить решимость генерала. Переворот не был возможен без участия десантников – одних из немногих боеспособных родов войск Советской Армии, и в худшем случае Ельцин просто узнал бы, какие настроения царят среди них. Все время путча он непрерывно общался и с реальными, и с потенциальными противниками[11].

Главное сражение за то, на чьей стороне окажется армия, развернулось на улицах. Москвичи, сначала потрясенные видом танков, скоро перешли к тактике, оказавшейся для заговорщиков роковой: они сближались с “солдатиками”. Слово за слово с отставником, привлекательной девушкой, приветливой бабушкой – и солдаты оказались не готовы стрелять. Представители новой формации – предприниматели, поддержавшие Ельцина и опасавшиеся лишиться бизнеса при новом режиме, организовали доставку к Белому дому провианта и алкоголя, чтобы поддержать дух не только его защитников, но и военных, расположившихся по периметру ельцинской цитадели. Язова это привело в ужас. Стремясь не допустить братания, командиры принялись тасовать подразделения. И все же Ельцину удалось создать ситуацию, когда Язову и его окружению стало непросто заручиться поддержкой своих же войск. Первая победа Ельцина была достигнута в основном благодаря усилиям москвичей, к которым он воззвал в полдень 20 августа.

Радиостанция “Эхо Москвы” непрерывно рассказывала о событиях у Белого дома. Из телерепортажей накануне вечером граждане узнали, куда им идти. Если бы они не откликнулись, как уже проигнорировали ельцинский призыв к забастовке, ничто не спасло бы от разгрома нарождающуюся российскую демократию. Однако люди отозвались. Выступавшего с балкона Ельцина слушало около ста тысяч москвичей. Они развернули огромный триколор. Флагами поменьше украсили балкон, с которого Ельцин обращался к городу и стране. Он выступал, стоя за пуленепробиваемыми щитами, и охранники при первой же возможности увели его внутрь, опасаясь, что на соседних крышах могут укрываться снайперы.

Нехватки в ораторах в тот день не было. В течение трех часов они сменяли друг друга, а собравшиеся скандировали: “Ельцин, мы с тобой!”, “Россия жива!” и “Хунту под суд!” Выступили, кроме прочих, бывший министр иностранных дел Горбачева Эдуард Шеварднадзе и поэт Евгений Евтушенко: последний назвал Белый дом “раненым мраморным лебедем

свободы, защищенным народом” и “плывущим в бессмертие”. Присутствовал и всемирно известный виолончелист Мстислав Ростропович: он узнал о перевороте из новостей и тут же прилетел из Парижа. Попав в Белый дом, он выступил перед его защитниками, а потом даже взял в руки автомат. Елена Боннэр, вдова Андрея Сахарова (отца советской водородной бомбы и политического диссидента), расшевелила толпу, рассказав анекдот из семейной жизни. Как-то она поинтересовалась у кагэбэшника, почему о ее муже распространяют ложь. “Это пишется не для *нас с вами,* а для быдла”, – ответил сотрудник госбезопасности. “Вот то же самое и с хунтой, – объяснила Боннэр. – Все говорится и пишется для *быдла.* Они думают, что мы – *быдло*”. Слушатели Боннэр не считали, что они – быдло. Когда организаторы митинга обратились к участникам с призывом защищать Белый дом, откликнулись тысячи людей[12].

Когда митинг близился к концу, Ельцин получил долгожданный сигнал о поддержке. По городскому телефону, который КГБ не отключил, донесся голос Джорджа Буша. Наконец президенту США удалось хоть кому-нибудь дозвониться. Днем 19 августа, за несколько минут до того, как Буш, еще в Кеннебанкпорте, дал первую публичную – очень сдержанную – оценку переворота, Андрей Козырев, сорокалетний министр иностранных дел при Ельцине, вызвал американского поверенного Джима Коллинза. Он намеревался вручить письмо Ельцина Бушу. “Я обращаюсь к вам, господин Президент, – писал Ельцин, – в надежде привлечь внимание всего мирового сообщества, и прежде всего Организации Объединенных Наций, к событиям, происходящим в СССР, а также к необходимости вернуть законно избранную власть и восстановить М. С. Горбачева на посту Президента СССР”[13].

К середине утра в Вашингтоне получили письмо, и зам-советника по национальной безопасности Роберт Гейтс зачитал его по телефону Бренту Скоукрофту, сопровождавшему президента в полете из Мэна в столицу. После краткого обсуждения Буш и Скоукрофт решили, что письмо является достаточным основанием для ужесточения официальной позиции. Заниматься расстановкой акцентов выпало Скоукрофту. Генерал удалился в хвостовой отсек самолета и занялся прессой. Перед объективами он заявил, что заговорщики принадлежат к консервативному крылу и стремятся свернуть реформы, а правительство США не приветствует этот шаг, продолжая считать его ‘^неконституционным”. Президентская администрация постепенно ужесточала оценку, хотя, возможно, и не так быстро, как хотелось Ельцину. Его письмо стало первым официальным обращением из Москвы, но президент России не единственный стучал в то утро в американскую дверь[14].

Посол Виктор Комплектов, один из советских чиновников, несколько недель назад сопровождавших Буша в Киев, посетил Госдепартамент, а потом и Белый дом и вручил послания от нового кремлевского начальства. “Я передаю вам это сообщение в поистине критический момент в судьбе Советского Союза и международного положения”, – так начиналось

обращение Геннадия Янаева к президенту Бушу. В письме говорилось о решении заговорщиков проводить антиперестроечную политику и в то же время содержалось обещание продолжать реформы. В конце текста, подготовленного экспертами КГБ, Янаев добавил краткое послание от себя, которое опровергало содержащееся в письме утверждение о болезни Горбачева: "Михаил Сергеевич находится в полной безопасности, его жизни ничто не угрожает". Письмо Комплектов вручил дежурившему в Белом доме Гейтсу, который в тот момент оказался высшим должностным лицом из присутствовавших. "Я обошелся без любезностей и светских разговоров и вообще пытался оказать как можно более холодный прием", – позднее вспоминал Гейтс[15].

Гейтс только что закончил совещание заместителей глав ключевых государственных органов, созванное в 9.30 в оперативном штабе Белого дома. Участники совещания пришли к мнению, что тон американских заявлений относительно переворота должен быть осуждающим. Сказалось влияние доклада Ричарда Керра – заместителя директора ЦРУ. Аналитики управления склонялись к мысли, что исход переворота неясен. Гейтс вспоминал:

Мы в Вашингтоне все отчетливее ощущали, что в Москве что-то не так… Почему до сих пор действует телефонная и факсимильная связь с Москвой? Почему практически ничто не нарушает повседневного хода жизни? Почему не проведены аресты демократической "оппозиции" по всей стране – или хотя бы в Москве? Как режим мог позволить оппозиции забаррикадироваться в здании российского парламента и беспрепятственно пропускал людей туда и оттуда? Мы начали склоняться к мысли, что действиям зачинщиков не хватало согласованности, и, вполне возможно (это лишь предположение), они были готовы дать задний ход.

Было принято решение ужесточить формулировку, добавив слова об "осуждении". Гейтс согласовал это со Скоукрофтом, который был еще в самолете. Заявление попало в вечерние новости и спасло лицо администрации, начавшей день с заявлений, от которых отдавало попустительством[16].

Еще более жесткое заявление одобрили во время второго заседания комитета первых заместителей, которое созвал Гейтс в пять часов вечера. На совещании присутствовали Буш, Брент Скоукрофт и председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Колин Пауэлл. К тому времени были добыты новые свидетельства растерянности заговорщиков. Ричард Керр сформулировал точку зрения ЦРУ так: "Это не похоже на традиционный путч. Он осуществляется не очень профессионально. Они пытаются постепенно, один за другим, брать под контроль силовые центры, а путч не бывает успешным, если действовать поэтапно". Сводки показывали, что президент уже может выбрать тон пожестче. Новый документ начинался словами: "Мы глубоко обеспокоены событиями последних часов в Советском Союзе и осуждаем антиконституционное применение силы". В

нем цитировалось письмо Ельцина Бушу с просьбой потребовать от заговорщиков “восстановить законно избранные органы власти” и “подтвердить”, что Горбачев по-прежнему президент СССР[17].

Ельцин получил сигнал, что Буш принял его сторону. Но звонить российскому президенту американец не спешил. Это было понятно, если учесть не самое приятное впечатление, произведенное Ельциным во время недавнего визита Буша в Москву. Буш попросил помощников соединить его с Горбачевым, но тот не отвечал. Президент США знал о противоборстве Горбачева и Ельцина и старался избегать действий, способных обострить их вражду. Впрочем, ход переворота не оставлял ему выбора. Вечером 19 августа помощники американского президента пришли к заключению, что шефу придется позвонить Ельцину[18].

Утром 20 августа телефоны Горбачева продолжали молчать. Скоукрофт подготовил докладную записку, в которой объяснял, почему Буш обязан позвонить Ельцину. У американцев было очень мало достоверной информации о стремительно меняющейся ситуации. Скоукрофт объяснил президенту, что Ельцин укрывается в Доме правительства РСФСР примерно с сотней российских депутатов. Кроме того, ходили слухи об аресте Ельцина. По другим слухам, Горбачев находился в Москве. Американская разведка не могла это ни подтвердить, ни опровергнуть, и советник по национальной безопасности хотел, чтобы президент получил информацию из первых рук. Имелись и другие причины: “Позвонив утром президенту Ельцину, вы покажете, что поддерживаете его, а значит, и конституционный процесс, нарушенный переворотом. Уже тот факт, что вы звонили, явится для него поддержкой… Даже если у Ельцина сложится впечатление, что мы готовы на нечто большее, нежели общая поддержка, это уже важно”. Российского лидера следовало убедить в том, что США поддерживают его призыв к возвращению власти Горбачеву. Кроме того, американцы собирались установить контакт с организаторами путча, чтобы не допустить применения силы[19].

Разговор с Ельциным состоялся 20 августа после восьми часов утра по вашингтонскому времени. “Вот, интересуюсь, как у вас дела”, – начал президент, забыв поприветствовать собеседника. “Доброе утро”, – отозвался Ельцин, хотя в Москве был поздний вечер. “Доброе утро, – сказал Буш, не особенно вникая в разницу во времени. – Хочу узнать из первых рук, как ваши дела”. Буш скрывал радость: ему удалось дозвониться до Ельцина, которого считали арестованным. Как и предсказывал Скоукрофт, звонок воодушевил президента России. “Здание Верховного Совета и администрации президента окружено, – рассказывал Ельцин, – штурм может начаться в любую минуту. Мы здесь круглые сутки. Уезжать никто не собирается. Я призвал людей встать на защиту законно избранной власти, здесь уже сто тысяч”. Перед российским Белым домом как раз заканчивался митинг, на котором Ельцин обратился к людям с просьбой о помощи.

“Мы полностью поддерживаем ваше требование вернуть Горбачева и законное правительство”, – заверил Буш после того, как выслушал

пространный рассказ о перевороте и требованиях оппозиции. Ельцин попросил Буша сплотить мировых лидеров во имя поддержки российской демократии, а также посоветовал воздержаться от звонка Янаеву. Президент США прислушался к совету. Буш и Ельцин договорились, что на следующий день созвонятся снова. Удивительно, но разговор воодушевил не только Ельцина. "Удачи! Поверьте, мы восхищаемся вашим мужеством и чувством долга. Мы сочувствуем и молимся за вас. Весь американский народ выражает вам поддержку. Вы на верном пути", – сказал в заключение Буш. Этот тон разительно отличался от того, которым он начал разговор[20].

Решительность, проявленная тысячами москвичей, породила у Ельцина осторожный оптимизм. Но тревога не уходила: имелись признаки того, что заговорщики готовят атаку. Около двух часов дня Ельцина посетил генерал Александр Лебедь, чьи десантники располагались по периметру Белого дома – якобы для охраны. Лебедь только что получил приказ отвести подчиненных, и в этом случае Белый дом остался бы беззащитным. Генерал отказался подчиниться приказу Ельцина не отводить подразделения, напомнил о военной присяге и подсказал единственно возможный способ спасти ситуацию: Ельцин должен издать указ о назначении себя главнокомандующим. Ельцин колебался. Лебедь позднее вспоминал:

С точки зрения военной, взять это здание особого труда не составляло. Я так позднее и докладывал на заседании одной из парламентских комиссий. На вопрос: "Взяли бы Вы, товарищ генерал, Белый дом?" я твердо ответил: "Взял бы". На меня посмотрели снисходительно: "Это как же? У нас защитники, у нас баррикады…" – "Посмотрите, какие у вас стены". – "Ну что, красивые стены". – "Да, красивые, только полированные. Потолки тоже красивые, пластиковые. Полы паркетные. Ковры, мягкая мебель." Возмутились: "Говорите по существу". – "Я по существу и говорю. С двух направлений в здание вгоняется 2–3 десятка ПТУРов [противотанковых управляемых ракет] без особого ущерба для окружающей его толпы. Когда вся эта прелесть начнет гореть, а хуже того, дымить, а в дыму сольются воедино лаки, краски, полироль, шерсть, синтетика, подтяни автоматчиков и жди, когда обитатели здания начнут выпрыгивать из окошек. Кому повезет – будет прыгать со второго, а кому не повезет – с четырнадцатого."[21]

Ближе к вечеру в ельцинский Белый дом стали поступать сведения о неминуемом штурме. К защитникам явился сотрудник КГБ, утверждавший, что его подразделение получило приказ атаковать парламент. Эти данные подтверждали помощники Ельцина, поддерживавшие связи с "афганцами", служившими в Вооруженных Силах и КГБ. В пять часов вечера вице-президент Руцкой распорядился, чтобы у Белого дома добровольцы начали занимать оборону. Было объявлено о создании российских (не *советских)* Вооруженных Сил. Ельцин наконец решил назначить себя главнокомандующим. С радостью принимались известия о переходе в Москве на сторону оппозиции подразделений Советской Армии, внутренних войск и КГБ. Их число непрерывно росло. В шесть часов вечера женщинам

предложили покинуть Белый дом. Радиостанция “Эхо Москвы” призывала москвичей прийти к парламенту и помочь отстоять демократию.

Когда на город опустился сумрак, у здания парламента находилось около пятнадцати тысяч человек. Среди них была и Тереза Сабонис-Чейфи, аспирантка Школы общественных наук и международных отношений им. Вудро Вильсона (Принстон), которая приехала в Москву в январе 1991 года и обладала более чем скромными познаниями в русском языке. “Я блуждала в толпе, – вспоминала Сабонис-Чейфи, – и выкрикивала: ‘Товарищи! Мне нужен переводчик’. Я определенно предпочла бы быть русской среди русских”. Вскоре ее зачислили в подразделение, охранявшее подступы к Белому дому. Опасаясь, что военные применят газ для разгона толпы, стали раздавать противогазы. Сабонис-Чейфи писала: “Создавали кордоны из людей со сцепленными руками – первый непосредственно у стен, а затем второй. Первый кордон составляли только мужчины, и они не сразу поняли, что не хватает противогазов большого размера. После женщины, которым впору были противогазы, присоединились к первому кордону. Я оказалась во втором, мы контролировали въезд”.

Тем временем валившийся с ног от усталости Ельцин готовился вздремнуть. Но прежде начальник его охраны Александр Коржаков потребовал определиться, что тот станет делать в случае штурма: укроется в подвале или переедет в американское посольство? В подвале “потом мы сами, без посторонней помощи погибнем”, объяснил Коржаков, а в посольстве президент смог бы “скрываться долго и всему миру рассказывать о событиях в России”. Ельцин произнес: “Хорошо”. Коржаков выставил возле кабинета вооруженную охрану; спать же президент отправился в кабинет врача в другой части здания.

У Белого дома спала в автобусе простоявшая не один час в оцеплении и проверявшая документы (ни разу не предъявив собственный американский паспорт!) Тереза Сабонис-Чейфи[22].

Глава 6
Триумф

Он знал, что за ним следят. Двадцатого августа, на второй день переворота, министра иностранных дел РСФСР Андрея Козырева в Шереметьево сопроводил, как и накануне, “эскорт” КГБ. Козырев спешил на парижский рейс, не имея билета, даже не будучи уверенным, что его выпустят из Москвы. Правительство, которое забаррикадировалось в Белом доме, доверило ему особую миссию.

Борис Ельцин поручил министру, действуя от имени российской оппозиции, заручиться поддержкой западных лидеров и общественности. Конечным пунктом назначения Козырева были Соединенные Штаты, точнее – нью-йоркская штаб-квартира ООН. Если бы события развивались наихудшим образом и Ельцин бы погиб или был схвачен, на Козырева возлагалась задача сформировать российское правительство в изгнании. Кроме того, президент направил группу своих соратников в Свердловск (ельцинский оплот и “географический центр России”) с поручением

организовать альтернативный правительственный центр в одном из бункеров времен холодной войны. В Москве у Козырева остались жена и несовершеннолетняя дочь от первого брака. Шансы на то, что он их скоро увидит, были ничтожны. Следовавшие за Козыревым офицеры КГБ не помешали ему купить билет и улететь: Крючков не был против того, чтобы лидеры оппозиции, даже сам Ельцин, покинули страну.

Трехчасовой перелет до Парижа позволил Козыреву собраться с мыслями. Кадровый дипломат, выпускник МГИМО (как позднее признавался Козырев, поступил он туда не без помощи КГБ), Андрей Владимирович Козырев, как и его шеф, Борис Ельцин, впервые усомнился в советской идеологии и практике, когда во время первой заграничной поездки посетил американский супермаркет. Но сильнее всего молодого дипломата поразило не обилие продуктов, а тот факт, что покупателями были простые американцы, среди которых оказалось немало чернокожих и латиноамериканцев. Одно дело, когда гражданин СССР допускает, что Запад в состоянии обеспечить широкий ассортимент продуктов для капиталистической верхушки, и другое, когда он вдруг понимает, что “синие воротнички” и представители этнических меньшинств, эксплуатируемые этой верхушкой, могут позволить себе такие товары, о которых в СССР даже аппаратчики могли только мечтать.

Позднее в Нью-Йорке к нему в руки попал роман Бориса Пастернака “Доктор Живаго”, запрещенный в СССР, и Козырев, сидя на скамейке в Центральном парке, проглотил его за день. По прихоти судьбы, дипломат читал русский роман в английском переводе. Книгу Козырев оставил на скамье, побоявшись нести ее в здание советского представительства. К своему изумлению, Козырев не нашел в ней ничего “антисоветского”. Но почему она запрещена? Со временем он пришел к выводу, что режим, продуктом которого был он сам, не признает за гражданами права не только на сопротивление, но и на личную свободу. Пастернак не был противником советского строя: просто он не следовал партийной линии. Кроме “Живаго”, Козырев оставил на скамье и свою веру в систему, к которой формально продолжал принадлежать. Но в глубине души, как позднее признавался Андрей Владимирович, он постепенно превращался в “антисоветчика”.

Козырев принадлежал к молодому поколению советских дипломатов, которое медленно, но уверенно подталкивало свое начальство, вплоть до Шеварднадзе и Горбачева, к смене риторики, чтобы вместо широко разрекламированной гласности они признали, что есть уже такие общепринятые во всем мире вещи, как свобода слова и права человека. Козырев не возлагал особенных надежд на Горбачева. Тот оставался для него коммунистом до мозга костей. Ельцин, открыто восставший против партии, был не таким. Летом 1990 года Козырев покинул завидный пост главы управления МИД СССР и принял должность (в то время носившую в основном церемониальный характер) министра иностранных дел РСФСР. Его министерство не располагало представительствами за рубежом и, в отличие от аналогичных структур Украины и Белоруссии, не принимало участия в

работе Организации Объединенных Наций: Украина, Белоруссия и Советский Союз были членами ООН, а Россия – нет. Козырев понимал, что, вставая на сторону Ельцина, он переходит в оппозицию, но был готов рискнуть.

В российском парламенте при утверждении в должности тридцатидевятилетний кандидат на пост министра так сформулировал свое понимание ситуации: "Демократическая Россия должна быть и будет таким же естественным союзником демократических стран Запада, как тоталитарный Советский Союз был естественным противником Запада". Потом произошел путч. Люди, которых Козырев привел в российский МИД из советского, поддержали Ельцина. Они верили в демократические перспективы России, дружественной Западу. После чего возник вопрос: ответит ли Запад взаимностью? И понимают ли лидеры Запада, что нет больше борьбы между Горбачевым и сторонниками жесткой линии, а есть борьба между демократической Россией и военной хунтой, которая несет угрозу свободе?[1]

Итак, задача перед Козыревым была поставлена. Западные лидеры, хоть и обеспокоенные вестями из Москвы, не спешили осудить переворот или хотя бы выступить в защиту изолированного Горбачева, не говоря уже о том, чтобы одобрить призыв Ельцина к всероссийской политической забастовке. В Париже, куда направлялся министр, утром 19 августа президент Франсуа Миттеран выступил с заявлением, в котором фактически признал переворот. Его чувства разделяла министр иностранных дел Канады Барбара Макдугалл. Первое заявление президента США Джорджа Буша, сделанное утром 19 августа, также не содержало осуждения заговорщиков. А вечером того же дня вице-президент Геннадий Янаев даже одобрил примирительную позицию Буша, продемонстрированную им на пресс-конференции для иностранных журналистов, которую транслировали на весь Советский Союз. И все это вопреки отчаянным усилиям Козырева, пытавшемуся в первый день переворота добиться от Запада поддержки Ельцина!

Когда Козырев приехал в Париж, он позвонил Аллену Вайнстайну, директору Центра развития демократии (Вашингтон) и будущему архивариусу Соединенных Штатов, и продиктовал ему собственное заявление. Вайнстайн не был членом администрации Буша, но Козырев, судя по всему, ни в Белом доме, ни в Госдепартаменте не знал никого, к кому можно было обратиться в тот судьбоносный момент. Вайнстайн пришелся очень кстати. Уроженец Бронкса, сын еврейских иммигрантов – выходцев из Российской империи, он глубоко переживал происходящее в СССР и обладал обширными связями в СМИ. На следующий день заявление Козырева (вероятно, не без правки Вайнстайна) напечатала газета "Вашингтон пост". Российский министр утверждал, что изначально сдержанная реакция лидеров демократического мира на путч вселила в заговорщиков надежду на то, что им удалось пустить пыль в глаза Западу:

Позднейшие заявления президента Буша, премьер-министра Джона Мейджора и других западных лидеров развеяли их [путчистов] пустые

ожидания. Крайне важно, чтобы Запад и в дальнейшем осуждал попытку переворота и не признавал – ни теперь, ни в обозримом будущем – заговорщиков… Горбачев должен быть немедленно восстановлен на посту президента СССР, Запад должен потребовать скорейшего установления прямой связи с ним, а международные медицинские эксперты – освидетельствовать его[2].

Ни Ельцин, ни Козырев не доверяли Горбачеву целиком. Многие в Москве подозревали двойную игру: руками бывших соратников разгромить демократическую оппозицию, поручив им выполнить "грязную работу", а самому вернуться в Москву как спасителю нации. Но призыв к возвращению Горбачева грозил обнажить слабое место заговорщиков – отсутствие легитимного оправдания насильственному отстранению от власти главы государства. Тактический шаг "верните Горбачева" придавал некоторую легитимность действиям самого Ельцина, которые до сих пор в глазах Запада выглядели не вполне законными. Кроме того, следовало учитывать и то, что западная общественность все еще находилась под влиянием "горбимании". Буш, на второй день переворота наконец позвонивший Ельцину, сказал президенту России, что поддерживает его требование о возвращении Горбачева. Теперь Буша и Ельцина объединяла повестка дня, которая не ограничивалась долгосрочной стратегией построения демократии. Двумя главнейшими вопросами этой повестки были: остановить переворот и спасти Горбачева.

Заявление президента Буша, который, согласно Козыреву, "исправил неверное представление" о том, что Запад попустительствует заговорщикам, прозвучало во время пресс-конференции Буша в розарии Белого дома, начавшейся 20 августа спустя два часа после разговора с Ельциным:

Неконституционный захват власти – это оскорбление желаний и устремлений, которые советские народы лелеяли все последние годы… Сегодня утром я разговаривал с Борисом Ельциным, который возглавил Россию. в результате свободного волеизъявления [ее населения]. Я заверил г-на Ельцина в непрекращающейся поддержке Соединенными Штатами его цели – восстановлении г-на Горбачева в качестве конституционно избранного руководителя. Г-н Ельцин воодушевлен поддержкой советских людей, а также их упорством перед лицом непростых испытаний. Он выразил благодарность за то, что мы поддерживаем его и президента Горбачева.

Корреспонденты потребовали подробностей, но президент немногое смог добавить к сказанному. Один из вопросов коснулся дилеммы, стоящей перед администрацией: "Какую поддержку вы намерены оказать Ельцину – или вы собираетесь остаться в стороне и поддерживать его только на словах?" Буш придерживался линии, которую уже озвучил: поддержка сведется к солидарности с оппозицией и давлению на заговорщиков, которым будет крайне трудно без западной экономической помощи. Однако в глубине души Буш уже был готов пойти дальше[3].

После пресс-конференции Буш направился в Овальный кабинет. Там к нему присоединились советники. Президент стал обсуждать с ними, что еще

можно сделать для поддержки Ельцина. Ежечасно приходили вести о противодействии перевороту. Поступали сообщения (еще не подтвержденные) о том, что в стане заговорщиков появились первые “перебежчики”: заявил о своем недомогании премьер-министр Валентин Павлов, якобы вышел из состава ГКЧП маршал Дмитрий Язов. Не обошлось без разногласий среди военачальников и руководителей крупнейших союзных республик, включая таких политических тяжеловесов, как лидеры Казахстана и Украины Нурсултан Назарбаев и Леонид Кравчук, которые заняли выжидательную позицию. Принимая во внимание факты, Буш и его советники решили усилить давление. В заявлении о непризнании заговорщиков появилась конкретика. Новый посол США Роберт Страус, принявший присягу и собиравшийся в Москву, получил распоряжение не вручать верительные грамоты путчистам. К радиостанции “Голос Америки” обратились с просьбой помочь Ельцину распространить его обращение на весь Советский Союз. Просьба была выполнена[4].

На территории Советского Союза работало три корреспондента “Голоса Америки”: два в Москве, один в Вильнюсе. Станция вещала четырнадцать часов в сутки, а зона вещания охватывала весь Советский Союз, от Прибалтики до Камчатки. “Голос Америки” сообщил о перевороте через двадцать минут после того, как о нем объявили по советскому радио и телевидению. Слушатели в СССР смогли услышать заявление Ельцина, где он осуждал переворот, произошедший утром 19 августа. Что можно было сделать, чтобы усилить влияние “Голоса Америки” на ситуацию? Двадцатого августа после пяти часов вечера Информационное агентство США (ЮСИА), отвечающее за теле– и радиовещание “Голоса Америки”, отправило в Белый дом факс об изменениях в сетке вещания в тот день – второй день переворота: “Было добавлено пятнадцать часов вещания, чтобы расширить диапазон трансляции и усилить сигнал русской службы, при этом суточная норма вещания осталась прежней – четырнадцать часов, – но сигнал стал мощнее, поймать его стало легче”. “Голос Америки” изменил формат вещания, переключившись на новости с ежечасными прямыми репортажами московских корреспондентов.

На следующий день репортажи “Голоса Америки” с улиц Москвы ретранслировались через финскую сеть сотовой связи, недавно открытую в советской столице. Очередной доклад Белому дому гласил: “Довольно необычно выглядит маршрут, по которому передается телефонный репортаж: улицы Москвы – московский офис ‘Голоса Америки’ – Лондон – Вашингтон – передатчики в Гринвилле – ретрансляторы в Англии – советские слушатели. Все это в течение миллисекунд”. Передачи “Голоса Америки”, Би-би-си и других западных СМИ стали для советских граждан главным источником информации о действиях оппозиционных сил. В Москве их дополняли новости “Эха Москвы”, а в регионах они оставались единственным источником известий о противодействии перевороту. Доклад ЮСИА, предоставленный Белому дому в дни путча, гласил: “Теперь, когда, согласно нашей информации, в СССР выпускается лишь девять газет, а

республиканские и прочие независимые радио– и телевизионные станции почти полностью заняты государственными передачами, роль американских и прочих западных СМИ в информировании советской аудитории будет лишь возрастать”. Когда Дэн Разер в выпуске новостей Си-би-эс спросил у одного из своих гостей, советолога: “Как телезрители и радиослушатели в СССР узнают о призыве Ельцина к всеобщей забастовке?”, то в ответ услышал: “Об этом позаботится ‘Голос Америки’”. И радиостанция действительно позаботилась[5].

Двадцатого августа в 17.35 госсекретарь Джеймс Бейкер получил сообщение об автоматной стрельбе у российского Белого дома, в непосредственной близости от посольства США. Бейкер не мог повлиять на происходящее: “Нечасто в жизни я чувствовал себя настолько беспомощным”. Когда в тот вечер он летел на совещание НАТО в Брюссель, он “ждал, что… раздастся звонок… и его известят, что войска КГБ и МВД пошли на штурм и Ельцин погиб”[6].

Ранним утром 21 августа маршал Дмитрий Язов после заседания ГКЧП не в лучшем расположении духа вернулся из Кремля в Министерство обороны. Собрание, начавшееся накануне в восемь часов вечера, обнажило глубокие разногласия между членами ГКЧП. Началось оно с ошеломительного предложения Янаева: тот зачитал проект заявления, опровергающего слухи о штурме Белого дома. Он хотел, чтобы заявление было передано по радио и телевидению. Собравшиеся не могли не заметить, что предложение Янаева явилось полнейшей неожиданностью для других членов ГКЧП.

Утром 20 августа Язов и Крючков поручили разработать план штурма Белого дома, и к полудню детальный план был у них в руках. Ночью десантники и ОМОН должны были окружить Белый дом и разогнать толпу, расчистив дорогу для спецназа КГБ “Альфа” и армейской группы “Б”. Тем предстояло захватить Белый дом, прокладывая путь гранатометами, и арестовать Ельцина. Операция “Гром” должна была начаться 21 августа в три часа ночи. В полночь подразделения, которым предписывалось участие в операции, должны были собраться у Белого дома. Язов обещал подкрепление. Теперь заговорщикам нужно было просто дождаться темноты. Для Ельцина эта ночь должна была стать последней, проведенной на свободе. После ареста его намеревались отправить на базу охотхозяйства Минобороны “Завидово”, где Брежнев охотился на кабанов в компании высокопоставленных гостей. Спецназовцам (некоторые из них в декабре 1979 года участвовали в штурме президентского дворца в Кабуле) операция казалась “легкой прогулкой”[7].

Но теперь, похоже, стали проявляться разногласия и среди главных действующих лиц заговора. Янаев, и. о. президента СССР и формальный лидер переворота, решил перестраховаться и снять с себя ответственность за штурм. Если бы что-нибудь пошло не так – а могло многое, – он избежал бы критики, оставаясь ответственным главой государства, который не потерпел насилия над народом. Как только чиновники второго уровня, приглашенные

на заседание ГКЧП, разошлись и главные заговорщики остались одни, поведение Янаева резко переменилось. Он уже не пытался либеральничать, а, как и остальные, выступил за арест Ельцина. План штурма Белого дома приняли без изменений, но у путчистов стала вызывать серьезные опасения позиция, занятая Язовым: армию хотят использовать для грязной работы, а из него сделать козла отпущения! Это, думал маршал, уже не первый случай, когда военных используют, а потом взваливают на них ответственность за решения политиков[8].

Военные подозревали, что повторяется вильнюсский сценарий: в январе 1991 года войска были брошены против манифестантов, а когда сюжет о столкновениях увидели миллионы советских телезрителей, Горбачев дал команду прекратить операцию, да еще и обвинил военных в произволе. Тогда Горбачев сказал помощникам, что Крючков и Язов ни на что не годятся. Военные пришли в ярость. Такие либералы, как заместитель Язова маршал авиации Евгений Шапошников, были потрясены решением использовать армию против гражданского населения. “После Вильнюса, после увиденных по телевидению кадров, когда наш солдат бьет гражданского человека прикладом автомата, я понял, что этому должен быть положен решительный и окончательный предел”, – написал он несколько лет спустя. Командиры, которых трудно было заподозрить в либерализме, как, например, командующий ВДВ Павел Грачев, возмутились двуличностью политического руководства. Вечером 20 августа Грачев сказал Шапошникову о готовящемся штурме: “Пусть хотя бы только намекнут, чтобы приказ отдал я, – пошлю их всех подальше…”[9]

В памяти генералов еще были слишком свежи события в Тбилиси в апреле 1989 года и в Вильнюсе в январе 1991 года. Тогда, подчиняясь приказу правительства, они разгоняли демонстрации, участники которых требовали независимости, а когда появлялись раненые и убитые, политики умывали руки. В обоих указанных случаях руководство страны переложило ответственность на военных. Теперь история могла повториться в Москве. Кроме того, “работа” в столице представлялась генералам особенно трудной, потому что в Прибалтике и на Кавказе спецподразделениям, укомплектованным славянами (в основном русскими), противостояло, как правило, неславянское население. В Москве же им пришлось бы действовать против русских. Подчинились бы военные приказу в таких обстоятельствах?

Встала в полный рост проблема идентичности – советский или русский? Когда десантники Александра Лебедя, 19 августа первыми прибывшие к Белому дому, назвали себя “советскими”, один из оппонентов поинтересовался: “А советские – это как?” Иэн Эллиот, репортер радио “Свобода”, описывал сцену, свидетелем которой стал в Москве. Пьяный человек, “рванув на груди рубашку, лез грудью на дуло автомата в руках взвинченного юнца. и орал: ‘Стрелять в нас будете, да? Мы ведь русские, и вы русские!’” Тереза Сабонис-Чейфи, стоявшая в кордоне у Белого дома ночью 20 августа, вспоминала: утверждавших, что они “за Россию”, причисляли к “своим” и позволяли им пройти. В тот вечер еще не

определившийся Грачев попросил ельцинского посланника заверить президента России, что “он русский и никогда не позволит, чтобы армия пролила кровь своего народа”[10].

И все же кровь пролилась. В полночь прозвучали первые выстрелы. Находящийся на площади перед Белым домом Майкл Хетцер, редактор еженедельника “Гардиан”, издаваемого для московских иностранцев и экспатриантов, посмотрел на часы: было ноль часов 21 августа. Среди защитников Белого дома быстро распространилась новость, что к Белому дому идут танки, чтобы напасть со стороны набережной. “В десять минут первого недалеко, со стороны Бульварного кольца, снова раздались выстрелы, – рассказывал Хетцер несколько дней спустя в газете. – В этот раз звук был быстрый… явно автоматная очередь. ‘Едут! – кричала какая-то женщина. – Едут, сволочи!’ Послышалась еще одна очередь, а после – несколько громких взрывов”[11].

Генерал Валентин Варенников, вечером 18 августа выступивший в Форосе против Горбачева, теперь, после непродолжительной остановки на Украине, вернулся в Москву и был готов выступить против Ельцина. Он направил военную технику к Белому дому и планировал высадку спецназа с вертолетов на крышу здания. Первые выстрелы сделали солдаты из Таманской дивизии, проезжавшие мимо Белого дома по приказу Варенникова, чтобы занять позиции у высотки МИДа и приготовиться к наступлению. Колонна бронетехники вошла в тоннель под Калининским проспектом и угодила в засаду: защитники Белого дома сочли этот маневр началом штурма. Выход из тоннеля был заблокирован троллейбусами. Головной бронетранспортер прорвался через заграждение, однако другие очутились в ловушке.

Защитники Белого дома, среди которых были “афганцы”, знали, что делать: они набрасывали брезент на люки бронетранспортеров, лишая обзора механиков-водителей. Солдаты-срочники, чувствуя себя в западне, приводили в движение орудийные башни, пытаясь сбросить нападавших. Вскоре в бронетранспортеры полетел коктейль Молотова. Солдаты выпрыгивали из горящих машин, стреляли в воздух. Пули рикошетили от брони и стен тоннеля, попадали в толпу. Один солдат обжег руки, пытаясь погасить горящую форму, другим удалось уйти целыми. На асфальте остались трое: “афганец”, разбивший голову о бронетранспортер, и двое, погибшие от пуль. Многие получили ранения[12].

Маршал Язов узнал о первых жертвах, когда вернулся с заседания ГКЧП. Теперь получалось, что все путчисты чисты перед законом, кроме него, Язова. Ведь это его подчиненные, а не части КГБ или МВД, открыли огонь по гражданам. С мрачным видом заслушав доклад, Язов приказал заместителю: “Дай команду ‘Стой!’” Новость о том, что армия не собирается участвовать в штурме Белого дома, Крючков встретил с недоверием. Собравшиеся в его кабинете в первые часы 21 августа обвинили военных в трусости. Но были и те, кто вздохнул с облегчением. Командующий

внутренними войсками заявил, что если армия не собирается участвовать в штурме, то и его подчиненные воздержатся[13].

Отказался от участия в операции и спецназ КГБ. Если верить позднейшим заявлениям Владимира Путина, в тот день руководителю КГБ неожиданно позвонил мэр Санкт-Петербурга (тогда еще Ленинграда) Анатолий Собчак, сторонник Ельцина, и поинтересовался судьбой рапорта об отставке, который еще год назад подал его заместитель, тридцативосьмилетний подполковник КГБ Владимир Путин. В тот день Путин якобы написал еще один рапорт. Выбирая между Собчаком и путчистами, он принял сторону Собчака. Путин уважал Крючкова, но, по его словам, “когда увидел путчистов на экране, сразу понял – все, приехали”.

Некоторые биографы Путина подвергают сомнению его слова о том, что в дни переворота он подал рапорт, и предполагают, что он сделал это позднее, после провала путча. Путин, по утверждению критиков, выжидал. Но если и так, он – как и многие в КГБ – повел себя в дни переворота иначе, чем предполагал Крючков. Путин разделял цель заговорщиков – сберечь страну, но их методы находил устаревшими. “В дни путча все те идеалы, те цели, которые были у меня, когда я шел работать в КГБ, рухнули”, – признавался будущий президент России через восемь лет[14].

Крючков, видя, что терпит поражение, сказал подчиненным: “Что же, операцию надо отменять”. К тому времени сильный дождь не позволил вертолету приземлиться на крышу Белого дома, а попытке спецназовцев в штатском проникнуть в Белый дом помешала бдительность защитников российского парламента. В конце концов Крючков отдал приказ перерезать телефонные линии: он решил взять Белый дом в осаду и держать ее, сколько хватит сил.

Однако около восьми часов утра Язов отдал приказ об отводе войск из Москвы. Это явилось неожиданностью для Крючкова и других заговорщиков. Приехав к министру обороны, они принялись убеждать его, обвиняли в трусости, в измене, но тот был непреклонен: стрельба по людям – это не выход. А если не убрать армейские подразделения, говорил Язов, вряд ли удастся избежать новых столкновений. Достаточно поджечь хотя бы танк с полным боекомплектом, а это сорок снарядов, – и не миновать беды. Он сказал соучастникам, что не намерен становиться вторым Пиночетом[15].

Новость об уходе из Москвы военных скоро дошла до измотанных защитников Белого дома. Той же ночью, заслышав звуки выстрелов, глава охраны Ельцина Александр Коржаков бросился в кабинет врача, где, не раздеваясь, спал Ельцин, и разбудил президента. Они спустились в гараж. Первой мыслью Ельцина было: “Все, начался штурм”. Помощники надели на него бронежилет и усадили на заднее сиденье лимузина.

Коржаков приказал открыть ворота: он собирался пробиваться в посольство США, от которого их отделяла площадь. Американцев предупредили, и они держали ворота открытыми. Люди Коржакова устроили в баррикадах проезд, чтобы пропустить лимузин. Буквально несколько минут – и Ельцин будет в безопасности. Но не успела машина завестись, как

президент пришел в себя: “Подождите, а куда мы едем?” “Как куда? – удивился Коржаков. – В американское посольство. Двести метров, и мы там”.

“Какое посольство? – возразил не менее удивленный Ельцин. – Нет, никакого посольства не надо, поехали обратно”.

Коржаков приказал водителю ждать. Ельцин передумал – как нередко бывало, в последний момент.

Политический инстинкт взял верх над инстинктом самосохранения. Даже рискуя попасть под арест или погибнуть, Ельцин стремился выжить политически, а этого было нельзя достигнуть, укрывшись у американцев. “Это значило бы, что я сам перебрался в безопасное место, а их оставил под пулями”, – вспоминал позднее Ельцин. Президент не был лишен и национальной гордости, которую умело пускал в ход. “При всем уважении к американцам, у нас не любят, когда иностранцы принимают слишком активное участие в наших делах”, – писал Ельцин в мемуарах. Это было еще мягко сказано. Многие избиратели мыслили категориями холодной войны и считали Соединенные Штаты главным врагом. Годы перестройки не ослабили эти чувства, а уход СССР из Восточной Европы, дополненный экономическими неурядицами, лишь усилил неприязнь к благополучному Западу.

На ночь Ельцин спустился в подвал под Белым домом. Он прислушивался к звукам автоматных выстрелов, время от времени доносившихся снаружи, и ждал штурма. К нему присоединились демократические лидеры Москвы. Там находились также мэр Гавриил Попов и его заместитель Юрий Лужков. С заместителем мэра приехала беременная молодая жена. Она принесла домашней еды и ощущение покоя, которого так не хватало осажденным[16].

В пять часов утра, когда в Москве отменили комендантский час, американский поверенный в делах Джим Коллинз смог осмотреть поле ночной битвы. “Те полдюжины БМП, которые после полуночи угодили в ловушку в туннеле под Калининским проспектом, сдались силам РСФСР”, – отрапортовал дипломат. Неназванный источник в штабе Ельцина (имя в тексте посольского доклада, рассекреченного в США, вымарано) после шести часов утра позвонил в посольство и сообщил, что десантники, направлявшиеся к Белому дому, остановились после того, как к их командиру подошли люди из российского правительства.

Около восьми часов новость об отводе войск была подтверждена по факсу, пришедшему в посольство США из РИА “Новости”. Высокопоставленный чин в Министерстве обороны заявил, что военные “ни завтра, ни послезавтра” и помышлять не будут о захвате Белого дома. Похоже, переворот провалился. Толпа, которую Коллинз увидел у Белого дома в пять часов утра, редела, немало защитников разошлось по домам. Коллинз передал американским служащим, которые провели беспокойную ночь в здании посольства, что они могут без опаски возвращаться в свои квартиры[17].

Для большинства защитников Белого дома новость об отводе войск стала неожиданностью, однако некоторые факты указывают на то, что Ельцин и его окружение узнали об этом раньше. Так, глава КГБ Крючков позвонил Ельцину и сообщил об отмене штурма. Кроме того, российский президент был осведомлен о планах путчистов лучше, чем они могли предположить. Через несколько лет некий американский политик, беседуя с журналистом Сеймуром Хершем, лауреатом Пулитцеровской премии, рассказал, что по приказу президента Буша велся перехват телефонных разговоров между организаторами переворота и советскими военачальниками.

“Для общения с военными чинами министр обороны и председатель КГБ пользовались максимально защищенными линиями, – писал Херш, ссылаясь на свой источник. – Мы оперативно информировали Ельцина о содержании звонков. Значительная часть задействованных военачальников не отвечала на вызовы”. Согласно данным Херша, в ельцинский Белый дом был направлен связист из посольства США, который обеспечил устойчивую связь с советским военным руководством. “Ельцин имел возможность обращаться к ним напрямую и убеждать их оставаться на местах”, – рассказал неназванный источник Херша[18].

Ни Буш, ни сотрудники его администрации в мемуарах ни словом не обмолвились о передаче разведданных Ельцину. Если это правда, то они нарушали подписанный президентом всего за четыре дня до переворота закон, признававший незаконным проведение тайных операций за рубежом без ведома Сената. Что касается большинства материалов администрации Буша, так или иначе связанных с разведдеятельностью и до сих засекреченных, можно лишь догадываться, передавались ли Ельцину какие-либо сведения. Неизвестно, могли ли американцы прослушивать переговоры советского военного командования, и если да, влияло ли это на исход переворота. В расшифровках телефонных переговоров Буша с Ельциным нет и намека на передачу материалов прослушки.

Двадцать первого августа Буш дозвонился Ельцину из своего поместья в Кеннебанкпорте, куда он вернулся после краткой поездки в Вашингтон. В Мэне была половина девятого утра, в Москве – половина четвертого. Буш вспоминал, что голос Ельцин звучал гораздо увереннее, чем накануне: он благополучно пережил ночь и, по словам Роберта Гейтса, превратился в “ключевую фигуру”. Буш поинтересовался у президента России: “Мы хотим сделать все возможное, чтобы помочь. Есть у вас какие-либо предложения?” У Ельцина не было дополнительных требований: “Я не вижу, чтобы вы могли помочь как-нибудь иначе, кроме как поведать миру о нашем непростом положении и заявить о моральной поддержке”. Что касалось предстоящего ареста заговорщиков, Ельцин сказал: “Я не могу посвятить вас в детали по этому телефону”. Буш ответил: “Понимаю”[19].

Российского президента теперь сильнее тревожил не возможный штурм Белого дома, а политические маневры оппонентов. Ельцин сказал Бушу, что в Крым, на встречу с изолированным президентом, кроме двух сохранивших

лояльность Горбачеву помощников, отправилась и российская делегация. “К сожалению, – объяснял Ельцин, – за сорок минут до отбытия нашей группы туда же вылетело пять членов хунты, включая Язова. Цель их ясна: первыми оказаться у Горбачева и либо вынудить его подписать какой-нибудь документ, либо переправить куда-то, куда мы не знаем. Я же сейчас пытаюсь согласовать свои действия с Кравчуком, чтобы перехватить их, заставить приземлиться в Симферополе и не допустить к нему [Горбачеву] первыми”.

Также Ельцин сообщил, что его оппоненты убеждали членов Верховного Совета СССР, который должен был собраться 26 августа, дать юридическую поддержку действиям ГКЧП. Заговор, по мнению Ельцина, мог потерпеть поражение на поле боя, но выиграть политически. Судьбу путча мог решить Михаил Горбачев.

В предыдущие дни Ельцину удалось показать незаконность переворота и утвердить себя в глазах закона, потребовав освобождения Горбачева. По мнению самого Ельцина и его соратников, это была опасная игра. Многие считали, что Горбачев был не жертвой заговорщиков, а подстрекателем и кукловодом. Что вышло бы, если бы заговорщики оказались у Горбачева первыми и убедили его присоединиться к ним? Российская делегация должна была не допустить этого. Ельцин отправил в Крым своего вице-президента, генерала Руцкого, с группой вооруженных офицеров. Он также хотел, чтобы главнокомандующий советскими ВВС маршал Шапошников, который поддерживал его в течение всего переворота, заставил самолет заговорщиков отклониться от курса или сделать вынужденную посадку, позволив российской делегации опередить их. Но Шапошников был бессилен: никто не мог отдать президентскому самолету команду на приземление, кроме начальника Генштаба.

Для путчистов, как и для их противников, позиция, которую займет Горбачев, была обстоятельством первостепенной важности. От того, кому удалось бы “спасти” Горбачева первым, зависел успех или провал переворота, а также политическое – и даже, возможно, физическое – выживание главных игроков на советской политической сцене. “В данный момент туда летят три самолета, и каждый стремится стать первым”, – сказал Ельцин президенту Бушу. Третьим был самолет спикера советского парламента Анатолия Лукьянова, который сначала поддержал переворот, а теперь желал дистанцироваться от заговорщиков. Джеймсу Бейкеру в Вашингтоне вручили доклад, согласно которому Джеймс Коллинз из американского посольства в Москве также намеревался лететь с Руцким в Крым, но опоздал к отлету[20].

В час дня маршал Язов обнял супругу и отправился в аэропорт. Он решил принять совет, который жена дала в первый день переворота: порвать с путчистами и договориться с Горбачевым. Когда маршал заявил членам ГКЧП, что не только отдал приказ вывести войска из Москвы, но и намерен лететь в Крым к Горбачеву, Крючков попытался отговорить его. Язов не послушал, и тогда председатель КГБ сказал, что и сам полетит. Крючков

хотел первым попасть к преданному президенту и заключить с ним союз против ставшего еще более влиятельным президента России. Уже в воздухе они узнали, что Ельцин отдал приказ об их аресте. Единственной палочкой-выручалочкой оставался Горбачев. “Должен же он [Горбачев] понимать, что без нас он – ничто!” – сказал Крючков коллегам[21].

К вечеру колонна лимузинов, перевозящих Крючкова, Язова и других бывших соратников Горбачева, подъехала к даче. Как и три дня тому назад, визитеров сопровождал генерал Юрий Плеханов. Около пяти часов ворота открылись. И тут произошло нечто неожиданное. Из-за кустов появились двое охранников с автоматами и приказали всем остановиться. Плеханов выскочил из автомобиля: “Вы что, начальника охраны не пускаете?” Но охранники подчинялись только командам Горбачева.

Из спальни вышла потревоженная Раиса Горбачева. Вход в кабинет Горбачева преградил охранник.

– Вы никого не пропустите? – спросила она.

– Сюда никто не войдет.

Раиса Горбачева перенесла микроинсульт, из-за чего одна рука плохо ее слушалась. После отлета заговорщиков 18 августа семья держалась спокойно, но стоило ГКЧП следующим утром объявить о болезни Горбачева, как беспокойство начало нарастать. После того как семья советского президента вечером 19 августа посмотрела пресс-конференцию ГКЧП, оно стало почти запредельным. Если многие граждане СССР отреагировали на явление миру ГКЧП с осторожным оптимизмом, считая, что такие люди у власти долго не продержатся, то семья Горбачевых, напротив, обеспокоилась больше прежнего. Постоянные вопросы журналистов о здоровье Горбачева и заверения Янаева в том, что ничего ему не хочется так сильно, как возвращения президента в Москву, настораживали. В ту ночь Горбачев записал видеообращение к стране, где осудил переворот и назвал ложью заявления о своей болезни. Четыре небольших кассеты нужно было незаметно вынести с территории охраняемой дачи. И вот теперь, спустя три дня, к нему явилась делегация.

В этот раз Горбачев узнал о визите заранее. Раиса Максимовна в дневнике отметила, что ее дочь и зять слушали передачу Би-би-си, в которой утверждалось: Крючков согласился направить в Крым делегацию, чтобы проверить состояние здоровья Горбачева. Это пугало: “Мы расценивали это как сигнал самого худшего. В ближайшие часы могут быть предприняты действия, чтобы гнусная ложь стала реальностью. Михаил Сергеевич отдал приказ охране блокировать подъезды, вход в дом, без его разрешения никого не впускать; находиться в состоянии боевой готовности; в случае необходимости применить оружие”. Теперь все зависело от охранников. На следующий день после того, как к Горбачеву неожиданно явились заговорщики, охранники пообещали до последнего защищать своего главнокомандующего.

Теперь они были полны решимости показать, что серьезно относятся к своим обязанностям.

Плеханову пришлось отступить. Заговорщики сообщили, что хотят встретиться с президентом, и смиренно направились в гостевой домик. Помощник Горбачева Анатолий Черняев, узнавший от своих секретарей о визите, немедленно отправился к Горбачеву и попросил не принимать путчистов. Горбачев согласился: “Я им ультиматум поставил: не включат связь – разговаривать с ними не буду. А теперь и так не буду”. Когда заговорщики восстановили связь, первым на линии оказался Крючков. Горбачев отказался разговаривать с бывшим соратником. Он связался с начальником Генштаба генералом Михаилом Моисеевым и приказал обеспечить безопасную посадку самолета с делегацией Российской Федерации: на земле ее ждала засада. Командующему кремлевским гарнизоном напомнили, что он не подчиняется никому, кроме Горбачева. Министр связи получил приказ перекрыть заговорщикам каналы связи. Президент снова был на коне.

После того как заговорщики выполнили требования Горбачева и восстановили связь с внешним миром, его главной целью, кроме восстановления контроля над армией и органами безопасности, была оценка новой политической реальности. Помощник Горбачева Вадим Медведев, который в тот день ближе к вечеру позвонил из Москвы, вспоминал: “Президент сказал, что сделал уже ряд звонков в Москву, в некоторые республики, и сейчас будет разговаривать с Ельциным”. К полудню 21 августа Горбачев окончательно вернулся в политику. Не только заговорщики, но и демократы понимали, что без него не обойтись. Теперь Горбачев был готов награждать победителей и карать проигравших. Теоретически он мог пойти на сделку – на это и рассчитывали заговорщики. Но Горбачев поддержал Ельцина[22].

Неожиданно раздался звонок. Исполняя поручение Брента Скоукрофта, американские военные снова и снова пытались связаться с Горбачевым. Когда Горбачев наконец оказался на связи, они бросились искать Буша. “Есть Бог на свете! – сказал главный коммунист Советского Союза американцу-переводчику Петру Афанасенко. – Я четыре дня провел в крепости”.

Буш, услышав Горбачева, также помянул Всевышнего: “Боже мой! Это чудесно, Михаил!”

“Считаю своим долгом выразить вам свою признательность за вашу позицию, которую вы заняли с первых минут. Вы показали стойкость, – якобы произнес Горбачев. – Спасибо вам за то, что вы прервали отпуск. Своими сильными заявлениями вы поразили всех, кроме разве что Каддафи” (эксцентричный ливийский диктатор не скрывал, что поддерживает переворот).

Вскоре к супругу присоединилась Барбара Буш: “Барбара здесь. Передает Раисе привет”.

Горбачев был растроган: “Я благодарен вам и Барбаре за вашу принципиальную позицию, за вашу человечность и дружбу”. Черняев позднее вспоминал, что стал свидетелем “радостного разговора”.

Горбачев сказал: “Мы хотим и впредь работать сообща. И будем действовать решительно, невзирая на происшедшее. Ведь дело в том, что это было предотвращено благодаря демократии. И это – гарантия для нас”.

Буш был польщен: “Я немедленно передам ваши слова всему миру”.

Не прошло и часа, как Буш уже общался с прессой. Он рассказал корреспондентам в Кеннебанкпорте, что имел беседу с президентом СССР, что состояние здоровья Горбачева не вызывает опасений, тот снова первое лицо в государстве и выражает “искреннюю благодарность народу

Соединенных Штатов и других стран за поддержку демократии и реформ… В общем, это очень, очень положительное событие”. У президента США было немало поводов для радости: его стратегия поддержки нарождающейся российской демократии, не сопровождающаяся скоропалительным сжиганием мостов между ним и заговорщиками, сработала исключительно хорошо[23].

Российская делегация, возглавляемая вице-президентом Руцким, прибыла в Форос в девятом часу вечера. Раиса Горбачева, увидев, что Руцкого сопровождают люди с автоматами, поинтересовалась, не для того ли они прибыли, чтобы арестовать президента. Нет, заверил Руцкой, они намерены его освободить. Горбачев сразу принял Руцкого. Анатолий Черняев отметил в дневнике, что встреча Горбачева с “россиянами” останется в его памяти:

Я гляжу на них. Среди них те, кто и в парламенте, и в печати не раз крыл М. С., спорил, возмущался, протестовал. А теперь несчастье мгновенно высветило, что они нечто единое и именно как таковое необходимо стране. Я даже громко произнес, наблюдая эту всеобщую радость и объятия: “Вот и состоялось соединение Центра и России, без всякого Союзного договора.”

Теплый прием рассеял сомнения у российской делегации. До самого конца Ельцин не знал, стоит ли за заговорщиками Горбачев. Руцкому хватило единственного взгляда на измотанную Раису Максимовну, чтобы прийти к заключению, что во всем этом нет и тени игры[24].

Горбачев вместе с делегацией Руцкого отбыл в Москву на российском правительственном самолете. Руцкой убедил его, что так безопаснее: заговорщики могли попытаться сбить самолет президента СССР. Именно на президентском самолете прилетело в Москву большинство членов ГКЧП. Язов проклинал минуту, когда связался с путчистами; он принял свой арест с достоинством. У Крючкова на миг появилась надежда, что не все потеряно, когда он узнал, что полетит на том же самолете, что и Горбачев с “россиянами”. Но перед посадкой его обыскали, а в воздухе никто с ним не общался, кроме охраны: ему была уготована роль прикрытия на случай, если он прежде распорядился взорвать самолет. В Москве удивленного председателя КГБ арестовали – не союзные, а российские власти – и переправили в один из охраняемых подмосковных пансионатов. Крючков попросил виски, но не получил его. Времена изменились[25].

Часть III Контрпереворот

Глава 7
Русский бунт

Утром 22 августа чиновники и журналисты съехались в аэропорт Внуково, чтобы встретить президента СССР. Горбачев выглядел уставшим, но довольным. Охранники держали наготове автоматы. Это напоминало о только что пережитых советским лидером и его семьей испытаниях и, возможно, сохранявшейся еще опасности.

За Горбачевым по трапу спустились его жена и другие члены семьи, в том числе внучки Ксения и Анастасия. Раиса Максимовна была подавлена. Рука до сих пор отказывала, и два дня спустя супруга президента легла в больницу. Тридцатичетырехлетняя дочь Горбачева Ирина, врач, в дни путча сохраняла спокойствие. Однако, почувствовав себя в безопасности, она залилась слезами. Происходящее не понимали только внучки. Горбачев вспоминал, что младшая – Анастасия – была озабочена меньше всех: “Она ничего не понимала, бегала вокруг и просилась на пляж”. По пути в Москву девочки мирно спали на полу самолета[1].

Пока семья ждала Горбачева в автомобиле, он обратился к журналистам. Он говорил о крымском заточении, пообещав в ближайшие дни рассказать о нем подробнее, и озвучил соображения о новой политической ситуации и своих задачах: “Главное то, что все сделанное после 1985 года имело реальные результаты. Наше общество и народ стали другими, и это было главной преградой на пути авантюры, совершенной группой лиц… и это было главной победой перестройки”. Горбачев поблагодарил Бориса Ельцина за его позицию во время путча и выразил особую признательность *россиянам.* Заглядывая в будущее, Горбачев акцентировал внимание на сотрудничестве центра и республик для выхода из политического и экономического кризиса. Он не стал призывать к немедленному подписанию нового Союзного договора, ставшего основным поводом для переворота и сошедшего с повестки дня после поражения ГКЧП. Вместо этого речь шла о “понимании”[2].

По пути в Москву президент СССР сказал помощникам: “Мы летим в новую страну”. Вероятно, он и сам не понимал, насколько был прав. Ночью 22 августа тысячи москвичей ждали Горбачева у Белого дома, но он не приехал. Возможно, он даже не знал, что его ждут, или просто был измучен. Около четырех часов утра выступил Руцкой. Он рассказал об освобождении Горбачева и арестах путчистов. Президент СССР упустил возможность обратиться к людям[3].

Горбачев во многом не понял ситуацию после краха ГКЧП, недооценил стремительно увеличивающийся политический вес улицы. Массы, заполнившие московские проспекты и площади в дни путча и сразу после него, играли самостоятельную роль. Ельцин не боялся выступать перед публикой, направлять толпу и использовать ее в политической борьбе. Горбачев этого не умел. Массовую гражданскую активность породили перестройка и гласность, однако у москвичей, вышедших к парламенту, имелись собственные идеалы. Они хотели не “исправить” старый уклад, а

создать новый. Горбачев упустил шанс превратиться в политика нового типа. Он проиграл первый раунд соревнования с Ельциным. Это поражение имело колоссальное влияние на судьбу Союза.

В воспоминаниях Горбачев умолчал о событиях 22 августа. Вадим Медведев позднее назвал 22 августа днем упущенных возможностей. Утром после возвращения президент СССР отдыхал. Днем он приехал в Кремль и собрал ближайших соратников. На повестке дня стоял кадровый вопрос. Горбачев начал отправлять в отставку путчистов и их сторонников, заменяя их лояльными людьми. Указы готовились окружением президента и сразу же шли на подпись. В первую очередь нужно было назначить нового председателя КГБ, министров внутренних дел и обороны. Эти ведомства были столпами президентской власти, и после поражения путчистов Горбачев нуждался в них сильнее, чем когда-либо[4].

Желая как можно скорее назначить на вакантные должности новых людей, президент отобрал несколько кандидатур. Речь шла о бывших заместителях министров, которых он не считал участниками заговора. Исполняющим обязанности министра обороны Горбачев предложил назначить генерала Михаила Моисеева. Последний произвел сильное впечатление на Буша во время визита в Вашингтон весной 1991 года. В ходе телефонных переговоров с Ельциным в дни путча президент США дважды интересовался "поведением" Моисеева. По словам Ельцина, тот не вел себя "должным образом", но Горбачев считал иначе. КГБ был доверен руководителю внешней разведки, специалисту по Ближнему Востоку Леониду Шебаршину. Он провел первый день переворота за игрой в теннис, дав понять, что его работа не имеет ничего общего с устроенным коллегами путчем. Вместо Бориса Пуго в кресло главы МВД сел его бывший заместитель. Не так важно было, что новые руководители силовых ведомств были близки к ГКЧП: они уже не представляли собой угрозу. Куда более значима была их удаленность от Ельцина, теперь главного соперника Горбачева[5].

Указанные назначения вызвали первый серьезный кризис в отношениях Горбачева и Ельцина после путча. Пока первый подписывал указы, второй мобилизовал массы. Днем Ельцин обратился к тысячам "победителей" в Москве, объявив, что отныне флагом России становится бело-сине-красный триколор. Александр Коржаков, глава охраны российского президента, отзывался о реакции шефа на назначение Горбачевым министров так: "Ельцина, естественно, такая шустрая самостоятельность возмутила. Он решил все переделать по-своему". Ельцин видел хозяином положения себя, а не Горбачева.

Министры, в полномочия которых входило руководство армией, милицией и спецслужбами, влияли на политическую судьбу не только страны, но и лично Ельцина. Российский президент хотел видеть на этих должностях лояльных себе или, по крайней мере, не абсолютно зависимых от Горбачева людей. Главным оружием Ельцина в борьбе с ослабленным главой СССР стала информация о деятельности высших должностных лиц в дни

переворота. Услышав по телевизору о назначении глав силовых ведомств, глава РСФСР сразу же позвонил Горбачеву: “Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев – один из организаторов путча. Шебаршин – ближайший человек Крючкова”. Горбачев попробовал выпутаться: “Да, возможно, я не сориентировался, но сейчас уже поздно, во всех газетах опубликован указ, его зачитали по телевидению”. Ельцин не собирался отступать и пообещал прийти к Горбачеву следующим утром[6].

Отмена указа Горбачева была одной частью ельцинского плана. Другой было получение санкции Горбачева на провозглашение если не независимости, то хотя бы хозяйственной автономии России в составе Союза. Президент СССР отменил все указы путчистов и признал действительными акты, изданные Ельциным в условиях чрезвычайного положения. Ельцин заявил, что еще 20 августа он подписал указ об экономическом суверенитете РСФСР. Согласно этому документу, с 1 января 1992 года все предприятия, находящиеся на территории России, должны были перейти под юрисдикцию и оперативное управление республиканского руководства. Кроме того, Ельцин заявил о мерах по созданию российской таможенной службы, формированию республиканского золотого запаса, введения республиканского налогообложения и лицензирования добычи полезных ископаемых. Указ, подтверждения которого он требовал у Горбачева, подрывал экономические основы существования Союза. В иных условиях президент СССР ни в коем случае не одобрил бы такой документ. Колебался он и теперь. Конечно, указ не был и не мог быть подписан 20 августа. Когда Ельцин ожидал штурма, не было сделано даже намека на подготовку проекта этого указа.

Это было еще не все: 22 августа, в день возвращения Горбачева, Ельцин запретил выход “Правды” и других газет, поддержавших ГКЧП. Кроме того, он уволил главу ТАСС и поставил под контроль республиканского правительства печатные органы КПСС, выходившие на территории РСФСР, чем явно превысил свои полномочия, предусмотренные проектом нового Союзного договора. Не оставалось сомнений: договор уже ничего не значил для российского руководства. Но Ельцин хотел не просто расширить суверенные права своей республики. Освободив Горбачева из плена путчистов, он загнал его в новую ловушку. Советник Горбачева Вадим Медведев назвал действия российского президента по отношению к Горбачеву после падения ГКЧП “контрпереворотом”[7].

Двадцать третьего августа Ельцин встретился с Горбачевым с глазу на глаз, чтобы обсудить кадровые предложения президента СССР. Тот пытался выиграть время. В ответ на требование российского коллеги отправить в отставку Моисеева он пообещал: “Я подумаю, как это исправить”. Ельцин отказался выйти из кабинета: “Нет, я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте его в отставку”. Положение российского лидера укрепилось после получения его службой безопасности записки о подготовке Моисеевым уничтожения документов, касающихся участия чинов Министерства обороны в путче. В записке

значились имя и номер телефона ответственного офицера. Ельцин распорядился набрать этот номер и передал трубку Горбачеву: “Прикажите старшему лейтенанту прекратить уничтожение документов. Разрешите ему взять все под охрану”. Горбачев отдал такой приказ. После этого Ельцин потребовал вызвать Моисеева и сказал: “Объясните ему, что он больше не министр”. Униженный Горбачев так и поступил[8].

По предложению Ельцина новым министром обороны сделали маршала авиации Евгения Шапошникова. В дни путча он выступил против заговорщиков. Таким образом, во главе советских Вооруженных Сил встал человек Ельцина. Глава РСФСР вел переговоры о назначении председателем КГБ союзника Горбачева Вадима Бакатина, поддержавшего Ельцина во время путча. Более того, Ельцин требовал отставки министра иностранных дел Александра Бессмертных, под предлогом болезни исчезнувшего в дни переворота. Горбачев согласился сместить назначенного накануне и. о. министра внутренних дел. Ельцин вспоминал: “Я сказал ему [Горбачеву]: ‘У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения – только по согласованию со мной’. Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд зажатого в угол человека”. Президент России принуждал президента СССР назначать либо подконтрольных, либо лояльных себе людей. Шапошникову и Бакатину было суждено сыграть решающую роль в событиях следующих месяцев[9].

Горбачев сдался. Его положение подорвали обвинения в поддержке путча. Двадцать второго августа корреспонденты газеты “Аргументы и факты” провели опрос на улицах Москвы, спрашивая мнение прохожих о Горбачеве. Журналисты хотели узнать, верят ли люди в его причастность к перевороту. Один из четырех опрошенных не доверял президенту СССР. Один – верил. Еще двоим Горбачев по-прежнему внушал доверие, но они уже начали в нем сомневаться, поскольку ГКЧП возглавляли его протеже. Слова Ельцина о назначенных министрах и верхушке ЦК могли оказаться вполне справедливыми – проведя дни путча в изоляции, Горбачев не имел возможности проверять факты и отвергать обвинения. Впоследствии Горбачев писал: “Допущенные промахи объяснялись незнанием всей суммы фактов. Многое ведь открылось лишь через месяцы, а кое-что и сейчас не до конца выяснено”[10].

Президент СССР вернулся в Москву с намерением восстановить свои позиции как главы государства и партии. Выступая в тот вечер на пресс-конференции, он заявил о своей приверженности социализму и раскритиковал выход из КПСС Александра Яковлева – одного из наиболее близких к нему политиков, автора идеи перестройки. Горбачев выступил за продолжение обновления партии на демократических началах. В июле он предложил ЦК проект новой программы КПСС, предусматривающей ее переход на позиции европейской социал-демократии. Он надеялся на успех реформы, поскольку после падения ГКЧП консервативно настроенные партийные лидеры сошли со сцены.

В воспоминаниях Горбачев пытался объяснить происходящее: “Распад КПСС на определенном этапе был неизбежен, потому что она включала в себя представителей различных идейно-политических течений. Я был за то, чтобы сделать это демократическим путем – провести в ноябре съезд, на котором по-доброму размежеваться. Принятый мной и моими единомышленниками вариант программы, по данным некоторых опросов, поддерживали около 1/3 членов партии”. Горбачев все еще думал, что стоит во главе пятимиллионной партии. Однако вскоре он понял, что партия сошла со сцены[11].

В день возвращения Горбачева в Москве начались массовые демонстрации. В течение суток к митингующим присоединились либерально настроенные сторонники демократической революции, большинство которых не участвовали в конфликте во время его обострения. Кроме того, на улицы вышла жаждавшая острых ощущений молодежь. Алкоголь продавался свободно, и толпа становилась неуправляемой. Действия митингующих пытались контролировать поддержавшие Ельцина во время путча представители городских властей. Они удерживали все более неуправляемую толпу от штурма охраняемого снайперами здания КГБ. Была предложена альтернатива: снести памятник Феликсу Дзержинскому[12].

Поздно вечером на место событий приехали сотрудники посольства США, чтобы понаблюдать за происходящим. Когда один из них сказал, что он американец, его пропустили вперед. Он оказался в первом ряду. Сначала демонстранты хотели уронить памятник с помощью грузовика. Однако сотрудники мэрии попросили их подождать автокрана, объяснив, что монумент слишком тяжел. Если бы он упал, он мог бы повредить тоннель метрополитена. Люди послушались. Через несколько часов памятник демонтировали.

Американские дипломаты сообщили в Вашингтон: “Были срезаны болты. Краны были готовы снять памятник с пьедестала. Когда он сдвинулся с места, раздались аплодисменты. Толпа начала скандировать: ‘Долой КГБ!’, ‘Россия!’, ‘Палач!’ Все три здания КГБ были погружены во тьму. Всякий раз, когда в каком-нибудь кабинете загорался свет, толпа кричала и показывала пальцами на окно. Это продолжалось, пока свет не гас. Собравшиеся говорили: ‘Они нас боятся’. Ночь прошла без серьезных инцидентов”[13].

Наступило утро 23 августа. Сторонники Ельцина не торопились распускать собравшихся по домам. Они сообщили об опасности штурма Белого дома. Маршал Шапошников, которому через несколько часов предстояло занять пост министра обороны, привел авиацию в боевую готовность. Тем временем толпа собралась у здания городского управления МВД на Петровке. Смельчаки начали взбираться на металлическую ограду. Начались беспорядки, возникла опасность захвата оружия. В этот момент не существовало верховного руководства органами правопорядка: министр Пуго покончил с собой, а Ельцин отклонил предложенную Горбачевым кандидатуру нового главы ведомства. В свою очередь, кандидатура Ельцина

пока еще не была принята лидерами остальных республик и Горбачевым. Ситуация могла выйти из-под контроля в любой момент[14].

Как и минувшей ночью, дело взяла в свои руки пользовавшаяся авторитетом мэрия. Городская администрация решила направить массы к зданию ЦК КПСС, находившемуся за несколько километров от здания ГУВД на Петровке. Выступил один из городских чиновников: “Мэру нужна ваша помощь. Все – к Центральному комитету”. Многие не хотели уходить, ведь милиционеры и оружие уже почти оказались в их руках. Однако другие еще воспринимали партию как источник и символ власти. Толпа послушалась.

Предыдущие мишени манифестантов – КГБ и милиция – прямо участвовали в перевороте. Установление контроля над зданием ЦК играло еще большую роль, хотя лидеры КПСС так и не озвучили публично свое отношение к путчистам. Участники митинга выступали не только против руководителей ГКЧП, но и против однопартийного государства. Антипартийные лозунги мобилизовали москвичей несколько предыдущих лет. Сработали они и теперь. Толпа двинулась к Старой площади.

Пока президенты СССР и России обсуждали кандидатуры министров, реальная власть над страной и столицей находилась в руках Геннадия Бурбулиса – выросшего в Свердловске сорокашестилетнего внука латышских эмигрантов. До перестройки он был профессором политэкономии, а с первых лет горбачевских реформ стал антикоммунистом и занялся организацией демократических сил. Незадолго до этого Ельцин назначил Бурбулиса госсекретарем РСФСР, сделав вторым человеком в республиканской иерархии. Двадцать третьего августа он управлял ситуацией из своего кабинета в Белом доме. С Ельциным, находившимся в Кремле на заседании с участием Горбачева и лидеров республик, он связывался, передавая записки через телохранителей. Именно так президент РСФСР узнал об уничтожении документов в Минобороны и получил повод требовать отставки Моисеева, ставленника Горбачева.

Бурбулис попробовал лишить власти Горбачева и парализовать деятельность партии, выдвинув обвинения в сокрытии доказательств участия в путче. Это было необходимо, поскольку ни Ельцин, годом ранее вышедший из КПСС, ни республиканские лидеры не имели реального влияния на ЦК. Бурбулис прислал Горбачеву (он в тот момент разговаривал с Ельциным) записку с сообщением о попытке партийных лидеров уничтожить документы, доказывающие их участие в путче. Он просил разрешения временно закрыть доступ в помещения ЦК. Работники аппарата Коммунистической партии действительно хотели уничтожить эти материалы, однако машины для резки бумаги сломались: в спешке из документов не были вынуты скрепки. Надеясь вызвать благосклонность Ельцина, Горбачев подписал разрешение. Это поставило крест на его судьбе генсека и еще больше ослабило как президента.

Руководители городской администрации, получив бумагу с подписью Горбачева, сразу приехали в ЦК. Они потребовали у растерянных аппаратчиков оставить кабинеты и уехать домой. В ответ на слова

управделами ЦК Николая Кручины о невозможности скорой остановки работы всего ЦК представитель мэрии показал на толпу за окном: “Они здесь разорвут на куски любого, если вы быстро не уберетесь. Прекратите валять дурака. Делайте что говорят”. Партиец покраснел. Охранников из КГБ было недостаточно для эффективного сопротивления. Кручина сдался и приказал заместителю отвести представителей городской администрации к микрофону системы срочного оповещения. Было зачитано объявление: “По согласованию с президентом, в связи с недавними событиями, принято решение опечатать здание. У вас есть час на то, чтобы оставить помещение. Вы можете взять с собой личные вещи, все остальное должно остаться на месте”.

Толпа ликовала. Когда работники партаппарата начали выходить на улицу, представители мэрии обратились к демонстрантам с просьбой избегать “любого повода для беспорядков”. Москвичи кричали сотням выходивших из здания сотрудникам ЦК: “Позор! Позор!” Еще в последний день переворота секретарь Московского горкома Юрий Прокофьев потребовал у путчистов пистолет, чтобы иметь возможность застрелиться. Теперь его осыпали оскорблениями и даже начали бить, однако милиция сразу взяла чиновника под охрану и провела его к такси. Обыскивавшие выходивших демонстранты показывали собравшимся найденные в вещах дефицитные продукты: копченую рыбу и колбасу[15].

Блокирование главного офиса партии в центре Москвы совпало во времени с крупнейшим в карьере Горбачева поражением. Вечером он встретился с группой депутатов Верховного Совета РСФСР. Планировалось, что встреча будет неофициальной, однако ее транслировали по телевидению. Горбачев начал со слов благодарности российскому парламенту и лично Ельцину за их позицию во время путча. Он сообщил о присвоении Александру Руцкому звания генерал-майора (во время переворота тот был полковником), а также (по требованию Ельцина) зачитал выдержку из протокола заседания Кабинета Министров СССР 19 августа, на котором все министры, кроме двоих, поддержали ГКЧП.

Президент СССР призвал российских депутатов сохранить Союз: “Сегодня, после выхода из кризиса, россияне должны действовать совместно с Верховными Советами других республик и народами других республик. Иначе они перестанут быть россиянами”. Его слова (напоминание о традиционной роли русских как хозяев в Российской империи и СССР) не нашли поддержки у депутатов: те восприняли призыв Горбачева действовать в одной упряжке с остальными республиками как попытку затормозить движение России к демократии и рыночным реформам, прицепив к ней вагон Союза. Депутаты забросали главу СССР вопросами о его личном участии в заговоре и потребовали объявить КПСС преступной организацией. Горбачев перешел в оборону: “Вы предлагаете не более чем новую разновидность крестового похода или религиозной войны. В моем понимании социализм – это убеждения, которые есть у людей. И мы не единственные, у кого они есть, они есть и в других странах, не только сейчас, но и в другие времена”.

После этого возник вопрос о союзной собственности на территории РСФСР и ельцинском указе об экономическом суверенитете. “Вы сегодня сказали, что подпишете указ, подтверждающий все мои указы, изданные в этот период [путча]”, – заявил Ельцин. Горбачев оказался в затруднительной ситуации: “Не думаю, что вы позвали меня сюда, чтобы загнать в ловушку”. Советский президент сообщил о намерении утвердить все указы Ельцина, изданные в период путча – кроме одного, в котором речь шла о союзной собственности. Его Горбачев был готов утвердить лишь после подписания нового Союзного договора. Это не было затягиванием времени. Горбачев предложил сделку: сначала подпись под Союзным договором, после – вопрос о собственности. Ельцину это не понравилось. Уловка с подписанием указа задним числом провалилась. Однако у Ельцина имелся еще один козырь. Он повернулся к телекамерам: “Продолжим на более легкой ноте. Не подписать ли нам указ о запрещении деятельности коммунистической партии?” Эти слова ошеломили Горбачева. На кону была судьба всех партийных ячеек России. Без них его и без того слабое влияние сходило на нет. Осознав, что происходит, он спросил “союзника”: “Что вы делаете? Я… Разве мы… Я не читал этого”[16].

Президент России подписал указ о временном запрете деятельности КПСС на территории РСФСР. В ответ на замечание Горбачева о том, что запрет партии выходит за рамки его полномочий, Ельцин ответил: речь только о приостановлении ее деятельности. Российские депутаты встретили подписание указа аплодисментами. Они продолжили забрасывать вопросами захваченного врасплох президента СССР. Горбачев с трудом выдержал удар: “Ельцин все делал на этой встрече с садистским наслаждением”. Эта черта личности Ельцина прежде была неизвестна публике: российский лидер предстал не политиком, ценящим личную верность, не лидером, поднимающим массы, не человеком, заботящимся о своем окружении, а хищником. Один из наиболее близких к нему людей делился впечатлениями: “Сцена жестокая, злонамеренная, безнравственная”[17]. Ельцин одержал очередную победу над Горбачевым в борьбе за власть. После отмены назначения министров-силовиков и запрета деятельности КПСС президент СССР лишался почти всех рычагов влияния.

Подписав указ, Ельцин попробовал очаровать жертву. Под конец встречи президент РСФСР публично взял Горбачева под свое покровительство, сообщив депутатам о готовности последнего вести следствие по делу о государственном перевороте. Покончив с формальностями, Ельцин обратился к Горбачеву: “Михаил Сергеевич! Мы столько пережили, такие события, такие потрясения! И вы в Форосе намучались, и мы все не знали, чем этот путч ГКЧП закончится, и домашние наши, и Раиса Максимовна… А что, давайте соберемся семьями! Наина Иосифовна, Раиса Максимовна”. Горбачев в недоумении посмотрел на Ельцина, вероятно, пытаясь понять, серьезно ли тот говорил. Он ответил: “Да нет, сейчас это не стоит. Не надо этого делать”[18].

Вечером Джордж Буш и Брент Скоукрофт смотрели трансляцию этой встречи. Скоукрофт заметил: “Все кончено. Горбачев больше не является независимым деятелем. Ельцин говорит ему, что делать. Вряд ли Горбачев понимает, что произошло”. Буш согласился. Запрет партии стал важной вехой в истории идеологического противостояния, и теперь Буш и Скоукрофт имели все причины для радости. Но в этот момент более важным был вопрос политического выживания Горбачева[19].

Буш это предвидел. Первые признаки перераспределения сил в Москве стали заметны уже 21 августа, во время первого после путча звонка Ельцина. Тот говорил как победитель. После краткого поздравления президент РСФСР начал: “Как мы и договаривались, хочу сообщить вам о последних событиях”. “Пожалуйста”, – предложил Буш. Ельцин объявил: “Премьер-министр России Силаев и вице-президент Руцкой привезли Горбачева в Москву. Он цел и невредим. Министр обороны Язов, премьер-министр Павлов и председатель КГБ Крючков взяты под стражу”. Силаев пересидел решающую ночь дома, а на следующий день вновь присоединился к своему президенту и оказался в центре событий. Буш приободрил Ельцина, расспросив о некоторых подробностях. Ельцин продолжил: “По моему распоряжению генеральный прокурор Советского Союза открыл уголовное дело против путчистов”.

Государство, в котором союзный генпрокурор выполняет распоряжения президента России, явно не было прежним СССР. Но все списала эйфория победы. Буш обратился к Ельцину: “Мой друг, ваши котировки сейчас достигли небесных высот. Вы показали уважение к закону и выступили в поддержку принципов демократии. Поздравляю вас. Вы были на линии огня, стояли на баррикадах. Мы все болели за вас. Вы вернули Горбачева живым и здоровым, вернули ему власть. Вы приобрели многих друзей по всему миру. Мы поддерживаем вас и восхищаемся вашим мужеством и тем, что вы сделали. Если вы готовы принять небольшой совет друга – отдохните, поспите”[20].

Однако сон был последним, о чем думал Ельцин. В Кеннебанкпорте (штат Мэн) в это время было 21.20, а в Москве – раннее утро. Только что Ельцин объявил о провале путча и обратился со словами благодарности к защитникам российского Белого дома. Начинался новый день, который президент РСФСР хотел использовать для укрепления собственной власти. Теперь его противником были не путчисты, а Горбачев. Полем боя была не только Москва, Россия,

Советский Союз. Сражаться предстояло и в столицах западных держав, и в международных организациях. Сторонники Ельцина поставили перед гражданами России и всего Союза, а также западными лидерами вопрос ребром: нужно ли поддержать выступавшего за радикальные реформы демократически избранного лидера в лице Ельцина или стоит сохранить лояльность нерешительному Горбачеву, попрощавшись как с демократией, так и с реформами?

В этот день министр иностранных дел России Андрей Козырев по приглашению Совета Европы прибыл в Страсбург. Он донес до европейских лидеров мысль о том, что “в советской политике пришло время отделить агнцев от козлищ”. За несколько дней ситуация радикально переменилась. Козырев не сделал ни одного жеста вежливости по отношению к Горбачеву. Напротив, по сообщению американского дипломата, министр “критиковал ‘некоторых лиц’ во власти за отсутствие приверженности демократическим идеалам и нелегитимность, поскольку они не были избраны”. (Горбачев, в отличие от Ельцина, был избран парламентом, а не всеобщим голосованием.) Кроме того, глава МИД РСФСР сомневался в наличии у президента Советского Союза “психологических ресурсов для проведения действительно радикальных реформ”. Горбачев, по словам Козырева, “находился в плену ‘синдрома страха’”. Российский дипломат уверял, что глава СССР ничего не сделает ради реформ, поскольку сам является элементом системы: “Он боится, что он и его семья станут никем, перестанут существовать, если… система рухнет”[21].

Окончательное падение Горбачева произошло 24 августа. Субботним утром он вместе с Ельциным участвовал в похоронах трех молодых людей, погибших в ночь на 20 августа при защите Белого дома. Это было первое со дня возвращения из Крыма выступление президента СССР перед москвичами. Горбачев попытался использовать этот повод для того, чтобы выразить благодарность защитникам демократии. Он заявил о посмертном присвоении погибшим звания Героя Советского Союза. Собравшиеся оценили жест, но Ельцин, настоящий герой сопротивления путчу, перехватил инициативу. РСФСР не имела собственных наград. Поэтому он просто попросил у матерей погибших парней прощения за то, что не смог их уберечь. Победа вновь осталась за ним[22].

После похорон Горбачев приехал в Кремль, чтобы подписать ряд указов. Одним из них ликвидировался Кабинет Министров, взамен которого формировался комитет под руководством ельцинского премьера Ивана Силаева. В тот же день Горбачев заявил о сложении с себя полномочий генерального секретаря КПСС, сославшись на поведение ее руководства при ГКЧП. Он посоветовал бывшим однопартийцам распустить ЦК и принять решение о целесообразности дальнейшего существования партийных организаций. Как президент СССР Горбачев подписал декрет о передаче партийной собственности под управление местных советов. Он не имел желания оставаться лидером запрещенной политической организации, которая не представляла угрозы лично для него (по его мнению, ранее такая угроза существовала) и не могла быть использована как оружие в конфликте с Ельциным. В будущем экс-президент Советского Союза посвятит целую главу воспоминаний попытке доказать, что его предал партийный аппарат, а не наоборот[23].

Во время переворота аппаратчики сыграли роль нерядовых участников, но вряд ли стоит считать их движущей силой путча. Летом 1991 года они уже были дезорганизованы и деморализованы. В обращении ГКЧП к народу не

было упоминаний ни о партии, ни о ее политике и идеалах. Переворот возглавляли военные и КГБ. Однако в случае успеха заговорщиков партаппарат оставался в выигрыше, поскольку мог рассчитывать и на отмену указа президента РСФСР о ликвидации партийных ячеек на госпредприятиях. Во время совещания членов ЦК 13 августа 1991 года, за пять дней до путча, руководители партии обсуждали план действий в связи с этим актом.

Переворот был единственным способом сохранить монополию партии на власть. Но после его поражения и отставки Горбачева с поста главы КПСС политическая сила, которая руководила страной жесткими, даже кровавыми методами, мирно сошла с арены. Точнее, кровь пролилась, но то была кровь представителей партийного аппарата, покончивших с собой, чтобы избежать суда[24]. Первым был министр внутренних дел Борис Пуго. Подчиненные ему органы милиции приняли непосредственное участие в перевороте. Утром 22 августа представители властей РСФСР позвонили ему и договорились о встрече. Когда группа из четырех человек (одним из них был советник Горбачева Григорий Явлинский) появилась у его квартиры, им открыл пожилой человек с отчетливыми признаками умственного расстройства. Это был тесть Пуго. Пришедшие нашли на кровати в спальне труп пятидесятичетырехлетнего министра. Он решил не ждать ареста и покончил с собой. Возле кровати сидела смертельно раненная жена Пуго. Рассказать она ничего не могла. Через сутки Валентина Пуго умерла в больнице. В написанной тем утром записке министр просил прощения у семьи: “Все это ошибка! Жил я честно – всю жизнь”.

Через несколько дней в кремлевском кабинете покончил с собой маршал Сергей Ахромеев. В первый день путча шестидесятивосьмилетний маршал (в тот момент советник Горбачева по военным делам и участник переговоров с американцами о разоружении) прервал отпуск и приехал из Сочи в Москву, чтобы встретиться со своим новым руководителем Геннадием Янаевым. Ахромеев заявил, что разделяет цели ГКЧП и готов помочь их осуществить. Ему доверили сбор и анализ информации о положении в регионах. Кроме того, Янаев попросил Ахромеева подготовить проект обращения к Верховному Совету СССР. Маршал с энтузиазмом взялся за оба задания.

Перед тем как покончить с собой, маршал написал письмо Горбачеву и объяснил причины, побудившие его поддержать переворот:.начиная с 1990 года я был убежден,

как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом. Мне понятно, что как Маршал Советского Союза я нарушил Военную Присягу и совершил воинское преступление. Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось”. К письму Ахромеев приложил пятидесятирублевую банкноту – столько он задолжал за обеды в кремлевской столовой[25].

Соратник Горбачева Вадим Медведев был хорошо знаком и с Пуго, и с Ахромеевым. Позднее он писал: “Их трагедия мне понятна – хорошо знал

Бориса Карловича, как по-своему цельного, преданного определенной идее человека, чуждого политиканства и карьеризма. Нет у меня сомнений в честности и в отношении Сергея Федоровича”. Они оба верили в коммунистические идеалы и нерушимость советского государства. Ахромеев воевал за него во время Второй мировой войны. Пуго был сыном фанатично преданного революции латышского стрелка. Много лет он возглавлял сначала КГБ Латвийской ССР, а после – Компартию Латвии и боролся с националистами. Для таких людей, как Пуго и Ахромеев, неудача ГКЧП была и личным поражением, и крахом всего, во что они верили. Самоубийство избавляло их от необходимости жить в мире, в котором они из героев превращались в преступников[26].

Воскресным вечером 25 августа, через день после отставки Горбачева с поста генсека КПСС и его указа о передаче партийной собственности, в день подписания Ельциным указа о принятии этого имущества на баланс РСФСР, на свое бывшее место работы пришел шестидесятитрехлетний управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина. Он должен был обсудить с представителями московской мэрии передачу собственности. Встреча закончилась после девяти вечера. Обычно аппаратчик был приветлив, но в тот раз, вернувшись домой, он не поздоровался с телохранителями из КГБ. Кручина был подавлен. Он поднялся в свою квартиру на пятом этаже дома в центре Москвы. Пожелал спокойной ночи жене и сказал, что ему нужно сделать кое-какую работу. Около пяти часов утра 26 августа он вышел на балкон и выбросился вниз.

Причиной самоубийства стало не разочарование в идеалах и практике КПСС. Он, насколько можно судить, боялся расследования. Вечерний разговор с городскими чиновниками закончился очень тревожно. Будучи ответственным за партийные деньги, Кручина ставил подпись на всех основных документах о переводе крупных сумм отечественным и зарубежным коммерческим предприятиям. Когда сотрудник городской администрации сказал, что нужно обсудить вопрос финансов, управделами ЦК побледнел. Он прервал разговор, пообещав вернуться к этой теме на следующий день. Этот день для него не наступил.

Кручина не был готов обсуждать судьбу денег. Как показало расследование, часть санкционированных его подписью зарубежных переводов предназначалась на “чистые” цели: негласную поддержку коммунистического движения от США до Афганистана. Но большинство переводов шли на счета коммерческих банков и теневых предприятий, созданных аппаратчиками и их деловыми партнерами в последние два года. Боясь потерять власть, партийные боссы пытались конвертировать свое политическое влияние в деньги. Эта стратегия обеспечила им комфортную жизнь и позволила обществу избежать кровавой конфронтации с озлобленной верхушкой, которая в противном случае рисковала бы всем. Тем не менее совершить переход бескровно не удалось. Кручина стал одной из первых жертв борьбы за “золото партии”[27].

Глава 8
Независимая Украина

Никто не знает, сколько собралось людей: тысячи, десятки, сотни тысяч? Проходившие сквозь толпу депутаты Верховного Совета УССР не могли их сосчитать. Утром 24 августа Ельцин затмил Горбачева на шествии в память погибших защитников Белого дома. Тогда же президент СССР подал в отставку с поста генсека КПСС. Однако резонанс киевских событий значительно превзошел реакцию на московские: вторая по значению советская республика провозгласила независимость от Союза.

В отличие от событий несколькими днями ранее в Москве, съехавшиеся в центр Киева 24 августа люди собирались не защищать парламент, а осудить коммунистическое большинство за скрытую поддержку путча. За день до этого Ельцин на глазах у загнанного в тупик Горбачева и миллионов телезрителей подписал указ о запрете деятельности партии. Многие в Киеве были уверены, что здесь произойдет то же самое. В листовках, призывавших граждан прийти к зданию парламента, правящую партию называли “преступной антиконституционной организацией, деятельности которой следует положить конец”. Аудитория сочувственно слушала. Под стенами парламента было множество сине-желтых национальных флагов и плакаты с призывами организовать суд над КПУ по образцу Нюрнбергского трибунала[1].

Но митингующих беспокоило не только будущее партии. Если бы они переживали лишь о ней, они пришли бы к находившемуся по соседству с Верховным Советом зданию ЦК КПУ. Однако партия уже не имела полномочий выполнить их требования или отказать. Люди с плакатами “Украина выходит из СССР” требовали независимости. Право провозгласить ее имел только парламент. Большинство присутствующих были сторонниками украинских оппозиционных партий.

Несколькими неделями ранее многие из них приветствовали Джорджа Буша на площади перед Верховным Советом или на киевских улицах. В тот день они держали плакаты с теми же требованиями. Однако теперь митингующие обращались не к гостю из США, которому безоговорочно доверяли, а к местной Немезиде – партаппаратчикам, которым они совершенно не верили.

Принимавший непосредственное участие в подготовке визита Буша Джон Степанчук, занимавший тогда должность поверенного в делах США в Киеве, с трудом пробрался сквозь толпу к Верховному Совету: “Здание окружали тысячи сердитых людей. Они были сердиты на коммунистов, на всех. Я был в костюме, поэтому они и меня считали коммунистом. Какая-то женщина начала дергать меня за пиджак и кричать ‘Ганьба!’ (‘Позор!’). Эти люди считали меня одним из преступников”.

Коммунистическое большинство в парламенте внезапно почувствовало себя в осаде. Сидя в ложе для дипломатов, Степанчук видел, “как коммунисты липли к окнам, наблюдая, как толпы подходили все ближе. Они мечтали уйти из здания живыми”. Депутаты-коммунисты “нервничали,

курили на ходу. Атмосфера была натянутой. Все знали, что Кравчук выступит с речью, но никто не знал, как далеко он зайдет”.

За несколько недель до этого спикер украинского парламента Леонид Кравчук произвел приятное впечатление на Джорджа Буша. Тогда казалось, что Кравчук полностью контролирует Верховный Совет. Но в этот день он явно перешел в оборону. Обсуждались не только деятельность компартии во время путча, но и его личное участие в событиях. Будущее самого Кравчука, последствия для парламента, города и всей страны зависели от его позиции. Толпа на улице кричала: “Позор Кравчуку!” Председатель Верховного Совета боролся за свою жизнь в политике[2].

Московские события 19 августа 1991 года застали Кравчука врасплох. Они стали серьезным вызовом его власти на Украине и движению Украины к суверенитету, а именно с этим Кравчук связал свою политическую судьбу. Утром 19 августа его главный соперник, первый секретарь КПУ Станислав Гуренко, сообщил ему о свержении Горбачева. Гуренко позвонил на загородную дачу Кравчука, чтобы вызвать его в ЦК партии. Там должен был состояться жесткий разговор с влиятельным членом ГКЧП генералом Валентином Варенниковым, прибывшим в Киев после встречи с Горбачевым в Крыму.

Кравчук отказался приехать: “Я сразу же понял, куда переходит власть… Говорю: ‘Станислав Иванович, дело в том, что государство олицетворяется Верховным Советом, а я председатель Верховного Совета. Если Варенников хочет встретиться, то встретимся в моем кабинете в Верховном Совете’”. Гуренко согласился. Это было первой скромной победой Кравчука. Всего годом ранее пятидесятипятилетний первый секретарь ЦК Гуренко стоял на ступень выше Кравчука в республиканской иерархии. Но после провозглашения суверенитета УССР в июле 1990 года роль парламента и его спикера (председателя Президиума Верховного Совета) значительно увеличилась. Кравчук стал первым лицом в республике. Эта тенденция была общей для всех союзных республик, хотя в Средней Азии она оказалась не настолько выраженной: там должности глав парламентов заняли сами лидеры местных партийных организаций.

Кравчук вспоминал, что, ожидая приезда Гуренко и Варенникова, он почувствовал себя беззащитным. Председателю парламента не подчинялись ни войска, ни милиция. Его охраняли лишь три телохранителя с пистолетами. Внезапный приезд Варенникова продемонстрировал, насколько эфемерной была власть главы республики, провозгласившей суверенитет и поставившей свои законы выше союзных. Кравчук понимал, что произошел переворот. Заявление о болезни Горбачева было ложью – незадолго до путча украинский лидер встречался с ним в Крыму. За вечер в Форосе он с Горбачевым и зятем последнего выпил 0,75 литра лимонной водки. Кравчук не скрывал скепсиса касательно заявлений ГКЧП о болезни Горбачева. В тот же день он рассказал историю о бутылке на встрече с ветеранами Второй мировой войны.

В конце концов гости прибыли. Гуренко пришел немного раньше, чем Варенников и его спутники[3].

Посетители и хозяин уселись за длинный стол: военные с одной стороны, гражданские – с другой. Расположившийся напротив Кравчука Варенников объявил: “Горбачев болен, власть в стране перешла к новообразованному органу – Государственному комитету по чрезвычайному положению. С четырех часов утра 19 августа в Москве в связи с обострением обстановки в столице и угрозой беспорядков, в интересах безопасности граждан объявлено чрезвычайное положение. Я прибыл в Киев, чтобы разобраться на месте в обстановке и при необходимости рекомендовать ввести чрезвычайное положение по крайней мере в ряде регионов Украины”. Варенников имел в виду Киев, Львов, Одессу и один из городов Волыни.

Гражданские были шокированы. Молчание длилось не менее минуты. Гуренко не выражал никаких эмоций. “Мы вас, Валентин Иванович, знаем как заместителя министра обороны СССР, уважаемого человека, но никаких полномочий вы нам не предъявили, – заговорил уверенный в себе Кравчук. – Кроме того, из Москвы мы пока никаких указаний не получали. И, наконец, самое главное: введение чрезвычайного положения в целом на Украине или в отдельном регионе – это дело Верховного Совета, так требует закон. Мы располагаем информацией, что обстановка и в Киеве, и на местах достаточно спокойная, не требующая введения никаких экстренных мер”[4].

Варенников прибыл в Киев из-за опасений путчистов насчет действий, которые мог предпринять в Киеве и Западной Украине “Рух” – выступавший за независимость Украины альянс оппозиционных партий. Генерал заявил: “В Западной Украине нет советской власти, сплошной ‘Рух’. В западных областях необходимо ввести чрезвычайное положение. Прекратить забастовки. Закрыть все партии, кроме КПСС, их газеты, прекратить и разгонять митинги. Вам необходимо предпринять экстренные меры, чтобы не сложилось мнение, что вы идете старым курсом… Войска приведены в полную боевую готовность, и мы примем все меры вплоть до пролития крови”. Кравчук настаивал на том, что потребности в чрезвычайном положении нет. Если генерал считал иначе, он мог поехать в Западную Украину и убедиться, что там все спокойно[5].

Варенников изменил тактику: “Вы человек авторитетный, от вас много зависит, и я вас лично прошу, чтобы вы, первое лицо, выступили по телевидению, выступили по радио, призвали народ к спокойствию, с учетом того, что было уже объявлено”. Когда Гуренко и остальные вышли из кабинета, оставив главу парламента наедине с гостем, Кравчук спросил старого знакомого (они виделись на пленумах ЦК КПУ во время службы Варенникова на Украине): “Валентин Иванович, если вы добьетесь успеха, вы планируете вернуть старую [доперестроечную] систему?” Варенников ответил: “У нас нет другого выбора”. Кравчук понял: победа ГКЧП будет означать не замораживание ситуации, а возвращение в прошлое – возможно, даже во времена массовых репрессий.

Путчистам терять было нечего, а вот Кравчук рисковал не только политической карьерой, но и личной свободой. В отличие от Гуренко, глава республики ничего не получил бы, поддержав путч. Однако он, в отличие от

Ельцина, не был готов к вооруженной борьбе. Стратегия Кравчука была иной: сделать все, чтобы не дать военным повод ввести на Украине чрезвычайное положение: “Предчувствие подсказало мне, что необходимо выиграть время, избегать любых излишних движений, и тогда все будет хорошо”. В этом состояла свойственная Кравчуку выжидательная тактика, за которую его позднее жестко (и справедливо) критиковали[6].

Украинское правительство в целом соглашалось с Кравчуком. По словам либерально настроенного заместителя главы Совмина республики Сергея Комиссаренко, ни один из министров искренне не поддержал путчистов. На созванном в тот день заседании Президиума Совета Министров Комиссаренко назвал действия ГКЧП “открыто антиконституционными”. По предложению Варенникова правительство учредило особую комиссию. Но цель ее создания отличалась от заявленной генералом. Название постановления Совета Министров “О создании временной комиссии для предотвращения чрезвычайных ситуаций” дает понять, о чем ее создатели беспокоились в первую очередь. В случае провозглашения чрезвычайного положения в республике парламент и правительство потеряли бы реальную власть. Основная цель комиссии состояла в сдерживании оппозиции, чтобы не допустить вмешательства ГКЧП и армии[7].

Первый секретарь ЦК КПУ Станислав Гуренко был единственным представителем украинской верхушки, которому была выгодна победа путчистов. После встречи с Кравчуком и Варенниковым он вернулся в здание ЦК, где его ожидала телеграмма из Москвы с призывом поддержать переворот. Гуренко созвал высших партийцев и сообщил им о положении дел и плане действий. На основе полученной из Москвы телеграммы решили составить меморандум для местных парткомов: их призвали оказать перевороту всю возможную поддержку. Предложенный Гуренко текст меморандума был значительно длиннее московской телеграммы. ЦК КПУ информировал кадры о том, что их самым важным заданием является поддержка ГКЧП, приказывал запретить митинги и демонстрации и акцентировал внимание на сохранении СССР как одной из главнейших задач партии. Лидеры КПУ утверждали: действия ГКЧП “отвечают настроениям подавляющего большинства трудящихся и созвучны с принципиальной позицией Компартии Украины”[8].

Тем временем Кравчук делал все возможное и невозможное, чтобы угодить всем и сохранить власть в своих руках. Вечером 19 августа он выступил по радио и телевидению с обращением к гражданам Украины. Эту идею подсказал Варенников, но Кравчук преследовал собственные цели. Он не поддержал, но и не осудил путч, призвал украинцев к спокойствию и попросил дать ему время, якобы нужное для оценки ситуации: “Это должен сделать избранный народом коллективный орган. Нет никаких сомнений, что в государстве, основанном на законе, все действия, включая введение чрезвычайного положения, могут совершаться только в соответствии с законом”. Глава парламента объявил: на Украине чрезвычайное положение вводиться не будет. В донесении американских дипломатов из Киева

говорилось: “Кравчук призвал украинцев проявить мудрость, сдержанность и мужество и главное – не спорить с Москвой, поскольку это могло ухудшить положение” [9].

Кравчук попытался, хотя и менее удачно, придерживаться этой тактики в кратком интервью для программы “Время”. Он шокировал телезрителей фразой: “То, что произошло, должно было произойти, [хотя] может быть, не в такой форме”. По его словам, ситуация, при которой ни центр, ни республики не обладали достаточной властью для решения безотлагательных экономических и социальных вопросов, не могла длиться вечно. Кравчук охарактеризовал переворот как “плачевный результат”, который, учитывая трагическую историю, вызвал у людей обеспокоенность возможностью возврата к тоталитаризму. Несмотря на предостережения, интервью Кравчука, закончившееся заявлением о необходимости поддерживать трудовой ритм экономики, в целом производило впечатление попытки усидеть на двух стульях, если не поддержать переворот. В отличие от сообщения в том же выпуске новостей об открытой борьбе Ельцина и заявлении президента Молдавии Мирчи Снегура о курсе его республики на независимость, маневры Кравчука можно было счесть косвенной поддержкой путчистов[10].

Переворот стал полной неожиданностью не только для правительства УССР, но и для лидеров украинских национал-демократов – либеральной оппозиции, за несколько недель до этого встречавшей Джорджа Буша лозунгами о независимости. Сессия парламента, на которой 1 августа выступил Буш, давно закончилась, депутаты разъехались по стране или ушли в отпуск. Вячеслав Черновол, возглавлявший Львовский облсовет, последние дни перед путчем провел в Запорожье – промышленном центре с девятисоттысячным населением на юге Украины.

Черновол был основным кандидатом от демократов на президентских выборах, о подготовке к которым Верховный Совет объявил за месяц до описываемых событий. Запорожье прекрасно подходило для старта избирательной кампании. Летом 1991 года там состоялся второй всеукраинский фестиваль “Червона рута”, на котором вместе с исполнителями народных песен выступали рок-музыканты и представители музыкального андеграунда. Финал фестиваля на городском футбольном стадионе состоялся 18 августа – в тот вечер, когда путчисты нанесли неожиданный визит Горбачеву в Крыму. Тот день стал настоящим праздником украинской культуры и замалчивавшейся прежде музыки. Однако местные партийные органы проигнорировали это событие. На следующее утро участники и гости фестиваля, в том числе и Черновол и другие лидеры национал-демократов, планировали покинуть город. Для многих из них отъезд стал тяжелым испытанием: тысячи напуганных новостью о перевороте гостей ринулись в аэропорт, на железнодорожный и автобусный вокзалы, чтобы как можно скорее попасть в Киев[11].

Девятнадцатого августа Черновола разбудил стук в дверь гостиничного номера. Остановившийся в одной гостинице с политиком журналист пришел

сообщить ему о перевороте. Для старого диссидента Черновола, который более пятнадцати лет провел в тюрьмах и ссылках, уже то, что об этом событии ему рассказал сотрудник СМИ, а не КГБ, было хорошим знаком. Он ответил журналисту: "Этот путч не должен быть чем-то серьезным, раз уж я до сих пор сплю и вижу сны, а не нахожусь в камере".

Вскоре к Черноволу пришел американский поверенный в делах Джон Степанчук (приехав на фестиваль, он также остановился в этой гостинице). Дипломат застал политика у телефона. Тот звонил в управление КГБ Львовской области. Кроме того, Черновол связался с командованием расквартированных в Львове военных частей. Командующий Прикарпатским военным округом заверил, что войска не поддерживают переворот и что они не станут вмешиваться в работу демократически избранных органов власти западных областей Украины, если те воздержатся от объявления всеобщей забастовки. Черновол ответил командующему, что сделает все для сохранения мира в Западной Украине[12].

Реакция Черновола на путч в целом не отличалась от реакции Кравчука. Оба были готовы предложить военным спокойствие на улицах в обмен на невмешательство. Подобную стратегию избрал близкий союзник Ельцина – демократически избранный мэр Ленинграда Анатолий Собчак. С помощью своего заместителя Владимира Путина он достиг договоренности с армией и КГБ. В обмен на нейтралитет подчиненных Язову и Крючкову сил безопасности мэр гарантировал относительное спокойствие на улицах города. Целью этой стратегии было сохранение политических завоеваний перестройки. Но мнение Черновола, продиктованное его ролью руководителя органа местной власти в крупнейшем центре Западной Украины, отличалось от точки зрения многих лидеров оппозиции в Киеве. Некоторые из них призывали к активному сопротивлению[13].

Самый высокопоставленный представитель реформистского крыла украинского парламента, зампредседателя Верховного Совета Владимир Гринев, тем же утром выступил по радио. Он осудил переворот настолько решительно, насколько это было возможно. Позднее Гринев вспоминал: "Я прекрасно понимал, что если номенклатурные работники договорятся друг с другом, то со мной некому ни о чем договариваться". Гринев, русский, избранный депутатом от Харькова, представлял "всесоюзное" крыло украинской оппозиции. Он и его сторонники считали себя идейно близкими Борису Ельцину и российским демократам, хотя и не разделяли руссоцентризма последних. Гринев и его избиратели – городская интеллигенция Юга и Востока – выступали за демократическую Украину в федерации, возглавляемой Россией. Сторонники этого политика в числе первых подняли знамя сопротивления в таких городах, как Запорожье[14].

Черновол и другие национал-демократы оказались между колеблющимся Кравчуком с одной стороны и резко осудившим переворот Гриневым и другими украинскими союзниками Ельцина – с другой. "Руху" – национал-демократической зонтичной организации, объединявшей ряд партий и общественных организаций – понадобилось некоторое время, чтобы

подготовить официальное заявление. Оно было опубликовано лишь на второй день путча. Этот документ недвусмысленно осудил переворот и призвал граждан Украины подготовиться к всеобщей забастовке, имевшей целью парализовать экономику страны. Время нерешительности закончилось. В тот же день Львовский областной совет признал путч антиконституционным. Аналогичное решение принял харьковский горсовет. К забастовке начали готовиться донецкие шахтеры. Начало всеобщей политической забастовки было назначено на полдень 21 августа. Во всех концах Украины активисты распространяли призыв Ельцина к сопротивлению. Люди слушали “Голос Америки”, Би-би-си и другие западные радиостанции. Из московского Белого дома приходили все более тревожные известия. Никто не знал, доживет ли российская демократия до завтра[15].

На третий, решающий день путча Кравчук проснулся в четвертом часу утра. Его разбудил телефонный звонок: депутат от оппозиции требовал созвать экстренное совещание Президиума Верховного Совета. Звонивший только что узнал о начале штурма московского Белого дома. Ответ Кравчука был привычно уклончив: среди ночи на ситуацию в Москве повлиять нельзя, так что совещание стоит отложить до начала рабочего дня. К моменту прибытия Кравчука в здание парламента события стали еще более драматическими. Новости из Москвы не оставляли сомнений в неминуемом поражении путчистов и победе Ельцина. Кравчук сразу же сделал то, чего уже несколько дней требовали оппозиционные депутаты: принял сторону побеждающего.

Позднее он заявлял, что еще в дни переворота поддерживал связь с державшим оборону российским лидером и его окружением. Именно главе украинского парламента первому Ельцин позвонил утром 19 августа. Хотя российский президент не смог убедить Кравчука совместно выступить против путчистов, председатель Верховного Совета УССР заверил его, что не признает ГКЧП. Формально Кравчук ни разу не нарушил это обещание. В последний день переворота Ельцин сказал Бушу, что Кравчуку можно доверять. Казалось, глава украинского парламента вновь выбрал верную сторону. Но представители украинской оппозиции так не считали. Узнав о поражении путчистов, люди заполнили главную площадь Киева, скандируя: “Ельцин! Ельцин! Долой Кравчука!” Еще утром глава Верховного Совета опасался путчистов. Вечером ему пришлось думать о своем политическом будущем в условиях доминирования национал-демократов[16].

Двадцать второго августа Горбачев вернулся в Москву. Тогда же Кравчук согласился созвать экстренное заседание Верховного Совета. Он озвучил повестку дня на пресс-конференции, созванной для объяснения его колебаний в дни путча. Политик предложил парламенту осудить попытку государственного переворота, переподчинить парламенту УССР военных, КГБ и милицию, начать формирование национальной гвардии и отказаться от переговоров о новом Союзном договоре. Он заявил журналистам: “Нет необходимости очертя голову подписывать договор… Думаю, в Советском

Союзе нужно сформировать правительство переходного периода, возможно, комитет или совет из девяти человек или около того. Орган, который сможет защитить деятельность демократических учреждений. Нужно провести переоценку всех форм политической жизни. Несмотря на это, я уверен, что мы должны немедленно подписать экономический договор". Кравчук не говорил о независимости. Его целью было полностью разрушить союзный центр в прежнем виде, заменив его комитетом республиканских лидеров. Это был проект конфедерации[17].

На следующий день украинский лидер вылетел в Москву, чтобы встретиться с Горбачевым, Ельциным и главами республик. Поездка проходила по плану, озвученному на пресс-конференции. Главы республик в присутствии Горбачева заявили о согласии с назначением новых министров обороны, внутренних дел, а также председателя КГБ. Кроме того, они обсудили создание нового исполнительного комитета взамен Совета Министров СССР. Во всем этом была лишь одна странность: представления к назначению делал президент РСФСР. Ельцин блокировал назначение Горбачевым глав силовых ведомств, чтобы никто другой не мог воспользоваться плодами его победы.

Казалось, главы республик не против приобретения Ельциным почти неограниченных полномочий. Опытные политики, выросшие в атмосфере интриг, не стали ему возражать. Ставший хозяином положения российский президент был их союзником в противостоянии со слабеющим центром. Кроме того, главы республик единогласно осудили путч, хотя несколькими днями ранее значительная их доля поддерживала ГКЧП. Без ответа остались и выпады Ельцина против КПСС, членами которой были все присутствовавшие. В тот же день из Политбюро и ЦК партии вышли президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и президент Таджикистана Кахар Махкамов[18].

Однако лидеры республик не были безоговорочными сторонниками Ельцина. Будучи вынуждены уступать его инициативам, они не отказывались от обещания сотрудничать с Горбачевым в выработке нового Союзного договора. Это подчеркивалось в опубликованном на следующий день сообщении. В разговоре с послом США Робертом Страусом Горбачев отметил: "Что касается нашей федерации, то мы подтвердили, что будем двигаться к Союзному договору. Причем на этот раз решили, что подписывать будем вместе, все республики, а не поочередно". По его словам, это означало, что "некоторым придется немного подождать по сравнению с ранее назначенными сроками. А, например, Украине поторопиться с решением"[19].

Но Кравчук не спешил. Когда Горбачев сказал ему, что даже президент США понимает "историческую бесперспективность" стремления Украины к независимости (он имел в виду киевскую речь Буша), Кравчук отреагировал уклончиво. Его не подкупило и предложенное Горбачевым расширение роли украинских властей в союзных структурах в противовес Ельцину. На вопрос Горбачева об отношении Кравчука к возможному назначению главы

Совмина УССР Витольда Фокина главой союзного временного правительства Кравчук дипломатично ответил: Фокин – отличный выбор, но он вряд ли согласится уехать с Украины. Тот действительно отказался[20].

Вероятно, итоги поездки укрепили Кравчука в решении выступить за независимость. Он ехал в Москву убежденным сторонником идеи замены союзного правительства комитетом представителей республик. Однако успешная попытка Ельцина изгнать ставленников Горбачева из правительства и его внезапное решение осудить деятельность компартии изменили политический ландшафт. По своему значению эти шаги не уступали победе над ГКЧП. Вместо слабого, подконтрольного Горбачеву центра появился сильный центр Ельцина. Ни Кравчук, ни его коллеги из республиканского руководства не горели желанием участвовать в создании нового центра. Они не верили в возможность возвращения к принципу раздела полномочий времен Хрущева и Брежнева. За годы правления Горбачева киевская верхушка привыкла к ранее невозможной свободе. Теперь в центре видели источник нестабильности.

Во время путча Кравчук приобрел репутацию человека, способного пройти в дождь между каплями. Через двадцать лет он ответил на вопрос о справедливости этой шутки: “В принципе, все верно – я человек гибкий, дипломатичный, редко говорю людям правду прямо в глаза, совсем редко открываюсь. Опыт учит, что в политике бывают ситуации, когда любая откровенность или открытость может быть использована против тебя”. (Неожиданно искренне для политика.) В Киеве Кравчука ждал настоящий потоп. Умение ходить между каплями оказалось бесполезно: вместо зонта уже нужен был спасательный жилет. Никто не знал, найдет ли он его[21].

Утром 24 августа у Верховного Совета собралась толпа, скандировавшая: “Позор Кравчуку!” Выступая перед депутатами, потрясенный Кравчук утверждал, что ни минуты не признавал законность путча. Его слова транслировались на улицу через громкоговоритель. Политик согласился поставить на голосование целый ряд оппозиционных законопроектов, предусматривавших расширение политической самостоятельности Украины: “Необходимо… принять законы о статусе войск, находящихся на территории республики. Главе украинского государства должны быть подчинены внутренние войска, Комитет государственной безопасности, Министерство внутренних дел. При этом они не должны входить ни в какие союзные структуры. Речь может идти только о координации действий. По этим вопросам мы тоже должны немедленно принять законодательные акты. Пришло время решить вопрос о департизации правоохранительных органов республики”[22].

Но национал-демократы хотели большего. Академик Игорь Юхновский, возглавлявший эту группу в парламенте, требовал независимости. Писатель Владимир Яворивский зачитал короткий документ под названием “Акт провозглашения независимости Украины” и попросил поставить его на голосование. Депутаты пришли в замешательство. Лидер коммунистов Станислав Гуренко попросил объявить перерыв. Кравчук согласился,

предложив фракциям использовать это время для выработки позиции по поставленному вопросу. Сложнее всего это было сделать коммунистам[23].

Главный автор Акта провозглашения независимости – Левко Лукьяненко – в то время возглавлял Украинскую республиканскую партию, наиболее организованную политическую силу Украины. Этот политик провел в заключении более двадцати пяти лет и был живым воплощением жертв, принесенных страной на алтарь свободы. Депутаты-демократы хотели, чтобы именно он зачитал документ. Эта честь выпала Яворивскому лишь из-за сумятицы. Во время состоявшегося за несколько недель до переворота обеда президента США с украинскими политиками Лукьяненко подошел к Бушу и протянул записку с тремя вопросами. Два касались украинской оппозиции, один – независимости Украины. Вопрос был написан на плохом английском и звучал так: "Может ли правительство США, самого сильного государства в мире, помочь Украине стать полноправным субъектом международных отношений сейчас, когда неминуемый распад Российской империи стал свершившимся фактом?"

На обратном пути Буш продиктовал Эду Хьюэтту: "Во время сегодняшнего обеда Левко Григорьевич Лукьяненко очень вежливо обратился сначала ко мне, а после – к председателю Кравчуку. Это один из депутатов Верховного Совета Украины. Он диссидент, двадцать лет просидел в тюрьме, а теперь представляет движение за независимость – 'Народную раду'". Буш поручил Хьюэтту подготовить ответ. Проект документа от 5 августа представлял собой изложение обычной позиции США: любое изменение структуры СССР должно происходить "лишь путем мирного, дружественного диалога республик и союзных властей"[24].

Лукьяненко уже не верил в диалог. Он верил в колоссальные возможности, открывшиеся благодаря поражению ГКЧП. На встрече депутатов-демократов утром 23 августа политик неожиданно предложил включить в повестку дня экстренного заседания Верховного Совета вопрос о независимости Украины. Позднее в интервью он рассказывал, что обратился к оппозиционным депутатам со словами: "Это настолько уникальный момент, что мы должны решить основную проблему – провозгласить Украину самостоятельным государством. Если мы не сделаем этого сейчас, мы можем этого не сделать никогда. Потому что период растерянности коммунистов короткий, они скоро опомнятся, а их большинство".

Понимая свою слабость, депутаты от демократических сил согласились с доводами Лукьяненко и доверили ему подготовку проекта документа. Лукьяненко объяснил депутату, избранному в соавторы Акта: "Есть два подхода к документу… Если этот документ будет длинным, он неминуемо вызовет дискуссию. Давайте напишем как можно более короткий документ, чтобы было как можно меньше дискуссий". Так и поступили. Джон Степанчук, американский поверенный в делах в Киеве, позднее шутил о лаконичности документа: тот был очень далек от акта провозглашения независимости Америки 1776 года. Депутаты согласились с аргументами Лукьяненко, когда он на совещании демократической фракции зачитал

только что написанный текст. После незначительной редакторской правки документ было решено раздать депутатам перед началом чрезвычайного заседания парламента[25].

Хотя оппозиция одобрила идею рассмотрения вопроса о независимости, мнения о повестке дня разошлись. Зампредседателя Верховного Совета Владимир Гринев выступал за постановку его на голосование лишь после запрета деятельности КПУ. Он имел в виду, что в ином случае независимость Украины будет провозглашена в государстве с коммунистической властью. Это мнение разделяли некоторые киевские депутаты. Но каковы были шансы провести через парламент с коммунистическим большинством запрет правящей партии, а после этого добиться еще и голосования за Акт? По мнению Лукьяненко и его сторонников – никаких. Они считали, что сначала надо достичь государственной самостоятельности, а о декоммунизации заводить речь после, даже если придется подождать. Один депутат заметил, что готов ждать хоть десять лет, сидя в тюрьме, если эта тюрьма будет украинской. Не все его коллеги были настолько решительны, но сторонники Лукьяненко взяли верх[26].

Поскольку демократы пришли на сессию Верховного Совета, имея более-менее консолидированную позицию в вопросе независимости, они застигли коммунистов врасплох. Во время перерыва, объявленного по просьбе Гуренко, эта проблема впервые была обсуждена на заседании фракции КПУ. Традиционно правящая партия выступала против независимости, но теперь это было затруднительно. Сплоченность коммунистического большинства исчезла. Сторонники Кравчука внутри фракции КПУ долго поддерживали идею суверенитета, а теперь они были готовы выступить за полную независимость. Взволнованные депутаты от правящей партии собрались в кинозале парламента. Глава фракции Станислав Гуренко призвал поддержать Акт провозглашения независимости, чтобы избежать неприятностей для партии и для себя.

Несколькими часами ранее Горбачев подал в отставку с поста генерального секретаря КПСС. Консервативно настроенные члены фракции КПУ в Верховном Совете УССР понимали: у них больше нет руководства в Москве. Их беспокоил открытый Ельциным “сезон охоты” на коммунистов. Начало, говоря словами Горбачева, “охоты на ведьм” на Украине было вопросом времени. По большому счету она уже началась: стотысячная толпа у стен парламента требовала государственной самостоятельности и была готова линчевать депутатов от КПУ. Удовлетворит ли митингующих провозглашение независимости? Многие депутаты считали, что уступка в этом вопросе защитит их от антикоммунистической волны, надвигавшейся со стороны России. Таким путем они надеялись сохранить власть в республике.

Часть коммунистов продолжала колебаться. Их сомнения развеяли представители оппозиции, предложившие компромисс: предусмотреть ратификацию Акта на референдуме. Плебисцит предполагалось назначить на 1 декабря, когда должны были состояться и выборы президента. Многие сочли это решение идеальным. Голосование за независимость гарантировало

им защиту здесь и сейчас, а референдум откладывался и мог вовсе не состояться. Депутаты от КПУ поддержали подготовленный Лукьяненко документ[27].

Во время перерыва Кравчук позвонил в Москву. Это было похоже на продолжение традиции республиканской партийной верхушки просить совета старшего брата даже в мелочах. Однако теперь обстоятельства изменились. Кравчук сообщил Ельцину и Горбачеву о событиях в Верховном Совете, добавив, что положительный исход голосования неминуем. Ельцин отреагировал спокойно, а Горбачев возмутился. Он заявил Кравчуку, что решение украинского парламента не имеет силы: мартовский референдум продемонстрировал поддержку Союза подавляющим большинством, а Верховный Совет не вправе отменить результаты всенародного голосования. Кравчук согласился. После этого он использовал все свое влияние, чтобы добиться решения о ратификации Акта путем референдума. Второй референдум должен был отменить решение первого. Казалось, хитрому Кравчуку вновь удалось удовлетворить все стороны[28].

После часового перерыва председатель парламента был готов вынести Акт провозглашения независимости на голосование. Кравчук видел в этом выход из политического кризиса, но не стоит сбрасывать со счетов и его патриотизм. Кравчук вспоминал: “Что я чувствовал во время работы над этим историческим документом? Я был просто счастлив”. Он пытался убедить сомневавшихся проголосовать “за”. Зная о расхождениях в обеих основных группах депутатов, политик встретился с представителями разных областей Украины. Ему пришлось убеждать депутатов от западных регионов отказаться от требования распустить КПУ перед голосованием за независимость. Неизвестно, что именно он говорил коммунистам, однако требование было однозначным: голосовать за независимость.

На пути к принятию Акта оставалось лишь одно препятствие: в парламенте не было кворума. Депутатов собирали очень долго. Для сторонников независимости минуты казались неделями. Прошел слух, будто глава Верховного Совета приказал закрыть подземный переход между зданиями парламента и ЦК КПУ, чтобы депутаты-коммунисты не могли уйти, минуя рассерженную толпу на улице. Наконец в зале зарегистрировалось триста человек. Но кто зачитает Акт? Спикер предложил сделать это Лукьяненко. Однако поэт Дмитрий Павлычко, через которого Кравчук держал связь с “Народной радой”, чуть ли не приказал сделать это ему самому. Павлычко опасался, что если документ не поставит на голосование сам глава парламента, коммунисты передумают. Кравчук, которому только что пришлось оправдываться за колебания во время путча, согласился[29]. Он зачитал:

Исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года, продолжая тысячелетнюю традицию становления государственности на Украине… Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает независимость Украины и создание

самостоятельного украинского государства – Украины. Этот акт вступает в силу с момента его одобрения[30].

Спикер объявил голосование. Через несколько секунд цифры были выведены на экран, и зал взорвался аплодисментами. Депутаты вскочили и стали обниматься. В суматохе стало трудно отличить демократа от коммуниста. За независимость проголосовали 346 депутатов, против – двое, а пятеро воздержались. Часы показывали 17.55. Толпа шумно приветствовала решение. Иностранные дипломаты уехали готовить отчеты[31].

В девять часов в зал заседаний внесли символ победы демократов: сине-желтый национальный флаг. Несколько часов толпа требовала поднять знамя над парламентом. Хотя митингующим не удалось этого добиться, они сумели внести его внутрь. Это был компромисс в духе Кравчука. Депутаты от КПУ считали этот флаг символом национализма, но спикер позволил внести его как символ победы демократов: по словам Вячеслава Черновола, именно этот флаг развевался на одном из танков, участвовавших в обороне Белого дома в Москве. Коммунисты не могли выступить против Москвы, хотя Москва от них уже отреклась[32].

Глава 9
Спасение империи

Вечером 28 августа российский вице-президент Александр Руцкой, пытаясь спасти СССР, вылетел в Киев. Всего неделей раньше он ездил в Крым спасать президента СССР. С первой миссией полковник Руцкой справился, и Горбачев повысил его до генерал-майора. Теперь ему предстояло поучаствовать в разрешении украино-российского кризиса, возникшего после провозглашения Украиной независимости. Если она будет настаивать на своем суверенитете, Руцкой планировал выдвинуть территориальные претензии.

Корреспондент проельцинской “Независимой газеты” рассказывала о миссии Руцкого: “Сегодня они имеют возможность доложить украинскому руководству позицию Ельцина – при выходе Украины из состава ‘некоего СССР’ статья о границах двухстороннего договора прекращает действие”. Россия денонсировала договор с Украиной и угрожала выдвинуть территориальные претензии. В газетном сообщении также говорилось: “Ожидается, что сегодня на заседании Верховного Совета Крыма будет провозглашена независимость”. Такое развитие событий в автономной республике в составе Украины могло стать причиной вооруженного конфликта между двумя крупнейшими советскими республиками[1].

Руцкого сопровождал советник Ельцина Сергей Станкевич, недавно участвовавший в сносе памятника Дзержинскому на Лубянке. Убеждать мятежных украинских депутатов ехали не только “россияне”. В составе делегации присутствовали и “советские”: члены Верховного Совета СССР, сессия которого накануне открылась в Москве. За несколько часов до вылета Руцкого и Станкевича состоялось заседание высшего законодательного органа Советского Союза, посвященное расследованию деятельности путчистов. Шла речь и о положении на Украине. Депутаты на время забыли о

разногласиях и выбрали представителей для переговоров с украинскими властями. На следующий день “Известия” сообщали: “Это как знак беды, как одно из последних предупреждений союзному парламенту, объективно оставшемуся одной из последних опор распадающегося Союза”.

В делегацию союзного парламента вошел и близкий соратник Ельцина, сторонник сохранения СССР Анатолий Собчак, мэр Ленинграда. В той же статье “Известий” говорилось, что Собчак призвал депутатов “сосредоточиться на главном – не допустить самопроизвольного распада союзных структур власти, прекратить бесплодные дискуссии по вопросам, которые не касаются опасности развала страны”. Кроме Собчака, в Киев вылетели еще три депутата Верховного Совета СССР – один от России и два от УССР. Они выехали в аэропорт, надеясь успеть на самолет вицепрезидента России. Еще несколько дней назад такое казалось невозможным. Перед путчем руководители Украины и РСФСР выступали единым фронтом. Теперь же они спорили о границах. Российское и союзное руководство сообща пыталось спасти Союз. Более того, ведущую роль в этом играл Ельцин, а не Горбачев. Последний остался за кадром[2].

Прежде Ельцин находился в лагере противников союзного центра. Его переход к сотрудничеству с президентом СССР связан с одержанной над ним победой в конфликте, разгоревшемся после возвращения Горбачева из Крыма. Двадцать второго августа президент Советского Союза убеждал депутатов Верховного Совета РСФСР, что Россия перестанет быть Россией, если не попытается удержать республики. Его подвергли обструкции. Но к 28 августа победа Ельцина была практически полной. Он стал вместо Горбачева самым влиятельным человеком во всем Союзе. Теперь сохранение СССР стало его насущной задачей. Требовать уступок от центра, пока в Кремле заправлял Горбачев, – это одно. Соглашаться на независимость республик вследствие упадка центра – совершенно другое. Ельцин и его советники были согласны на выход прибалтийских республик из Союза и надеялись, что среднеазиатские республики перестанут требовать дотации. Но никто в окружении Ельцина и представить не мог, что Союз покинет Украина. Это казалось кошмаром[3].

Провозглашение Украиной независимости вызвало сильный резонанс. Она оказалась в авангарде движения к независимости тех республик, руководство которых пока оставалось лояльным центру. Страны Прибалтики, Грузия и Армения объявили независимость раньше Украины, но в этих республиках у власти находились оппозиционные к коммунистическому режиму силы. Украина Кравчука провозгласила независимость первой из республик, власть в которых оставалась в руках номенклатуры. Таким образом, она освобождала путь для других республик Советского Союза, в которых власть не менялась. Двадцать пятого августа такое же решение принял Верховный Совет Белоруссии, а еще через день Молдавия. Азербайджан провозгласил независимость 30 августа. На следующий день примеру последовала Киргизия, после – Узбекистан. Горбачев и Ельцин были испуганы[4].

В отличие от Украины, ни одна из республик, провозгласивших независимость после 24 августа, не планировала подтверждать это решение на референдуме. С другой стороны, ни одна из них не собиралась немедленно выходить из состава СССР. Главным различием между суверенитетом и независимостью было то, что суверенитет давал республиканскому законодательству приоритет над союзным, тогда как независимость позволяла вовсе игнорировать принятые центром нормативные акты. Кроме того, формальная независимость означала усиление республиканских лидеров[5].

Двадцать четвертое августа стало переломным днем не только из-за провозглашения Украиной независимости. В этот день Ельцин признал самостоятельность Эстонии, Латвии и Литвы. В подписанных российским президентом указах не выдвигалось никаких предварительных условий или требований относительно пересмотра границ. Благодаря этому шагу сотни тысяч этнических русских, большинство из которых поселились в этом регионе после Второй мировой войны, оказались за пределами России и СССР. Ельцин не считал их проблемы своими.

Новая Россия не пыталась удержать прибалтийские республики с помощью грубой силы, экономического давления либо юридических или дипломатических уловок. Территориальные вопросы и права меньшинств не относились к важнейшим проблемам той эпохи. В предыдущие годы многие русские, жившие в этих республиках, выступали против независимости. Они становились членами подконтрольных коммунистам “Интерфронтов”, которым Москва оказывала поддержку. В начале 1991 года эти организации выступали за подавление прибалтийских движений за независимость. Их лидеры открыто выступили в поддержку ГКЧП, а теперь боялись мести со стороны коренного населения. Ельцинское правительство не обращало внимания на их страхи. Союзниками российского президента были национал-демократы Таллина, Риги и Вильнюса, а не поддерживавшие кремлевских консерваторов русские меньшинства[6].

Многие жители советских республик пытались понять, считать ли прецедентом действия РСФСР по отношению к прибалтийским республикам. Будет ли Россия вести себя так же по отношению к другим членам Союза? Вскоре стало ясно, что нет. Прибалтика занимала особое место в мировидении ельцинских демократов. Признание Эстонии, Латвии и Литвы российскими дипломатами не предполагало аналогичных действий касательно других республик, провозгласивших независимость во время путча или до него. Грузия приняла соответствующий акт 9 апреля 1991 года, задолго до Эстонии и Латвии, однако ее самостоятельность не была признана. Никто не знал, окажется ли Украина в одном ряду со странами Прибалтики или повторит судьбу Грузии. Ельцин отреагировал на звонок Кравчука, рассказавшего о подготовке голосования, спокойнее Горбачева. Это позволяло надеяться, что действия Украины найдут понимание. Кравчук передал новости Ельцину в субботу. Ответ прозвучал уже в понедельник: 26

августа в Москве открылась сессия парламента СССР, о созыве которого заявили еще путчисты в первый день переворота.

На открытии сессии депутат от Украины Юрий Щербак зачитал русский перевод Акта провозглашения независимости Украины. Позднее он назвал этот момент самым важным в жизни, но в тот момент испугался собственных слов. Обычный шум зала заседаний мгновенно прекратился. Щербаку показалось, что все побледнели. Горбачев покраснел, поднялся и вышел. Советник Горбачева Вадим Медведев отметил в дневнике, что “в этот день ораторы из республик в один голос” говорили “о независимости, ненужности центра, ликвидации союзных структур”.

Сторонники сохранения СССР забили тревогу. Сидевший неподалеку от Щербака Анатолий Собчак с трибуны заявил, что говорящие о национальной независимости на самом деле “пытаются сохранить коммунистические структуры в новом обличье”. Он назвал случившееся безумием, поскольку СССР – ядерная держава, а его распад может привести к анархии. Заместитель мэра Москвы Сергей Станкевич высказал надежду, что его украинские друзья не станут вредить делу демократии. Академик Дмитрий Лихачев заявил, что неконтролируемый распад Союза может привести к войне за передел территорий[7].

Многие приближенные Ельцина восприняли провозглашение Украиной независимости не как акт сопротивления центру, а как удар в спину демократической России, только что свалившей коммунистического Голиафа. Быстрая смена власти в Москве привела к ситуации, которую было невозможно представить еще несколько дней назад. До сих пор РСФСР находилась в первых рядах борцов против союзного центра. Она шла плечо к плечу со странами Прибалтики и объявила о своем суверенитете прежде, чем Украина, Белоруссия и остальные республики. Теперь она фактически заменила собой центр.

Пока Собчак, Станкевич и Лихачев боролись в парламенте за СССР, Ельцин поручил пресс-секретарю Павлу Вощанову – сорокадвухлетнему журналисту с экономическим образованием – подготовить заявление: “Если какая-либо республика прекращает с Россией союзнические отношения, Россия вправе поставить вопрос о территориальных претензиях”. Это прямо противоречило политике, еще два дня назад проводившейся по отношению к странам Прибалтики. Вощанов вспоминал, что Ельцин желал “посрамить Горбачева”, добившись успеха в отношениях с союзными республиками. К своему огорчению, Ельцин скоро оказался в том же неудобном положении. По словам Вощанова, “российский президент был уязвлен. И тогда родилась идея ‘намекнуть’ партнерам по переговорам, что ‘Ельцин – это вам не Горбачев’”. Провозглашение Украиной независимости и запущенные этим процессы делали вопрос особенно срочным[8].

Павел Вощанов выполнил поручение. Подготовив проект заявления, он зачитал его Ельцину по телефону. Переданный прессе документ звучал так: “Российская Федерация не ставит под сомнение конституционное право каждого государства и народа на самоопределение. Однако существует

проблема границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений. В случае их прекращения РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ”. В заявлении не говорилось, к каким именно республикам Россия могла иметь территориальные претензии. Вощанов на пресс-конференции уточнил, что Ельцин имел в виду Украину и Казахстан. Позднее пресс-секретарь вспоминал, что речь шла о землях, “прежде входивших в состав РСФСР”: о Крыме и Донецкой области (Украина), Абхазии (Грузия) и севере Казахстана[9].

В действительности единственным регионом, переданным кому-либо РСФСР, был Крым. Это произошло в 1954 году в связи с празднованием трехсотлетия перехода казацкой Украины под протекторат Москвы. К тому времени около двухсот тысяч крымских татар – коренных жителей полуострова – выселили в Среднюю Азию. Большинство оставшегося населения являлись русскими. Географически и экономически регион был привязан к Украине. Передача Крыма была нужна союзному центру, и власти УССР и РСФСР поддержали этот шаг.

Остальные названные Вощановым территории никогда не входили в состав РСФСР: ни Донбасс (в революционный период он являлся частью украинского государства, а после вошел в УССР), ни Абхазия (на заре советской власти формально независимая, позднее она стала автономией в составе Грузии). Казахстан также не получал никаких территорий от РСФСР: в 20-х годах он был автономной республикой в ее составе, а в 30-х получил статус союзной республики[10].

Кризис в российско-украинских отношениях позволил Горбачеву вновь выйти на сцену. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, он пообещал сделать все возможное для сохранения Союза: “В рамках Союза территориальных проблем быть не может. Однако не исключено их появление при выходе республик из Союза”. Заявление Вощанова с одобрением встретили лидеры российской демократии. Многие считали, что провозглашение Украиной и Белоруссией независимости значило не больше, чем попытка местных партийных элит удержаться у власти. В борьбе с этими элитами демократии нужно было показать зубы. Демократически избранный мэр Москвы Гавриил Попов, союзник Ельцина, выступил по центральному телевидению с заявлением о поддержке позиции российского президента касательно республик, заявляющих о выходе из Союза. По словам Попова, споры о границах нужно решить на референдумах в пограничных регионах. В частности, он упомянул Крым, Одессу и Приднестровье. Ирония в том, что руководство названных регионов поддержало ГКЧП, а их население не симпатизировало лидерам демократической России[11].

Ельцину и Вощанову аплодировала не вся Москва. На следующий день семь видных деятелей демократического движения подписали воззвание “Приветствуем развал империи”. Они признали, что в некоторых заявляющих о выходе из Союза республиках руководство осталось в руках

поддержавших ГКЧП коммунистов, продолжающих нарушать права граждан. Но противостоять им нужно путем координации действий демократических сил, а не восстанавливая империю. Афанасьев, Боннэр и другие, поставившие подписи под документом, отметили: "Опаснее же всего утверждения о возможных территориальных претензиях России к соседним республикам в случае роспуска СССР". Авторы воззвания видели в мирном роспуске Советского Союза путь к созданию нового сообщества демократических государств на руинах империи. Это был прямой вызов российскому руководству. Кроме того, документ содержал качественно новый план действий России по отношению к союзному центру и бывшим союзным республикам. Мало кто тогда оценил его значение[12].

Новый курс российских властей вызвал беспокойство у руководства Украины, Молдавии и Казахстана. Угроза для Украины была наиболее явной, в связи с чем она отреагировала быстрее других республик. В день публикации заявления Ельцина, 27 августа, коалиция демократических партий "Рух" ответила собственным заявлением. В нем "некоторые новые демократы России" обвинялись в "имперских посягательствах", в 1917 году проявившихся у большевиков. Большевики под знаменем пролетарской революции уничтожили украинское движение за независимость и разрушили созданные им демократические институты. Эта историческая параллель нашла отражение в подготовленном в тот же день заявлении Президиума Верховного Совета Украины. В нем утверждалось, что Украина не имеет территориальных претензий к РСФСР и готова обсудить возможные претензии со стороны России на основании российско-украинского договора от 19 ноября 1990 года. Этим договором гарантировалась нерушимость существовавших в тот момент границ. Леонид Кравчук озвучил эти тезисы на специально созванной пресс-конференции и сообщил журналистам, что уже позвонил Ельцину с требованием обсудить заявление Вощанова. На следующий день российский президент поручил Руцкому и Станкевичу выехать в Киев[13].

Члены объединенной российско-союзной делегации вылетели в Киев после обеда 28 августа. Их нелегким заданием было донести до руководства новопровозглашенного государства позицию президента РСФСР и его сторонников-демократов. Настоящая цель прибывших состояла не в выдвижении территориальных претензий, а в срыве или отсрочке обретения Украиной независимости. Один из приближенных Ельцина сказал удивленному Вощанову: "Думаешь, нам эти территории нужны?! Нам нужно, чтобы Назарбаев с Кравчуком знали свое место!" Это место было в Союзе, вместе с Россией – и под ее контролем.

Депутат Верховного Совета СССР от Украины Юрий Щербак вошел в эту делегацию как представитель союзного органа власти. Он вспоминал, как Собчак обратился к нему: "Вы, украинцы, только не подумайте отделяться от России, мы ведь едины". По словам Щербака, Станкевич с подозрением отнесся к провозглашению Киевом независимости. Неплохо говоривший по-

украински Руцкой снисходительно спрашивал у украинских делегатов: “Так вы, хохлы, решили отделиться, да?”[14]

Перед тем как взойти на борт, Щербак позвонил в Киев и предупредил о приезде московской делегации. Украинское радио сразу же передало текст двух обращений от имени республиканского парламента. В первом содержался призыв ко всем политическим силам объединить усилия для защиты независимости. Адресатом второго были национальные меньшинства: высший законодательный орган гарантировал защиту их прав в независимом государстве. В тот же день Президиум Верховного Совета принял постановление о подчинении военных комиссариатов на территории Украины республиканским органам власти. Украинское руководство консолидировалось и готовило граждан к нараставшему дипломатическому конфликту.

Пока самолет летел из Москвы в Киев, радио передало третье обращение. Лидер “Руха” призвал киевлян собраться у парламента для защиты самостоятельности страны. К стенам Верховного Совета пришло еще больше людей, чем 24 августа. Щербак был поражен, увидев, сколько людей собралось, чтобы поддержать только что объявленную независимость[15].

Неизвестно, что ожидали увидеть Александр Руцкой и другие члены делегации, но их ожидания не оправдались. Сергей Станкевич вспоминал: “В Киеве нас полдня не выпускали из самолета, допрашивая, с какой целью мы прилетели в независимое государство”. Руцкой в ответ ссылался на славянскую солидарность и говорил, что целью визита является выработка программы российско-украинских отношений в свете провозглашения Украиной независимости.

Только после этого делегатам разрешили ехать в парламент. Вместо членов Президиума, состоявшего из бывших коммунистов, их встретили депутаты от оппозиции. Напротив Собчака и Станкевича за столом переговоров сидели их старые союзники из демократического лагеря. Они пытались убедить партнеров из Москвы в том, что произошедшее не имеет ничего общего с попыткой сохранить власть компартии. Станкевич, в свою очередь, заверил принимающую сторону в отсутствии желания выдвигать территориальные претензии или ставить под сомнение самостоятельность Украины. Лед тронулся[16].

После этого представители России и СССР встретились с украинским руководством во главе с Кравчуком. Переговоры затянулись до глубокой ночи. Время от времени их участники выходили к собравшимся у парламента людям, чтобы успокоить их. Попытка Собчака самому выступить перед собравшимися провалилась: в ответ на его слова “Для нас важно оставаться вместе” прозвучало: “Нет!”, “Позор!” и “Украина без Москвы!”

Результаты переговоров, озвученные на ночной пресс-конференции Кравчука и Руцкого, были выгодны для украинского руководства. Два государства договорились сформировать совместные органы для управления в переходный период и выработки экономических соглашений. Украинцы были довольны, россияне – нет. По словам Станкевича, “разговор был

тяжелый, объединяющей формулы мы не нашли”. Для Союза это были плохие новости. Оказалось, что даже достигнутое соглашение временно: официальный Киев искал пути “цивилизованного развода”[17].

Результаты ночных переговоров разочаровали Станкевича, однако воодушевили Назарбаева. Последний был недоволен приобретением Россией контроля над союзными органами власти и стремился подчинить себе дислоцированные в Казахстане армейские соединения. В тот же день он направил Ельцину телеграмму с просьбой прислать в республику делегацию под руководством Руцкого: “В связи с тем, что в печати до настоящего времени не прозвучал четко выраженный отказ России от территориальных притязаний к сопредельным республикам, в Казахстане начинает набирать силу общественный протест с непредсказуемыми последствиями. Это может вынудить республику принять аналогичные с Украиной меры. Особая опасность заключается в том, что Казахстан является ядерной республикой”. Угроза второй республики, владеющей ядерным оружием, последовать украинскому примеру и провозгласить независимость, сработала. Сразу после возвращения в Москву Руцкой, Станкевич и Собчак вылетели на восток. В Алма-Ате они подписали декларацию, содержание которой дублировало киевские заявления. На совместной с Назарбаевым пресс-конференции Руцкой сообщил, что Россия и Казахстан не имеют друг к другу территориальных претензий[18].

Представители РСФСР, посетившие Киев и Алма-Ату, поспешили дистанцироваться от заявления Вощанова, охарактеризовав его как акт самодеятельности. Политически неопытный пресс-секретарь оказался совершенно не готов к такому повороту: “Никогда не забуду это странное ощущение – включаю телевизор и слышу, как выступающие перед митингующими киевлянами Руцкой и Станкевич на чем свет стоит клянут ‘зарвавшегося пресс-секретаря, который, можете не сомневаться, свое получит’. С трудом дождался возвращения Руцкого в Москву. Иду к нему в кабинет: ‘Саша, что ж вы из меня козла отпущения-то делаете!’ Вице-президент ставит на стол бутылку: ‘Эх, Пашка, сынок, что ж делать-то?! Такая у нас с тобой работа вредная!’”

Забыть о неудачной политической инициативе постарались не только Руцкой и Станкевич, но и одобривший ее накануне Ельцин. Вощанов вспоминал: “Мне позвонил из Латвии Борис Николаевич. Так грозно он не говорил со мной за все годы нашего знакомства и сотрудничества. ‘Вы допустили серьезнейшую ошибку!’ […] Потом оказалось, что, сделав заявление, я должен был сидеть молча, будто воды в рот набрал, и ни при каких условиях не называть спорные территории”[19].

Всего через два дня после того, как новое российское руководство установило контроль над союзным центром, принудив Горбачева к повиновению, лидеры РСФСР столкнулись с серьезными затруднениями. Кравчук и Назарбаев дали понять, что отказываются от своей роли в союзной иерархии. Стало ясно, что союзные республики – далеко не пешки в противостоянии российского президента и советского руководства. У каждой

фигуры были свои интересы. Совокупные силы их были слишком значительны для того, чтобы две главные стороны конфликта могли удержать их под контролем. Единое прежде российское руководство раскололось. Некоторые члены окружения Ельцина хотели вести переговоры с республиками от имени центра. Другие предлагали сделать ставку на мезальянс Ельцина и Горбачева. Третьи считали бессмысленным бороться за союз, из которого вышли Украина и Белоруссия и в котором остались недемократические среднеазиатские республики. Кроме того, часть не входивших в ближайшее окружение Ельцина политиков поддерживала распад империи. Эти деятели призывали к роспуску СССР независимо от последствий этого шага[20].

Неудачная попытка давления РСФСР на решительно настроенных республиканских лидеров и замешательство сторонников Ельцина совпали с периодом упадка сил российского президента. Такое с Ельциным случалось после напряженной работы. Непосредственно перед началом "пограничного" кризиса он предупредил помощников о намерении взять двухнедельный отпуск. Александр Коржаков писал: "После путча и кадровых перестановок Борис Николаевич захотел отдохнуть". Двадцать девятого августа он присутствовал на церемонии открытия посольства РСФСР в Риге. Журналисты удивлялись, что российский лидер уехал из Москвы в разгар кризиса. Оказалось, Ельцин решил провести отпуск неподалеку от Юрмалы. Это был последний отпуск президента России на балтийском побережье, теперь за рубежом.

Коржаков писал: "Мы с Борисом Николаевичем прогуливались по побережью и наслаждались морским воздухом. Кричали чайки, дети выискивали кусочки янтаря на берегу, и казалось, что бессонные ночи в Белом доме, изнурительная борьба с политическими противниками – все это происходило давным-давно, в другом временном измерении". Несколько следующих дней Ельцин отдавал распоряжения по телефону, подписывал бумаги и даже наезжал в Москву, на Съезд народных депутатов СССР, сессия которого началась 2 сентября. Оппоненты российского президента воспользовались его временным отсутствием, чтобы попытаться вернуть утраченные позиции[21].

В отношениях между руководством РСФСР и остальных республик нарастала напряженность. Это позволило сошедшему было со сцены Горбачеву и его окружению попытаться вернуться в политику. Двадцать восьмого августа открылась внеочередная сессии союзного парламента, Ельцин выехал в Латвию, делегация Руцкого – в Киев, а Горбачев впервые после путча столкнулся с обвинениями в зависимости от главы России. Поводом для этого стала поддержка президентом Советского Союза кандидатуры премьер-министра России Ивана Силаева на пост главы правительства СССР. Двадцать восьмого августа советник Горбачева по экономическим вопросам Вадим Медведев записал в дневнике: "Наибольшие страсти – вокруг создания комитета [по оперативному управлению] Силаева. Говорят, что через этот комитет союзные органы подменяются российскими.

Обвинения в адрес президента в том, что он действует под диктовку россиян”.

Силаев пришел на помощь Горбачеву, заявив, что республикам будет предложено присоединиться к комитету. Многих депутатов это объяснение не удовлетворило. Президент СССР обратился к ним с просьбой подтвердить ликвидацию Кабинета Министров – органа, сформированного во исполнение поправок к Конституции, принятых этими же депутатами менее чем годом ранее. В новых условиях Горбачев решился критиковать Ельцина: поскольку попытка путча провалилась, ни российский президент, ни парламент и Совет Министров РСФСР не имеют права присваивать полномочия союзных органов власти. Такие действия республиканских органов нарушают Конституцию.

Особенно важным вопросом стала попытка России установить контроль над Государственным банком СССР в хаосе, последовавшем за поражением ГКЧП. Под давлением Ельцин подписал указ, отменявший это решение. Президент СССР мог отпраздновать первую победу над российским[22].

Следующую победу Горбачев одержал 2 сентября, в день открытия Съезда народных депутатов СССР – органа, в полномочия которого входило внесение изменений в Конституцию. Первое заседание началось с зачитанного Нурсултаном Назарбаевым “Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик”. Оно стало известно как документ “io + 1” (под текстом стояли подписи лидеров десяти республик и Горбачева). Всего несколькими днями ранее в московских газетах появились статьи о том, что в формуле “9 + 1” или “10 + 1” под единицей стоит понимать Россию, а не союзный центр. Зачитанный главой Казахстана документ вернул в формулу СССР. Горбачев снова был в игре.

Документ, составленный накануне вечером на совещании Горбачева с лидерами республик, стал продуктом компромисса. Роль союзного руководства была сведена к минимуму, что было совершенно невозможно до путча. Это заявление отражало новую политическую реальность: возросшее значение Ельцина и глав республик в вопросах союзного значения. Кравчук прибыл в Москву, чтобы сообщить о вступлении в силу Акта провозглашения независимости Украины. Однако до того как акт будет вынесен на референдум, глава парламента УССР решил участвовать в переговорах о новом Союзном договоре – на случай, если результаты референдума окажутся отрицательными. Еще раньше он проинформировал президента РСФСР, выступавшего за федеративную структуру обновленного Союза, что Украину удовлетворит только конфедерация. Советский Союз Кравчук представлял не в виде государства, а в виде коалиции государств с общими внешнеполитическими и военными структурами. Назарбаев поддержал Кравчука.

В условиях, когда единым фронтом выступили лидеры двух крупнейших республик, Ельцину и Горбачеву пришлось дать задний ход. Заявление Назарбаева, под которым поставили подписи президенты СССР, России и ряда других союзных республик, содержало призыв к выработке новой

Конституции СССР. Документ также предлагал ряд мер на "переходный период". Среди них значились замена Верховного Совета и Съезда народных депутатов Конституционной ассамблеей из представителей республиканских парламентов, образование нового исполнительного органа – Государственного Совета (его членами автоматически становились президент СССР и входящих в Союз республик), а также формирование при участии представителей республик Экономического комитета. Последний должен был прийти на смену не только Кабинету Министров, но и вызвавшему неоднозначное отношение комитету Силаева.

В дополнение к этому Назарбаев предложил подписать новый Союзный договор и ряд соглашений экономического и оборонного характера, гарантирующих права и свободы граждан республик. Советские республики заявляли о своем желании стать членами ООН. Таким образом, зачитанный Назарбаевым документ представлял собой план получения контроля над центром не только Ельциным, но и другими главами республик. Он, как и действия российского президента, был направлен против объявлявшейся утратившей силу Конституции СССР. К удивлению депутатов, заявление требовало от них одобрения отмены действовавшей Конституции и самороспуска Съезда. Позднее и Горбачев, и Ельцин одобрительно высказывались о предложенном казахским лидером документе и отстаивали его конституционность. Во время описываемых событий они считали лучшим выходом из ситуации одобрение документа Съездом народных депутатов и самороспуск этого органа[23].

После того как Назарбаев зачитал документ, был объявлен перерыв, и депутаты не успели ни высказаться, ни задать вопросы. Они были потрясены, однако перерыв позволил им успокоиться. Скандала удалось избежать. Вадим Медведев вспоминал: "По существу, такие решения необходимы, как последний шанс для спасения страны. Конечно, внешне они выглядят не очень демократично, но такова уж ситуация". Он выразился слишком мягко. Многие депутаты не собирались уступать. Обсуждение затянулось на четыре дня[24]. Депутат Александр Оболенский заявил с трибуны: "Президент Казахстана товарищ Назарбаев, которого я уважаю, взял на себя роль легендарного матроса Железняка… Руководство республик внесло свой разрушительный вклад в уничтожение советской власти. Возможно, наступило время перестать относиться к Конституции как к проститутке, изменяя ее в угоду новой власти!" Оболенский мог иметь в виду и Горбачева, и Ельцина, но свое выступление он закончил требованием отставки именно главы СССР. Вернувшийся с прибалтийского побережья Ельцин вспоминал: "С трибуны бросались слова о 'предательстве', 'заговоре', 'разворовывании страны' и прочее".

После нескольких дней споров Горбачев и республиканские лидеры заставили Съезд покориться. По словам Ельцина, "Михаил Сергеевич всегда с трудом сдерживался, если при нем говорили такие гадости, и когда его довели окончательно, он вышел на трибуну и пригрозил: если съезд сам не распустится, то можно его и разогнать. Это охладило пыл выступавших, и

заявление Совета глав государств было принято”. Съезд утвердил меморандум Назарбаева и заявил о самороспуске – но лишь после того, как депутаты добились некоторых уступок. Верховный Совет СССР – работавший на постоянной основе законодательный орган, не имевший права вносить изменения в Конституцию – продолжал действовать. Горбачеву это позволяло рассчитывать еще на один союзный орган в противостоянии с республиканскими лидерами[25].

Сессия закрылась 5 сентября. На следующий день Горбачев созвал первое заседание Государственного Совета, в который входил он и лидеры республик. Ельцин вспоминал: “В новой реальности Горбачеву оставалась только одна роль – объединителя разбегавшихся республик”. Так или иначе, президент СССР вернулся в политику, играя второстепенную роль, хоть и достаточно важную. В тех условиях это удовлетворяло и Ельцина, и глав остальных республик Советского Союза. В конце августа председатель парламента Армении Левон Тер-Петросян заявил в интервью еженедельнику “Аргументы и факты”: “Если Ельцин допускает восстановление центра, у Горбачева есть шанс остаться. Но сейчас Горбачев нужен как стабилизирующий фактор”[26].

Активная фаза борьбы союзного центра с республиками завершилась. Республики, которые еще не были готовы выйти из Союза, получили время для принятия окончательного решения. Признание российским президентом независимости Прибалтики закрыло страницу истории СССР. Следующая страница открылась Актом провозглашения независимости Украины: теперь Россия чувствовала себя ответственной и за судьбу Союза, и за будущее республик. Вскоре после принятия Съездом народных депутатов СССР заявления Назарбаева Ельцин подписал указ, отменявший действие своих прежних указов, посягавших на полномочия союзного руководства. Ельцин и Горбачев достигли перемирия: теперь они оба несли ответственность за империю.

Вскоре Ельцин и его администрация переехали в Кремль. По требованию главы РСФСР ему был выделен такой же бронированный лимузин, как у президента СССР. Глава службы безопасности Ельцина писал: “На первых порах оба президента сотрудничали, стараясь находить компромиссы. Михаил Сергеевич имел перед Борисом Николаевичем преимущество не в Кремле, а в своей загородной резиденции Огареве. Там собирались главы других союзных республик. Горбачев пил свой любимый армянский коньяк ‘Юбилейный’ и за столом вел себя по-царски. Ельцин злился на него, выступал резко, но коллеги Бориса Николаевича не поддерживали”. Установилось двоевластие, которого Россия не видела с 1917 года. Никто не знал, насколько прочен баланс сил двух кремлевских лидеров[27].

Президентов СССР и РСФСР сближали два не зависящие от них обстоятельства: во-первых, главы союзных республик не желали усиления кого-либо из этих двоих; во-вторых, президент США по-прежнему благоволил Горбачеву. Буш видел в союзе Горбачева с Ельциным

предпосылку к сохранению Советского Союза, пусть и ослабленного. Как показал путч, единственная возможность выстраивания отношений российского президента с Бушем и вообще с Западом состояла в демонстрации желания сотрудничать с Горбачевым. Двадцать четвертого августа Ельцин заявил послу США Роберту Страусу: “Сейчас мы с Горбачевым близки”. Он попросил дипломата сообщить президенту США, что президенты РСФСР и СССР тесно сотрудничают. Страус вынес следующее впечатление: “Этот человек сознает свою власть… В то же время он хочет дать нам понять, что продолжает сотрудничать с Горбачевым – уже с позиции силы”[28].

Часть IV
Союз несогласных

Глава 10
Вашингтонская дилемма

Джордж Буш сидел у моря в Кеннебанкпорте, наслаждаясь солнцем и наблюдая за чайками. На календаре было 2 сентября. В этот день в Москве открылась сессия Съезда народных депутатов СССР, а Буш объявил о восстановлении дипломатических отношений со странами Прибалтики. Борьба Литвы, Латвии и Эстонии за независимость, утраченную в 1940 году, сыграла заметную роль в политике США по отношению к СССР. Теперь следовало подумать о дальнейших шагах. Следует ли США поддержать стремление к независимости остальных советских республик или попытаться сохранить то, что осталось от СССР? В следующие месяцы этот вопрос был важнейшим из стоявших перед Белым домом[1].

Это был последний день отпуска. Буш только что пообедал и выпил хереса. Президент подумал и записал на диктофон: “Сорок семь лет назад меня сбили над островами Бонин. С того времени столько произошло – и в моей жизни, и во всем мире”. Второго сентября 1944 года двадцатилетний лейтенант Буш поднял в воздух “Эвенджер” с авианосца “Сан-Хасинто”. Вместе с тремя другими экипажами Буш должен был бомбить японские фортификации на острове Титидзима. Японские зенитчики сбили его самолет прежде, чем он достиг цели, однако лейтенанту удалось довести самолет до острова и отбомбиться. Когда самолет охватило пламя, Буш с двумя другими членами экипажа выпрыгнул в океан. Парашюты раскрылись лишь у двоих, а в живых остался только Буш. Он плавал на надувном плоту четыре часа, пока его не подобрала американская подводная лодка. За то задание будущего президента наградили Крестом за летные заслуги. Его дальнейшая жизнь была полна событиями, которых бы хватило на три и даже больше жизней: и за себя, и за погибших товарищей[2].

В следующие полвека мир действительно изменился. В сентябре 1944 года войска Иосифа Сталина, союзника США, заняли Румынию и Болгарию. Тогда же Красная Армия взяла Таллин и Ригу – столицы аннексированных СССР летом 1940 года Эстонии и Латвии. США не признали аннексию, однако в декабре 1943 года Рузвельт заверил Сталина, что это не станет причиной войны Соединенных Штатов с Советами. Это можно было

расценивать как признание аннексии де-факто, что было негласно подтверждено на Ялтинской конференции в начале 1945 года. В период холодной войны США вели тонкую игру, признавая фактический контроль Советского Союза над Прибалтикой, но отказываясь признавать его суверенитет над регионом. Посольства Литвы, Латвии и Эстонии в Соединенных Штатах были закрыты, однако правительство США признавало их полномочия и сотрудничало с ними все годы холодной войны[3].

Тридцатипятилетний сотрудник Совета по национальной безопасности Николас Бернс, отвечавший в Белом доме за связи с прибалтийскими диаспорами в США, вспоминал:

Мы с самого начала уделяли большое внимание странам Прибалтики. Мы никогда не признавали их насильственного включения в состав Советского Союза. Мы признавали суверенитет СССР над Арменией, Туркменистаном и Украиной, но над прибалтийскими республиками – никогда. Их дипломатические миссии продолжали функционировать. Их золотой запас, переданный нам на хранение в 1940 году, остался нетронутым. В Конгрессе США сохранялось стойкое убеждение в необходимости добиться свободы для этих стран. Активно действовали прибалтийские диаспоры. Они сформировали Объединенный прибалтийско-американский национальный комитет. Я как сотрудник Белого дома часто встречался с представителями этой организации. Наша администрация… выступала за соблюдение прав стран Прибалтики[4].

Стабильная, хоть и не всегда активная, поддержка движения прибалтийских республик к независимости сохранялась в Америке в течение всего периода холодной войны. Согласно этой точке зрения, Советский Союз в межвоенный период незаконно захватил страны Прибалтики. Это мнение не распространялось на Молдавию и западные области Украины и Белоруссии, в 20-30-х годах входившие в состав Польши и Румынии и аннексированные СССР одновременно с Литвой, Латвией и Эстонией после подписания пакта Молотова – Риббентропа. В этом имелась своеобразная логика: в отличие от прибалтийских республик, ни одна из присоединенных к Советскому Союзу в межвоенный период территорий не была независимой и не признавалась таковой на международном уровне. Таким образом, Вашингтон относился к республикам Прибалтики так же, как к Польше, Венгрии и Чехословакии. Согласно этой точке зрения, освобождение Восточной Европы оставалось неполным вплоть до момента восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии[5].

В Москве не принимали, даже не вполне понимали это мнение. Для Советского Союза прибалтийские республики были частями Российской империи, утерянными после 1917 года вследствие империалистической интервенции. Они были возвращены после подписания пакта Молотова – Риббентропа, вновь утрачены в 1941 году и отвоеваны в ходе кровавой войны с Гитлером. Кремль считал, что Запад признал новую политическую реальность во время переговоров в Тегеране и Ялте. Для мысливших категориями холодной войны советских лидеров отпустить прибалтийские

республики казалось делом немыслимым. Они считали, что аннексия этих территорий была восстановлением справедливости, попранной Западом после революции. Кроме того, выход Литвы, Латвии и Эстонии из СССР стал бы опасным прецедентом. Министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе говорил Джеку Мэтлоку, что страны Прибалтики были не единственными республиками, захваченными и удерживаемыми с помощью силы[6].

Горбачев и сторонники жесткой политической линии в его окружении попытались прибегнуть к силе. Но безуспешно: помешал Запад. После подавления выступлений в прибалтийских республиках в начале 1991 года Буш объяснил Горбачеву последствия применения силы. Двадцать четвертого января посол Мэтлок передал советскому президенту письмо, в котором Буш ставил экономическое сотрудничество и помощь СССР в зависимость от действий Москвы в Литве, Латвии и Эстонии. Буш писал:

Я надеялся увидеть шаги к мирному урегулированию конфликта с демократически избранными лидерами прибалтийских государств. В случае отсутствия таковых… я буду вынужден отреагировать. Если указанные положительные шаги не будут сделаны в ближайшее время, мне придется заморозить многие элементы нашего экономического сотрудничества, в том числе экспортно-импортные гарантии, а также гарантии Корпорации товарного кредита, поддержку получения Советским Союзом статуса ассоциированного члена МВФ и Всемирного банка, большинство наших программ технической помощи. Кроме того, я не передам Сенату на ратификацию двусторонний договор о защите прав инвесторов и соглашение о налогообложении, если (или когда) они будут подписаны…

Я выполнил вашу личную просьбу и согласился подписать договор о торговле, несмотря на экономическую блокаду Литвы со стороны СССР. Вы заверили меня, что предпримете попытку мирным путем разрешить разногласия с прибалтийскими лидерами. Через несколько недель Вы отменили блокаду и начали диалог с Литвой и другими странами региона. С этого времени наше экономическое сотрудничество расширялось. Двенадцатого декабря я отреагировал на трудное положение, в котором оказалась ваша страна в связи с наступлением зимы.

По словам Буша, вооруженное вмешательство Москвы в дела Прибалтики исключило дальнейшую экономическую помощь: “К сожалению, события последних двух недель привели к смерти минимум двух десятков жителей прибалтийских стран. Я не считаю себя вправе и не стану продолжать действовать так, как прежде”[7].

В том же письме говорилось: “Никто не хочет распада СССР”. Буш не лгал; ни он сам, ни его администрация не имели намерения уничтожить Советский Союз путем поддержки прибалтийских республик. В 1988 году замминистра иностранных дел СССР Анатолий Адамишин просил заместителя помощника госсекретаря США Томаса Саймонса: “Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не открывайте второй фронт в Прибалтике”. Его заверили, что Соединенные Штаты такого намерения не имеют, поскольку в

их планы не входит распад Советского Союза. То же самое можно сказать и о 1989, 1990 и даже о 1991 годе. Однако мысли и действия президента Буша и его администрации в поддержку независимости Литвы, Латвии и Эстонии по сути вели к разрушению Союза.

Опора Горбачева на экономическую помощь Запада в последние два года правления стала одним из факторов, побудившим его попробовать выйти из прибалтийского кризиса путем предоставления мятежным республикам широкой автономии. Это был ненадежный путь. Согласно Конституции СССР, которая с началом перестройки стала уже не просто бумагой, страны Прибалтики обладали теми же правами, что и остальные члены Союза. Когда Горбачев предложил узаконить особые права Литвы, Латвии и Эстонии, остальные почувствовали себя обделенными. Они потребовали равноправия. Центр отказался, и тогда республики взялись за это самостоятельно. Между провозглашением суверенитета Эстонской ССР осенью 1988 года и аналогичными действиями остальных республик летом 1990 года существовала прямая связь[8].

В США прекрасно понимали, что кризис в Прибалтике подрывает позиции Горбачева и этим вредит американским интересам в остальном мире. Двадцать третьего января Буш писал президенту СССР: “Мы поставили на карту так много, что это влияет на мир в целом и на нас. Приходится думать и о контроле над вооружениями, и об Афганистане, Кубе, Анголе и других регионах. Кроме того, вам приходится иметь дело с поляками и немцами, которые и думать не хотят о прежних отношениях с Советским Союзом”. По словам Роберта Гейтса, заместителя советника Буша по вопросам национальной безопасности, у администрации в тот момент были проблемы и важнее: движение Литвы, Латвии и Эстонии к независимости угрожало американо-советским отношениям в целом[9].

У Буша не было выбора, принимая во внимание американскую внутреннюю политику. Правые республиканцы никогда не доверяли Бушу на сто процентов. Это заставляло его прислушиваться к мнению выходцев из Прибалтики. Несколько лет спустя он вспоминал: “Лидеры прибалтийских диаспор в США и разного рода ‘эксперты’ пеняли мне в прессе на то, что я зря принял ‘новое мышление’ Горбачева за чистую монету”. Накануне июльской поездки в Москву и Киев Буш получил обращение от сорока пяти конгрессменов с призывом использовать встречу для “давления на СССР в вопросе непосредственных переговоров центра с главами прибалтийских республик”.

Вопрос о независимости Литвы, Латвии и Эстонии поднимался во время переговоров Буша и с Горбачевым, и с двумя другими советскими лидерами, встречи с которыми были включены в программу поездки – с Ельциным и Кравчуком. Горбачев сослался на советское законодательство, которое делало выход республик из Союза почти невозможным. Президент США оказался между двух огней. С одной стороны находился маневрировавший, хотя и непреклонный, президент СССР, а с другой – еще более непреклонные критики в США. Учитывая давление литовских, латышских и эстонских

эмигрантских организаций и их сторонников в Республиканской партии США, можно сделать вывод: Буш и его окружение были вынуждены выполнять их требования. Вероятно, президент надеялся, что внешнеполитический узел развяжется сам собою[10].

Так и произошло. Крах путча дал Бушу повод надеяться, что его советский коллега перестанет удерживать страны Прибалтики в составе Союза. Двадцать первого августа он надиктовал: "Осторожному Горбачеву можно будет уделять меньше внимания проблеме правого фланга – военным, КГБ и т. д. Возможно, это позволит нам достичь прорыва в вопросах Кубы, Афганистана, Прибалтики и других стран". Все прибалтийские республики провозгласили независимость до или во время путча. Теперь им было нужно добиться утверждения этого решения союзным парламентом. Лидеры стран Прибалтики вновь обратились за помощью к американскому президенту. После путча председатель парламента Литвы Витаутас Ландсбергис направил в Вашингтон письмо: "Можете ли Вы, господин президент, посоветовать М. Горбачеву поддержать это постановление? Вероятно, можно будет быстро достигнуть положительного результата рассмотрения этого вопроса". Ландсбергис был уверен, что это последний шанс Горбачева спасти свою репутацию демократа: "Мы не знаем, сохранит ли М. Горбачев свой пост в дальнейшем, но он все еще может принять участие в получении прибалтийскими государствами независимости. Это в определенной степени позволит ему сохранить лицо". Литовский политик также попросил Буша немедленно "возобновить процедуру дипломатического признания Литвы"[11].

Сразу после путча давление на президента США усилилось. Двадцать третьего августа к Бушу с требованием признать прибалтийские государства обратился сенатор-республиканец от штата Вашингтон Слейд Гортон: "Всякая связь, всякое единство между этими народами и Советским Союзом уничтожено военными действиями против них". Он имел в виду введение во время путча чрезвычайного положения в прибалтийских республиках. В вопросе дипломатического признания Литвы, Латвии и Эстонии США отставали от других стран. Целый ряд малых государств принял соответствующие акты сразу после провозглашения Эстонией и Латвией независимости (20 и 21 августа соответственно). Россия сделала это 24 августа. После этого Буш отправил Горбачеву телеграмму о том, что Вашингтон больше не может ждать. Признание США стран Прибалтики назначили на 30 августа. Президент СССР попросил подождать до 2 сентября, надеясь, что в этот день то же самое сделает возглавляемый им Госсовет. Однако этот орган смог собраться лишь 6 сентября[12].

Буш не мог ждать. Он сделал заявление о признании стран Прибалтики 2 сентября, в последний день отпуска. После обеда, наслаждаясь морским видом, он надиктовал: "Сегодня была пресс-конференция. Я признал независимость прибалтийских государств. Я позвонил президентам Эстонии и Латвии. Пару дней назад я также разговаривал с Ландсбергисом из Литвы. Я сообщил им, что мы собираемся сделать, и объяснил, почему нам пришлось подождать несколько дней. Я пытался использовать силу и

престиж США. Мы не хотели принимать позу или быть первыми. Нашей целью было поощрить признание освобождения прибалтийских республик Горбачевым". Несколькими днями ранее он написал Ландсбергису: "Мы никогда не признавали насильственного включения Литвы в состав Советского Союза. Мы гордимся, что в течение пятидесяти одного года мы были вместе с литовским народом даже в самые трудные моменты"[13].

После отпуска вопрос о политике в отношении к СССР встал перед Бушем во весь рост. Ни сам президент, ни его окружение не имели четкого видения дальнейших шагов: как всегда, Белый дом реагировал на стремительно менявшуюся ситуацию. Администрация считала, что в сложившейся обстановке именно такая позиция была наиболее рациональной. Возможно, это было именно так. Буш, по собственному признанию, "не считал, что в интересах США претендовать на решающую роль в происходящем в Советском Союзе".

Буш, как и его советник Скоукрофт, считал, что слишком заметная активность Соединенных Штатов может стать причиной новой попытки государственного переворота: "Требования и заявления американской стороны могут оказаться контрпродуктивными, привести к активизации выступающих против реформ сторонников жесткой линии"[14].

Пятого сентября Съезд народных депутатов принял решение о самороспуске и приостановлении действия Конституции СССР. В тот же день американский президент созвал Совет по национальной безопасности, чтобы, в частности, обсудить вопрос сохранности советского ядерного арсенала. Речь также шла о необходимости разработки прежде отсутствовавшей широкой программы действий применительно к Советскому Союзу. В начале заседания Буш заявил: "Долгожданное освобождение стран Прибалтики и ряд аналогичных актов других республик поставили нас в довольно сложное положение". Это было правдой. Администрация четко различала свою политику применительно к Прибалтике и к другим республикам СССР. То, что было хорошо для Прибалтики, считалось вредным для Украины. Но даже если поддержать центр в его противостоянии с союзными республиками, о каком именно центре речь? Выступить на стороне Ельцина с молодыми революционерами или Горбачева с его командой опытных либеральных реформаторов? Пресса долго критиковала Буша за поддержку президента Советского Союза и игнорирование российского лидера. Стоит ли теперь Америке поддержать Ельцина? Несколько лет спустя Буш и его советник так сформулировали стоявший перед ними вопрос: "Ельцин – герой. Настоящий герой. Но кем он будет через месяц?"[15]

Буш попросил у совета помощи, хотя и сообщил, что предпочитает ждать: "Мы не должны играть на публику". Осторожность Буша не разделял лишь один из присутствовавших – пятидесятилетний министр обороны Ричард Чейни. В отличие от Буша и Скоукрофта, он был уверен в необходимости и способности США оказывать влияние на положение в Советском Союзе: "Думаю, до конца еще далеко. До сих пор сохраняется

опасность восстановления авторитаризма. Боюсь, что если примерно через год все рухнет, нам придется объяснять, почему мы не сделали больше… Мы должны вести процесс, направлять его"[16].

Чейни выступил за расширение контактов правительства США с советскими республиками. Фактически это означало курс на дезинтеграцию СССР, которая привела бы к устранению советской угрозы и сокращению военных расходов США. Министр обороны не видел разницы между провозглашением независимости прибалтийскими республиками и Украиной и был уверен, что Америка должна содействовать стремлению к государственности тех народов, которые этого хотят. Чейни предложил открыть в каждой советской республике консульство. Распределение помощи США и "Большой семерки" через Москву (на этом настаивал Скоукрофт) министр обороны считал признаком "старого мышления". Буш и Скоукрофт позднее охарактеризовали требования Чейни как "завуалированную поддержку дезинтеграции СССР".

Ответить Чейни пришлось Джеймсу Бейкеру – личному другу Буша, о влиянии которого на президента знал каждый в Белом доме. Бейкер считал, что США должны использовать имеющиеся рычаги влияния на Советский Союз. В меморандуме, подготовленном его сотрудниками, говорилось: "Хотя определяющая роль в происходящем будет принадлежать людям на местах, наши *заявления*, как это и было в дни путча, будут влиять на действия лидеров". Перед началом заседания Совета по национальной безопасности Бейкер озвучил журналистам пять принципов политики Соединенных Штатов в регионе. Их можно было рассматривать как инструкцию для глав советских республик: 1) мирный характер самоопределения; 2) нерушимость существующих границ; 3) уважение к идеям демократии и верховенству права; 4) признание прав человека, в частности, прав этнических меньшинств; 5) признание международных обязательств, взятых на себя Советским Союзом. (Последний пункт касался необходимости выполнения только что подписанного Горбачевым договора СНВ-1.)

Бейкер не хотел, чтобы Горбачев и его приближенные оставили сцену после всего, что они сделали для улучшения советско-американских отношений. Этих людей в Госдепартаменте знали, симпатизировали им и понимали, чего от них ждать. При этом никто толком не знал ни Ельцина, ни Козырева (о других советских республиках нечего и говорить). Люди из окружения Шеварднадзе предупреждали американских дипломатов, что Москва слабеет, а национализм на окраинах набирает силу. В подготовленном для Бейкера после поражения ГКЧП меморандуме упоминалось о "реальной возможности того, что провозглашение независимости республик СССР приведет к территориальным, экономическим и военным конфликтам между ними". На заседании Бейкер заявил: "Нам стоит повременить с открытием консульств [в республиках] и сделать все возможное для укрепления центра". Кроме того, он упомянул о том, что в случае распада Советского Союза могут возникнуть осложнения:

прежде всего вспышки насилия и бесконтрольное распространение ядерного оружия[17].

Чейни это не убедило: он считал, что администрация упускает шанс. Упоминая о проблеме, возникшей после провозглашения независимости второй по размеру республикой СССР, он спросил: “Что нам делать с Украиной? Мы только реагируем”. Буш поинтересовался, войдет ли Украина в обновленный Союз, и Чейни ответил отрицательно: “Добровольный распад СССР отвечает нашим интересам… Если демократия потерпит поражение, нам будет проще иметь дело с малыми государствами”. Бейкер заметил: “В наших интересах мирный распад Советского Союза. Нам не нужна вторая Югославия”. Поддерживавший Бейкера Скоукрофт спросил, поддержит ли тот сохранение Союза, если это окажется единственным способом избежать кровопролития. Тот вполне предсказуемо заявил: “Мы заинтересованы в мирном изменении границ в соответствии с Хельсинкскими соглашениями”. Скоукрофт продолжал: “Если распад будет сопровождаться кровопролитием, должны ли мы противостоять распаду?” Бейкер выступал за сохранение статус-кво и сотрудничество с республиканскими лидерами без поддержки дезинтеграции СССР. Чейни считал иначе. По его мнению, развитие отношений с республиками позволяло достичь значительных результатов.

Единственным вопросом, по которому Буш в тот день предложил определенные меры, была проблема ядерного разоружения. Генерал Колин Пауэлл, возглавлявший Объединенный комитет начальников штабов, был уверен: пока ядерное оружие в руках советских военных, а не политиков, оно в безопасности. Пауэлл длительное время участвовал в ядерной дипломатии и был знаком со многими высшими чинами Советской Армии. Он был склонен им доверять. При этом он не доверял политикам новой волны и не поддерживал идею перемещения ядерного оружия в РСФСР из остальных республик. Пока центр контролировал армию, у США оставалась, по-видимому, последняя возможность чего-то добиться от СССР в этой сфере. Буш поручил Чейни подготовить обращение к Советскому Союзу с предложением о сокращении ядерного арсенала. Это позволяло сэкономить финансы и продемонстрировать, что президент

Соединенных Штатов не ограничивается реакцией на уже произошедшие в СССР события. Буш решил как можно активнее действовать в хорошо знакомой ему сфере – ядерном разоружении. Этого хотел американский народ, а Горбачев все еще мог повлиять на решение этой проблемы[18].

Джеймс Бейкер смог оценить масштаб перемен в Советском Союзе 10 сентября. В тот день он прилетел в Москву для участия в правозащитной конференции под эгидой СБСЕ. Он счел увиденное “сюрреалистичным”. У московского Белого дома до сих пор стояли баррикады и лежали цветы в память о защитниках, погибших тремя неделями ранее. На конференции его внимание привлекло выступление главы внешнеполитического ведомства Литвы. Бейкер писал Бушу: “Если бы еще два месяца назад кто-нибудь сказал нам, что в сентябре на конференции СБСЕ министр иностранных дел

независимой Литвы произнесет речь с очень благоприятными оценками, мы бы спросили, что этот человек курил”.

Вопрос о правах человека был одним из самых неприятных для советских дипломатов с 1975 года, когда СССР, подписав Хельсинкские соглашения, обязался эти права соблюдать. Однако советское руководство отправляло диссидентов за решетку, и словосочетание “права человека” стало использоваться в западной антисоветской пропаганде, а лидеры СССР начали воспринимать его как провокацию. Лишь при Горбачеве отношение к этому понятию в Советском Союзе изменилось. Диссиденты вышли из лагерей и возглавили народные движения, более того – в странах Прибалтики и некоторых других республиках они пришли к власти. Московская конференция по вопросам прав человека лишний раз подчеркнула колоссальные перемены[19].

В сентябре 1991 года гости из США и других западных стран отметили в Москве много неожиданных перемен.

Джеймс Бейкер встретился с премьер-министром РСФСР Иваном Силаевым, который теперь де-факто возглавлял правительство Союза, в том же кабинете, в котором сидевший теперь под арестом премьер СССР Валентин Павлов в ночь на 18 августа готовил заговор (в прошлом этот кабинет занимал Сталин). Кроме того, Бейкер навестил бывший кабинет председателя КГБ Владимира Крючкова. Новый хозяин этого помещения, назначенный Горбачевым и Ельциным либерал Вадим Бакатин, ждал госсекретаря США у входа в здание и признался журналистам, что “немного нервничает”.

Горбачев и Ельцин принимали гостя из США так же радушно. Бейкер попытался вернуться к проблемам, поднимавшимся до путча. Теперь, после выхода из Союза стран Прибалтики, речь шла о прекращении помощи Москвы режимам Мохаммада Наджибуллы и Фиделя Кастро. Бейкер вспоминал: “Учитывая крайнюю неопределенность будущего СССР, мы… спешили закрепить достигнутое”. Он дал понять Ельцину и Горбачеву, что помощь США зависит от позиции СССР по отношению к Кубе и Афганистану. Дипломат писал: “Они. чуть ли не соревновались в своей готовности сотрудничать”. Горбачев, который к этому моменту уже не был главой КПСС, сказал гостю: “Да, мы потратили на идеологию восемьдесят два миллиарда долларов”.

Бейкера поразило, что Горбачев не только согласился прекратить помогать Кубе, но и решил заявить об этом на общей пресс-конференции в Кремле – без консультаций с Кастро. К 1 января 1992 года Кубу должны были оставить советские военные, прекращалась всякая финансовая помощь ее правительству. Этот же срок устанавливался для прекращения помощи правительству Афганистана. Ельцин ответил на просьбу Бейкера: “Я скажу Горбачеву, чтобы он это сделал”. Он сразу же позвонил президенту СССР и заверил американца, что условие принято. На следующий день Советский Союз и США заявили о прекращении помощи поддерживаемым ими сторонам конфликта в Афганистане.

Наджибулла узнал о происшедшем за шесть часов до заявления Москвы. Через несколько месяцев он был свергнут. Боевики "Талибана" повесили его в сентябре 1996 года. Опубликованные мировыми СМИ фотографии его тела свидетельствовали о надвигающейся угрозе, однако в сентябре 1991 года никто не предвидел такого поворота. Достигнутая победа вполне удовлетворила Бейкера. Получив от посла Роберта Страуса записку: "Две сегодняшние встречи имеют поистине историческое значение", он вернул ее, дописав: "Вы недооцениваете значение этого дня!"[20]

Почему руководство Советского Союза было столь уступчиво? Только что назначенный министр иностранных дел СССР Борис Панкин (в дни путча он оказался единственным публично осудившим переворот советским послом и в награду за это получил высшую дипломатическую должность) объяснял это так:

Мы рассчитывали получить экономическую помощь от США и были готовы пойти на значительные уступки. Из этого следовало признание нами независимости прибалтийских республик. Эта же схема лежала в основе нашего отступления из стран третьего мира и охлаждения отношений с Кубой. С одной стороны, мы просто не могли поддерживать эти отношения в старом виде. С другой – отказ от них мы стремились представить как акт доброй воли. И мы, и американцы при этом ссылались на политику разрядки, однако с нашей стороны определяющую роль играли экономические причины. И американцы прекрасно это понимали.

У Панкина были причины обращать особое внимание на экономический фактор. В написанных несколько лет спустя мемуарах он пытался оправдать свои поступки экономическими соображениями. Но даже эти воспоминания дают понять, что поведение СССР на международной арене в ту судьбоносную осень определялось далеко не только трезвым расчетом. Огромное влияние имела и идеологическая революция, которая привела к отторжению всего, что имело хоть какое-то отношение к коммунистическому взгляду на мир и на роль в нем Советского Союза. Предпосылки этой революции складывались в сознании либерально настроенных аппаратчиков из международного отдела ЦК КПСС и дипломатов. После путча они проявились проявились во всей силе.

С новым направлением политики вполне соглашался не только Ельцин, но и Горбачев. При первой встрече с Панкиным он сказал: "Нужно менять ориентиры, нужно отбрасывать предубеждения. Ясир Арафат, Каддафи – все напрашиваются в друзья, а сами спят и видят, чтобы мы повернули к прошлому. Хватит с нас двойных стандартов". Это означало почти полный отказ от коммунистической идеологии во внешней политике. Либеральное мышление, ставшее отныне основой отношений Советского Союза с другими государствами, было тесно связано с широким признанием в СССР культурными и экономическими достижениями США[21].

Панкин писал: "Мы хотели, чтобы нас приняли. В эти дни всех наших руководителей охватило единственное желание – стать 'цивилизованной страной'". Это желание определило поведение Панкина во время его первой

встречи с Бейкером. Он протянул документ, в котором говорилось о готовности Советского Союза пойти на уступки по всем пунктам от Афганистана до Восточной Европы, Израиля и Кубы. Вероятно, глава МИД хотел продемонстрировать, что отныне у советских дипломатов нет секретов от “цивилизованного мира”. Он объяснил удивленному Бейкеру: “Надеюсь, мы придем к общему пониманию по большинству этих вопросов, но заранее хочу попросить вас – если даже окончательная договоренность окажется ближе к вашей первоначальной позиции, чем к прежней нашей, – преодолейте соблазн подтвердить прессе, что это – уступки одной стороны другой. Просто речь пойдет о наших сегодняшних представлениях, о позициях тех, кто сегодня стоит у руля внешней политики”[22].

Это напоминало попытку стать святее папы римского. Вероятно, Бейкер оказался не в состоянии в должной мере оценить идеологические мотивы, побудившие СССР срочно отказаться от своих внешнеполитических активов. Зато экономические причины были очевидны. Глава Межреспубликанского экономического комитета СССР (то есть временного правительства) Иван Силаев в разговоре охарактеризовал экономическую ситуацию в Советском Союзе как “печальную”. Задачей Силаева было не улучшить положение (это не было в силах правительства), а хотя бы избежать дальнейшего ухудшения. Мэр Москвы Гавриил Попов, активно поддерживавший Ельцина в дни переворота, сказал Бейкеру, что центрального правительства как такового не существует. Республики и крупные города вроде Москвы оказались предоставлены сами себе. Попов признался, что “Москва не может пережить зиму”, после чего попросил о поставках яиц, сухого молока и картофельного пюре быстрого приготовления: “Некоторые из этих товаров есть на складах вашей армии. Военные выбрасывают их после трех лет хранения. Но мы готовы взять и залежалый товар”. Эти слова поразили Бейкера: “Прозвучало трезвое признание проблем, с которыми столкнулась страна, лидер которой когда-то грозился ‘закопать’ Запад”. В той же степени грядущей зимой были обеспокоены мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак и его помощник Владимир Путин: Бейкер на короткое время посетил и бывшую столицу Российской империи.

Встретившись с демократическими лидерами, желавшими изменить страну, но не готовыми ею руководить, Бейкер отправил Бушу письмо. Он предложил составить для СССР своего рода “План Маршалла”: “Мы сыграли важную роль в победе здешних демократов. Их успех изменит мир в соответствии с нашими ценностями и надеждами… Возможное поражение демократов сделает ситуацию в мире куда более опасной. Я не сомневаюсь, что если эти политики не смогут наладить снабжение товарами первой необходимости, им на смену придет авторитарный лидер с ксенофобскими правыми взглядами”[23].

Почти на каждой встрече госсекретаря с московскими политиками вставал вопрос взаимоотношений центра с республиками. Новый министр обороны Евгений Шапошников попросил: “Пожалуйста, не признавайте все эти новые республики”. Бейкер этого и не делал. Поскольку Буш не

озвучивал четкой позиции, глава внешнеполитического ведомства США мог действовать по своему усмотрению. Встречи в Москве и Санкт-Петербурге укрепили Бейкера в его убеждении: демократы сосредоточены в центре; следовательно, помощь центру и будет помощью демократии. Госсекретарь озвучил мысль о необходимости согласия с республиками. Это было необходимо для того, чтобы на Западе знали, с кем нужно иметь дело в вопросах экономических реформ и оказания гуманитарной помощи.

Бейкер устроил обед для премьер-министров союзных республик. В марте 1991 года Джек Мэтлок попытался организовать встречу в посольстве с республиканскими лидерами, и эта идея не нашла понимания ни у Горбачева, ни у его советников. Нынешняя ситуация была совершенно иной. Бейкер был единственным политиком, которому главы республик более или менее доверяли как посреднику. Он воспользовался этим, чтобы сгладить противоречия между советскими лидерами нового поколения, и действительно попытался стать посредником между центром и республиками. Заверив премьер-министра Украины в возможности оказания республике гуманитарной помощи, госсекретарь услышал о готовности Киева подписать экономические соглашения с Россией и остальными республиками СССР[24].

Буш одобрил проведение встречи с представителями союзных республик. Президент США пытался сделать все возможное в рамках дипломатии, чтобы сохранить целостность Советского Союза. Задача эта была не из легких. Он смог оценить ее сложность 25 сентября, во время визита в Белый дом Кравчука. За три дня до этого пять тысяч американцев украинского происхождения собрались перед Белым домом на митинг в поддержку независимости Украины. Они вновь осудили Буша за осторожную киевскую речь и потребовали переменить отношение к союзным республикам. На одном из плакатов было написано: “Со странами Прибалтики вы были последним. Окажитесь первым с Украиной”.

Кравчук был куда более уверен в себе и куда менее готов на уступки, чем два месяца назад. Во время визита президента США в Киев Кравчук согласился с необходимостью противостояния “самоубийственному национализму”. Буш и сейчас придерживался того же мнения, выступая против независимости всех республик, кроме прибалтийских. А вот позиция Кравчука в корне изменилась. Его поддержка государственной самостоятельности Украины была чем-то большим, нежели тактическим шагом партаппаратчика, почувствовавшего угрозу со стороны московских демократов. Он заявил американским журналистам: “Независимость достигнута народом. Первого декабря [дата запланированного референдума] народ подтвердит решение о независимости, и мы начнем строить новое государство – Украину”[25].

Кравчуку предстояло познакомить мир с идеей независимости Украины. Он воспользовался для этого и приглашением в Белый дом. Мнение украинского лидера о Советском Союзе очень отличалось от того, что желал услышать Буш: “СССР практически прекратил существование. Центрального

правительства нет. Верховного Совета нет… Ни в какой серьезной форме он существовать не может. Там происходит борьба за власть. Мы не можем быть членом союза, одни члены которого имеют большую власть, чем другие”. Кравчук имел в виду альянс Горбачева с Ельциным и попытку России занять доминирующее положение в обновленном СССР. Кравчук попросил американского президента поддержать украинскую демократию, задачей которой в его понимании было получение независимости. Кроме того, он желал установления прямых дипломатических отношений, открытия торгового представительства Украины в США, а в дальнейшем и признания Соединенными Штатами государственной самостоятельности Украины. В обмен он предлагал безъядерный статус своей страны.

Это не произвело на Буша особенного впечатления: “Кравчук, похоже, не понимал последствий и сложностей, связанных с его предложением”. За день до этого президент встретился с министром иностранных дел СССР Борисом Панкиным, заверившим: хотя путч и привел к провозглашению рядом республик независимости, уже в последующие недели их лидеры поняли, что действовать необходимо сообща. Разговор с Кравчуком оставлял совсем другое впечатление. По словам Буша, украинский лидер проинформировал его о “уровне недовольства Союзом в республиках”. Американский президент пообещал Кравчуку помощь в развитии демократических институтов и осуществлении экономических реформ, а также поставки продуктов питания и гуманитарных грузов. Кроме того, он озвучил обычную позицию США в вопросе взаимоотношений союзного центра с республиками: Соединенные Штаты не претендуют на то, чтобы определять характер перемен в СССР, но желали бы политической ясности. Кроме того, он хотел видеть реалистичный план развития экономики. В отличие от прибалтийских государств, признание Украины США поставили в зависимость от результатов референдума.

Запланированная на сорок пять минут беседа длилась полтора часа. Буш дал понять, что время истекло. Кравчук озвучил последнюю, неожиданную для президента США, просьбу. Он поблагодарил за гуманитарную помощь и сказал, что Украине нужно не это, а инвестиции и технологии. От представителей союзного центра Буш и Бейкер слышали совершенно иное: те просили именно продовольствие. Кравчук сказал: “У нас сложная ситуация. СССР получил помощь продуктами питания, но Украине они не достались. Теперь мы должны платить по [общесоюзным] долгам. Пока союзный центр получал помощь, мы отправили ему [по номинальной стоимости] шестьдесят тысяч тонн мяса и молока… Мы просим предоставить нам кредиты. Мы купим технологии, пригласим бизнесменов инвестировать в Украину. Мы будем работать”. Украина играла в СССР роль главным образом производителя, а не потребителя продуктов питания.

Буш прямо спросил Кравчука: “Должен ли, по-вашему, существовать экономический союз с центром? Мы считаем это необходимым для поддержки инвестиций”. Кравчук ответил: “Я был бы рад такому союзу, если

бы центр был дееспособен. Но. мы просто теряем время. СССР огромен. На всей его территории быстрые реформы невозможны".

Собеседники так и не достигли взаимопонимания. Гость постарался дать как можно более мягкие комментарии журналистам, обвинявшим Буша в безоговорочной поддержке Горбачева: "Уверен, что президент Буш начал менять свою точку зрения". По мнению Кравчука, Буш хотел сохранить СССР. В центре его внимания всегда находилась безопасность ядерного арсенала. Кравчук с этим считался, поскольку видел, что эта позиция отвечает интересам избирателей Буша[26].

Буш действительно хотел уберечь Союз от распада: его тревожила сохранность ядерного оружия. Еще до встречи с Кравчуком Чейни и эксперты Министерства обороны подготовили проект меморандума о ядерном разоружении. Текст получили союзники США в Западной Европе, а также Горбачев. Двадцать седьмого сентября Буш позвонил премьер-министру Великобритании Джону Мейджору, президенту Франции Франсуа Миттерану и канцлеру Германии Гельмуту Колю. Он объяснил суть своей инициативы и попросил о поддержке. На первый взгляд, речь шла об одностороннем предложении: США собирались сократить арсенал за счет отказа от тактических ядерных вооружений и ликвидации некоторого количества боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися зарядами. На самом деле Буш приглашал Горбачева последовать своему примеру. По этому поводу Скоукрофт сказал генеральному секретарю НАТО Манфреду Вернеру: "Это односторонний шаг. Но, конечно, если Советский Союз откажется, мы будем вынуждены его пересмотреть"[27].

Таким образом, успех зависел от реакции советской стороны. Во время телефонного разговора с Горбачевым 27 сентября Буш сказал: "Мы подробно разъяснили, что намерены сделать. В отдельных случаях мы озвучили, каким образом СССР может сделать то же самое. Например, мы отказываемся от всех межконтинентальных баллистических ракет, кроме ракет с одной боеголовкой. Хотелось бы, чтобы Советский Союз присоединился к этому решению". Горбачев заинтересовался, но обещать ничего не стал: "Джордж, спасибо за объяснения. Раз вы хотите слышать ответ, я могу сказать, что принципиально мы согласны. Но многое нужно уточнить". Буш поинтересовался, может ли он сообщить публике, что первая реакция советского президента была положительной. Глава СССР ответил утвердительно[28].

Разговор Горбачева с президентом США происходил в присутствии представителей высшего военного командования – они только что совместно изучили предложения американцев. Новый глава Генштаба генерал Владимир Лобов был настроен скептически. Скоукрофт позднее высказал мнение: отказ от тактических ядерных вооружений послужил интересам США. Размещенное в ФРГ ядерное оружие после объединения Германии стало совершенно бесполезным: в случае запуска эти заряды поразили бы цели в только что присоединенных Бонном федеральных землях.

Южнокорейское правительство желало убрать из страны эти вооружения, чтобы убедить власти КНДР пойти на переговоры. Япония и Новая Зеландия также заявляли о нежелании принимать в своих портах американские корабли с ядерным оружием на борту. Односторонний отказ Соединенных Штатов от тактических ядерных вооружений позволял избежать длительных переговоров с третьими странами.

По словам Анатолия Черняева, советника Горбачева по вопросам внешней политики, который стал свидетелем разговора с Бушем, “[генерал] Лобов пытался ‘давить’: мол, нам невыгодно, обманут, никакой односторонности не вижу и т. д. – вопреки тому, что М. С. тыкал ему пальцем в текст Буша, доказывая противоположное”. Горбачев после разговора с американским коллегой попробовал развлечь генералов, поделившись впечатлениями о спектакле, который он недавно посетил с женой: инсценировке романа Торнтона Уайлдера “Мартовские иды” (1948). Президент удивил своих генералов, проведя параллели между последними днями Римской республики и современностью. Черняев отметил, что Горбачеву была свойственна “смесь простодушия… с хитрой игрой в доверительность с новыми генералами”. Так или иначе, президент убедил новое армейское руководство поддержать его. Оно оказалось куда сговорчивее предшественников.

Борис Панкин отмечал в мемуарах: “После августовского путча 1991 года многие военные стыдились если не активной поддержки, то молчаливого согласия с его целями. Его пассивность упростила нашу творческую работу”. Черняев предположил, что на предложение Буша повлияло “новое мышление” Горбачева, в выработке которого он и сам принял участие. После разговора советского и американского президентов он спросил у сомневающихся генералов: “Никакого начала новой политики США, новых отношений с нами, итогов нового мышления вы в этом не видите?!” Нет, судя по всему, они не видели. Заявления Черняева для США явились бы неожиданностью, но Горбачев верил в свое влияние на мировую политику.

Через восемь дней Горбачев позвонил Бушу. Советский президент не просто сообщил, что предложение американцев одобрено, но и предложил принять годичный запрет на ядерные испытания и пригласить третьи страны присоединиться к начатому США и СССР процессу сокращения ядерного арсенала. Советская сторона выразила готовность ликвидировать тактическое ядерное вооружение, начать переговоры о межконтинентальных ракетах с разделяющимися боеголовками и в одностороннем порядке сократить численность сухопутных войск до семисот тысяч человек. Настала очередь американцев удивляться. Буш вспоминал об этом: “Наши позиции немного отличались, но результат был положительным и многообещающим”. Как и Соединенные Штаты, Советский Союз пытался представить вынужденное сокращение своего оборонного бюджета актом доброй воли. Конечно, в выигрыше остались обе стороны – и весь мир. Достигнутое осенью 1991 года соглашение легло в основу нового Договора о сокращении стратегических

наступательных вооружений (СНВ-2), подписанного Бушем и Ельциным в январе 1993 года[29].

Через несколько дней президент США вновь созвал Совет по национальной безопасности и сообщил хорошие новости: план сокращения ядерных вооружений выполнялся, однако вопрос, кого США следует поддержать в конфликте Москвы с республиками, был далек от ясности. Дик Чейни вновь заговорил об отказе от поддержки центра. Все соглашались, что нужно поддерживать экономические реформы и демократию, но мнения о том, как именно, разошлись. Чейни утверждал: "Поддержка центра равнозначна противостоянию реформам". Джеймс Бейкер возражал: "Реформаторы – это как раз парни в центре… Мы не станем поддерживать распад Советского Союза на двенадцать республик. Мы поддержим то, что *они сами* сделают, но исходя из *наших* принципов". Участники совещания так и не пришли к единому мнению. США продолжали балансировать между поддержкой центра и республик, Горбачева и Ельцина[30].

Глава 11 Российский ковчег

Джордж Буш позвонил Ельцину, чтобы поинтересоваться его здоровьем. На календаре было 25 сентября. Российский президент, еще не оправившийся после августовской битвы, почувствовал боль в груди. Взятый несколькими неделями ранее короткий отпуск не помог. Буш сказал Ельцину: "Я прочел в газетах, что вам может потребоваться медицинская помощь. Готов предложить лечение в лучшей больнице Вашингтона".

После поражения ГКЧП американский президент завел обычай звонить обоим своим кремлевским коллегам: и российскому, и советскому. Сотрудник Совета по национальной безопасности Николас Бернс, которому часто поручали вести стенограмму во время телефонных переговоров с Москвой, вспоминал: "Мы знали, что Горбачев слабеет, а Ельцин усиливается, поэтому президент Буш начал выстраивать отношения с обоими. Мы выработали схему сотрудничества с двумя президентами одновременно. Во время каждого разговора с Горбачевым Буш говорил ему, что после этого позвонит Ельцину".

Ельцин был тронут. В конце разговора 25 сентября он сказал американскому коллеге: "Очень вам благодарен. Спасибо за внимание ко мне. Не знаю, как вас отблагодарить". Президенты договорились не сообщать о содержании разговора прессе, чтобы, как сказал Ельцин, "не заставлять людей волноваться"[1].

В тот день российская пресса рассказывала не о состоянии здоровья Ельцина, а о достижениях дипломатов. Ельцин и его казахский коллега Нурсултан Назарбаев участвовали в урегулировании противостояния между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе – арене первого в период перестройки этнического конфликта в СССР. Ельцин рассказал Бушу: "В Нагорном Карабахе у нас была очень сложная миссия, но нам удалось усадить стороны за стол переговоров и подписать протокол". Он также сказал, что снова возьмет короткий отпуск. Тогда же пресс-секретарь

Ельцина Павел Вощанов заявил, что президент пойдет в отпуск "не для того, чтобы отдохнуть, а чтобы обдумать дальнейшие планы и поработать над новой книгой в спокойных условиях".

В связи с необходимостью отдыха и лечения Ельцин почти на месяц уехал из Москвы. Он провел это время в правительственной резиденции Бочаров Ручей около Сочи. Его работа над книгой воспоминаний почти не сдвинулась с места. А вот для обдумывания "планов на будущее" и их обсуждения с многочисленными посетителями времени оказалось достаточно. Руководитель службы безопасности Коржаков организовывал для президента теннисные турниры и готовил сауну, но до Москвы дошли слухи о пьянстве Ельцина. Черняев записал в дневнике: "Говорят, пил по-черному, и возле дачи все время стояла единственная в городе реанимационная машина"[2].

Неважно, верны ли были эти слухи (от союзника Горбачева не стоит ожидать доброжелательного отношения к Ельцину): президент РСФСР отсутствовал в столице в самое неудачное для правительства время. Один из его сторонников в Верховном Совете РСФСР высказался так: "Это было то же самое, как если бы Наполеон поехал на Ривьеру писать стихи после прихода австрийских и российских войск в Аустерлиц". Один из главных советников Ельцина Геннадий Бурбулис вспоминал, что в это время правительство СССР уже не функционировало, а российское еще не взяло ситуацию в свои руки: "Страна катилась к коллапсу… И эта ситуация власти без власти, ситуация ответственности без ресурсов – она не могла длиться бесконечно. Так или иначе нужно было быстро создавать дееспособное правительство. А Ельцин укатил в Сочи"[3].

Российский президент оставил в Москве три конкурирующих центра власти: с одной стороны – окружение Горбачева, с другой – две группировки в правительстве РСФСР. После отъезда Ельцина они немедленно стали угрожать друг другу. Одна из группировок в российском правительстве выступала за радикальные реформы, предусматривавшие разрыв экономических связей с остальными республиками. Вторая группировка желала медленного реформирования в координации с остальными республиками. Горбачев, в свою очередь, стремился восстановить СССР под новым наименованием, усилив центр настолько, насколько возможно. В момент разлада в Москве союзные республики приостановили перечисление налогов в Москву, используя полученное ими право денежной эмиссии для приобретения российской промышленной продукции. В промышленных городах России все более обострялся продовольственный вопрос. Критической точкой для определения курса страны и перспектив Советского Союза стал октябрь. Ельцину предстояло сделать выбор. Но он не торопился[4].

Раскол в правительстве РСФСР стал очевиден 27 сентября, после отставки Ивана Силаева с поста премьер-министра (с конца августа он совмещал эту должность с должностью главы временного правительства СССР). Он оказался в трудном положении, представляя одновременно и

центр, и крупнейшую союзную республику. Руководители остальных республик обвиняли его в отстаивании российских интересов, а члены правительства РСФСР – в поддержке союзного центра. Нападки на Силаева в Совете министров России усилились после того, как он подписал документ, рекомендовавший отмену ельцинских указов об установлении республиканской юрисдикции над союзной собственностью и создании таможенной службы РСФСР. Силаев хотел приостановить действие указов, принятых сразу после падения ГКЧП, до их обсуждения с остальными республиками. Оппоненты увидели в этом попытку восстановления позиций центра[5].

Оказавшись перед выбором – Россия или Союз, – Силаев остановил выбор на Союзе. В этом решении его укрепил Ельцин, в середине сентября позвонивший премьеру и порекомендовавший ему остаться ответственным за экономику СССР. Силаев проиграл битву за место на вершине республиканской пирамиды ближайшему окружению Ельцина – тем, кого будущий президент привез в Москву из Свердловска. Нурсултан Назарбаев в личном разговоре с Джеймсом Бейкером назвал эту группировку “свердловской мафией”. В эту группу входил второй человек в РСФСР – государственный секретарь Геннадий Бурбулис, а также глава президентской администрации и первый зампредседателя Совета Министров. Силаев настаивал на осторожности в реформах и согласовании действий с остальными республиками, а Бурбулис склонялся к идее “шоковой терапии” – агрессивного ускоренного реформирования экономики и либерализации цен, что на начальном этапе неизбежно должно было сопровождаться резким падением уровня жизни (эта политика принесла пользу Польше)[6].

Бурбулис и его сторонники, в том числе министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев и министр информации Михаил Полторанин, ставили интересы России на первое место, стремясь побыстрее отобрать у союзного центра как можно больше полномочий. Они не горели желанием тормозить реформы в России и таким образом давать возможность приспособиться к новой ситуации республикам, руководство которых не соглашалось с экономической стратегией РСФСР или не было готово к быстрым изменениям в хозяйственной и социальной сферах. Бурбулис возлагал надежды на группу молодых экономистов, с конца августа изучавших состояние российской экономики[7].

Их разместили в правительственной резиденции в усадьбе Архангельское-2 (именно там 19 августа Ельцин узнал о перевороте). Команду возглавлял тридцатипятилетний Егор Гайдар, в годы перестройки работавший редактором экономического отдела двух центральных органов КПСС – журнала “Коммунист” и газеты “Правда”. Оба деда круглолицего экономиста были литераторами. Первый, Аркадий Гайдар, – один из популярнейших в СССР детских писателей. Почти каждый советский подросток читал повесть “Тимур и его команда”. Тимуром звали сына Аркадия Гайдара, отца Егора Гайдара, сделавшего карьеру в ВМФ и работавшего военным корреспондентом “Правды”. Значительная часть

детства будущего экономиста прошла в Югославии и на Кубе, где его отец работал журналистом.

В 1980 году Егор Гайдар защитил кандидатскую диссертацию по экономике в МГУ. Тогда же он вступил в КПСС и начал работать в экономических исследовательских институтах. Его навязчивой идеей было реформировать экономику СССР, переведя ее на рыночные рельсы по образцу Югославии или Венгрии. Перестройка дала ему возможность популяризовать свои взгляды. Кроме того, он открыл собственный исследовательский центр и собрал группу молодых экономистов. Вместе с ними Гайдар готовил программу реформ для союзного правительства. По словам советника Горбачева по экономическим вопросам Вадима Медведева, будущий реформатор “участвовал во многих ситуационных анализах и мозговых атаках… в аппарате президента”. В течение нескольких месяцев Горбачев поддерживал идею радикальных реформ. Он даже поддержал программу “Пятьсот дней”, предусматривавшую ускоренный переход к рыночной экономике (ее подготовила группа экономистов под руководством Станислава Шаталина). Однако в итоге президент поддержал умеренный вариант реформ без выработанного механизма и сроков реализации[8].

После падения ГКЧП главным клиентом Гайдара стала администрация президента России. Инициатором сотрудничества выступил Геннадий Бурбулис. Гайдар встретился с ним в осажденном Белом доме. В конце августа Гайдар одним из первых поддержал идею перехода союзной собственности под контроль российских властей. Он видел в этом единственный способ сохранить Союз. Позже Гайдар так описал свой сценарий сохранения империи: “Горбачев немедленно отрекается от своего поста, передает его Ельцину как президенту крупнейшей республики Союза. Ельцин легитимно подчиняет себе союзные структуры и, обладая безусловным в ту пору авторитетом общенародного лидера России, обеспечивает слияние двух центров власти”.

План Гайдара не был реализован. В этом он винил нерешительность правительства РСФСР. Через несколько недель это же правительство предоставило Гайдару возможность, о которой он не мог и мечтать: право проверить теорию на практике, перейти в вопросе рыночных реформ от слов к делу. Окружение экономиста добивалось этого месяцами, но правительство Горбачева блокировало эти инициативы. Теперь ситуация ухудшилась настолько, что российскому руководству пришлось действовать. Группа Гайдара взялась за работу. Эти люди были уверены: если немедленно не попытаться стабилизировать ситуацию, то в течение одного-двух месяцев крах экономики станет не просто неминуемым, но и необратимым[9].

Позднее Гайдар вспоминал: он и его окружение довольно быстро поняли, что “не может быть дееспособного экономического союза без союза политического. А шансов быстро воссоздать его явно не было”. Из этого они сделали вывод, что России нужно остаться одной. Главной целью группы стала либерализация цен с целью оживления рынка и подталкивания государственных и кооперативных предприятий к участию в торговле. Но

либерализация неминуемо вела к краху финансовой системы. Единственная возможность его избежать состояла в резком сокращении государственных расходов, включая субсидирование закупок продовольствия. Это грозило социальным взрывом, однако молодые экономисты были уверены: иного выхода не существовало. Им пришлось рискнуть. Окружение Гайдара надеялось, что “шоковая терапия” оживит умирающую экономику, создаст возможности для приватизации государственного имущества и полномасштабного перехода к рынку[10].

Бурбулис и некоторые другие члены правительства РСФСР посетили группу Гайдара в Архангельском. Из общения с экономистами они вынесли уверенность в необходимости “шоковой терапии” – если Ельцин, несмотря на риск, от нее откажется, его постигнет судьба Горбачева: популярность президента испарится и народ выбросит его из Кремля. Бурбулис попросил детализировать план. Гайдар и его сотрудники подготовили оценки и предложения. После обсуждения этих документов Государственным Советом РСФСР Бурбулис вылетел в Сочи, чтобы предложить

Ельцину план спасения России и действующей власти. Он передал президенту записку, озаглавленную “Стратегия России в переходный период” (“Меморандум Бурбулиса”). Никто не мог предугадать реакцию Ельцина. Бурбулис вспоминал: “Все ждали, что называется, не по дням, а по часам, что там произойдет”[11].

Несколько часов президент и госсекретарь РСФСР обсуждали план, сидя на черноморском берегу. Александр Коржаков носил им еду. По словам Бурбулиса, “на самом деле ситуация была предельная в том смысле, что наследство, которое мы получили, было чудовищным. Борис Николаевич это очень хорошо понимал”. Сидя в шезлонге, Бурбулис убеждал его, что план Гайдара – это их последняя надежда.

Первой реакцией Ельцина был однозначный отказ: “Не могу. Как же так?”

Бурбулис настаивал. Позже он рассказывал: “Что хорошо было – в гайдаровских бумагах идея тут же сопровождалась шагами, инструментом. Закон – указ, указ – закон, постановление. И понятно было, что предлагается и как это сделать”.

Один из гайдаровских принципов состоял в признании невозможности финансирования Россией других республик: ресурсы были необходимы ей самой для преодоления кризиса и для гигантского скачка к рыночной экономике без социальных потрясений. Это, в свою очередь, вынуждало поднять вопрос о целесообразности сохранения союзного центра как с политической, так и с хозяйственной точки зрения. В меморандуме говорилось: “Объективно России не нужен стоящий над ней экономический центр, занятый перераспределением ее ресурсов. Однако в таком центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль за собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой центр может существовать лишь при поддержке республик, он

объективно, вне зависимости от своего кадрового состава будет проводить политику, противоречащую интересам России”.

Бурбулис спросил у Ельцина: “Что делать с республиками?” И сам же ответил: “Мягко будем сотрудничать, но кормить и поить их нам нечем”.

В конце концов Ельцин стал склоняться к принятию предложения Бурбулиса:

– Что, только так, не иначе?

– Только так.

– Если ничего другого нет, значит, будем делать так.

В Сочи Бурбулис встретился и с представителями конкурирующей группировки в российском правительстве – союзниками Силаева. Те пытались убедить Ельцина придерживаться умеренной стратегии. Бурбулис вылетел в Москву с надеждой. Если Ельцин согласится с принципами его меморандума, Россия совершит беспрецедентный в своей истории шаг: вместо того, чтобы поставить на первое место сохранение империи, она построит ковчег и спасется в грядущем потопе[12].

Как и в августе, внезапный отъезд Ельцина из Москвы дал Горбачеву некоторое пространство для маневра. Он пытался вернуть себе центральную роль в общесоюзной политике. Основным инструментом достижения этого стала идея нового Союзного договора. Президент СССР стремился убедить руководителей республик подписать его как можно быстрее.

Первая встреча после путча Горбачева с Ельциным и остальными лидерами республик состоялась 23 августа. Ее итоги были бесспорны: в прошлом остались и старый Союз, и ставший поводом для переворота проект Союзного договора. Вскоре после встречи Горбачев вызвал Георгия Шах-

Назарова, одного из главных советников, и спросил, работает ли тот над новым проектом Союзного договора. Вопрос застал Шахназарова врасплох: “Мне и в голову не приходило”. Советник сомневался в возможности возобновления переговоров.

Горбачев настаивал: “Будем сидеть сложа руки, окончательно все проиграем. Страну растащат к чертовой матери”. Шахназаров обратил внимание, что республики теперь могут захотеть от центра большего. Горбачев сказал: “Конечно, а мы, со своей стороны, должны им объяснить, что без Союза ни одна из них не выживет. Даже Россия. Всем будет плохо”[13].

Десятого сентября, во время визита в Москву Джеймса Бейкера, президент СССР убедил Ельцина вернуться к переговорам. Тот согласился – при условии, что новый Союз будет представлять собой конфедерацию – децентрализованное образование, в котором центр будет отвечать прежде всего за вопросы обороны и международные отношения. Эту позицию прежде отстаивал Кравчук, а после путча и Назарбаев. Горбачев хотел нового Союза, а не конфедерации, но у него не было иной возможности добиться согласия Ельцина. В конце сентября российский президент выехал из столицы. Тогда же Шахназаров встретился с Бурбулисом и советником Ельцина по юридическим вопросам Сергеем Шахраем. Они обсуждали условия нового Союзного договора. Бурбулис озвучил ключевые тезисы:

эпоха, когда “Россия как ‘донор’, спаситель Союза ложилась на амбразуру, чтобы прикрыть любую брешь”, прошла. Теперь России нужно “заняться собой, собраться с силами”.

Бурбулис и его окружение не верили, что усилия Горбачева по восстановлению союзного рынка позволят решить экономические проблемы СССР. Кроме того, они не считали, что эта инициатива служит интересам России. Республики переводили РСФСР огромные суммы обесценивающихся денег, взамен получая природные ресурсы, и поэтому, заявили Шахрай и Бурбулис представителю центра, “мы должны спасать Россию, укреплять ее независимость, отделяясь от всех остальных. Вот после того, как она встанет на ноги, все опять к ней потянутся, вопрос [Союза] можно будет решать заново”. А сейчас России была нужна именно конфедерация. Кроме того, они хотели, чтобы Россия была признана правопреемником СССР. Это должно было обеспечить ей приоритет в конфедерации. Представители РСФСР были готовы сотрудничать в этом вопросе с центром, рассматривая его как посредника в отношениях с остальными республиками. Это позволяло Горбачеву если не вернуть себе власть, то, по крайней мере, вернуться в политику. Бурбулис сказал по этому поводу: “Мы понимаем, что Горбачев – выдающийся реформатор, он по-прежнему играет большую роль на мировой арене. Если будет объявлен договорный процесс по сценарию России, понадобятся координационные структуры для осуществления оборонной стратегии, выращивания дипломатических органов (так сказал мой визави). Все эти функции никто не может выполнить лучше Горбачева”[14].

Бурбулис имел в виду следующее: попытка захвата властями РСФСР функций центра провалилась. Позиция Джорджа Буша и глав республик вынудила Ельцина сотрудничать с центром. Горбачев мог обеспечить прикрытие сохранению гегемонии России в Союзе. Это предложение формально основывалось на принципах конфедерации. Можно проследить его связь с заключенным несколькими неделями ранее неофициальным соглашением между президентами России и СССР. Но Горбачев хотел иного: его целью было союзное государство с сильным центром. Для этого он был готов на все.

Пока российский президент отдыхал в Сочи, главу СССР неожиданно поддержали два самых последовательных союзника Ельцина: мэр Москвы Гавриил Попов и мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. Миллионы жителей этих городов зависели от поставок продовольствия из союзных республик. Чтобы пережить зиму, нужно было срочно восстановить экономические связи, и единственной их надеждой стал Горбачев. Выступая на заседании Политического консультативного совета при президенте СССР, Собчак заявил: “Ленинград исключили из союзного и российского обеспечения, мы перестали получать продовольствие с Украины, из Казахстана. За то, что мы поставляем, я бы прокормил десять Ленинградов. Если это не изменится – я запрещаю вывоз тракторов на Украину, прекращаю поставки республикам, не выполняющим своих обязательств”. Помощник Собчака по международным вопросам Владимир Путин

вспоминал, что Собчак ездил в Москву очень рассерженным: “Что они делают? Зачем они разрушают страну?”[15]

Хотя лидеры России, Украины и Казахстана имели серьезные замечания к планам создания нового союза, большинство их соглашалось с необходимостью подписания экономического соглашения с целью восстановления общего рынка. Вначале Горбачев заявлял, что экономический договор будет подписан до политического. Он резко изменил свое мнение за несколько дней до запланированной на 1 октября встречи премьер-министров союзных республик (на ней предполагалось обсудить экономическое соглашение). Теперь президент СССР требовал подписать сначала политический договор. Он надеялся, что хозяйственная необходимость заставит глав республик принять его условия.

Этот внезапный шаг испугал не только республиканских лидеров, но и представителей горбачевского лагеря.

Один из инициаторов экономического соглашения Григорий Явлинский был готов подать в отставку. Когда он рассказал о случившемся Анатолию Черняеву, тот взорвался. Черняев записал в дневнике: “Он [Горбачев], что! спятил? […] Никакого Союзного договора не будет! Он что – не видит, что ‘Россия’ его провоцирует, – чтоб все [остальные республики] разбежались, а она в ‘гордом одиночестве’ будет потом им диктовать свои условия, ‘спасать’ их в обход Горбачева, который уже совсем не будет нужен!”[16]

По-видимому, Горбачев считал иначе. Он был уверен: российский президент и остальные главы республик нуждаются в нем. Самовластное поведение Ельцина вызывало беспокойство последних. Они хотели, чтобы центр умерил растущие амбиции России. Но центр был нужен и Ельцину: лидер РСФСР мог использовать его как рычаг влияния на остальные республики. Почувствовав изменение ситуации, Горбачев вернулся к тактике, которую он ранее успешно применял в отношениях с аппаратчиками: пригрозил подать в отставку. Он сказал Ельцину, собиравшемуся в Сочи: “Я участвовать в похоронах Союза не буду!” Однако это не сработало. Напротив, принимавший экономический форум 1 октября 1991 года Нурсултан Назарбаев отбросил предложение Горбачева связать экономический договор с политическим. Он подчеркнул, что республикам нужно прежде всего экономическое соглашение. Горбачева даже не пригласили на встречу. А главы правительств восьми союзных республик, в числе которых были Россия и Казахстан, парафировали договор, предметом которого было восстановление торговых и хозяйственных связей[17].

Горбачев не сдавался. Он настаивал на включении вопроса политического договора в повестку дня заседания Государственного Совета, назначенного на 11 октября (главы республик должны были обсудить экономические проблемы). Он поручил советникам разослать руководству республик проект нового договора. Документ подготовили Георгий Шахназаров и Сергей Шахрай. Последний представлял Ельцина, и это повлияло на содержание проекта: в нем был представлен конфедеративный подход. Горбачев потребовал переписать документ перед рассылкой в

республиканские столицы. По его мнению, выражение “союз государств” нужно было заменить словосочетанием “союзное государство”, предусмотреть принятие союзной конституции и избрание президента союза общенародным голосованием, а не депутатами парламентской ассамблеи. Шахназаров возразил Горбачеву, что тот уже согласился на проект конфедерации, то есть “союза государств”. Глава СССР парировал: “Будешь мне лекции читать […], это я и без тебя знаю, в университете учил. Сейчас речь не о словечках, а о существе дела. Извольте написать: Союзное государство. Никаких возражений слушать не хочу”. Проект разослали главам республик в виде, отредактированном согласно пожеланиям Горбачева[18].

К разочарованию Горбачева, вопрос о политическом договоре был снят с повестки дня заседания. Председатель Президиума Верховного Совета Украины Кравчук сообщил, что украинский парламент проголосовал за приостановку участия республики в переговорах о новом Союзном договоре до референдума 1 декабря. Изменение позиции Украины Горбачев воспринял с явным неудовольствием. Ранее Кравчук участвовал в обсуждении документа под предлогом возможного вступления Украины в обновленный Союз в случае, если на референдуме граждане откажутся поддержать постановление Верховного Совета о независимости. Союз Кравчук видел только конфедерацией. Но теперь Украина вообще выходила из переговорного процесса. Горбачев предложил Государственному Совету принять обращение к парламенту республики с призывом отказаться от этого решения. Кравчук ответил: “Верховный Совет подтвердит свое решение”, на что Горбачев отреагировал: “Бог с вами, а мы очистим душу!”[19]

После изменения повестки дня в центре внимания оказалось экономическое соглашение. Документ представил советник Горбачева Григорий Явлинский. Это была его третья попытка убедить власть имущих в ценности своего взгляда на экономические реформы. Впервые он пытался сделать это еще в 1990 году в процессе выработки программы “Пятьсот дней”. В тот раз Горбачев сначала поддержал проект, но позже отказался от реформ. В июле 1991 года Григорий Явлинский и Джеффри Сакс из Гарварда подготовили новый план экономических преобразований. Документ был представлен на саммите “Большой семерки” в Лондоне. Мировые лидеры отвергли его как слишком умеренный. Теперь Явлинский предлагал переработанную версию.

Анатолий Черняев положительно охарактеризовал доклад Явлинского о проекте экономического соглашения. По его словам, это был “ликбез, культпросвет для элементарно безграмотных президентов республик”. Черняева потрясло непонимание главами республик основных принципов рыночной экономики: “Поразительный примитив”. Черняев был совершенно прав. Мало кто из республиканских лидеров, сделавших карьеру в условиях плановой экономики, понимал принципы рынка. Зато они прекрасно понимали интересы своих республик – и собственные. Именно поэтому они

настаивали на коллегиальном управлении центральным банком, несмотря на возражения Явлинского[20].

Главы республик заняли позицию, которая не предвещала ничего доброго идее единого финансового пространства. Это не могло устроить присутствовавших на встрече Анатолия Черняева и Бориса Панкина. Последний, наблюдая за прениями в Государственном Совете, испытал шок: всесильный некогда центр “помещался теперь в одном кабинете, причем половину его составляли руководители независимых республик”. Министр с ужасом наблюдал, как новые лидеры решали судьбу остатков страны: “Кем были незнакомые новые члены Государственного Совета? Кто эти новые ханы из периферии Советского Союза?”

Кравчук напомнил Панкину одного из гоголевских персонажей, и тот описал украинского лидера как “полноватого” человека с чувством “достоинства и представительностью”. Глава Азербайджана Аяз Муталибов напомнил Панкину “приосанившегося парня из бакинской подворотни, расставшегося по возрасту со своей закадычной компанией, но не утратившего ее закадычных примет”. Сапармурат Ниязов из Туркменистана был похож на “председателя передового колхоза”, а Аскар Акаев выглядел как “работник просвещения 20-х годов”. На самом деле сорокашестилетний киргизский президент был одним из ведущих специалистов по оптике в СССР и не так давно возглавлял Академию наук Киргизской ССР. Он единственный из среднеазиатских президентов выступил против путча. По мнению Панкина, республиканские президенты были провинциалами, не понимавшими особенностей управления огромным государством[21].

Панкин и Черняев были подавлены. Десятилетиями им вместе с другими либерально настроенными аппаратчиками приходилось служить верхушке, присылаемой в Москву периферийной элитой. В Горбачеве они нашли провинциала, способного к самосовершенствованию, готового изменять страну в соответствии с предложенными ими стандартами. Однако теперь Горбачев стремительно шел ко дну вместе с государством, которым они дорожили. На глазах власть переходила в руки колониальных администраторов, оказавшихся еще менее просвещенными, чем старая партийная элита. Представители последней в Москве хотя бы отчасти приобретали имперский лоск. Варвары захватили Рим.

Только что вернувшийся из отпуска Ельцин почти все время молчал. Черняев отметил в дневнике: “На протяжении 6-ти часов Госсовета, надувшись, как бывало на Политбюро, Б[орис] Н[иколаевич] не открывал рта”. У российского президента были причины так вести себя. Хотя он неофициально одобрил меморандум Бурбулиса, предусматривавший начало экономических реформ в России независимо от желаний и потребностей остальных республик, его положение не позволяло выступить против соглашения, разрешавшего республикам самостоятельную денежную эмиссию. На это не влияло даже то, что, по мнению Бурбулиса, такой шаг мог способствовать наплыву в РСФСР обесценившихся рублей и истощению запасов республики. Первой причиной молчания Ельцина были две

соперничающие точки зрения на реформы в его правительстве. Второй причиной – обещание Горбачеву поддержать экономический договор. Третьей – обещание, которое российский президент дал Джорджу Бушу.

Буш неожиданно позвонил Ельцину в Сочи поздним вечером 8 октября, за два дня до возвращения российского лидера в столицу. Он повторил высказанное раньше приглашение приехать в США в случае врачебной необходимости. Но главной причиной звонка было другое: Белый дом встревожило известие об отказе российского правительства поддержать экономическое соглашение. Буш заявил Ельцину: "Это, конечно, ваши внутренние дела, а не мои, но я хотел бы поделиться с вами своими мыслями. Добровольное объединение могло бы послужить важным шагом к пониманию, что кому принадлежит и кто за что отвечает, а это повлияло бы на предоставление в будущем гуманитарной помощи и на приток инвестиций". Президент США пытался втянуть российского коллегу в экономический союз с остальными советскими республиками, обещая ему гуманитарную помощь.

Ельцин подтвердил, что в его правительстве есть разногласия по этому вопросу, и пообещал сделать все возможное для подписания договора. Зная об отношениях Буша с Горбачевым и, возможно, даже подозревая американского лидера в поддержке главы СССР, президент России подчеркнул, что действует в согласии с последним: "Я звонил Горбачеву. Мы договорились встретиться в Москве 11 октября, заслушать доклады. После этого российская сторона подпишет соглашение". Ельцин повернул дело так, чтобы было видно – он поступается российскими интересами: "Мы понимаем, что получим очень мало. На самом деле это даже может принести нам ущерб. Но мы поставим подпись ради большей политической цели – сохранения Союза. У меня как президента есть такое право, хотя может оказаться сложно провести это решение через Верховный Совет"[22].

Ельцин выполнил обещание. Вечером 18 октября он приехал в Кремль, чтобы вместе с остальными главами республик подписать договор о создании экономического сообщества независимых государств. С трудом удалось достигнуть компромисса в вопросе о контроле над Центральным банком и денежной эмиссией: всесоюзный банк должна была возглавить комиссия представителей центрального банка и госбанков республик. Последние были вынуждены согласиться на ограничение сумм, эмиссию которых они могли осуществить на республиканском уровне. Однако не было повода думать, что российский президент намеревался соблюдать соглашение: он сразу заявил, что РСФСР не ратифицирует его, пока не будут подписаны по меньшей мере тридцать дополнительных протоколов[23].

В тот же день Ельцин произнес явно не нацеленную на восстановление Союза речь: он заявил о сокращении ассигнований из российского бюджета на работу большинства союзных органов власти. По словам Ельцина, "задача [состояла] в том, чтобы скорее демонтировать остатки унитарных имперских структур и создать мобильные и дешевые межреспубликанские структуры". В сентябре Россия национализировала нефте– и газодобывающие

предприятия на своей территории. Доходы, ранее направлявшиеся в союзный бюджет, теперь оседали в российской казне. Обогащая Россию и доводя СССР до банкротства, руководители РСФСР получали мощное оружие в борьбе с центром. В середине октября российский парламент принял постановление, согласно которому решения союзных органов власти (в том числе возглавляемого Горбачевым Государственного Совета) для органов власти республики носили лишь рекомендательный характер. Ельцин подписал аналогичный указ о постановлениях Госплана. Звонок Буша убедил Ельцина подписать экономическое соглашение, но тот не мог заставить российского президента исполнять этот договор или бросить терзать Союз[24].

Егор Гайдар находился в Роттердаме по приглашению Университета им. Эразма, когда ему сообщили, что с ним срочно желает встретиться Ельцин. Гайдар понимал, что это значит. Пришло время, вероятно, самых непопулярных и болезненных реформ в истории России. Хотя Гайдар знал, что реформы явятся тяжелым испытанием, он не стал отказываться. Экономист рассказал своему отцу о том, что его ждет. Тот, долгие годы проработавший военным корреспондентом советских газет на Кубе и в Афганистане, не смог скрыть беспокойства. Но Гайдар-старший был воспитан в духе сталинистской догмы: “Свобода – это осознанная необходимость”. Он благословил сына: “Если уверен, что нет другого выхода, делай как знаешь”[25].

Егор Гайдар, как и Бурбулис с его окружением, был уверен: его план – единственная возможность избежать краха. Кроме того, он был убежден, что Ельцин – единственный политик, готовый пойти на такие рискованные реформы. Гайдар так вспоминал свою встречу с президентом после возвращения из Голландии: “Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике, в целом отдает себе отчет в том, что происходит в стране. Понимает огромный риск, связанный с началом реформ, понимает и то, до какой степени самоубийственны пассивность и выжидание”. По мнению друзей Гайдара, экономист попал под власть ельцинского обаяния и оставался под влиянием этого чувства несколько лет[26].

Молодой гость произвел на Ельцина не менее сильное впечатление. Тот увидел в экономисте русского интеллигента, который, “в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений”, а будет отстаивать свои принципы до конца. Ельцин отметил еще одну привлекательную черту Гайдара: способность просто объяснять сложные экономические явления. Слушая его, “собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти”. Кроме того, экономист предложил единственную в своем роде программу и собрал группу людей, готовых взяться за решительные реформы. Гайдар убедил Ельцина, что тому в противном случае суждено повторить судьбу Горбачева: президент СССР обещал реформы, долго не начинал их и вследствие этого был вынужден сойти со сцены[27].

Бурбулис был уверен, что Ельцин и Гайдар сразу нашли общий язык. Российский президент, как и большинство советских граждан, знал

творчество Аркадия Гайдара, а будучи еще и уроженцем Урала, имел очень высокое мнение о работе и деда Егора Гайдара по матери – Павла Бажова, написавшего “Малахитовую шкатулку”. Бурбулис вспоминал: “Это какое-то редчайшее братание. Вдруг получается – мы из одних земель, из одной вулканической породы, одного корня”. “Свердловская мафия” в Кремле пополнялась.

Упомянутые Бурбулисом общие корни имели и идеологический характер. Оба деда Гайдара были убежденными большевиками и участвовали в революции 1917 года. По мнению Бурбулиса, Гайдару и Ельцину была свойственна общая историческая и культурная матрица раннего большевизма. Он говорил о Гайдаре: “Вот этот утопизм, мифология большевистской удали, служения идее… в этом парне присутствует. И этот код историко-культурный и социально-романтичный – все спрессовалось”. Оба деда Гайдара участвовали в подавлении крестьянских восстаний против большевиков. Теперь их внук стремился вернуть страну в мир, в котором главную роль играет частная собственность. Наступление большевиков на капитализм сменялось настолько же безжалостным наступлением на созданную ими систему. Егор Гайдар не собирался брать пленных[28].

Хотя Ельцин еще в Сочи одобрил “меморандум Бурбулиса”, он не заявлял об этом публично и, вероятно, не был убежден в своем решении до самой встречи с Гайдаром. Но как только он решился, события начали стремительно развиваться. Ельцин собирался представить план реформ и потребовать особых полномочий для его реализации на назначенной на 28 октября сессии Съезда народных депутатов РСФСР. Окружение Горбачева узнало о содержании этого плана и готовящейся речи Ельцина за несколько дней. Двадцать восьмого октября помощник главы СССР Вадим Медведев записал в дневнике: “Похоже, будет объявлена общая либерализация цен, причем без связи с ужесточением банковского регулирования денежного обращения и ограничения бюджетных дефицитов. Ближайшие дни покажут, куда идет дело, но российское руководство явно клонит к крайнему варианту – полной независимости республик”[29].

Пока Горбачев оставался в неведении относительно содержания выступления Ельцина, российский президент позвонил Бушу: “В соответствии с установившейся между нами традицией обсуждать самые важные вопросы сообщаю о важных планах в области экономики. Мы готовы к скорейшей либерализации цен с одновременной приватизацией, финансовой и земельной реформой. Все это будет реализовано в течение следующих четырех-пяти, максимум шести месяцев. Это мероприятие будет разовым. Такие шаги вызовут инфляцию и падение уровня жизни. Но у меня есть мандат народа, и я готов. Первые результаты будут уже в следующем году”. Ельцин предложил отправить в Вашингтон своего министра иностранных дел Андрея Козырева, чтобы сообщить подробности. Буш заинтересовался: “Программа амбициозная”. Они попрощались как старые друзья. Ельцин сообщил: “Я полон энергии, играю в теннис. Мое сердце в порядке. Все отлично”[30].

Этот разговор состоялся 25 октября. Через три дня российский президент произнес перед депутатами парламента РСФСР, возможно, самую важную речь в недолгой истории этого органа. Выступление, озаглавленное "Обращение президента России к народам России, к Съезду народных депутатов Российской Федерации", затянулось почти на час. Ельцин начал его словами: "Я обращаюсь к вам в один из самых критических моментов российской истории. Именно сейчас определяется, какой будет Россия, да и страна в целом, в последующие годы и десятилетия, как будут жить нынешнее и другие поколения россиян. Обращаюсь с призывом безоговорочно встать на путь глубоких реформ и за поддержкой в этой решимости всех слоев населения". Ельцин заявил о решении правительства "отпустить" цены и урезать расходы бюджета, в том числе на продовольствие: "Наиболее трудным будет первый этап. Произойдет некоторое падение уровня жизни, но исчезнет, наконец, неопределенность, появится ясная перспектива. Главное, что не на словах, а на деле мы начнем, наконец, вылезать из трясины, которая засасывает нас все глубже. Если пойдем по этому пути сегодня – реальные результаты получим уже к осени 1992 года. Если не используем реальный шанс переломить неблагоприятный ход событий, обречем себя на нищету, а государство с многовековой историей – на крах". Коснувшись проблемы взаимоотношений центра с республиками, Ельцин сказал: "Реформы в России – это путь к демократии, а не к империи". Он заявил, что с 1 ноября – то есть всего через три дня – Россия прекратит выделять деньги на работу большинства союзных министерств. Межреспубликанские органы должны ограничиться вопросами координации многосторонних отношений: Россия не позволит восстановить всевластие центра. Однако Ельцин не отказывался от идеи Союза. Он призывал Украину, руководство которой отказалось подписать экономическое соглашение, присоединиться к договору. Ельцин пригрозил, что каждая республика, которая попытается "искусственно" отделиться от России, будет оплачивать ресурсы по мировым ценам. Он также надеялся, что бывшие советские республики подпишут политический договор: в отсутствие соглашения Россия провозгласит себя правопреемником СССР и национализирует союзные учреждения и собственность. Предупреждение касалось прежде всего Украины и Казахстана[31].

На следующий день российский президент попросил у парламента предоставить ему исключительные полномочия на один год. Независимо от результата реформ, было решено не проводить выборы в 1992 году. Ельцин лично возглавил правительство и взял на себя ответственность за результат. Парламент удовлетворил его просьбу. Заголовок передовицы "Независимой газеты" звучал так: "Самый популярный президент наконец-то готов к самым непопулярным мерам. Группу камикадзе возглавит Ельцин?".

Реакция республик была сдержанной. Глава Узбекистана Ислам Каримов заявил: "Примерно 60 % товаров Узбекистан получает извне, многое поступает из России. Поэтому либерализация цен в РСФСР скажется на Узбекистане, и мы вынуждены будем принять защитные меры". Это

звучало как приговор не только Советскому Союзу, но и экономическому соглашению, призванному сохранить общий рынок[32].

Российский ковчег покинул гавань СССР.

Глава 12
Последний герой

В конце октября испанское правительство потребовало от смотрителя Королевского дворца в Мадриде убрать одну из картин. Полотно с изображением короля Испании и императора Священной Римской империи Карла V жившего в начале XVI века, не отправлялось на реставрацию: его убрали в запасник. Дворец готовился к саммиту по проблемам Ближнего и Среднего Востока, а напоминание о правителе, организовавшем резню мусульман, оказалось некстати.

Мадрид посчитали наиболее подходящим местом для первой за сорок лет встречи в верхах между руководством Израиля и Палестины (рассматривалась также возможность проведения саммита в Вашингтоне, Каире, Женеве или Гааге). Представители сторон конфликта согласились встретиться с лидерами Египта, Сирии и других государств Ближнего Востока. В 1993 году этот процесс привел к заключению Соглашений в Осло – и наиболее длительному периоду мира в современной истории Израиля[1].

Мадридская конференция не состоялась бы, если бы не новый курс на сотрудничество США и СССР. Прежде, в эпоху холодной войны, сверхдержавы соперничали на Ближнем Востоке, финансируя и вооружая стороны арабо-израильского конфликта. Официальными организаторами конференции выступили Джордж Буш и Михаил Горбачев. Среди приглашенных были главы европейских и ближневосточных государств, руководство Организации освобождения Палестины. Все они приняли участие либо лично, либо делегировав представителей высокого уровня.

Решение о созыве конференции было достигнуто в ходе июльского визита Буша в Москву. Однако дорогу в Мадрид начали прокладывать в Париже восемью месяцами ранее. В ноябре 1990 года главы европейских государств встретились во французской столице с лидерами США и Канады. Эта встреча переросла в своеобразные мирные переговоры, подытожившие результаты холодной войны. По случаю падения Берлинской стены и железного занавеса, а также других событий в Восточной Европе в последние месяцы, была принята Парижская хартия. Этот документ перебросил институциональный и идеологический мост с Запада на Восток и стал основой для создания ОБСЕ[2].

Джеймс Бейкер был уверен, что это означает финал холодной войны. Эта уверенность основывалась не столько на факте подписания Парижской хартии, сколько на общем характере действий Советского Союза. Впервые со времен Ялтинской конференции руководство СССР совместно с США участвовало в разрешении крупного международного кризиса – вторжения Саддама Хусейна в Кувейт. Именно в Париже Горбачев ответил согласием на предложение Буша выступить соинициатором подготовленной Соединенными Штатами резолюции Совета Безопасности ООН,

санкционировавшей применение силы к Ираку. Горбачев преодолел сопротивление сторонников жесткой линии из своего окружения – он сдержал слово, предоставив Бушу и международной коалиции возможность ударить по силам Хусейна, выбить их из Кувейта и войти в Ирак[3].

После победы в Персидском заливе влияние США в регионе значительно выросло. Это дало Вашингтону возможность инициировать созыв мирной конференции. СССР поддержал идею и придал ей новый импульс после путча и назначения министром иностранных дел Бориса Панкина. В октябре 1991 года Советский Союз восстановил разорванные после Шестидневной войны (1967) дипломатические отношения с Израилем. СССР неожиданно для США не стал согласовывать этот шаг со своим главным союзником в регионе – Сирией. События развивались в соответствии с американским планом. В разговоре с эмиром Бахрейна Буш высказался о новой политике Советского Союза так: "Мы больше не воспринимаем его как угрозу нашим интересам на Ближнем Востоке". Джеймс Бейкер провел многочисленные встречи с лидерами стран региона, от премьер-министра Израиля Ицхака Шамира до президента Сирии Хафеза аль-Асада. Все они начинались с одной фразы: "СССР целиком на нашей стороне"[4].

Михаил Горбачев разделял взгляды американцев на будущее Ближнего Востока, однако события в СССР ставили под сомнение реальность выполнения взятых на себя международных обязательств. Неуверенность усиливали исторические параллели. Парижский саммит (ноябрь 1990 года), давший зеленый свет конференции в Мадриде, стал последним международным форумом в политической карьере Маргарет Тэтчер. Пока Тэтчер участвовала в переговорах в столице Франции, в Лондоне свершился тихий переворот в Консервативной партии, и Тэтчер лишилась поста. Для британцев это стало своего рода повторением истории: Уинстон Черчилль, занятый в Потсдаме, проиграл выборы дома. Были все основания ожидать, что Мадридская конференция станет последней для еще одного тяжеловеса – Горбачева.

Буш записал в дневнике: "[Есть] сведения, что он [Горбачев] долго не продержится… Это, возможно, моя последняя встреча с ним в этой роли. Время не ждет". Несколькими минутами ранее он надиктовал: "Я понимаю, что положение Горбачева и центра вообще пугающе изменилось. Он постоянно теряет влияние. Хочется узнать, в каком он настроении. Горбачев до сих пор отвечает за ядерный арсенал, но в экономических вопросах контроль. переходит к республикам. Помнится, не так давно он терпеть не мог Ельцина. [В июне 1990 года] в Кэмп-Дэвиде он [Горбачев] дал понять, что у Ельцина нет будущего. Теперь же все изменилось"[5].

Горбачев вылетел в Мадрид в подавленном настроении. Был вечер 28 октября. Ельцин находился в центре внимания. События, которые прежде заняли бы центральное место в выпусках новостей – приближающийся американо-советский саммит и международная мирная конференция, – отошли на второй план. Да и освещались эти темы явно не в интересах

Горбачева. "'Посол несуществующего государства' […] – такими словами встречали М. С. Горбачева московские газеты", – вспоминал о тех днях министр иностранных дел СССР Борис Панкин. Советский президент принимал эти выпады близко к сердцу. На невинный вопрос журналиста: "Кто замещает вас в Москве в ваше отсутствие?" он резко ответил: "Я продолжаю быть президентом. Никто не занял мое место. Все остальные делают то, что и должны. Никто не может вывести меня из игры"[6].

Раиса Горбачева согласилась сопровождать мужа в поездке. Она более-менее оправилась от августовского потрясения, но зрение ее восстановилось еще не полностью. Крымские переживания будут напоминать о себе до конца ее жизни. После переезда Ельцина в Кремль она перестала там бывать. Власть Горбачева заметно ослабела, вследствие чего его окружение стало куда менее любезным с первой леди СССР. Она поссорилась с лояльным Горбачеву советником Анатолием Черняевым. Теперь тот старался избегать встреч с ней и даже сначала отказался от поездки в Мадрид, но глава Советского Союза заставил его поехать. В полете помощники президента обсуждали саммит. Раиса Максимовна коротала время за чтением в противоположном конце салона.

В сентябре в США вышла книга Раисы Горбачевой "Я надеюсь…" – и сразу попала в число бестселлеров "Нью-Йорк таймс". Однако первой леди СССР было не с кем разделить радость по этому поводу. Подтолкнувшая ее к сочинению Барбара Буш (она в июне 1990 года пригласила Раису Максимовну выступить в Уэлсли) в Мадрид не приезжала. Это снижало статус американо-советской встречи с официальной до рабочей. Советская сторона до последнего момента не знала, кто встретит представителей СССР. Наконец, стало известно, что в аэропорт выехал премьер-министр Испании Фелипе Гонсалес с женой Кармен Ромеро. "Мне показалось, что это сообщение Михаила Сергеевича порадовало, даже немного приободрило", – вспоминал Борис Панкин[7].

Гонсалес проявил неподдельное уважение к Горбачеву. Это была встреча если не друзей, то союзников. Горбачеву нравился Гонсалес – крестьянский сын, ставший во главе Социалистической рабочей партии, а после – всей Испании. Гонсалес же очень уважал Горбачева. Узнав об августовском путче, он занял наиболее непримиримую позицию среди западных лидеров. Миттеран был готов признать ГКЧП как факт, Буш колебался, а Гонсалес немедленно опубликовал лично подготовленное заявление, в котором назвал события в СССР государственным переворотом. Горбачеву в Мадриде он сказал: "У меня в те дни сложилось впечатление, что Запад воспринял произошедшее как нечто необратимое и был готов смириться".

Гонсалес уверял, что если западные лидеры однажды оказались готовы сбросить Горбачева со счетов, они могут сделать это снова: "Политические лидеры Запада не имеют сегодня уверенности в способности Советского Союза сохраниться и поэтому исходят из ряда возможных вариантов, включая распад СССР. Меня это очень гнетет". Эти слова произвели на

Горбачева настолько сильное впечатление, что он процитировал их в мемуарах. В последние годы правления Горбачеву удавалось отвлечься от проблем, посещая друзей на Западе. Эти времена подходили к концу. Теперь за границей он чувствовал себя так же неуверенно, как и дома. Его влияние постепенно сходило на нет[8].

Александр Хейг, госсекретарь в администрации Рейгана, выступил с заявлением, прозвучавшим как политический некролог: “Господин Горбачев – лидер вчерашнего дня. Мы в большом долгу перед ним за то, что он не делал попыток сохранить империю силой. Но… он уже стал историей”. И американские, и советские журналисты понимали, кто дирижирует в Мадриде. “Правда” сообщала о брифинге, на котором руководитель службы протокола испанского МИД сообщил журналистам: “Музыку заказывают американцы, балет состоит из участников конференции, а мы предоставляем сцену”. У входа в посольство СССР соорудили белый тент: перед конференцией Горбачев встретился там с Бушем. Корреспондент “Нью-Йорк таймс” Аллан Коуэлл решил, что это “наводит на мысль об упадке СССР. Идею предложили американцы, навес шили испанцы, а советское руководство с этим согласилось” [9].

Горбачев встретился с Бушем 29 октября, на следующий день после прибытия в Мадрид. Их разговор происходил в новом здании советского посольства. Борис Панкин вспоминал, что “встреча была радушной, даже сердечной, особенно пока шла съемка”. Прежде всего политики обсудили события, произошедшие с их июльской встречи. Естественно, речь шла и о путче.

– Пытаться сместить вас было глупостью, – сообщил Буш советскому коллеге.

– Генералы иногда это делают, – ответил Горбачев, с улыбкой взглянув на Скоукрофта.

– Если Скоукрофт или Бейкер захотят получить мою должность, я не буду возражать.

Шутка оказалась для советского президента слишком тонкой. Он сказал: “Я не собираюсь оставлять свою работу”.

Буш поинтересовался: “Не боитесь ли вы, что это может повториться?” Горбачев выразил уверенность в том, что перевес на его стороне. Он возлагал надежды на новый Союзный договор.

Президента США беспокоила проблема ядерной безопасности. Пока Горбачев мог влиять на это, Буш хотел добиться сокращения советского ядерного арсенала: “В этом вопросе центр все еще играет главную роль, за это отвечаете вы”. Горбачев заверил Буша, что бояться нечего: “Многое из того, что пишет пресса, не соответствует действительности. Возможно, журналисты вынуждены так говорить”. По его словам, несмотря на риторику Кравчука, тот согласился на безъядерный статус Украины. Аналогичный шаг сделал глава Казахстана Нурсултан Назарбаев. Ельцин также недавно высказался в пользу контроля союзного центра над Вооруженными Силами[10].

В центре внимания США находилось ядерное оружие, а Советский Союз остро нуждался в деньгах. Горбачев попросил: “Все мы понимаем, что поставлено на карту. То, что произойдет с СССР, отразится на всем мире… Буду откровенен: 10–15 миллиардов долларов – не такая уж большая сумма. Возвращение их станет не слишком сложной проблемой”.

Американцы не были готовы говорить о таких суммах. Буш ответил: “Скажу вам, что можно сделать сейчас. До зимы можно выделить полтора миллиарда, вам за это время нужно решить проблему взаимоотношения центра и республик. Если этого мало, я после возвращения проконсультируюсь у себя. Посмотрим, что можно сделать”. Горбачев возразил: чтобы дожить до нового урожая, его стране нужны три с половиной миллиарда. В этот момент к разговору присоединился Джеймс Бейкер. Он сказал, что США не могут дать больше озвученной Бушем суммы. Помимо этого он якобы лично сказал Павлу Палажченко: “Берите полтора миллиарда. Живые деньги. Берите, пока не передумали. Мало? Больше дать мы не можем”.

На этом переговоры закончились. Буша и его советников беспокоила позиция республик по отношению к долгам СССР, в частности их отказ от платежей по обязательствам центра. В то же время они должны были что-нибудь сделать если не для спасения Горбачева, то хотя бы для защиты населения Советского Союза от голода. Администрация президента США была готова раскрыть кошелек несколько шире, но лишь с одной целью: помочь избежать голода и социального взрыва, которые могли склонить симпатии советского общества на сторону сторонников жесткой линии, а значит, и вручить им ядерное оружие. На июльском саммите “Большой семерки” Горбачев уже пытался добиться от Буша крупной финансовой помощи. Нынешнее предложение США не стало для него сюрпризом. Позже он даже выражал удовлетворение по этому поводу.

Буш и Горбачев договорились о том, что основной задачей мирной конференции в Мадриде является предоставление возможности для переговоров сторонам ближневосточного конфликта. Однако на предварительной встрече двух лидеров эта тема почти не затрагивалась. Буш хотел, чтобы советская сторона продолжила поощрять участие в переговорном процессе сирийских и палестинских руководителей. Горбачев согласился, но выдвинул встречные требования. Фокус сместился в сторону славянских стран – традиционной сферы интересов Российской империи в прошлом и Российской Федерации в будущем. Горбачев потребовал у США оказать давление на Турцию, чтобы та стала уступчивее по отношению к грекам-киприотам, а также усилить роль ООН в разрешении югославского кризиса. Он мало чего добился: Буш не стал обещать поддержку в вопросе Кипра и скептически отнесся к перспективе решения проблемы Югославии[11].

Как и следовало ожидать, большинство вопросов, заданных Горбачеву и Бушу на пресс-конференции, касались не мирного процесса на Ближнем Востоке, а положения в СССР. Черняев отметил в дневнике: “Буш старался не показать разность весовых категорий, а М. С. не из тех, кто ‘позволил’

бы… Держался как ни в чем не бывало…” По словам Павла Палажченко, это не произвело желаемого эффекта: “На появление Горбачева они [делегация США] отреагировали со скепсисом, холодом и безразличием. По их мнению, он уже ушел со сцены”. У Палажченко сложилось впечатление, что “целая эпоха определенно близится к концу”. Борис Панкин винил Буша в недостаточной поддержке советского коллеги. Он чувствовал: чего-то не хватало. Министр вспоминал: “Постепенно я начал догадываться, в чем дело. Горбачева не могли не раздражать все эти мудрствования в прессе относительно развала страны и его положения в ней, о чем помощники президентов исправно докладывали шефам. Быть может, он ждал, что Буш как-то выразит свое отношение к этим спекуляциям. Подаст знак. Буш знака не подавал”[12].

Если Буш и подал знак, Панкин оказался не в состоянии его уловить. Он был подавлен. В ближайшее время дипломату предстояло стать министром без министерства. В Испании его настигло известие о том, что в речи об экономических реформах Ельцин фактически поставил крест на МИД СССР, потребовав сократить его аппарат в десять раз и пригрозив полностью прекратить финансирование.

Полученное накануне сообщение российского министра иностранных дел Андрея Козырева о запланированном сокращении аппарата союзного МИДа вызвало обеспокоенность в Вашингтоне. Буш и Бейкер поручили послу Роберту Страусу как можно быстрее встретиться с Козыревым. Анонсированное несколько дней назад сокращение финансирования союзного центра и его внешнеполитического ведомства угрожало американским планам урегулирования израильско-палестинского конфликта. Козырев заверил Страуса, что его слова были вызваны негодованием по поводу игнорирования союзным МИДом российских интересов. Казалось, проблема решена. Однако в Мадриде Панкин узнал, что Ельцин не отказался от запланированного сокращения[13].

Панкин держался. Он отвечал журналистам: “Это [высказывание российского президента] – метафора”. Однако ситуация уже вышла из-под контроля. Подчиненные Панкина взбунтовались. Несколько крупных чиновников МИД СССР подписали обращение с требованием возвращения министра в Москву. В письме “черным по белому так и было сказано: надо не мир на Ближнем Востоке восстанавливать, а МИД спасать”. Дипломат отказался. Он вернулся лишь после выполнения миссии[14].

Обращение сотрудников МИДа показало пропасть между помпезным фасадом и нищетой советской дипломатии. Разрушение союзных институтов выглядело настолько устрашающе, что многие в Мадриде (и не только члены делегации СССР) просто пытались об этом не думать. Кроме прочего, это влияло на стабильность на Ближнем Востоке. Теперь, когда эта мечта казалась вполне достижимой, ключевой партнер мог самоустраниться.

Американцы старались осуществить эту мечту, помогая представителям советского центра отправить на мероприятие своих представителей и сыграть предназначенную роль на переговорах. Делегаты СССР сыграли свою роль.

Советское руководство в Мадриде вело себя как неспособные отказаться от роскоши обнищавшие аристократы, явившиеся на последний в своей жизни бал. Все оценили факт их присутствия, однако конференция рассматривалась как успех исключительно американской дипломатии. После переговоров их главный организатор, Бейкер, получил десятки поздравлений. Ни в одном Советский Союз не был упомянут[15].

Самым приятным для Горбачева эпизодом визита стал ужин у короля Испании Хуана Карлоса I, куда, кроме советского президента, были приглашены Джордж Буш и Фелипе Гонсалес. Здесь глава СССР получил моральную поддержку. В воспоминаниях он назвал эту встречу "поразительно откровенной". Михаил Сергеевич (Раиса Максимовна позднее вышла с королевой из-за стола) говорил о крымских событиях. Хуану Карлосу I и самому приходилось переживать попытки военного переворота, в Испании существовали собственные проблемы межнациональных отношений (прежде всего – баскский сепаратизм), поэтому король поддержал советского президента. То же самое сделал и Фелипе Гонсалес. В целом обед у короля Испании дал заряд бодрости Горбачеву. Несмотря на неурядицы и унижения, Мадридская конференция повлияла на него так же, как предыдущие зарубежные визиты: морально поддержала и доставила ему силы для борьбы дома[16].

Неожиданно президента СССР поддержали с другой стороны. Франсуа Миттеран пригласил чету Горбачевых посетить его скромную виллу на юге Франции. Те ответили согласием. В отличие от Гонсалеса, выступившего в защиту Горбачева в первые, наиболее тяжелые, часы путча, глава Франции сначала опубликовал заявление, в котором многие увидели признание заговорщиков. Вечером того же дня он изменил позицию. Теперь Миттеран настаивал на личной встрече с президентом СССР. Он хотел поддержать борьбу последнего за сохранение Союза. В течение визита Горбачева он несколько раз высказался в пользу таких действий.

Слова французского лидера цитирует Черняев: "Вековая история учит нас тому, что для Франции необходим союзник, чтобы можно было обеспечивать европейский баланс… Мы большие друзья сегодняшних немцев. Но очень опасно, если на севере от Германии и на востоке от Германии было бы мягкое подбрюшье. Потому что всегда у немцев будет тенденция, соблазн проникнуть на этих направлениях". Горбачев был совершенно с этим согласен. Политики пришли к согласию почти по всем пунктам, включая опасность экономической экспансии Германии, слишком уж тесные отношения США с Израилем и необходимость сохранения Югославии. Оставаясь наедине, они обсуждали прежде всего новую расстановку сил в Европе[17].

Горбачев чувствовал себя в своей стихии. Когда к президентам присоединились их жены и помощники, он продолжал говорить за послеобеденным коньяком и кофе. Черняев вспоминал: "Миттеран, сидя в большом кресле, изредка 'останавливал' беспорядочный разговор значительными репликами. со своей благожелательно-снисходительной

улыбкой на усталом лице”. Черняев, один из главных творцов горбачевской концепции “общего дома” и европейского будущего СССР, записал в дневнике: здесь встретились “два великих европейца конца страшного века, такие разные и такие понятные друг другу”. Но даже помощник Горбачева не смог избежать упоминания о разнице между публичным и приватным поведением Миттерана. На пресс-конференции, последовавшей за неформальным разговором, президент Франции слабо поддержал советского коллегу. По крайней мере, такое впечатление сложилось у помощников последнего. Палажченко сказал Черняеву: “Друзья списали его”.

Во время полета домой Горбачев собрал советников, чтобы поделиться с ними впечатлениями и обсудить будущие действия. Он был приятно удивлен и воодушевлен вниманием западных лидеров к будущему СССР. Наилучшей стратегией, по мнению советского президента, было поддержать экономические начинания Ельцина и одновременно заниматься приготовлениями к заключению нового Союзного договора. Все согласились. Палажченко позже отмечал: “Лишь один человек в самолете не разделял общего оптимизма по поводу шансов на успех. Это была Раиса Горбачева. Она говорила немного, но было видно, что она крайне озабочена”[18].

Вновь, как и после возвращения из крымского заточения, советский президент оказался в новой стране. Ее снова изменил Ельцин. Его готовность начать радикальные экономические реформы, на которые не решился Горбачев и на которые теперь у него просто не было времени, произвела сильное впечатление – даже на советников президента СССР. Черняев записал в дневнике: “Доклад Ельцина на Съезде РСФСР – это, конечно, прорыв. К новой стране, к новому обществу”.

Ельцин пытался показать, что он не шутил, выступая в парламенте РСФСР. Россия урезала финансирование большинства союзных министерств. Профессора университетов остались без зарплат, студенты не получали стипендии. Черняев подсчитал, что к концу ноября в одной Москве должны были остаться без работы пятьдесят тысяч чиновников. Советник Горбачева и его коллеги из президентской администрации впервые не получили заработную плату: советская казна опустела после отказа России выделять деньги. Нехватка продовольствия стала повседневностью. После возвращения из Мадрида Горбачев почувствовал возможность частичного восстановления власти. На заседании Государственного Совета 4 ноября он раскритиковал Ельцина за непродуманный план реформ[19].

Горбачев описал потребительскую панику: “Посмотрите, что происходит. Обычно в Москве продается 1800 тонн хлеба в день. Вчера было продано 2800 тонн! Товары раскуплены с невообразимой скоростью. Полки магазинов пусты: продавцы ждут повышения цен”. Горбачев начал свое критическое выступление до того, как Ельцин зашел в зал (тот задержался), и продолжил после прихода российского президента: “Так всегда бывает, когда запаздываешь”. Борис Панкин вспоминал: “Присутствующие переглядывались – роли поменялись, и теперь уже Горбачев упрекал Ельцина в медлительности”[20].

Горбачев попытался достичь своей основной цели – сохранения Союза, – воспользовавшись своим отчасти восстановленным в Мадриде международным весом. Он говорил главам республик СССР: “На Западе боятся распада Советского Союза. И я могу подтвердить, что именно это было лейтмотивом всех разговоров в Испании. Они не могут понять, что с нами происходит. Именно тогда, когда мы бесповоротно и безоговорочно вступили на путь демократического развития, расчищаем завалы тоталитаризма… СССР, говорят они, надо сохранить как одну из опор современного мира”. Ельцина это не впечатлило. Он пресек попытку Горбачева перейти к обсуждению Союзного договора, призвав всех придерживаться повестки дня (пункт о договоре там не значился). Однако российский президент не отмел идею договора и даже поддержал предложение сохранить единые Вооруженные Силы. Пресс-секретарь главы СССР Андрей Грачев пришел к выводу об отсутствии у Ельцина желания немедленно развалить Союз[21].

В следующие дни Горбачев развил наступление, примерив уже обычную роль защитника автономных республик в составе РСФСР от “тирании” российского правительства. Поводом явились события в Чечне. В субботу 9 ноября, посреди четырехдневных выходных в честь годовщины революции, Черняев встретил шефа на рабочем месте. Горбачев сказал: “Что [Ельцин] делает, что делает! Это же – сотни убитых, если началось бы!” Накануне вечером телевидение сообщило, что Ельцин подписал указ о введении чрезвычайного положения в Чечне – только что провозгласившей независимость АССР в составе России. Горбачев вел переговоры с министрами-силовиками, пытаясь избежать кровопролития: “Мне сообщают, что губернатор, которого он назначил туда (Исламов), отказался выполнять свою роль. Парламент (антидудаевский) – тоже. Все фракции и группировки, которые там дискутировали, дрались между собой, объединились против ‘русских’. Боевики уже собирают женщин и детей, чтоб пустить их впереди себя при подходе войск! Идиоты!” Последний эпитет относился к Ельцину и его окружению[22].

Корни российско-чеченского конфликта, вспыхнувшего в ноябре 1991 года и позднее охватившего весь Северный Кавказ, уходят в XIX век, во времена покорения этого региона Россией. Во время Второй мировой войны Сталин обвинил чеченцев в измене и приказал депортировать целый народ в Казахстан. В конце 50-х годов Никита Хрущев позволил чеченцам и высланным вместе с ними ингушам вернуться на Кавказ. Через тридцать лет чеченцы воспользовались плодами перестройки и гласности, начав отстаивать свою идентичность. Кроме того, они потребовали независимости. Их требования совпадали с требованиями других этнических групп Советского Союза[23].

После победы Ельцина на президентских выборах в июне 1991 года Общенациональный конгресс чеченского народа (основан осенью 1990 года) провозгласил отделение Чечни от Ингушетии. Чечню возглавил сорокасемилетний генерал-майор авиации Джохар Дудаев. Месяцем ранее он

ушел в отставку с должности командира дивизии стратегических бомбардировщиков, дислоцированной в Эстонии. Дудаев был свидетелем борьбы прибалтов за независимость и желал того же для Чечни. Народ Дудаева немногим уступал эстонцам в численности: согласно переписи, в Эстонии проживало около миллиона эстонцев, а в Чечне – около 750 тысяч чеченцев. В обеих республиках русские и представители других славянских народов составляли от четверти до трети населения. Однако между Эстонией и Чечней имелось существенное различие. Первая имела статус союзной республики, а ее право на независимость признавали и Буш, и Ельцин. Вторая же была самопровозглашенным образованием, право которого на существование, не говоря о независимости, не признавал никто[24].

Во время августовского путча Дудаев поддержал российского президента. Он докладывал Ельцину: "Мы взяли ситуацию под контроль, организовали вооруженные отряды, локализировали МВД и КГБ, контролируем войска, коммуникации и железнодорожные узлы". Поражение ГКЧП усилило Дудаева, но не сделало его главой Чечни: власть осталась в руках старого руководства, поддержавшего переворот. Шестого сентября отставной генерал сам организовал переворот в Грозном. Его сторонники захватили правительственные здания. Глава Верховного Совета республики был вынужден уйти в отставку. После захвата повстанцами здания горсовета председатель грозненского горисполкома выпрыгнул из окна. Он стал первой высокопоставленной жертвой конфликта, который унес сотни тысяч жизней[25].

Ельцин и его окружение (в частности, чеченец Руслан Хасбулатов, и. о. спикера российского парламента) оказались в затруднительном положении. Их оппоненты в Чечне – старые коммунистические кадры – выступали против независимости АССР, ну а сторонники под руководством Дудаева – за отделение республики. В сентябре и начале октября Грозный посетили десятки близких к Ельцину политиков, например Хасбулатов и Руцкой. Они помогли достичь компромисса: распустить прежний республиканский парламент. Вскоре состоялись выборы. Однако, к разочарованию российских властей, это не были выборы в новый парламент автономии[26].

Двадцать седьмого октября Дудаева избрали президентом Чечни. Русское население Чечни бойкотировало выборы. Ход голосования был отмечен многочисленными нарушениями закона. Первым указом главы республики стало провозглашение государственного суверенитета. Казалось, начинает распадаться не только СССР, но и Российская Федерация. Седьмого ноября Ельцин объявил о введении в Чечне чрезвычайного положения. На следующий день в аэропорт Ханкала недалеко от Грозного были направлены внутренние войска. Полторы тысячи бойцов получили приказ войти в Грозный, низложить Дудаева и арестовать новое правительство. Восьмого ноября страна узнала о ельцинском указе из вечерних новостей[27].

Чеченцы потребовали полной независимости. Состоялась церемония инаугурации первого президента самопровозглашенной республики Дудаева. На следующий день он подписал указ, отменяющий постановление Ельцина.

Местные отделения милиции присоединились к занявшим МВД и КГБ повстанцам. Дудаев объявил мобилизацию в ополчение всех мужчин 15–55 лет. Советские воинские части оказались в осаде. Железнодорожное сообщение РСФСР с Арменией, Азербайджаном и Грузией было парализовано.

Девятого ноября чеченцы захватили самолет со 171 пассажиром на борту и потребовали направить его в Турцию. Их целью было привлечь внимание к действиям России в Чечне. Оставив заложников в аэропорту Анкары, террористы вылетели в Грозный. Там их встретили как героев. Первый теракт, совершенный во имя независимости Чечни, организовал двадцатишестилетний Шамиль Басаев. Несколькими месяцами ранее он участвовал в защите ельцинского Белого дома. В 1995 году он же руководил захватом больницы в Буденновске в нечуждом Горбачеву Ставропольском крае[28].

Ельцин поручил руководство военной операцией в Чечне вице-президенту Александру Руцкому. Успех объявленной Дудаевым мобилизации был лишь одной из проблем. Не менее серьезным препятствием стало саботирование советскими органами приказов российского руководства. Министр внутренних дел СССР Виктор Баранников, ранее руководивший МВД РСФСР, выступил против применения силы. Это сорвало планы Руцкого. Единственной силой, которую могли задействовать в Чечне российские власти, оказались милиция и внутренние войска. Армия подчинялась союзному руководству, в связи с чем власти России решили не использовать ее в Грозном. КГБ также подчинялся центру. Без поддержки правительства СССР Руцкой был не в состоянии выполнить ельцинский указ.

Осознание этого пришло поздно. Когда Руцкой и Хасбулатов начали звонить руководителям силовых министерств СССР с просьбой, те отказывали в помощи, ссылаясь на распоряжение Горбачева. Седьмого ноября Ельцин отправил Горбачеву письмо, в котором проинформировал того о решении применить в Чечне силу, но не просил содействия. В письме также упоминалось, что Ельцин уведомил о решении Генерального секретаря ООН. Ельцин и его окружение преувеличивали степень независимости России от союзного руководства. Да, они были в состоянии урезать финансирование администрации президента СССР и центральных министерств, публично унижать Горбачева и лишать его возможности влиять на экономическую жизнь страны. Однако именно Горбачев до сих пор монопольно представлял страну на международной арене, контролировал Вооруженные Силы, спецслужбы и внутренние войска. Глава Советского Союза дал силовым министерствам возможность отказаться выполнять распоряжения Руцкого[29].

Для обсуждения ситуации собрался Президиум Верховного Совета РСФСР. Девятого ноября он выпустил два указа. Первым внутренние войска на территории России переходили под командование Ельцина. Второй возлагал вину за провал на союзные министерства: “Предложить президенту РСФСР дать оценку исполнительным органам”. Иными словами, союзных

министров предлагалось уволить, однако Ельцин не имел над ними власти. Потребовав от Президиума отдать под суд руководителя МВД СССР Баранникова, Руцкой все-таки решил позвонить Горбачеву.

В этот момент Анатолий Черняев находился в кабинете главы СССР. По его словам, президент Советского Союза сначала слушал тирады Руцкого, а после на десять минут отложил телефонную трубку и продолжил читать документы. Он ждал, чтобы российский вице-президент выпустил пар. Потом Горбачев сказал: "Александр, успокойся, ты не на фронте – обложить со стороны гор, окружить, блокировать, чтоб ни один чеченец не прополз, Дудаева арестовать, этих изолировать. Ты что? Не сечешь, чем это кончится? У меня вот информация – что никто в Чечне указа Ельцина не поддерживает. Все объединились против вас, не сходи с ума". Горбачев оказался в своей стихии[30].

Не получив поддержки центра, российские власти отозвали внутренние войска из Грозного. Это случилось 10 ноября. Верховный Совет РСФСР отменил указ Ельцина о чрезвычайном положении. Ответственность за это поражение пришлось нести Руцкому, готовившему проект указа и отвечавшему за его выполнение. Ельцин поручил пресс-секретарю Павлу Вощанову сочинить пресс-релиз о том, что президент России всегда выступал за политическое решение чеченской проблемы. Российский лидер сказал Вощанову, явно имея в виду Руцкого (тот, как и Дудаев, участвовал в войне в Афганистане): "А то у нас есть, понимаешь, такие, которым, что в Афгане деревни разбомбить, что Чечню танками подавить!"[31]

Решающие дни чеченского кризиса Ельцин провел на охоте. Седьмое ноября оставалось красным днем и в союзном, и в республиканском календаре. По-видимому, празднование годовщины Октябрьской революции в подмосковном Завидово затянулось более чем на один день. Девятого ноября Горбачев попытался связаться с Ельциным, чтобы обсудить чеченский кризис. Однако тот, по воспоминанию Черняева, оказался пьян: "Только что разговаривал с Б[орисом] Николаевичем]… через несколько секунд понял, что говорить бесполезно: вдребадан, не вяжет". После этого глава СССР объяснил требовавшему восстановить порядок в Чечне Хасбулатову, что встречу нужно отложить, так как Ельцин "не в себе"[32].

Осознанное или случайное решение Ельцина самоустраниться в наиболее острый момент кризиса решило исход дела. Человек, который несколькими месяцами ранее мобилизовал ресурсы для недопущения чрезвычайного положения в СССР, оказался вне игры, когда чрезвычайное положение было введено в одном из регионов РСФСР. Только он мог отобрать у Горбачева Вооруженные Силы, однако отказался это сделать – или просто не сумел. Как и Горбачев в 1990 году в Прибалтике, Ельцин не желал ставить на насилие. В обоих случаях важную роль сыграл политический фактор: Горбачева остановил Буш, а сейчас Горбачев остановил Ельцина.

Первая попытка России показать силу завершилась неприятной демонстрацией пределов власти Ельцина. Горбачев мог праздновать победу.

По словам Черняева, “ляп Ельцина с чрезвычайкой для Чечни ‘вдохновил’ его”. Но Горбачев не был готов в полной мере использовать фиаско своих оппонентов. Он говорил советникам: “Буду его [президента России] спасать – нельзя, чтоб это дело ударило по его авторитету”. Сотрудничество с Ельциным было критически важным для политического выживания и СССР, и самого Горбачева. Горбачев сказал Ельцину по поводу Чечни: “Запомните, целостность нашего государства удерживают два кольца – СССР и Россия. Если первое треснет, у второго тоже возникнут проблемы”[33].

Новый Союзный договор был вынесен на обсуждение Государственного Совета 14 ноября. С момента поражения в Чечне прошло несколько дней. Накануне Горбачев позволил Георгию Шахназарову, своему основному представителю на переговорах, улететь из Москвы: того пригласили на дискуссию с бывшим госсекретарем США Генри Киссинджером (встречу двух политиков организовала японская газета “Ёмиури симбун”). Всего пару недель назад президент СССР не отпустил Шахназарова в Соединенные Штаты: “Да ты что! Какие там США! Вот подпишем Союзный договор, на другой день можем ехать”. Шахназаров уверял, что договор раньше декабря подписан не будет. Горбачев не соглашался. Но теперь он все же позволил помощнику уехать[34].

В конце октября, на следующий день после речи Ельцина об экономических реформах, Шахназаров передал Горбачеву меморандум, в котором поставил под сомнение понимание последним обновленного Союза как единого государства с сильным центром и общей конституцией. Шахназаров писал: “В этот момент восстановить Советский Союз практически невозможно. Кроме Назарбаева и Ниязова практически все республики безвозвратно решили показать всем, что они независимы. Своим последним заявлением Ельцин тоже перешел Рубикон. И он, конечно, прав: у России нет другого пути. Она не должна хватать разбегающихся партнеров за фалды. Когда Россия воскреснет, они вернутся. Если не все, то пускай идут с богом. Достаточно будет вовлечь сопредельные с Россией государства в зону ее политического и экономического влияния”.

Шахназарову эту программу представили Геннадий Бурбулис, Сергей Шахрай и другие представители российской стороны. Она легла в основу взаимоотношений России с другими бывшими союзными республиками.

Шахназаров соглашался с тем, что настаивать на восстановлении сильного союзного центра бесполезно, а Горбачеву лучше сосредоточиться на отведенной ему Ельциным и остальными республиканскими лидерами роли главнокомандующего Вооруженными Силами, основного участника переговоров по ядерной проблеме, координатора внешней политики республик и арбитра в спорах между субъектами нового Союза: “Михаил Сергеевич, наступил один из тех судьбоносных моментов, которые могут очень сильно отразиться на стране и на вас как человеке, совершившем историческую смену курса. Не признать необходимость хотя бы временно отказаться от чрезмерных требований касательно союзного государства значит сделать трагическую ошибку”[35].

Шахназаров не только разъяснил сущность своих расхождений с Горбачевым – он фактически подал в отставку: “Сознание не позволяет мне продолжать проводить линию, которую я считаю ошибочной и бесплодной”. Горбачев отставку не принял. Вместо этого он отпустил своего помощника на дискуссию с Киссинджером. Если нельзя было рассчитывать на полную поддержку Шахназарова в момент обсуждения Союзного договора в Государственном Совете, безопасней было отправить его в Лондон. Но проблема заключалась в том, что Шахназаров был не единственным помощником Горбачева, потерявшим веру в стратегию своего руководителя. Тринадцатого ноября, за день до судьбоносного заседания совета в резиденции Горбачева в Ново-Огарево, Анатолий Черняев записал в дневнике: “Союзный договор, который будет на повестке дня в Ново-Огареве – не пройдет. Прочел я новый вариант! Но Кравчук вообще не приедет… и никто не приедет с Украины. Ревенко [руководитель аппарата Горбачева] каждого из президентов долго упрашивал явиться. и к вечеру еще было не ясно, явятся ли! Все это выглядит горбачевской арьергардной затеей.” Несмотря на тайное и явное самоустранение ближайших соратников, Горбачев до последнего боролся за свой вариант Союзного договора, предполагавшего существование сильного союзного центра[36].

Обсуждение договора на заседании Государственного Совета 14 ноября оправдало худшие опасения Шахназарова. Ельцин, пользуясь поддержкой остальных республиканских лидеров, выступил против союзного государства и единой конституции. Несмотря на то, что Кравчук не посещал заседания Совета с октября, у российского президента не возникало проблем с получением поддержки большинства глав республик, которые приезжали в Москву. Ранее Горбачев согласился вести переговоры о создании конфедерации. Теперь же он открыто отошел от идеи конфедерации: “Союзное государство. Я категорически настаиваю. Если не создадим союзное государство, я вам прогнозирую беду…”

Ельцин не уступал: “Будем создавать Союз государств”.

Горбачев решил идти до конца и пригрозил покинуть заседание: “Если нет государства, я в этом процессе не участвую. Я могу прямо сейчас вас покинуть. Это моя принципиальная позиция. Если не будет государства, считаю свою миссию исчерпанной. Я не смогу выступить за нечто аморфное”.

Ельцин и другие члены Совета попытались убедить Горбачева в преимуществах конфедерации. Они утверждали: в конфедерации армия, транспорт и космическая программа останутся под контролем центра. Горбачев не слушал. Он поднялся и начал собирать документы. Республиканские лидеры запаниковали и запросили перерыва. Ельцин и Горбачев, сепаратно обсудив ситуацию, пришли к компромиссу: Союз Суверенных Государств (именно такое название должна была получить новая структура) должен был стать “демократическим конфедеративным государством” без единой конституции, но с президентом, избираемым всенародным голосованием.

Несмотря на половинчатость проекта, Горбачев был вполне доволен. Главы республик согласились парафировать Союзный договор на следующем заседании Государственного Совета. Борис Панкин вспоминал “распаренное, но довольное лицо Горбачева”. Когда республиканские лидеры направились к выходу, пресс-секретарь Горбачева поставил журналистов так, что обойти их было невозможно. Глава СССР подводил глав республик к микрофону, чтобы каждый сделал заявление в поддержку союзного государства. Ельцин произнес: “Договорились, что Союз будет – демократическое конфедеративное государство”[37].

Павел Палажченко смотрел пресс-конференцию по телевизору: “К всеобщему удивлению, 14 ноября Горбачев выглядел победителем. Ельцин и остальные повторяли в микрофон в прямом эфире: ‘Союз будет существовать…’ Я смотрел передачу вместе с коллегами. Они, как и я, удивлялись, что президенту удалось на них надавить”[38].

Часть V
Глас народа

Глава 13
Накануне

Вечером 25 ноября Михаил Горбачев сидел в кабинете на новоогаревской даче. Заседание Государственного Совета СССР, созванного через полторы недели после предыдущего, зашло в тупик. На этот раз Горбачев не просто пригрозил встать и уйти – а именно так и поступил. И теперь мучился: не просчитался ли он? После 14 ноября и в Москве, и вне ее произошли серьезные перемены. Тогда ему удалось выстроить лидеров республик перед телекамерами. Зрители услышали, что Союз в том или ином виде будет сохранен.

Теперь в высших кругах царили иные настроения. Ждали украинского референдума 1 декабря, и никто, кроме Горбачева, не сомневался, что за независимость проголосует подавляющее большинство. Так думали в Киеве. Так считали и Джордж Буш, и Борис Ельцин, и руководители советских республик. Через несколько дней украинские события коренным образом изменят и расстановку сил, и отношения Горбачева как с республиканскими лидерами, так и с правительством США. Первым сигналом стало поведение глав республик в Ново-Огарево 25 ноября, на встрече, посвященной новому Союзному договору, который предлагал Горбачев.

Четырнадцатого ноября Государственный Совет обсудил и одобрил текст документа, а в этот раз должен был его парафировать. Против течения, как обычно, первым поплыл Ельцин. Согласованный в прошлый раз термин “конфедеративное государство” он назвал зыбким, беспредметным. Борис Николаевич заявил, что российский парламент предпочитает договор о конфедерации или о союзе суверенных государств, а подобный текст не утвердит.

Отказались парафировать договор, выступив на стороне Ельцина, также лидеры Белоруссии, Узбекистана и Туркменистана. Они предложили послать текст в верховные советы без подписей – прозрачно намекая депутатам, что

никаких обязательств на себя не берут. Разъяренный Горбачев обвинил Ельцина в нарушении данного 14 ноября слова. “Мало ли что… – ответил Ельцин, который на следующий же день пожаловался прессе, что пошел на чрезмерные уступки. – Время идет. В группах, в комитетах [российского] Верховного Совета обсуждали – говорят, такой проект не пройдет”. Чтобы уязвить противника, Ельцин указал на отсутствие в зале Кравчука или его представителей. Ельцин настаивал, что Украина в конфедеративное государство не войдет, а “без Украины Союза не будет”.

Председатель белорусского Верховного Совета Станислав Шушкевич, пятидесятишестилетний демократ, противник августовского путча, от имени лидеров республик попросил еще десять дней на изучение столь важного документа. Сверх того, по его мысли, отсрочка дала бы возможность Украине присоединиться к соглашению. Ельцин тут же предложил:

– Давайте дождемся 1 декабря.

Горбачев попытался обернуть украинский фактор себе на пользу: – Если откажемся от Союза, это будет подарок сепаратистам.

Переубедить этим президент СССР никого не смог, вышел из себя и пустил в ход испытанный прием – угрозу уйти. “Если вы считаете, что договор не нужен, скажите ясно, – заявил он в лицо президентам союзных республик. – Может быть, отдельно сами встретитесь и решите. Или здесь оставайтесь, мы вас покинем… Почувствуйте, что вам важнее – народ или сепаратисты”.

Бросив на ходу еще несколько слов, Горбачев вышел из зала с немногочисленной свитой. В своем кабинете он провел около часа. Опомнятся ли бунтари, позовут ли обратно? В апреле он таким же манером ушел с пленума ЦК КПСС, когда в повестку дня включили вопрос о снятии его с поста генерального секретаря. Члены ЦК перепугались, отменили голосование, и рычаги управления партией остались в его руках. Но теперь положение было труднее. Никто не выталкивал Горбачева из кресла вождя партии, которую давно распустили, или кресла президента государства, которое рушилось на глазах. Ему не давали отстроить государство заново – а без этого править ему было нечем. Уплывала почва под ногами. Просить его вернуться на совещание главы республик также не торопились. Похоже, демарш не произвел ожидаемого впечатления.

Спокойно обсудив, что им делать, главы республик прислали к Горбачеву двух делегатов: Ельцина, которого президент СССР с полным основанием считал главным смутьяном, и более покладистого Шушкевича. Первому видеть Горбачева вообще не хотелось, а вот у белоруса было кое-что на уме. Когда они шли из зала в кабинет по застекленной галерее, любуясь золотистой осенней листвой, Шушкевич напомнил Ельцину о своем приглашении посетить Белоруссию и обсудить экономическое взаимодействие. Вместо Минска он звал Ельцина в заказник в Беловежской пуще, неподалеку от Бреста. Тот согласился.

– Ну вот, пришли мы к хану Союза. Бери нас под свою высокую руку, – объявил Ельцин, переступая порог.

Михаил Сергеевич ответил так же шутливо:

– Видишь, царь Борис, все можно решить, если честно сотрудничать.

Сравнение с эпохой, когда русские князья склонялись перед золотоордынским ханом, хромало. Великие князья московские присвоили себе титул царей только после свержения ига и более ничьей власти над собой не терпели. “Царь Борис” не собирался изменять этому обычаю.

Как рассказал Горбачев своим советникам, Ельцин, говоря с ним, “воротил морду и чуть ли не плевался”. Идея Ельцина и Шушкевича оставляла президенту шанс на почетное отступление, но и только: республики соглашались не выбрасывать оборот “конфедеративное государство” из текста, но на обсуждение в парламентах проект направлялся без подписи членов Государственного Совета.

Вернувшись в зал, Горбачев возобновил заседание, а после вышел к телекамерам, чтобы рассказать, к чему пришел Госсовет: документ уйдет в парламенты союзных республик, которые получат возможность обсудить и ратифицировать его. Но в какие бы слова Горбачев ни облекал происшедшее, всем стало ясно, что желаемого он не добился. Репортеры спросили его в лоб: кто виноват, кто сорвал парафирование договора? Ответа у него не нашлось, хотя подозрения в том, что президент России действовал не один, зародились давно. По воспоминаниям Анатолия Черняева, Горбачев догадывался о сговоре Ельцина с Кравчуком: “валить Союз с двух сторон”[1].

Горбачев давно ощущал упорное сопротивление руководства Украины. После августовского путча элита республики сплотилась вокруг председателя Верховной Рады, социологические опросы показывали растущее одобрение выхода из состава СССР, и Кравчук смелел. Его визиты в Канаду и Соединенные Штаты в сентябре показали, что он ведет Украину к независимости. В последний раз на заседании Государственного Совета он побывал в октябре, когда на повестке дня стояли хозяйственные дела, а не Союзный договор. Тогда же он заявил, что в Киеве депутаты проголосовали за приостановление своего участия в обсуждении проекта договора до обнародования итогов референдума. Верховная Рада и вправду стала бойкотировать общесоюзные органы власти, налаживая прямые контакты с другими республиками. На их взгляд, Союз пора было отправлять на свалку истории[2].

Горбачев не хотел верить, что строптивая республика может хлопнуть дверью. Сын русского и украинки, он воспринимал возможный разрыв между двумя народами как личную трагедию. Самого себя он причислял к русским, но любил и умел петь украинские народные песни. Хозяину Кремля казалось, что настроения на берегах Днепра он улавливает лучше всех. “Не делайте глупостей, Леонид Макарович, – увещевал он Кравчука по телефону. – Ваш референдум непременно провалится, ведь в марте 7о % голосовали за Союз”. Михаил Сергеевич напоминал, как единодушно в большинстве областей Украины поддержали идею обновления СССР на общесоюзном референдуме в марте 1991 года. И одними напоминаниями не ограничивался. В частных беседах с помощниками и зарубежными

коллегами, в обращениях к народу Горбачев запугивал украинцев возможным межэтническим противостоянием и взвинчивал нервы представителям меньшинств республики, если не прямо толкал их к опрометчивым действиям[3].

Мысль использовать этническую неоднородность Украины для срыва декабрьского референдума подсказал Горбачеву советник Георгий Шахназаров. В записке от 10 октября 1991 года последний с сожалением констатировал, что после роспуска компартии на Украине не нашлось политической силы, способной противостоять “галицийским националистам”. Разочаровала автора записки и мягкотелость ельцинского правительства, которое территориальные претензии к Украине озвучивало скорее для галочки. Шахназаров предлагал не только чаще упоминать их в выступлениях, но и придать официальный характер посягательствам РСФСР на Крым, Донбасс и весь Юг Украины. По его убеждению, надлежало четко и жестко заявлять, что эти регионы исторически составляют часть России и что та не намерена от них отрекаться, если Украина пожелает выйти из Союза.

Шахназаров выдвигал и другие идеи, подталкивая президента к кампании против независимости Украины. “По согласованию с т. [Николаем] Багровым, – ссылался он на главу крымского Верховного Совета, – активизировать работу в Крыму. Все население республики должно знать, что если Украина объявит о выходе из Союза, на другой же день Крым выйдет из состава Украины и будет присоединен к России”. Шахназаров предлагал сформировать при администрации президента особую группу во главе с украинским поэтом Борисом Олейником, а также направлять на Украину десятки российских и других знаменитостей – вести агитацию в том же духе. Горбачев не первый год сколачивал и поддерживал за государственный счет фиктивные партии, которые следовали в его кильватере, но теперь ему не хватило бы средств для воплощения и половины плана Шахназарова. В октябре президент играл роль скорее политического комментатора, нежели руководителя. В конце месяца Горбачев в Мадриде уверял Буша, что Украина не отважится выйти из Союза – среди прочего потому, что это не позволит сделать русское меньшинство[4].

Ко времени конференции в Мадриде на рубеже октября и ноября 1991 года Украина стала обращать на себя все внимание не только советского, но и американского президента. Переводчику Горбачева Павлу Палажченко врезалось в память, как на обеде, устроенном испанским королем Хуаном Карлосом I, Буш засыпал коллегу вопросами об Украине: “Как вы думаете, победит Кравчук на выборах?” Горбачев подтвердил, что тот должен прийти к финишу первым. “А после этого, по вашему мнению, войдет ли он с вами в союз или какое-нибудь объединение?” – не унимался американец. Горбачев признал, что сомневается в Кравчуке, но отмел мысль о том, что Россия и Украина расстанутся: “Наши два народа – ветви одного дерева. Никто не сможет оторвать их друг от друга”. Буш перевел разговор на президентские выборы в США, назначенные на ноябрь 1992 года. Палажченко заметил, что

того сильно волнует исход выборов у себя дома, однако сразу не догадался, какова связь между ними и украинским референдумом. А связь была[5].

Буш нанес непоправимый урон своей репутации в глазах украинской общины Соединенных Штатов, когда изобразил в августе 1991 года “цыпленка по-киевски”. Пятого ноября ему стало ясно, что нападки украинцев, поначалу казавшиеся комариными укусами, – серьезная помеха его кампании. В тот день на довыборах в сенат жители Пенсильвании провалили Дика Торнберга, бывшего генпрокурора США. Эту кандидатуру Буш лично подобрал на замену погибшему в авиакатастрофе Джону Хайнцу. Кандидат от оппозиции, демократ Харрис Уоффорд (его опекали Пол Бегала и Джеймс Карвилл, будущие творцы успеха Билла Клинтона), согласно опросам, отставал, но в итоге побил фаворита-республиканца. Избиратели нанесли Белому дому чувствительный удар: Торнберг, уверенный, что кресло сенатора достанется ему, уже подал в отставку с поста генпрокурора.

Политтехнологи Демократической партии лезли из кожи вон, донося до избирателя мысль: Торнберг – марионетка президента. Рейтинги главы государства неуклонно снижались. Энтузиазм времен “Бури в пустыне” прошел, и избиратели охладели к Бушу из-за того, что американская экономика начала сползать в рецессию, – но не обошлось и без идеологии. Опросы свидетельствовали, что стойкие приверженцы Республиканской партии в эпоху холодной войны – люди с корнями из Восточной Европы – переходили в другой лагерь вследствие трусливой, на их взгляд, политики правительства. Сначала Белый дом разочаровал Прибалтику, затем Украину, Армению и другие советские республики. Демократы, претендовавшие на кресло президента, принялись обхаживать этнические меньшинства. Губернатор Арканзаса Билл Клинтон бранил администрацию за то, как мало для нее значила тяга этих стран к свободе. Буш понял, что нужно немедленно вернуть восточноевропейских “перебежчиков” в ряды республиканцев – или хотя бы удержать оставшихся[6].

Украинцы в Соединенных Штатах голосовали за Республиканскую партию все годы холодной войны и теперь негодовали: им отплатили черной неблагодарностью. После киевской речи Буша диаспора ждала случая поквитаться, призывая в прессе и на митингах отказать главе государства в поддержке. Те, кто последовательно представлял интересы украинцев, не могли достучаться до Белого дома. Письмо президенту от 16 сентября, в котором его однопартиец Хэнк Браун, сенатор от Колорадо, просил признать независимость Украины ввиду декларации Верховной Рады, осталось без ответа.

Украинская община мобилизовала всех, кого смогла, для обработки не только Республиканской, но и Демократической партии. В итоге 21 ноября верхняя палата Конгресса утвердила резолюцию, подготовленную демократом из Аризоны Деннисом Деконсини. Тот призывал Белый дом определиться в отношении Украины после референдума 1 декабря и не упустил шанса покритиковать соперников: “Мы полвека выступали за свободу Балтии, а теперь опозорились, став лишь тридцать седьмым

государством, которое признало эти отважные страны. Такое лицемерное отношение нельзя продемонстрировать еще и к Украине”[7].

Ведущая американо-украинская газета “Юкрейниан уикли”, обычно дружески настроенная к администрации, теперь пестрела статьями и письмами читателей с нападками на Буша. “Это было бы разумно, Джордж”, – рекомендовал скорейшее признание Украины Соединенными Штатами автор передовицы в номере от 24 ноября. В том же номере Мирон-Богдан Куропась, постоянный автор газеты и бывший чрезвычайный помощник президента Джеральда Форда, отделал генерала Брента Скоукрофта, советника президента по национальной безопасности: “Это он, из-за своего пренебрежительного отношения к Борису Ельцину, недооценил, насколько тот популярен в России. Это он помогал президенту Бушу написать киевскую речь. Это он, боготворя Михаила Горбачева, упорно поддерживает Советский Союз”. Куропась ошибся в одном: вовсе не расположение к Горбачеву обусловило позицию Скоукрофта. С другой стороны, он угадал, что последний недолюбливал Ельцина и был одним из авторов “цыпленка по-киевски”. После Мадрида генерал наставлял приближенных: пускай Горбачев превратился в бледное подобие вождя Советского Союза – Америке надлежит проводить такую политику, чтобы не причинить ему вред[8].

Долго это продолжаться не могло. Во второй половине ноября сотрудники Белого дома, ответственные за национальную безопасность, проводили бесконечные совещания: что делать? Было очевидно: за независимость Украины на референдуме проголосует подавляющее большинство, и это станет поворотным пунктом в политике США по отношению к Советскому Союзу. Почти все остальное вызывало горячие споры. Разногласия Министерства обороны и Госдепартамента, вскрывшиеся в начале сентября, не исчезли. Дик Чейни, давний сторонник сближения с республиками СССР, твердил, что с признанием Украины тянуть нечего. Стивен Хэдли, помощник замминистра обороны Пола Вулфовица, позже рассказал:

Мы полагали, что без Украины Россия, даже если захочет, никогда не возродит Советский Союз. Россия, утратив огромные ресурсы, население и территорию Украины, никогда уже не будет представлять той угрозы, которую являл Советский Союз. Вот почему это стало одним из основных направлений политики США, при всех прочих ее неизменных принципах. Со стратегической точки зрения независимая Украина представляла для нас страховку[9].

Джеймс Бейкер рекомендовал осторожный подход, с учетом интересов Горбачева и союзного центра. Бейкер еще находился под влиянием Эдуарда Шеварднадзе, в середине ноября возвращенного Горбачевым в правительство. Шеварднадзе имел больший авторитет, чем его предшественник Борис Панкин, и в международных, и во внутренних делах и не уставал предупреждать о возможном русско-украинском конфликте из-за Крыма и Юго-Востока Украины. Об этом же в Мадриде твердил Бушу

Горбачев. Бейкер предлагал не спешить с признанием Украины даже после голосования за отделение от СССР. Разумнее, считал он, было пообещать признание и использовать этот посул на переговорах с украинским руководством, например, о судьбе ядерного оружия.

Какую же позицию занял Брент Скоукрофт? “Осмотрительность прежде всего – в этом весь Скоукрофт, – писал Роман Попадюк, заместитель пресс-секретаря Белого дома. – К самоопределению советских наций он относился благожелательно, но не стремился поощрять этот процесс”. Попадюку вскоре предстояло ехать на Украину первым послом США, а в то время он критиковал не слишком смелого генерала, хотя и нередко признавал его правоту. “Когда одна сверхдержава содействует развалу другой, это может обернуться против нее самой, втянуть ее в конфликт”, – заметил он позже[10].

Двадцать пятого ноября (в тот день, когда Ельцин и другие главы союзных республик похоронили Союзный договор, на который возлагал надежды Горбачев) “Вашингтон пост” напечатала статью “Вопрос независимости Украины расколол американскую администрацию”. Газета рассказала, насколько плохо у чиновников идут дела с выработкой внешнеполитического курса, и назвала Бейкера главным противником признания Украины, которая вот-вот перестанет подчиняться Москве. Взбешенный Бейкер заподозрил, что сор из избы вынесли приближенные Чейни. Хотя авторы статьи ссылались на сотрудников и Министерства обороны, и Государственного департамента, вина за утечку лежала на первых. Некий вхожий в Пентагон человек на условиях анонимности поведал репортерам: Соединенным Штатам, чтобы не оказаться в дураках, пора догонять страны, намеренные сразу же признать независимость Украины. Надо было определиться до заседания Совета НАТО, назначенного на 29 ноября[11].

Во вторник круги, чью позицию отстаивал Чейни, мобилизовали десятки конгрессменов от обеих партий. Коллективное письмо президенту подписали, среди прочих, восходящие звезды американской политики Ньют Гингрич, Нэнси Пелоси, Леон Панетта и Рик Санторум. Текст письма гласил:

Мы знаем, Вы сейчас размышляете над советом, который дали вам несколько членов правительства, включая министра обороны Дика Чейни: США должны оказаться в числе государств, готовых незамедлительно признать независимость Украины. Господин президент! Это мудрый совет. Америке жизненно необходимо встать на сторону украинского народа, на сторону свободы и демократии, вместо того чтобы удерживать на плаву Кремль, где правят бал плохо загримированные коммунисты… Те, кто доказывает, что удержание Кремлем контроля над военной, экономической и социальной политикой Украины каким-либо образом выгодно Соединенным Штатом, заблуждаются. У Америки появился шанс в ближайшие дни начать прямые переговоры с Россией и Украиной, двумя уже самостоятельными странами, о полном ядерном разоружении и реформах, необходимых для безоговорочного перехода к свободному рынку. Нам пора занять место в авангарде этого процесса, а не плестись в хвосте.

Конгрессмены призывали Буша проявить волю к победе, какую он обнаружил во время войны в Персидском заливе[12].

С точки зрения сторонников независимости Украины (в Белом доме и за его стенами), момент авторы выбрали идеально. Двадцать шестого ноября, когда президенту направили письмо, тот с помощниками проводил совещание, на котором должен был окончательно решить, какой курс избрать. На следующий день собирался Совет НАТО, чтобы обсудить положение Украины, к тому же на Буша давило проукраинское лобби, и затягивать дело ему было не с руки. На встрече постановили признать Украину – но не торопиться, а взять паузу в две-три недели. Президенту предстояло сразу после референдума отправить в Киев эмиссара, поручив заверить новоизбранного украинского лидера – тот может рассчитывать на помощь США.

В мемуарах Бейкер изо всех сил старался представить достигнутый в тот день компромисс в выгодном для себя свете: мол, участники согласились на предложение Государственного департамента об “отсроченном признании”. На обороте фотокопии статьи “Вашингтон пост” о расколе в администрации госсекретарь написал: “По словам Козырева, умеренным кругам в России нравится наш подход – не отказывать и не спешить говорить ‘да’. То же самое с умеренными на Украине”. Следующую фразу Бейкер отметил несколькими звездочками: “Признать сразу опрометчиво – хаос и гражданская война, если же отсрочить на пару недель, риска никакого”[13].

Двадцать шестого ноября американский посол в штаб-квартире НАТО в Брюсселе получил инструкции, какую линию проводить на Совете Североатлантического альянса. Их авторы предвидели, что на предстоящем референдуме на Украине сторонники независимости победят с немалым отрывом и что ее правительство немедленно завершит процесс выхода из состава СССР:

Вопрос не в том, признавать ли Украину, а – когда и как признать… Незачем принуждать Украину соблюсти те или иные требования перед тем, как мы пойдем на установление с ней дипломатических отношений. Напротив, мы полагаем, что НАТО в целом, и каждый член НАТО в отдельности должны уведомить Украину об обстоятельствах, которые мы учтем, когда каждый будет принимать решение.

В телеграмме шла речь о следующих условиях: 1) сохранение контроля над ракетно-ядерными войсками, размещенными на Украине, прежним центральным командованием; 2) соответствие фактического курса руководителей Украины их обещанию привести страну к полному избавлению от ядерного оружия; 3) соблюдение международных договоров о разоружении, заключенных Советским Союзом, а также Хельсинкских соглашений, включая пункты о нерушимости установленных после Второй мировой войны границ и о необходимости уважать и защищать права человека. Авторы документа понимали, что реакция на провозглашение независимости Украины послужит прецедентом для политики США и НАТО в отношении других бывших республик, в том числе Грузии и Армении[14].

Джордж Буш, избрав 26 ноября на совещании в Белом доме наступательную стратегию, получил наконец возможность поправить отношения с украинской диаспорой, да и с прочими избирателями восточноевропейского происхождения. Первый шаг в этом направлении успел сделать Роберт Гейтс, назначенный в начале месяца директором ЦРУ. Семнадцатого ноября, едва обжив новый кабинет, Гейтс выступил с программной речью на обеде украинской общины Америки. Банкет в нью-йоркском отеле "Плаза" устроили по случаю присуждения Украинским институтом Америки (Нью-Йорк) почетного звания "Украинец года" Роману Попадюку, заместителю пресс-секретаря президента (самому высокопоставленному в исполнительной власти чиновнику украинского происхождения).

Судя по откликам, Гейтс произвел прекрасное впечатление. Ральф Гордон Хокси (известный в Нью-Йорке преподаватель, директор Центра по изучению президентства и один из гостей) позднее поздравил Гейтса с "выдающейся" речью в духе Томаса Джефферсона. Гейтс не упустил шанс навести мосты между правительством и мятежной диаспорой. Поговорил он и с Геннадием Удовенко, главой украинского представительства в ООН. Впоследствии "Ю-эс ньюс энд уорлд репорт" отнес решение президента признать результаты украинского референдума на счет влияния нового директора ЦРУ[15].

Первых лиц украинской общины пригласили в Белый дом утром 27 ноября, в среду – во вторник, как уже говорилось, президент оставил колебания по вопросу независимости Украины. Пятнадцать человек полчаса беседовали с Бушем, Скоукрофтом, Эдом Хьюэттом из Совета по национальной безопасности и другими помощниками президента. Возглавлял украинцев Тарас Шмагала, родом из Кливленда. Он много лет поддерживал Республиканскую партию, руководил Украинской национальной ассоциацией – издателем "Юкрейниан уикли". В 1988 году Шмагала возглавлял комитет "Американские украинцы за Буша", а в сентябре 1991 года ездил в Киев в составе делегации Джонатана Буша, чтобы почтить память убитых полстолетия назад в Бабьем Яру.

Теперь Шмагала заявил президенту, что что независимость Украины – дело решенное, а признание ее Соединенными Штатами – вопрос первостепенной важности для украинской диаспоры. Бушу напомнили, как он агитировал за национальное самоопределение Украины в 70-х и в начале 80-х годов. А вот о конфузе с "цыпленком по-киевски", судя по репортажу в "Юкрейниан уикли", никто не вспомнил. Лидеры диаспоры вручили Бушу послание со своей исторической родины – просьбу "Руха" облегчить Украине путь к самостоятельности и перестать содержать Кремль, который развязал против национал-демократов информационную войну. Руководство "Руха" опасалось, что Кремль готовит почву для настоящей войны: "На кого ляжет ответственность за возможную агрессию Горбачева против Украины?"[16]

Джордж Буш порадовал американских украинцев, к которым долго был несправедлив: он решил признать Украину. Затем он пустился в туманные объяснения по поводу своего киевского визита, но гости пропустили их мимо ушей. Они запомнили лишь то, что хотели услышать. Наконец-то эти люди смогли передать добрые вести друзьям и на Украине, и в диаспоре – всем тем, кто попрекал их верностью Республиканской партии даже в то время, когда президент-республиканец подносил патроны Горбачеву. Едва выйдя из Белого дома, лидеры украинской общины поделились с журналистами: Соединенные Штаты "будут приветствовать украинскую независимость" и вслед за этим "начнут движение" к установлению дипломатических отношений. "Ни о каком графике речь не шла", – извещала читателей газета "Вашингтон пост"[17].

Известие о том, что Буш готов признать Украину, вскоре подтвердил чиновник его аппарата, который, говоря неофициально, обронил, что такое решение утвердили на совещании днем раньше. По его словам, был выработан компромисс между двумя точками зрения, выразителями которых выступали Дик Чейни и Джеймс Бейкер. Последнего в очередной раз оставили в дураках, и теперь он винил прессу и американских украинцев в том, что те "не разобрались в деталях нашей позиции". Президент в воспоминаниях сожалел об "утечке", зато Роберт Гейтс, сначала разделявший нежелание Буша гнать лошадей, в собственных мемуарах описал эти дни откровенно: "Развитие событий и очевидная необходимость побудили нас переступить через принципы".

Буша и его советников не должно было застать врасплох намерение самых влиятельных украинцев Америки побеседовать с журналистами, а от СМИ едва ли стоило ожидать кропотливого изучения точки зрения администрации в свете коренного поворота в ее политике. После того, как Республиканская партия упустила гарантированное ей, казалось бы, место в сенате от Пенсильвании, популярность Буша еще уменьшилась, и выходцы из Восточной Европы стали громко выражать недовольство президентом. Белый дом уже не мог позволить себе дальше тянуть на себе Горбачева – ведь и сам Скоукрофт отзывался о нем как о бледном подобии властителя. Перемена курса при таком ветре была неизбежной, пусть Бушу это и не слишком нравилось. Союзный центр катился в бездну, и американскому президенту следовало отойти от края как можно дальше – хотя бы из чувства самосохранения.

"Утечка", которую в Белом доме не только мгновенно подтвердили, но и вписали в широкий контекст, оказалась удобным способом оповестить США и весь мир о повороте во внешней политике: о разрыве с Горбачевым и его проектом обновления СССР. В нарушение традиции, перед такой декларацией с Михаилом Сергеевичем не советовались и предупреждать его не стали. Впрочем, с формальной точки зрения, заявлений никто не делал – незачем было и беспокоиться[18].

Тридцатого ноября – спустя три дня после “утечки” и за день до украинского референдума – Буш позвонил Горбачеву, чтобы рассказать ему о положении дел, но тот уже и сам все знал. Беседа была в тягость обоим. Когда помощник президента СССР Анатолий Черняев сообщил шефу, что Белый дом запросил телефонный разговор, Горбачев разозлился: “Да зачем это? Меня не будет”. После некоторых колебаний он все же дал добро. Михаил Сергеевич не мог простить американскому коллеге того, что в его глазах было предательством. Из-за утечки в Вашингтоне рушились его мечты удержать Украину в составе СССР – а ведь Горбачев то и дело хвалился безоговорочным одобрением своей кампании Бушем и другими западными лидерами. Поддержка Запада оказалась блефом[19].

Переводчик Горбачева Павел Палажченко, узнавший новость первым из новостей Си-эн-эн, признался Черняеву: “Независимо от деталей решения Буша, это сообщение, безусловно, – удар для нас”. Черняев согласился. Он составил черновик ответного выступления президента, в котором говорилось, что вести из Америки “вызывают недоумение”. Эти слова никого не переубедили даже в Москве. Горбачева уже ругали на первой полосе обычно почтительных “Известий”. Автор статьи доказывал, что хотя утечка в Вашингтоне и вправду походила на вмешательство во внутренние дела Союза накануне украинского референдума, жалобы Горбачева на Белый дом не имели смысла, когда социологические опросы предсказывали победу сторонников самоопределения с результатом выше 80 %. Тут же, в “Известиях”, поместили материал “Украина: за день до выстраданной воли”. Если кто и утратил связь с реальностью, то как раз Горбачев. Однако Черняев гордился своей работой и подозревал, что, не выступи президент с таким коммюнике, Буш мог бы вообще не позвонить 30 ноября[20].

Когда глав государств соединили, американец заявил, что обеспокоен позицией по Украине, озвученной на днях союзным руководством. Это был прозрачный намек на подготовленный Черняевым документ. “Вы знаете наши обычаи, обычаи демократического государства. Мы обязаны поддержать украинский народ… Но у нас сложилось впечатление, что признание Украины вполне может вернуть их к процессу выработки Союзного договора”, – заявил Буш. Горбачев перешел в контратаку: “Не скрою, что утечка из Белого дома, из которой следует, что Соединенные Штаты всерьез обдумывают вопрос о признании независимости Украины – и в первую очередь потому, что такая утечка произошла перед самым референдумом, – воспринимается негативно. Складывается впечатление, что Соединенные Штаты не то что хотят повлиять на наши события, а просто даже вмешиваются в них”.

Горбачев огорошил собеседника: голосование жителей Украины за независимость не будет означать поддержку ими выхода республики из состава СССР. Он провел параллель с войной в Югославии. “Если кто-то на Украине говорит, что страна выходит из Союза, и кто-то утверждает, что поможет им, – упрекнул Горбачев Буша за разворот в сторону Киева, – то это будет означать, что двенадцать миллионов русских, а также представители

других народов станут гражданами иностранного государства”. Он подчеркнул, что претензии Ельцина на украинские территории, прилегающие к России, и озабоченность положением русского меньшинства в Крыму, Донецкой и Луганской областях при наихудшем развитии событий могут вылиться в конфликт. Президент СССР последовал совету, как играть на проблеме этнических меньшинств, данному ему месяцем раньше Георгием Шахназаровым.

Черняев, который слышал разговор, резюмировал в дневнике доводы своего начальника так: “Независимость не есть отделение, а отделение – это Югославия в квадрате, в десятой степени!” Горбачев попросил Буша не предпринимать шаги, которые ободрили бы сепаратистов. “Каждый штат в составе США обладает суверенитетом, но мы относимся к Соединенным Штатам как к цельному государству”, – прибавил Горбачев.

“Совершенно верно”, – ответил американец. Но идти на попятный он и не думал: “Положительная реакция на стремление украинцев к самостоятельности даст вам возможность разрешить противоречия, ставшие преградой на пути к осуществлению политических и экономических реформ”. Буш убеждал Горбачева, что в его намерения не входило строить козни за спиной советского коллеги. “На мою администрацию оказывают определенное давление, – признался он, имея в виду проблемы, которые создали ему собственные украинцы. – Я не могу представить, через что вам довелось пройти, но здесь давят на меня, поэтому я ваше положение в какой-то мере понимаю”.

Диалога не получилось. Буш и Горбачев избегали резкостей, но оба понимали, что их позиции невозможно свести к общему знаменателю. Телефонным звонком уже ничего было не изменить. Времена, когда они проводили согласованную политику, ушли безвозвратно. Черняеву казалось, что Джеймс Бейкер, который участвовал в разговоре с параллельного аппарата в Вашингтоне, проявил больше сочувствия, чем его шеф, к Горбачеву и СССР. “Бейкер более свободен в суждениях, менее подвержен давлению всяких лоббистов, откровеннее”, – отметил тем вечером в дневнике Черняев. После беседы он взялся за пресс-релиз. Горбачев велел упирать на факт телефонного звонка, а не на его итоги – чтобы незадолго до украинского референдума обратить это событие себе на пользу, попытаться нейтрализовать утечку из Белого дома 27 ноября утечкой из Кремля. Целью заявления президента СССР, по словам Черняева, было “прищемить Кравчука и компанию”[21].

Горбачеву пришлось подыскивать слова в трудном разговоре с Бушем почти сразу после того, как он спровадил Ельцина – а встреча с человеком, казавшимся в последнее время его злым гением, далась Горбачеву нисколько не легче. В то утро Михаил Сергеевич упрашивал Бориса Николаевича уберечь Советский Союз от неминуемого дефолта. Российская Федерация оседлала нефтегазовые денежные потоки и не считала нужным финансировать общесоюзные учреждения. Вторая сверхдержава мира превратилась в банкрота. Вооруженные Силы и дипломатический корпус

пока слушались президента, но платить жалованье ни тем, ни другим Горбачеву было нечем. Даже его собственный аппарат сидел на бобах.

Казна СССР опустела. Двадцать девятого ноября на заседании Верховного Совета Горбачев предложил депутатам утвердить его июньский указ, которым он предписывал Государственному банку выдать заем в 68 миллионов рублей общесоюзным организациям и предприятиям. Одновременно президент предлагал одобрить кредиты на 90 миллионов. Фактически это была просьба напечатать новые дензнаки – и далеко не все депутаты отнеслись к этому снисходительно. Хотя одна из палат откликнулась на призыв Горбачева и одобрила постановление, ему не удалось добиться своего из-за противодействия российских депутатов. Правительство России, со дня на день готовое подать сигнал к кардинальным экономическим реформам, стремилось любой ценой избежать очередного витка инфляции. Союзное правительство осталось на мели. “Россия, по сути, заблокировала принятие чрезвычайного бюджета Союза на конец года, – записал в дневнике Вадим Медведев, советник президента СССР по экономике. – Это привело к массовой невыплате зарплаты [союзным] бюджетным учреждениям”[22].

В тот же день Госбанк прекратил переводить какие бы то ни было средства юридическим лицам Союза, включая воинские части и администрацию президента СССР. Единственное исключение сделали для Министерства иностранных дел, которое вновь возглавил Эдуард Шеварднадзе. Ельцин, предвидя возможные протесты лидеров западных стран в том случае, если бы он перекрыл МИДу кислород (как сначала и замышлял), стал финансировать его из бюджета Российской Федерации. Дипломаты били тревогу – ведь кто платит, тот и заказывает музыку, – но Горбачев не мог повлиять на ситуацию. “А что делать? – сокрушался в дневнике Черняев. – У России есть пока чем платить, а у М[ихаила] С[ергеевича] нет ничего!”

К 30 ноября, моменту встречи с Ельциным и его советниками, у Горбачева не осталось никаких рычагов власти. Единственное, что он сумел сделать – пристыдить соперника и убедить его поделиться деньгами. (“Речь шла: так мол нельзя – оставлять центр без средств к существованию”, – писал Черняев.) В результате затянувшихся на четыре часа переговоров Ельцин согласился выделить кое-какие средства. Его экономическим советникам теперь следовало придумать, как это сделать. Чуть позже, параллельно с телефонной беседой Горбачева и Буша, эксперты совещались в Ореховой комнате, где прежде собиралось Политбюро. Обсуждаемый вопрос вождям Советского Союза, которые заседали там в годы холодной войны, мог присниться разве в кошмарном сне[23].

Осенью 1991 года империя находилась при смерти. Кровь давно ушла из финансовых артерий. Уступка, выпрошенная Горбачевым, стала лишним глотком воздуха, не более. И все же Михаил Сергеевич не сдавался. Во время разговора с Бушем он не упустил случая похвалиться одним из редких теперь успехов на политическом поприще – 29 ноября его усилия по сохранению

Союза получили безоговорочную поддержку Политического консультативного совета (при президенте Горбачеве). В совет входили, кроме прочих, Анатолий Собчак – мэр уже не Ленинграда, а Санкт-Петербурга, – и “крестный отец перестройки” Александр Яковлев. Члены совета (многие из них основали Межрегиональную депутатскую группу, первое демократическое объединение в советском парламенте) вместе с Горбачевым раздумывали в тот день, как бы уберечь СССР от распада, к чему, по их мнению, вел дело Ельцин. Некоторые высказались даже в пользу формальной оппозиции линии российского президента.

Собчак, давний союзник Ельцина, выступил в тот же вечер по телевидению с резким заявлением в поддержку Советского Союза. Но голос Политического консультативного совета в обновленной России мало кто слышал. Оппозиционный блок, замысел которого в тот день обсуждали у Горбачева, эти люди так и не создали и повлиять на общественное мнение оказались почти неспособны. Егора Яковлева, члена совета, назначенного после путча председателем Всесоюзной государственной телерадиокомпании, подчиненные выполняли все с меньшей охотой. “Яковлев жаловался, что телевидение у него отбирают, – передает его слова Черняев. – Он там уже не хозяин, и правят бал ‘россияне’”. Ниже он записал впечатления от теленовостей 29 ноября: “В ‘Вестях’ в пятницу были просто оскорбительные в адрес М[ихаила] С[ергеевича] пассажи насчет украинской его политики”[24].

Несколькими днями раньше Анатолий Черняев и Александр Яковлев, два партаппаратчика либерального толка, пришли к единому выводу (первый изложил его в дневнике так): “Нравится нам или нет, нет альтернативы самостоятельному прорывному ходу России. Горбачевские усилия спасти Союз – безнадежные судороги”. В пятницу 29 ноября, когда Горбачева обнадеживали Собчак и другие глашатаи перестройки из Политического консультативного совета, Черняев отправил начальнику проект обращения к депутатам Верховного Совета с просьбой ратифицировать Союзный договор, а в дневнике иронизировал: “Хотя сам не верю в это, слова, однако, подобрал!” В тот же день Черняев подал советы Горбачеву, к которым отнесся намного серьезнее: “Сменить свою роль в сторону международную и защиты культуры… представлять свой мировой престиж внутри и тем держаться, не уповая ни на Союзный договор, ни на решения съезда, его избравшего и подтверждавшего избрание после путча, ни на Конституцию СССР!” Сохранить единое государство было невозможно. Черняев желал помочь Горбачеву достойно войти в историю, пусть даже утратив позиции в политике[25].

Сам Михаил Сергеевич не уставал твердить, что распад Советского Союза навлечет беды библейского масштаба. В интервью белорусской “Народной газете” Горбачев провел обычную параллель с Югославией, где война сербов с хорватами вынудила сотни тысяч мужчин, женщин и детей покинуть свои дома и бежать из зоны конфликта. По его оценке, югославская трагедия поблекла бы на фоне того, что могло произойти в Советском Союзе,

раздели межгосударственные границы его граждан на титульные нации и многочисленные этнические меньшинства. Прежде всего его заботила судьба русских – бывших хозяев империи: не подвергнутся ли они дискриминации в теперь независимых государствах?

“Семьдесят пять миллионов людей живут за пределами своей малой родины, – утверждал Горбачев, имея в виду смешение этносов внутри Союза, из-за чего многие люди обитали не там, где их предки. – Так что же, все они становятся гражданами второго сорта? И пусть нас не убаюкивают, что все будет гарантировано в двусторонних договорах, которые подписывают республики. Не верю, что это решит проблему. Должно быть сохранено государство, которое обеспечит правовую защиту каждому человеку”. Президент завел речь о русскоязычных в тех частях бывшего СССР, где они были неспособны полноценно отстаивать свои интересы, не владея местными языками: “Вольно или невольно выходит, что некоторых граждан, проживающих в прибалтийских республиках, относят как бы ко второму сорту”.

Белорусский репортер задавал вопросы о Ельцине без обиняков, давая собеседнику возможность обрушиться с какой угодно критикой на заклятого врага. Тем не менее глава СССР предпочел остаться в рамках приличий. Кем бы Горбачев ни считал Ельцина, на людях он обычно воздерживался от выпадов. А вот при упоминании Леонида Кравчука он позволил себе высказаться куда жестче. Когда речь зашла о кандидатуре Кравчука на выборах президента Украины, Горбачев разоткровенничался: “Прекрасная республика… Но посмотрите, как там эксплуатируют идею самостийности: уже, по-моему, далеко не только в целях избирательной кампании”. Затем он снова прибег к приему защиты этнических меньшинств. Горбачев, уверяя, что хотел бы видеть Украину целостной, горевал о судьбе ее многочисленного русскоязычного населения: “И если собираются отлучать Украину от Союза, что делать проживающим там двенадцати-пятнадцати миллионам русских людей, и вообще кому это нужно? Я за самоопределение без разрушения Союза”[26].

Кравчук и его сторонники считали, что так Горбачев пытался разогреть межэтнические противоречия на Востоке Украины до состояния открытого конфликта и, ослабив таким образом республику, удержать ее в составе СССР. Но вопрос, чего ждать русскому меньшинству на Украине, не сводился к пропагандистской уловке. Даже тех в Москве, кто смирился с развалом империи, беспокоила перспектива раздела территории, которая казалась исторически принадлежащей России. “И в общем-то все бы ничего, если б не Украина, не Крым, который невозможно отдать”, – сетовал Черняев[27].

Ответ на вопросы Горбачева и Черняева должен был дать украинский референдум. Союзное правительство не верило, что Крымская АССР и те области Украины, где значительную долю населения составляли русские, выскажутся за независимость. Возник парадокс: будущее Советского Союза, где господствовал русский этнос, зависело от голосования на Украине, а

будущее Украины в немалой степени зависело от настроений русских на Юго-Востоке.

Глава 14
Украинский референдум

Конец ноября 1991 года Леонид Кравчук провел в разъездах: 1 декабря должен был стать не только днем референдума, но и днем выборов президента. Кравчук, желая встать во главе независимой Украины, добивался победы и на первом, и на втором поле.

Кравчук поднаторел в аппаратных играх, но опыта публичной политики почти не имел. Зато он хорошо помнил совет, который дал ему Буш во время августовского визита в Киев: загляните людям в глаза – и поймете, поддержат они вас или нет. Кравчук не стал ходить по домам, как западные политики, но решил говорить со всяким, кто хотел его слышать – и порою сильно рисковал. Когда он в Виннице зашел в универмаг, начальник охраны сообщил, что, узнав о его приезде, на площади перед входом собралась толпа. Сдержать людей (их число оценили в двадцать тысяч) не сумели бы ни охранники, ни милиция. Уходить через черный ход Кравчук отказался. “Удирать, как вор, от людей, многие из которых вскоре будут за меня голосовать! Это же чепуха!” – пишет он в мемуарах. Он велел охранникам проводить его на площадь.

Чутье не подвело политика: его встретили с восторгом. Но задние ряды продолжали напирать. Положение обострялось. Внезапно председатель Верховной Рады услышал треск и ощутил боль: кто-то хотел пожать ему руку, но достал только палец – и вывихнул его. “Когда я оглядывался вокруг, становилось жутковато. Казалось, если плохонький милицейский кордон не выдержит, нас просто сомнут”, – вспоминал Кравчук. Леонид Макарович выбрался с площади под несмолкаемое “ура”: народу явно понравился и он сам, и его обещания. Уверенность Кравчука в победе окрепла, хотя уезжал он из Винницы в гипсе и со стертыми подошвами ботинок: когда охрана вытаскивала его из толпы, он пытался удержаться на ногах. Бушу не пришло бы в голову предостеречь его от таких виражей в президентской гонке. Кто мог подумать, что коммунистические чиновники не владели навыками контроля над массой?[1]

В начале ноября, за месяц до выборов, опросы показывали: Кравчук может рассчитывать более чем на 30 % – и лидирует с большим отрывом. Вторым шел бывший политзаключенный Вячеслав Черновол, глава Львовской областной рады: ему давали немногим более 12 %. Соперники Кравчука утверждали, что с ними ведут нечестную игру – используя административный ресурс. Леонид Макарович и вправду был плоть от плоти номенклатуры, которая лишь на него и рассчитывала. Верхи УССР, еще недавно относившиеся враждебно – самое меньшее холодно – к желанию выйти из-под крыла Москвы, теперь горячо его поддерживали. Двадцать четвертого августа “красное” большинство в парламенте проголосовало за независимость – при условии, что три месяца спустя это решение утвердят на

референдуме. Такая оговорка оставляла пути к отступлению, но нужды в перемене курса уже не возникло[2].

Компартии отсрочка не помогла – в конце августа 1991 года она попала под временный, а затем и окончательный запрет. (В этом Украина опередила Россию на несколько месяцев.) Однако роспуск партии происходил по-другому: не было ни публичного унижения вельмож, ни отъема собственности. Одно крыло аппарата без лишнего шума переписало партийные богатства на другое: они достались областным, городским и районным советам. Таким образом, господство сохранили, за редким исключением, те, кто еще недавно заседал в обкомах, горкомах и райкомах. Почти вся номенклатура уверовала в государственную независимость – и в Кравчука, ее пророка. С ним не были страшны ни лютый Ельцин, ни собственные демократы, ни "бандеровцы". Партийные лидеры, прощаясь с Союзом и поставив все на Кравчука, получили пропуск в новое светлое будущее. Они изо всех сил помогали Кравчуку возглавить самостоятельную Украину – хотя, уступи он национал-демократам либо проельцинским либералам, тут же ополчились бы на едва завоеванную страной свободу[3].

Перед Кравчуком встало несколько трудных задач. После голосования 24 августа он понял: надо внушить избирателям, что недавний член Политбюро ЦК КПУ – лучший кандидат в президенты суверенной Украины, и убедить их проголосовать за независимость. Для этого требовалось найти общий язык с местными элитами, отговорить их от игры в сепаратизм – и подать нужные сигналы этническим и региональным меньшинствам, чтобы тех не пугало доминирование украинского большинства без посредничества и заступничества центра. Склонить на сторону Украины предстояло и командиров армейских соединений, которые по приказу руководства СССР либо РСФСР могли обернуться троянским конем.

Самой легкой казалась первая задача – завоевать сердце избирателя и выиграть президентскую гонку. Вызов Кравчуку бросили пять кандидатов, и симпатии сторонников перемен разделились. Городских интеллигентов обрусевшего Юго-Востока – в годы перестройки демократов ельцинского типа – представлял зампредседателя Верховной Рады харьковчанин Владимир Гринев: этнический русский, демократ, с первого дня путча – его твердый противник. По вопросу независимости Гринев оказался среди немногих депутатов, 24 августа проголосовавших против – не потому, что прислуживал Кремлю, а лишь из опасения оставить Украину под властью коммунистов. Тем не менее роспуск компартии убедил его, что провозглашение независимости выражает волю народа. Позднее Гринев рассказал в интервью: "Это обстоятельство в процессе предвыборной кампании довольно четко просматривалось – что настрой у людей ориентирован на независимость Украины. Когда встречаешься с массами, это не скроешь настроение"[4].

Кандидат от национал-демократов Вячеслав Черновол, диссидент со стажем, подчеркивал, что, в отличие от Кравчука, всегда боролся с режимом

и не менял взгляды по обстановке. Впервые Черновола арестовали в 1967 году, а в тюрьмах и лагерях хватало времени на раздумья о том, какую Украину он хочет и может построить. Черновол считал, что независимой Украине придется стать федеративным государством. Заняв весной 1990 года, после первых свободных выборов, пост председателя Львовской областной рады, он выступил за автономию исторически сложившихся регионов, в том числе Галиции (трех областей со столицей в Львове). Но ко времени президентской кампании Черновол к этой идее охладел: она могла стать помехой на пути к самостоятельности[5].

Однако не у всех его конкурентов из национал-демократических кругов оказалась короткая память. Так, Левко Лукьяненко (главный автор Декларации о государственном суверенитете) ставил ему в вину призывы к федерализму. По мнению Лукьяненко, Черновол тем самым играл на руку сепаратистам и облегчал возможное вмешательство России во внутренние дела Украины. Черновола выдвинул “Рух”, но Лукьяненко, председатель Украинской республиканской партии – самой крепкой и деятельной составляющей “Руха”, – пошел на выборы самостоятельно. Раскол в рядах национал-демократов был на руку лидеру гонки – тем более, когда кое-кто из них открыто поддержал Кравчука. Немало интеллигентов, давних поборников независимости Украины, верили, что только его победа позволит избежать раскола страны и вырваться из-под власти России[6].

Кравчук казался этим людям меньшим злом. Националисты подозревали, что он способен поддаться давлению Москвы. Пророссийским демократам вроде Гринева не нравилась его дружба с националистами. И те, и другие с трудом могли простить ему высокий пост в компартии. И все же те, кто не рассчитывал на победу Черновола либо Гринева, были готовы переступить через себя и проголосовать за Кравчука. Лариса Скорик (тогда – депутат Верховной Рады от национал-демократов) уверяла корреспондента “Юкрейниан уикли”, что Кравчук был идеальным кандидатом. Никто из сторонников независимости не сумел бы договориться с номенклатурой, а он сумел – и доказал это в Раде 24 августа. По словам Скорик, у Кравчука не было пути назад: “Голова у него работает превосходно. Сказать, что это человек высоконравственный, я не могу… Но, с другой стороны, требуется ли в настоящий момент героизм – или прежде всего нам сейчас нужен прирожденный дипломат?”[7]

Кравчук пишет в мемуарах: победа на президентских выборах не имела бы смысла, если бы Украина не высказалась за свободу. Его нисколько не привлекал пост подчиненного Кремлю генерал-губернатора. В самом начале гонки, уже зная о своем бесспорном первом месте, Кравчук решил, что ему выгоднее агитировать не за себя, а за “да” на референдуме. Избирателю это пришлось по душе. Число сторонников независимости неуклонно росло: в конце сентября – 65 % опрошенных, в начале ноября – около 70 % (и около 80 % из тех, кто уверял, что пойдет голосовать). Крайне важным считалось преодоление порога в 70 %, ведь именно таким на Украине оказался

результат мартовского референдума о сохранении СССР по модели Горбачева. Последний не уставал напоминать об этом своем недавнем успехе.

Перед Кравчуком стояла крайне трудная задача. Следовало не только преодолеть планку в 70 %, но и набрать не менее 50 % голосов “за” в каждом регионе Украины. Иначе утверждение независимости на референдуме выглядело бы сомнительно в глазах и собственных граждан, и Москвы, не говоря о Западе. Обстановка требовала предельной собранности. Команда Кравчука не один день подбирала верные слова для вопроса, на который украинцам предстояло ответить 1 декабря. Социологи открыли небольшой секрет: если интересоваться отношением украинцев не просто к *независимости,* а к Акту провозглашения независимости 24 августа 1991 года, скептиков оказывалось меньше. Борцов за самостоятельную Украину долгие годы поливала грязью советская пропаганда, и это отразилось на умонастроениях жителей Юго-Востока. Постановление парламента придавало идее суверенитета солидность, смягчало консервативного избирателя. Президиум Верховной Рады обратился накануне референдума к населению с последним аргументом: голосование против независимости означает поддержку зависимости. А на Украине уже мало кто хотел выполнять приказы Москвы.

Серьезным препятствием для всех кандидатов, выступавших против СССР – от Гринева и Кравчука до Черновола и Лукьяненко, – стала региональная и этническая неоднородность страны. Бить в эту точку предлагал Горбачеву Георгий Шахназаров, и об этом же сам Горбачев не уставал говорить всем, кто его еще слушал. Опросы показывали поддержку независимости по всей стране, но результаты сильно колебались от области к области. Тверже всего за нее стояли в Галиции (бывшей провинции Австро-Венгрии, а затем Польши): так, в Тернопольской области доля сторонников суверенитета превышала 92 %. А Волынь (родина Кравчука; в межвоенный период часть Польши, до 1918 года принадлежавшая Российской империи) готовилась подать за независимость около 88 % голосов. Киев и Центральная Украина примкнули к Западной. В юго-восточных областях голоса делились почти поровну, с небольшим отрывом в пользу независимости. Колонизация этих регионов, которой руководил имперский центр, завершилась только в XIX веке, а в советское время туда переехало немало этнических русских. Кравчук опережал там Черновола, своего главного соперника. В голосовании за Кравчука многие видели золотую середину: они желали независимости – но не радикального национализма[8].

Двадцать третьего октября Кравчук вылетел в самый проблемный украинский регион – Крымскую АССР, – чтобы склонить на свою сторону республиканский Верховный Совет. Полуостров соединяет с Украиной полоса земли шириной семь километров и отделяют от России четыре с половиной километра Керченского пролива. Крым сначала входил в состав РСФСР, а в 1954 году (Хрущев еще только готовил почву для прихода к единоличной власти) полуостров из экономических соображений передали

УССР. В состав Украины Крым входил как одна из двадцати пяти областей, а в феврале 1991 года его статус изменился вследствие проведенного месяцем ранее референдума. Полуострову тогда не только вернули автономию, но и предоставили право отдельной подписи под новым Союзным договором. В начале года правительство Горбачева любыми средствами повышало статус автономных республик, видя в них противовес республикам союзным, которые очень серьезно воспринимали свой суверенитет. Этот прием срабатывал не всегда. Так, в августе 1991 года Горбачев пригласил Николая Багрова, председателя крымского парламента, в Москву на церемонию подписания Союзного договора, но тот вежливо отказался – ни для кого уже не было тайной, что Украина останется в стороне.

Крымская АССР беспокоила Киев осенью 1991 года отнюдь не только из-за маневров Горбачева. Украинские власти в феврале пошли на возврат Крыму автономии еще и потому, что это был единственный регион, где этнические украинцы составляли лишь четверть населения. Свыше 67 % приходилось на русских, доминировавших в политической и культурной жизни полуострова. В Крыму не было ни одной украинской школы. На украинском языке в быту украинцы говорили редко, и лишь каждый второй считал его родным. Обостряли тревогу за полуостров офицеры и матросы Черноморского флота, а также пенсионеры силовых структур, весьма враждебно настроенные к независимой Украине. Кроме того, крымские татары, которых Сталин в 1944 году обвинил в сотрудничестве с немецкими оккупантами и выслал с полуострова, понемногу возвращались на родину[9]. Этническая обстановка складывалась очень сложная.

Кравчук приехал в тот день, когда Верховный Совет Крымской АССР должен был рассмотреть законопроект о местном референдуме, на который вынесли бы вопрос об отделении от Украины. Он смог уговорить депутатов отложить принятие закона и отменить референдум. Доводы его были просты: останься Крым автономией в составе Украины, местному парламенту хватит полномочий, чтобы управлять полуостровом без вмешательства Киева. Местные верхи, недавние коммунисты, которые после 1954 года привыкли иметь дело с украинской столицей, исключили законопроект из повестки. Их противникам, депутатам от Республиканского движения Крыма, которые активно выступали за референдум, просто не хватило голосов.

Лидер Республиканского движения Юрий Мешков, один из немногих оппонентов путча среди крымских депутатов, объявил в знак протеста голодовку. По его словам, разногласия в парламенте отражали борьбу коммунистов и демократов. Но в простые схемы крымская политика не укладывалась. Вскоре четыре журналистки – украинка, татарка и две русские – также начали голодовку, призывая остановить нагнетание ксенофобии на полуострове людьми Мешкова. В итоге верх одержал Кравчук: сепаратный референдум в Крымской АССР отменили. Одновременно с голосованием за кандидатуру президента избиратели отвечали лишь на один вопрос: одобряют ли они независимость Украины. Так Крым не стал украинской

Чечней, а Кравчук – вторым Ельциным. Украинский президент удержал трудный регион в повиновении политическими средствами[10].

Крыму, с его восстановленной в начале 1991 года автономией и особыми отношениями с Киевом, завидовали элиты Закарпатья. До Второй мировой войны этот регион принадлежал Чехословакии и теперь был не прочь повысить свой статус. Другими кандидатами на автономию могли стать Одесская область и Донбасс. Федерализм уже в период президентской кампании превратился в бранное слово, поэтому Черновол пообещал Одессе лишь свободную экономическую зону. Кравчук предложил другое: дать историческим землям – он насчитал их дюжину – широкие права в экономической сфере. Местным элитам пришлось удовлетвориться посулами Кравчука: ставить на Черновола они не собирались. Ходили слухи, что неудача первого на выборах могла бы обернуться попыткой отделения Юго-Востока.

Центробежные тенденции в некоторых регионах не были единственным подводным камнем, который Киев стремился миновать на пути к декабрьскому референдуму. Из-за них возникала угроза осложнения отношений с соседями по Советскому Союзу и бывшему “социалистическому лагерю”. В конце августа 1991 года заявление Павла Вощанова, пресс-секретаря Ельцина, показало: Россия ждет волеизъявления жителей Украины и, возможно, попытается завладеть Крымом, а то и некоторыми юго-восточными областями. Закарпатские венгры делали прозрачные намеки своим соплеменникам по ту сторону границы. Румынский национализм набирал силу в Северной Буковине, населенной преимущественно украинцами и в межвоенный период принадлежавшей Румынии. И если правительства Чехословакии и Венгрии не выдвигали Киеву территориальные претензии, то парламент Румынии изрядно потрепал нервы украинскому руководству.

Накануне референдума 1 декабря румынские депутаты призвали считать его результаты недействительными в Черновицкой области и в Южной Бессарабии – по их мнению, исконно румынских землях. Министр иностранных дел Украины Анатолий Зленко узнал об этом по пути в Бухарест, куда впервые ехал с официальным визитом. Он отменил визит и вышел из поезда ночью недалеко от границы. Министр иностранных дел Румынии напрасно ждал его следующим утром на вокзале. Украинцы болезненно относились к вопросу территориальной целостности страны. Впрочем, у них не было выбора: западные области Украины до Второй мировой войны входили в состав Польши, Румынии и Чехословакии[11].

Территориальные претензии соседей вроде России и Румынии, центробежные тенденции имели прямое отношение к положению этнических меньшинств. Русские были самым крупным из меньшинств (более одиннадцати миллионов человек) и жили главным образом на Юго-Востоке и в Крыму. Кравчук и другие кандидаты, навещая эти регионы, старались дать ответ на вопросы, беспокоившие русских. Сводились эти ответы к одному: на Украине русским будет жить комфортнее, чем в России. Нередко так оно и

было. Близость восточнославянских языков и привычка украинцев в городах Юго-Востока говорить в обществе по-русски превратили этнические различия в условность. У русских не было причин с тревогой ждать 1 декабря. Семьи многих из них укоренились на Украине давно. Немало было и смешанных браков. Государственная независимость русскими воспринималась без враждебности, а убедить их в ее преимуществах оказалось не так уж трудно.

Русские на Украине видели, что Советский Союз рушится. Их, как и большинство сограждан, тянуло испробовать другую жизнь. Марта Дычок, аспирантка Оксфорда, которая работала в украинских архивах и заодно писала для "Гардиан", стремилась передать в репортажах настроения людей. Итоги она подвела так: "Когда мы говорили с людьми до путча и после, жажда нового была очень и очень сильной. Она проходила красной нитью в каждой беседе. 'Хватит балагана, хватит коррупции, хватит этого всего. Мы хотим чего-то другого'. А переменой, которую им предлагали, была независимость Украины"[12].

Кравчук, обращаясь к избирателям, не делал упор на этнокультурный национализм, а призывал к экономической самостоятельности. Он играл на укорененном в массовом сознании мифе об Украине как житнице Европы, аграрной сверхдержаве, которая кормит Россию и другие союзные республики. Газеты перепечатывали статью о том, что эксперты "Дойчебанка" якобы сочли Украину самой богатой и перспективной частью Союза. Уровень жизни в УССР, как правило, служил предметом зависти российской глубинки, а рынок сельскохозяйственной продукции осенью 1991 года имел показатели намного лучшие, чем российский. Власти смогли довольно легко убедить украинцев, независимо от их происхождения, выбрать не только свободу, но и достаток.

В ноябре сомнения в том, что выход из-под опеки Москвы неизбежен, ушли: Государственный банк СССР остановил перечисление средств на Украину и лишил многие учреждения и предприятия возможности платить зарплаты и пенсии. Речь Ельцина о реформах в экономике пошатнула российский рынок и вызвала скачок цен. Магазины союзной столицы опустели. Москвичи ринулись в железнодорожные кассы: на юге еды хватало. В ответ тамошние украинцы и русские, у которых опустели не полки, а кошельки, забыли о "дружбе народов" и встали на защиту своих магазинов и низких цен. Они патрулировали вокзалы и не давали приезжим выйти в город. В Днепропетровске и других промышленных центрах Юго-Востока Украины стычки происходили едва ли не каждый день. Единственным выходом из хаоса казалась независимость. А вот перспектива оказаться в меньшинстве русских не беспокоила[13].

Третьим по величине этносом Украины оказались евреи (до полумиллиона человек). В послевоенном СССР евреи находились в числе дискриминируемых по национальному признаку, и украинская власть желала показать, насколько она теперь толерантна. В октябре 1991 года, когда национал-демократы теснили на всех фронтах коммунистов, правительство

содействовало тому, чтобы в Бабьем Яру впервые официально почтили память казненных осенью 1941 года.

На церемонию пришли десятки тысяч евреев, которым прежде запрещали открыто оплакивать родных и близких, да и вообще заявлять о том, что они евреи. Не меньше оказалось и тех, кому впервые позволили высказаться о недопустимости ограничения прав сограждан из-за их этнической принадлежности.

Представителем Горбачева на поминальной церемонии стал Александр Яковлев, “крестный отец перестройки”. Джордж Буш отправил по этому случаю в Киев представительную делегацию во главе со своим братом Джонатаном. Кравчук встретился с американцами, а после произнес речь о необходимости уважения прав человека – в том числе права быть иным. “Дорогие друзья! – обратился Кравчук к аудитории, которая объединила представителей многих этносов и конфессий. – История отношений украинского и еврейского народов сложна и драматична. В ней есть темные и светлые страницы. Никто из нас не имеет права ничего забывать. Но помнить мы должны не для того, чтобы бередить старые раны, а чтобы не допустить ничего подобного в будущем. Давайте же помнить прежде всего то, что нас объединяет, а не противоречия между нашими народами”. Детство Кравчука прошло на Волыни, так что о массовых убийствах евреев с участием набранной из украинцев полиции он хорошо знал. Президент принес евреям извинения от лица своего народа и закончил речь словами на идише[14].

Первого ноября Верховная Рада приняла Декларацию прав национальностей Украины. К 16 ноября тысячи делегатов съехались в Одессу на Всеукраинский межнациональный конгресс, организованный парламентом совместно с “Рухом”. Резолюцию о поддержке независимости Украины утвердили при всего лишь трех голосах против. Корреспондент “Лос-Анджелес таймс” с удивлением наблюдал хасида и одетого казаком украинца (даже с саблей на боку), мирно слушавших речи. Прогресс по сравнению с эпохой Украинской Народной Республики был налицо. В январе 1918 года еврейские делегаты Центральной Рады, двумя месяцами ранее поддержавшие автономию, проголосовали против независимости. За этим последовали раскол в демократических кругах, гражданская война, погромы и массовые убийства. Теперь же предпочтение отдавали поиску пути общего преодоления трудностей. В ноябре 1991 года 60 % евреев поддерживало суверенитет Украины – чуть больше, чем русских (58,9 %)[15].

Двадцатого ноября Кравчук получил возможность обратиться к Всеукраинскому межрелигиозному форуму. Недавний, по его словам, главный атеист Украины (идеологический отдел ЦК под его руководством надзирал и за конфессиями) просил у иерархов прощения от лица не распавшейся уже компартии, а государства, которое он теперь представлял. Коммунистическо-атеистическая идеология рушилась, число верующих и вес пастырей в обществе стремительно возрастали. На Украине, в этом Библейском поясе СССР, располагались две трети православных приходов и проживала большая часть протестантов. Перестройка и гласность превратили

страну в поле боя за души. Кравчук призвал форум с уважением относиться ко всем вероисповеданиям и поставить на первое место самоопределение Украины. Он убеждал религиозных лидеров добиваться свободы совести для своей паствы, не задевая чужую. В тот же день главы шестнадцати религиозных организаций Украины заверили правительство в поддержке новой политики. За полторы недели до референдума о независимости такой жест значил немало[16].

Головной болью Кравчука были и три военных округа СССР на территории Украины. Он понял, насколько страна беззащитна, когда в первый день путча в Верховную Раду пожаловал генерал Валентин Варенников. После путча украинские власти немедленно переподчинили себе штат МВД и занялись формированием национальной гвардии. Однако ее едва ли хватило бы для защиты. Москва считала Украину вторым эшелоном обороны (первым служили страны Варшавского договора) на случай мировой войны и держала там семьсот тысяч военнослужащих.

Двадцать седьмого августа, три дня спустя после провозглашения независимости, Кравчук пригласил к себе командующих дислоцированными на Украине армейскими соединениями. Он хотел понемногу приучить их к новой политической реальности и повести дело к созданию украинской армии. Генералы не верили, что декларация Верховной Рады хоть сколько-нибудь скажется на них. Имея поддержку Москвы, они твердили, что Вооруженные Силы СССР должны остаться под единым командованием. Из прибывших на совещание военачальников на призыв Кравчука провести военную реформу откликнулся лишь один генерал-майор Константин Морозов, сорокасемилетний командующий 17-й воздушной армией. Убежденный сторонник демократии, он единственный из присутствовавших на встрече не выполнил приказ ГКЧП поднять подчиненных по тревоге. Теперь он стал единственным, кто высказался за формирование на Украине собственной армии. Он рисковал не только карьерой, но и постом в Киевском военном округе.

Как и его бывший подчиненный, генерал-майор Джохар Дудаев, который весной 1991 года возглавил движение за отделение Чечни от России, Морозов порвал с Кремлем. Теперь его жизнь и карьера были связаны с Украиной. Неудивительно, что 3 сентября Верховная Рада подавляющим большинством голосов назначила его министром обороны. Он считал, что стране стоит избавиться от ядерного оружия, пожертвовав третьим в мире арсеналом, однако возражал против передачи его России, отдавая предпочтение демонтажу на месте.

На заседании парламента остатки сомнений у депутатов развеял диалог с Дмитрием Павлычко. (Тот руководил не только комитетом Верховной Рады по иностранным делам, но и Обществом украинского языка им. Шевченко.) Морозов выступал по-русски, но на вопрос, овладеет ли он, если придется, и украинским языком, дал утвердительный ответ. Генерал заверил, что готов работать над собой, если окружающие ему помогут, и покорил национал-

демократов. До заседания они колебались: разумно ли доверять оборону страны, еще не вставшей на ноги, генералу с русской фамилией.

На самом деле мать Морозова была украинкой, да и сам он родился на Украине, пусть и в самом восточном ее уголке. Вокруг него почти все говорили по-русски или на суржике. Литературный украинский он изучал лишь в школе и за тридцать с лишним лет службы основательно его забыл. Назначение Морозова в Киев командующим воздушной армией стало грубым просчетом союзного Генштаба: по неписаному закону, офицеров из этнических украинцев не допускали к занятию высших командных постов в УССР. Это правило распространялось и на другие народы. Дудаев служил под началом Морозова на Украине, но не имел права на такой же пост у себя на родине. Да и погоны генерал-майора будущему чеченскому лидеру дали не без сомнений. Узнав о повышении, Дудаев пустился танцевать лезгинку – и за это его обвинили в национализме.

Морозов избежал дискриминации, поскольку по документам считался русским. Осенью 1991 года, когда он высказался в поддержку независимости Украины, московское начальство – в том числе маршал Евгений Шапошников, министр обороны СССР и его старый покровитель – не поверило своим ушам. Шапошников дважды выпытывал у Морозова: не лжет ли, что он украинец. Морозов отшучивался, что в его личное дело вкралась ошибка. Позднее он вспоминал, что для руководства “наполовину русский” значило “русский”. Этот случай наглядно показывает, как запутаны русско-украинские отношения и до какой степени русификация размыла границу между культурами. В советское время дети из смешанных семей – такие, как Морозов – имели право выбирать, каким будет их “пятый пункт”. Многие уроженцы Украины, которые там воспитывались, считали ее своей родиной, но предпочитали записываться русскими. Так поступил и Морозов[17].

К кому себя отнести, на каком языке говорить и кому служить – вот три проблемы новых Вооруженных Сил, формирование которых доверили Морозову. Насколько важно знание иностранных языков, он понял в октябре 1991 года, когда встретился со Збигневом Бжезинским. Бывший советник Джимми Картера по национальной безопасности приехал в Киев накануне принятия Верховной Радой декларации о безъядерном статусе Украины. После официальной беседы американец предложил министру разговор наедине. Морозов согласился, хотя и недоумевал: он не владеет английским, а Бжезинский – русским. Но Бжезинский, поляк по происхождению, перешел на родной язык – а Морозов отвечал по-украински. Они вполне понимали друг друга. Бжезинский осведомился и о том, каким языком предполагают пользоваться в новой армии: русским или украинским? Министр признал, что освоить государственный язык будет трудно, но необходимо. Гостю его слова понравились: “Приказ выступить на защиту государства следует отдавать на государственном языке”[18].

Пока, однако, с языком следовало подождать – не потому, что сам министр еще брал уроки украинского, а потому, что подход новой власти к комплектованию армии не предусматривал и даже исключал резкие

перемены. Другое дело, если бы Украина, по примеру прибалтийских стран, настояла на выводе советских войск со своей территории и создала Вооруженные Силы с нуля. Кравчук и Морозов понимали, что этот вариант даже не стоит рассматривать всерьез. Семьсот тысяч военнослужащих просто некуда девать. У России впереди были долгие годы мучительного возвращения войск из Восточной Европы. Киев мог лишь взять на себя командование теми частями, которые ему достались, и постепенно их украинизировать.

С рядовыми вышло довольно легко – местная молодежь заменила призывников из других республик. Не представлял проблемы и младший командный состав, состоявший сплошь из украинцев. Зато офицерский корпус набирали со всех уголков Союза, отбросив советский метод отбраковки по этническому признаку. Не меньший вес имели место рождения, родственные и прочие связи с Украиной. Много значило и то, выказывает ли офицер желание служить Украине. Если он устраивал начальство, незнание языка помехой не становилось: Кравчук надеялся выплавить из пестрого населения политическую нацию, Морозов выбирал своих офицеров по тому же принципу.

Ядерное оружие оказалось еще одним барьером на пути к независимости. Сначала ни Морозов, ни политическое руководство Украины вопрос о выведении ракетных войск стратегического назначения (РВСН) из союзного подчинения не поднимали. Задуматься об этом Морозова заставил разговор с Генри Киссинджером. Бывший советник по национальной безопасности и госсекретарь в правительстве Никсона и Форда, казалось, дремал – но это лишь казалось. Когда Киссинджер осведомился, куда Украина денет ядерные ракеты и стратегические бомбардировщики, Морозов ответил: все это останется под контролем Москвы. Киссинджер, с той же сонной миной, поинтересовался: “И какая же тогда у вас независимость?” Украина не могла присвоить часть советского ядерного арсенала, не рискуя получить клеймо страны-изгоя. Однако если правительство всерьез хотело уйти из-под опеки Кремля, тому нельзя было позволить держать на Украине крупные войсковые соединения. Морозов решил вывести РВСН в Россию: лучше вовсе от них отказаться, чем оставить у себя троянского коня.

Осенью 1991 года планы Морозова по формированию украинской армии казались почти несбыточными. Союзные власти не позволяли Киеву переподчинить расквартированные на Украине части, Морозову же предлагали остаться командующим воздушной армией, по-прежнему выполнять приказы советского Генштаба, а в правительстве Украины работать на общественных началах. По его воспоминаниям, слов “министр обороны” при этом тщательно избегали. Морозов просил о переводе из Москвы нескольких генштабистов родом с Украины, которые вызвались помочь сформировать армию. Уехать им позволили, но их отношения с прежними коллегами заметно испортились.

Морозов разместился в центре Киева, в здании, откуда недавно выехали партийные чиновники. Работа министерства шла тяжело – сказывались

неполнота штата и нехватка денег. С подчиненными в регионах Морозов контактировал главным образом по телефону (украинцы из Северной Америки вдобавок подарили пару факсов) и ездил сначала на своем старом служебном автомобиле. Информация о том, что происходит в частях, добывалась только благодаря добровольным помощникам украинской власти – кое-где тем приходилось попросту шпионить за сослуживцами. Самого Морозова командующие военными округами едва терпели, тем более что они были старше его по званию.

В ноябре прошел слух, что генерал-полковник Виктор Чечеватов, возглавлявший Киевский военный округ, отдал приказ арестовать Морозова. (Чечеватов сопровождал Варенникова, когда тот явился к Кравчуку во время путча.) Просочились известия, что Горбачев велел устроить на Украине маневры 28 ноября – практически накануне референдума. Морозов едва ли мог повлиять на войска, расположенные на территории государства, которое назначило его министром обороны[19].

Воскресным утром 1 декабря Кравчук на избирательном участке опустил бюллетень в урну под объективами десятков фотокамер: украинские и зарубежные репортеры фиксировали исторический момент. Подобно многим согражданам, голосовать Леонид Макарович пошел с утра. Первые сводки обнадеживали: явка была высокой.

Особенно рано управились с бюллетенями жители провинции. В Хотове, южнее Киева, к десяти часам проголосовало примерно три четверти внесенных в списки избирателей. Женщина, которая рассказала об этом западным журналистам, разрыдалась: ее переполняла гордость за односельчан. Она не допускала сомнений в том, что все в Хотове высказались за независимость. В столице, как и в глубинке, многие отправлялись на участки целыми семьями. Они спорили на улице, каким будет результат и во что все это выльется. Украинцев, приехавших из США и Канады помочь в организации судьбоносного референдума, растрогало происходящее. Христина Лапычак из “Юкрейниан уикли” выразила общие чувства, признавшись корреспонденту “Ассошиэйтед пресс”: “Мне в тот день казалось, что там повсюду призраки – души людей, которым не повезло дожить до голосования. Там были все наши предки, все, кто страдал, кто грезил о свободе хотя бы для внуков. Мы стали этими внуками”[20].

Украинский министр охраны окружающей среды Юрий Щербак (это он зачитал с трибуны Верховного Совета СССР Акт провозглашения независимости) позднее вспоминал, что вокруг этой цели – независимости – сплотились разные слои общества и политические течения. Но у каждого на уме было свое. Национал-демократы во главу угла ставили суверенитет и форсированную украинизацию. Недавние аппаратчики, уходя от кремлевской опеки, обеспечивали себе и своим близким безопасную и сытую жизнь. Простые украинцы, убежденные в том, что их родина – самая богатая часть Советского Союза, хотели дистанцироваться от голодной и непредсказуемой России. Готовность Белого дома признать независимость Украины еще до

голосования, благодаря настойчивости диаспоры, приободрила Кравчука и его окружение. Декларация независимости на глазах превращалась в констатацию факта[21].

Итоги референдума далеко превзошли все ожидания: 1 декабря на участки явилось 84 % избирателей, и более 90 % проголосовало за независимость. Не приходило такое в голову и Кравчуку. Когда он предсказывал благоприятный исход и не менее 80 % голосов “за”, Горбачев счел его мечтателем. Степан Хмара, бывший политзаключенный и депутат Верховной Рады, уверял, что будет не 80 %, а более 90 %, и слышал в ответ: “Вы рехнулись!” Однако Хмара оказался прав: за независимость высказалось 90,32 % пришедших на участки.

Сбылись и прогнозы социологов: единогласно сказала “да” Галиция (прежде всего Тернопольская область), где явка превысила 97 %, а отданных в поддержку декларации голосов чуть-чуть не хватило до 99 %. В Винницкой области “за” высказалось более 95 %. Не столь монолитным, но все же проукраинским оказался Юго-Восток. Результат в Одесской области – выше 85 %, а в самой восточной области, Луганской (большую ее часть занимает Донбасс), – около 84 %.

Столько же голосов “за” подала Донецкая область. В проблемном Крыму украинскую независимость поддержало более 54 %, а в Севастополе – даже 57 %.

Кравчук получил первые сведения о результатах очень скоро – около двух часов ночи 2 декабря. Исчезли последние сомнения: агитация за выход Украины из Советского Союза, которую он вел вместе с другими кандидатами в президенты, дала возможность создать новое государство, а одному из кандидатов – его возглавить. Верно предсказали социологи и результат выборов. Кравчук оказался на первом месте во всех областях, кроме галицких: там победил Черновол. В целом Кравчук набрал 61 % голосов, Черновол – 23 %. Первый пришелся особенно по душе жителям Луганской области – более 76 %. В Крыму за Кравчука было подано 56 % голосов, за Черновола – 8 %. Горбачев зря пугал Украину: страну не разорвали ни межэтнические конфликты, ни сепаратизм. Утром 2 декабря, когда Кравчук позвонил советскому президенту, глава СССР не поверил своим ушам. Он поздравил теперь уже коллегу с победой – но лишь личной – и не упомянул в разговоре референдум[22].

На следующий день Михаил Сергеевич порвал черновик воззвания к гражданам Украины, подготовленный Шахназаровым. Советник президента уже отказался от затеи разыграть этническую карту, чтобы не дать непокорной республике встать на ноги, – и горячо одобрял взгляды Бориса Николаевича. В окружении Ельцина к этому времени смирились с неизбежным и были готовы признать независимость Украины. Поэтому Шахназаров включил в черновик поздравление украинцев “с историческим выбором”. Тем не менее Горбачев велел другому своему помощнику, Анатолию Черняеву, подготовить новый текст, где среди прочего должно было прозвучать: “Независимость у всех, но не все ее превращают в оружие

против Союза… Украинцев ждет беда – и тех, кто там живет, и кто разбросан по стране… Русских – тем более”. Черняев распоряжение выполнил. Еще день спустя Горбачев опубликовал обращение к верховным советам союзных республик. “Право на отказ от Союза есть у каждого из вас, – увещевал он депутатов. – Но оно требует от народных избранников учитывать все последствия”. Президент СССР подчеркивал опасность межэтнических столкновений и войн.

Вечером 2 декабря Горбачев позвонил Ельцину (при разговоре присутствовал Черняев) и предложил встретиться и обсудить обстановку, пригласив, может быть, и Кравчука с Назарбаевым. Президент России ответил: “Все равно ничего не выйдет. Украина независима” и предложил союз четырех республик – России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Горбачев отказал, не раздумывая: “А мне где там место? Если так, я ухожу. Не буду болтаться, как говно в проруби”. Если Михаил Сергеевич не мог пойти на такой вариант союза, который поставил бы его в зависимость от Ельцина и низвел до статиста, то Борис Николаевич не согласился бы оставить Горбачеву право приказывать[23].

Третьего декабря Джордж Буш велел помощникам связать его с Кравчуком: он хотел поздравить теперь уже президента страны, которая только что получила свободу, с победой на выборах и с удивительно единодушным стремлением граждан к независимости. Он сказал Кравчуку, что Америка приветствует появление на карте мира нового демократического государства и хотела бы направить посланника для обсуждения таких вопросов, как ядерное разоружение, демаркация границ, соблюдение прав человека. Кравчук порадовал американца: Ельцин уже сообщил о признании Россией независимости Украины и договорился о встрече с Кравчуком в следующую субботу, 7 декабря, для обсуждения ситуации и согласования политического курса[24].

Глава 15
Славянская троица

О том, что Борис Ельцин и Леонид Кравчук условились о встрече, Джордж Буш узнал от Ельцина накануне украинского референдума. Российский президент ошарашил американского: ради сохранения дружеских отношений с соседом России стоило без проволочек признать независимость Украины – если наберется больше 70 % голосов “за”.

– Без проволочек? – переспросил Буш.

– Да, немедленно. В ином случае наша позиция окажется двусмысленной, особенно потому, что приближаются Новый год и реформа. Горбачев не в курсе. Он до сих пор думает, что Украина подпишет [Союзный договор].

Сам Ельцин придерживался иного мнения: “Пока черновой вариант Союзного договора готовы подписать только семь государств – пять мусульманских и два восточнославянских (Белоруссия и Россия)”. Ельцин объяснил, в какое затруднительное положение попадет его страна, если Украина откажется от участия в Союзе: “Мы не можем допустить расклад,

когда у двух славянских государств будет два голоса, а у мусульманских – пять”. Президент России признался:

– Я с очень узким кругом советников ломаю голову над тем, как и Союз сберечь, и не испортить отношения с Украиной. Наши связи с Украиной важнее, чем с республиками Средней Азии, которые мы только и делаем, что кормим. С другой стороны, нельзя забывать об исламском фундаментализме.

Хотя Ельцин не верил в будущее Союзного договора, предложенного президентом СССР, он с оптимизмом смотрел на перспективы российско-украинского сотрудничества: “Я думаю, президент Украины откажется от переговоров с Горбачевым, а вот с Россией вести дела он станет”.

Так Ельцин изложил в деталях свою позицию на предстоящей встрече с главой Украины. Президента России не тянуло в обновленный Советский Союз без Украины, но представить себе, что та не примет участия ни в каком объединении вместе с Россией, он не мог. Потому-то Ельцин желал диалога с Украиной вне рамок, установленных Горбачевым. Его двойственную позицию по отношению к среднеазиатским республикам объясняло стремление урезать им субсидии, при этом в той или иной форме сохранив влияние на них. Ельцин попросил Буша не раскрывать никому содержание их беседы – имея в виду Горбачева. Американец пообещал[1].

Россия уже не грозила Украине отторжением территорий, как в конце августа 1991 года. Напротив, она дерзко приветствовала самоопределение Украины и склоняла соседа к заключению некоего договора втайне от руководства Советского Союза. Не могло быть сомнений, что Ельцин обратит в прах планы Горбачева перестроить СССР на обновленном фундаменте. С другой стороны, каким окажется новое объединение России и Украины, можно было только гадать: на каких условиях его образуют, окажется ли Россия способна предложить украинским элитам нечто такое, чего не смогла им дать Москва и не принесла бы фактическая самостоятельность? А если лидеры двух стран достигнут соглашения, примкнут ли к нему республики СССР с преобладанием мусульманского населения? Никто, включая Ельцина, не знал ответ.

Борис Николаевич велел опубликовать его заявление о признании независимости Украины 2 декабря, когда стали известны предварительные итоги референдума. (Россию опередили Польша и Канада.) Ельцин хотел, чтобы Кравчук имел дело с ним, а не с Горбачевым, поскольку российскому президенту требовалось уладить разногласия с Украиной, прежде чем взяться за радикальные реформы в собственной стране. Ельцину необходимо было встретиться с украинским коллегой подальше от Кремля – и через несколько дней после голосования на Украине им такая возможность представилась. Удобным предлогом послужило посещение Ельциным Белоруссии, о котором с председателем Верховного Совета республики Станиславом Шушкевичем они договорились в промежутке между заседаниями Государственного Совета в Ново-Огарево. Изначально визит запланировали на 29 ноября, но потом отложили, ожидая новостей из Киева. Теперь поездку перенесли на 7 декабря. Вместе с референдумом 1 декабря встреча глав трех

республик стала наиболее значимым событием из определивших судьбу Советского Союза[2].

Утром 7 декабря, в субботу, Ельцин прибыл в Минск во главе делегации. Сопровождали его, кроме прочих, второй в иерархии РСФСР чиновник – госсекретарь Геннадий Бурбулис, а также зампредседателя правительства по вопросам экономической политики (то есть ответственный за реформы в экономике) Егор Гайдар, министр иностранных дел Андрей Козырев и государственный советник по правовой политике Сергей Шахрай. Сорокашестилетний Бурбулис был старшим в свите Ельцина. Самым молодым, Гайдару и Шахраю, исполнилось лишь тридцать пять лет. Формальной целью поездки считалось подписание соглашений между двумя республиками – главным образом о поставках российских нефти и газа. Тем не менее Ельцин, выступая в белорусском парламенте, поведал, что посещение Минска – лишь первый этап визита и что в его намерения входит не только содействие нарождающимся российско-белорусским контактам: “Руководители славянских республик будут обсуждать четыре или пять вариантов Союзного договора. Встреча трех руководителей государств, возможно, станет исторической”[3].

Один из вариантов предложил российский министр иностранных дел в четырехстраничной записке на имя Ельцина. Козырев составил документ в спешке, опуская детали, и проект мог послужить лишь основой для выработки политического курса. Вечером перед отъездом в белорусскую столицу Козырев встретился в московской гостинице “Савой” с Алленом Вайнстайном. Во время путча Козырев поддерживал контакты в первую очередь с Вайнстайном. Теперь Вайнстайн, бывший профессор Бостонского университета, отвечал на расспросы приятеля о том, чем различаются федерация, ассоциация и содружество. В тот же день, 6 декабря, участвуя в переговорах с премьер-министром Венгрии Йожефом Анталлом, российский госсекретарь Геннадий Бурбулис набросал две схемы переустройства Советского Союза. Одна предполагала мягкую конфедеративную конструкцию из всех бывших республик, кроме прибалтийских; вторая – объединение России, Украины, Белоруссии и, может быть, Казахстана[4].

Об идее восточнославянского союза первым громко заявил Александр Солженицын. Бывшего узника сталинских лагерей и писателя (роман “Архипелаг ГУЛАГ” прославил автора на Западе, принес ему Нобелевскую премию по литературе, а в СССР попал под запрет) изгнали с родины в 1974 году. В предпоследний год существования Советского Союза, живя в штате Вермонт, Солженицын сочинил трактат “Как нам обустроить Россию?” (с вопросительным знаком). Открывается он следующим пассажем: “Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами”. Здесь Солженицын показал себя старомодным империалистом и изобразил великороссов, украинцев и белорусов подореволюционному, тремя ветвями единой нации. Он предлагал этому широко понимаемому народу сбросить

бремя чрезмерно обширной империи и создать Российский Союз из России, Украины, Белоруссии и севера Казахстана (“южной Сибири и южного Приуралья”), заселенного в то время преимущественно славянами[5].

В сентябре 1990 года это произведение напечатали одновременно “Комсомольская правда”, в СССР по тиражу превосходившая все периодические издания, и “Литературная газета”. “Как нам обустроить Россию” (по ошибке без вопросительного знака) широко обсуждали, а несколько месяцев спустя идея писателя-диссидента получила шанс: руководители трех восточнославянских республик и Казахстана направили Горбачеву меморандум, где предлагалось образовать объединение суверенных государств, к которому смогли бы присоединиться другие республики СССР. Горбачев зарубил проект, а после стрельбы в Прибалтике превратился в заложника “ястребов”. Тем не менее в марте 1991 года Ельцин, Кравчук и лидеры Белоруссии начали обсуждать создание восточнославянского союза. Их консультации приостановились только после расхождения Горбачева с “ястребами” и внезапного призыва к руководителям республик поддержать новый Союзный договор.

Ельцин попытался склонить президента СССР к замыслу славянского союза, как только узнал итоги украинского референдума, но Горбачев не желал ничего слышать – он рассчитывал, что его проект обновленного союза осуществится благодаря среднеазиатским республикам и что это позволит ему удержаться у власти. Правительство же России беспокоили в первую очередь намерения Киева. Бурбулис позднее рассказывал в интервью: “После 1 декабря мы начали переписываться-перезваниваться со всей этой украинской вольницей, мы быстро почувствовали, что надо скорее собираться, потому что самый ключевой вопрос – это как быть с находящейся в эйфории Украиной”[6].

Кравчук вылетел в Минск с небольшой группой советников 7 декабря – в тот же день, когда в Белоруссию прибыл Ельцин. Утром Кравчук успел пообщаться с посланником президента Соединенных Штатов, помощником госсекретаря Томасом Найлсом. Президент Украины рассказал, что повезет в Минск целый ряд предложений и надеется, что итогом визита станет заключение двусторонних соглашений с Россией и Белоруссией, возможно даже – первые шаги к образованию содружества, подобного ЕЭС. Судя по мемуарам президента Украины, руководство его страны в то время добивалось одного: превратить статус независимого государства в политическую реальность. Для этого, однако, Украине необходимо было поддерживать добрососедские отношения с Россией. Итоги референдума оставались главным козырем Кравчука в предстоящей игре с Ельциным. “Принципиальное отличие этой встречи от предыдущих, – вспоминал Кравчук, – заключалось в том, что на нее я приехал, вооруженный результатами всеукраинского волеизъявления. Более того, уже в статусе президента”[7].

Кравчука сопровождал, кроме прочих, премьер-министр Витольд Фокин, пятидесятидевятилетний горный инженер из Восточной Украины. Подобно Ивану Силаеву, тогда уже бывшему главе правительства РСФСР, Фокин был порождением аппарата плановой экономики. Хотя он и приветствовал движение Украины к экономической самостоятельности, с каждым месяцем все более заметной, его беспокоило распадение единого народно-хозяйственного пространства Советского Союза. Национал-демократов в делегации представляли два депутата Верховной Рады: Михаил Голубец, ученый-эколог, специалист по лесоводству, и Владимир Крыжановский, инженер-строитель, прорвавшийся в политику благодаря первым свободным выборам весной 1990 года. В парламенте они присоединились к "Народной раде", которая до путча составляла оппозицию Кравчуку и его опоре – коммунистическому большинству.

В Минске украинцев встретил председатель белорусского Верховного Совета Станислав Шушкевич. У Голубца остались самые лучшие воспоминания: "В помещении аэропорта нам устроили теплый прием. Председатель Верховного Совета Белоруссии, профессор физики Станислав Шушкевич – чрезвычайно милый человек, прекрасный дипломат и мудрый руководитель государства". Голубец явно почувствовал родственную душу. Путь к восхождению на вершину власти тому открыла перестройка, окончательно же – провал путча. Шушкевич, родившийся в Минске в 1934 году, посвятил себя науке (он занимался радиоэлектроникой) и преподаванию и уже в тридцать шесть лет получил степень доктора физико-математических наук. В 1986 году он занял должность проректора Белорусского государственного университета, своей альма-матер.

В годы перестройки карьера Шушкевича пошла в гору. В 1989 году он стал народным депутатом СССР и примкнул к Межрегиональной депутатской группе. Это объединение демократической оппозиции возглавляли академик Андрей Сахаров (создатель водородной бомбы и один из известнейших диссидентов), историк Юрий Афанасьев (аппаратчик, превратившийся в непримиримого критика коммунистического режима), а также Гавриил Попов и Анатолий Собчак, которые позднее одержат победу на выборах градоначальников Москвы и Санкт-Петербурга. В 1990 году Шушкевича избрали еще и в Верховный Совет Белорусской ССР, и он стал первым заместителем председателя. В августе 1991 года Шушкевич выступил против путчистов и подписал заявление с осуждением их действий. В сентябре, когда консерваторы утратили свои позиции в парламенте республики, его избрали уже председателем – фактически главой нарождающегося государства[8].

Белоруссия славилась, среди прочего, предприятиями по производству электроники для военно-промышленного комплекса. Уровень жизни в республике считался по советским меркам высоким, в том числе благодаря развитому молочному животноводству: население исправно получало молоко, масло и сыр и в те годы, когда в других уголках империи эти товары появлялись на полках не часто. Но 26 апреля 1986 года идиллию нарушил

взрыв реактора на Чернобыльской АЭС на севере Украинской ССР, почти у границы. В первые дни около 70 % радиоактивных выбросов отнесло ветром на север. Хотя загрязнению подверглась пятая часть пахотных земель Белоруссии, республика осталась способна прокормить себя. При этом энергетическая сфера находилась в зависимости от России и других республик, и руководство Белоруссии воспользовалось визитом Ельцина прежде всего для того, чтобы получить гарантии поставок нефти и газа[9].

Днем 7 декабря Шушкевич объяснил Кравчуку, что руководство Белоруссии заинтересовано в опубликовании совместного заявления со следующими тезисами: Горбачев утрачивает контроль над ситуацией; подготовка нового Союзного договора зашла в тупик; положение в политической и экономической сферах ухудшается. Шушкевич уже обсудил эту идею с прибывшим утром Ельциным. Кравчук бесстрастно выслушал собеседника и ответил, что ему, президенту Украины, ради такого прилетать не стоило. Шушкевич растерялся. Тогда он сказал Кравчуку, что российский коллега составит им компанию позднее – в Вискулях[10].

Озадаченный Кравчук спросил, причем здесь Вискули. Шушкевич ответил, что было бы прекрасно отдохнуть от государственных дел и от назойливых журналистов. Вискули – одна из охотничьих резиденций советских вождей, построенных в правление Никиты Хрущева – находятся в Беловежской пуще, в восьми километрах от польской границы. До Первой мировой войны эта местность принадлежала Российской империи и входила в состав Гродненской губернии; впоследствии ею два десятилетия владела Польша. После заключения пакта Молотова – Риббентропа (1939) пуща досталась Советскому Союзу. Во время Второй мировой войны в Беловежских лесах шла партизанская война и укрывались евреи из соседних районов[11].

В 1957 году по приказу Москвы в пуще учредили заповедно-охотничье хозяйство. В том же году Хрущев впервые наведался туда. Местные жители запомнили его как великолепного стрелка, уступавшего лишь венгерскому вождю Яношу Кадару. Тянуло в Вискули и преемника Хрущева Леонида Брежнева. Выше всего в беловежском сафари ценился зубр. Его мало кому удавалось подстрелить, так что охотники довольствовались кабанами и, конечно, не упускали случая выпить зубровки. В июне 1991 года Беловежскую пущу предложили Горбачеву для встречи с германским канцлером Гельмутом Колем, но тогда главы государств предпочли Киев. В декабре же восточнославянский саммит должен был пройти в Вискулях, и белорусская сторона позаботилась, чтобы зубровки хватило на всех[12].

По прибытии в Беловежскую пущу украинская делегация отправилась на охоту, не дожидаясь Ельцина. Эта “строптивость” не укрылась от Александра Коржакова. Позднее начальник охраны российского президента отозвался о руководителях Украины и Белоруссии так: “Леонид Кравчук… всегда стремился продемонстрировать ‘незалежное’ поведение, выпятить собственную независимость. Зато Станислав Шушкевич на правах хозяина принимал гостей подчеркнуто доброжелательно”. Шушкевич изо всех сил

пытался сгладить раздражение от “жеста доброй воли” Ельцина – подарка, преподнесенного белорусскому Верховному Совету. Это была грамота середины XVII века, в которой царь Алексей Михайлович обещал городу Орше свое покровительство. В документе, который показался Ельцину и его свите достойным подражания примером дружбы восточнославянских народов, демократическая оппозиция в Минске увидела свидетельство живучести империализма. Депутаты ответили Ельцину криками “Ганьба!” (“Позор!”); Борис Николаевич растерялся и потом винил в этом конфузе приближенных[13].

На пути в Вискули Ельцина сопровождал глава правительства Белоруссии Вячеслав Кебич. В правящем тандеме, который образовали председатель Верховного Совета и председатель Совета Министров, власти у последнего было несколько больше. Подобно Кравчуку, пятидесятипятилетний выходец из номенклатуры родился в межвоенной Речи Посполитой, однако его карьера напоминала скорее ельцинскую, поскольку связана была с управлением, а не с идеологией. Кебич занимал руководящие должности в машиностроительной промышленности, стал гендиректором Минского производственного объединения по выпуску станков, а затем – вторым секретарем Минского комитета Коммунистической партии Белоруссии. В начале перестройки его повысили до зампредседателя Совета Министров БССР, а в 1990 году он возглавил правительство. Кебичу прочили пост председателя Верховного Совета в сентябре 1991 года, но осмелевшие после провала путча депутаты не приняли его кандидатуру. Кебичу ничего не оставалось, как на время уступить первое кресло Шушкевичу. При этом Кебичу подчинялись министры – бывшие директора заводов и фабрик, недавние аппаратчики. Он надеялся на скорое учреждение поста президента, подобно тому, как это произошло летом 1991 года в России и 1 декабря – на Украине[14].

Саммит начался вечером 7 декабря 1991 года с совместного ужина трех делегаций. Ельцин опаздывал, и голодным гостям пришлось его дожидаться. Когда президент России наконец явился, его усадили напротив Кравчука. Между ними как будто протянулась силовая линия, которая отвела лидерам Белоруссии и всем прочим роль статистов. Беседа двух президентов длилась больше часа. Соседи лишь вставляли реплики и пытались разрядить напряжение тостами за братство народов.

Борис Николаевич сдержал данное им несколько дней назад Горбачеву слово: он начал с Союзного договора, который несколькими неделями ранее согласовывали в Ново-Огарево Горбачев и главы республик. От лица Михаила Сергеевича президент России предложил президенту Украины подписать этот документ и прибавил, что немедленно скрепит его и своей подписью. “Кравчук криво усмехнулся, выслушав эту преамбулу”, – рассказывал впоследствии министр иностранных дел Белоруссии Петр Кравченко. Компромиссный вариант давал Украине право вносить изменения в текст договора – однако лишь после его заключения. Такая

нехитрая уловка не пришлась бы по душе гостю из Киева, даже пожелай он вернуть Украину в Союз на особых условиях. А он и не желал. У Горбачева не появилось новых козырей, и Ельцин приехал в Беловежскую пущу с пустыми руками. Кравчук московский проект отклонил[15].

Президент Украины пустил в ход свой главный калибр. Чтобы перехватить инициативу, он рассказал Ельцину и Шушкевичу о недавнем референдуме. “Даже не ждал, – пишет Кравчук в мемуарах, – что россияне и белорусы будут настолько поражены результатами голосования, особенно в традиционно русскоязычных регионах – в Крыму, на Юге и Востоке Украины. То, что подавляющее большинство неукраинцев (а их количество в республике составляло четырнадцать миллионов) настолько активно поддержало государственную независимость, оказалось для них подлинным открытием”.

Ошеломленный Ельцин спросил:

– Что, и Донбасс проголосовал “за”?

– Да, – ответил Кравчук, – нет ни одного региона, где было бы менее половины голосов. Ситуация, как видите, изменилась существенно. Нужно искать другое решение.

Борис Николаевич, сменив тактику, стал упирать на общую историю, дружбу народов и экономические связи. Кравченко убежден, что Ельцин искренне пытался спасти распадающийся СССР. Однако, по словам белорусского министра, президент Украины был непоколебим:

Улыбчиво и спокойно он парировал доводы и предложения Ельцина. Кравчук не хотел ничего подписывать! Его аргументация была предельно простой. Он говорил, что Украина на референдуме уже определила свой путь, и этот путь – независимость. Советского Союза больше нет, а создавать какие-то новые союзы ему не позволит парламент. Да Украине эти союзы и не нужны, украинцы не хотят идти из одного ярма в другое[16].

Геннадий Бурбулис, правая рука Ельцина, именно Киеву приписывал последний гвоздь в гроб СССР. “Действительно, самым настойчивым, самым упорным в отрицании Союза был Кравчук, – рассказывал Бурбулис в интервью. – Убедить его в необходимости даже минимальной интеграции было очень сложно. Хотя он и разумный человек, но он себя чувствовал связанным результатами референдума. И Кравчук в сотый раз объяснял нам, что для Украины нет проблемы Союзного договора – Союза просто нет, и никакая интеграция невозможна. Это исключено: любой союз, обновленный, с центром, без центра”. Дискуссия зашла в тупик. Шахрай, главный юридический советник Ельцина, позднее вспоминал, что представители “Руха” в украинской делегации зароптали: “Нам тут вообще нечего делать! Поехали до Киева…” По другой версии, Леонид Макарович поддел Бориса Николаевича: “Ну хорошо, вы не подписываете. И кем вы вернетесь в Россию? Я вернусь на Украину как избранный народом президент, а вы в какой роли – по-прежнему в роли подчиненного Горбачева?”[17] Кравчук полагал, что перелом в переговорах случился, когда Ельцин, услышав отказ коллеги подписывать договор, заявил, что Россия присоединяться к нему без

Украины не станет. Именно после этого главы трех государств задумались над заменой Советскому Союзу. Кравченко заслугу поворота дискуссии приписывал Витольду Фокину: “В соответствии с протоколом и с политической этикой он не мог прямо оппонировать своему президенту и выбрал другую тактику. Фокин, постоянно цитируя Киплинга, стал говорить о чувстве крови, о единстве братских народов, о том, что у нас одни корни. Делал он это очень корректно, в форме мягких реплик и тостов. А когда Кравчук завелся и начал спорить, Фокин привел экономические аргументы”. Только тогда, по словам Кравченко, президент Украины смягчился: “Ну, раз большинство за договор… Давайте подумаем, каким должно быть это новое образование. Может, действительно не стоит нам далеко разбегаться.”[18]

Ельцин настаивал, чтобы итогом встречи стало нечто ощутимое, зримое. Россияне предложили: эксперты составят проект соглашения между тремя восточнославянскими государствами, а на следующий день главы этих государств подпишут документ. Никто не возражал. По воспоминаниям Вячеслава Кебича, президент России спросил Шахрая и Козырева, не приготовили ли те какие-нибудь проекты. “Младореформаторы” признались, что есть совсем сырые черновики, и получили указание вместе с коллегами из Украины и Белоруссии готовить договор. Когда советники покинули зал, Борис Николаевич высказал все, что думал, о ненавистном ему Горбачеве. Президента СССР, по мнению Ельцина, перестали принимать всерьез и внутри страны, и за рубежом, а это лишало западных лидеров сна: хаотический распад Советского Союза грозил попаданием ядерного оружия неведомо в чьи руки. По словам белорусского премьера, Ельцин рубил сплеча: “Горбачева надо смещать. Хватит! Нацарствовался!”

Для делегации хозяев такой результат переговоров стал настоящим потрясением. Они-то готовили заявление, в котором предостерегали Горбачева, что Союз развалится, если тот не пойдет на уступки республикам. В крайнем случае они готовы были перестроить Союз, урезав полномочия центра… но отвергнуть Союз как таковой? Никто подобного не предвидел. “После ужина почти вся белорусская делегация собралась в домике Кебича, не было только Шушкевича, – припоминает Михаил Бабич, телохранитель премьера Белоруссии. – Стали говорить о том, что Украина не хочет оставаться в составе СССР и нам надо думать о том, как быть дальше, как сблизиться с Россией”. Возможно, судьбоносное решение приняли там же: Белоруссия с Россией составит новое объединение либо вместе с ней покинет прежнее. Вскоре после этого белорусы пригласили гостей в баню. Украинцы этой возможностью пренебрегли, зато большинство российских делегатов (исключая Ельцина) – Гайдар, Козырев, Шахрай и другие – от парилки не отказалось[19].

Позиции Москвы и Минска стали еще ближе, когда “младореформаторы” после бани составили компанию Петру Кравченко и другим белорусским экспертам. В домике, который занимал Егор Гайдар, началась работа. Представители украинской стороны не явились, но их линию приходилось учитывать. Отразилось это и на предложенном вначале

заголовке: “Соглашение о создании Содружества Демократических Государств”. Союз предстояло заменить “Содружеством”. За ужином в тот вечер украинская сторона требовала отбросить понятие “союз”. “Кравчук даже попросил запретить это слово, – вспоминал Бурбулис. – То есть оно должно было быть вычеркнуто из лексики, из сознания, из переживаний. Раз Союза нет, значит, и Союзного договора нет”. С другой стороны, термин “содружество” не имел мрачных коннотаций – напротив, скорее положительные. Кравченко позднее так описывал ход мысли свой и коллег: “Вспомнили Британское содружество наций, которое казалось чуть ли не идеальным примером постимперской интеграции”.

Эксперты придумали заглавие и растерялись, не зная, с чего начать собственно текст. Гайдар вспомнил о заключенном год назад соглашении между Россией и Белоруссией. Московская делегация привезла с собой экземпляр для двусторонних переговоров с белорусами. Кравченко вспоминает: “Гайдар взял свой текст и стал его с нашей помощью редактировать, превращая из двустороннего в многосторонний. Эта работа заняла довольно много времени и продолжалась примерно до пяти часов утра”. Гайдару пришлось написать текст от руки – в охотничьей усадьбе не оказалось ни машинистки, ни даже пишущей машинки. В пять утра уже 8 декабря охранники уехали за машинкой, и поиски заняли не один час. Пока доделывали черновик, прошло еще шестьдесят минут. Когда бодрствовавшие всю ночь авторы документа стали расходиться, чтобы поспать, радио разразилось гимном. Хор гремел: “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь…”, а помощники правителей Великой и Белой Руси повалились на кровати, изнуренные трудами по обращению “вечного” союза в преходящий. Так начался последний день СССР[20].

Новый раунд переговоров стартовал после завтрака, за которым российско-белорусская дружба окрепла несколько неожиданным образом. Ельцин подарил Шушкевичу часы в благодарность “за поддержку президента России в трудную минуту”. Накануне, после ужина, Ельцин едва не упал с лестницы, и Шушкевич успел его подхватить. Еще до завтрака измотанные российские и белорусские эксперты показали черновое соглашение хорошо отдохнувшим украинским коллегам. Последние одобрили текст с оговоркой: Содружество надлежало составить из “независимых”, а не “демократических” государств. Никто с этим не спорил: о подлинной демократии большинству советских республик можно было лишь мечтать[21].

После завтрака, за которым подавали “Советское шампанское”, три восточнославянских лидера удалились в бильярдную, повышенную в статусе до зала заседаний. Избранный для работы формат, при котором Россию представляли Ельцин и Бурбулис, Украину – Кравчук и Фокин, Белоруссию – Шушкевич и Кебич, оказался особенно удобен для киевских гостей. Советников Ельцина – Гайдара, Козырева, Шахрая и прочих – вынудили ждать в соседней комнате вместе с украинскими и белорусскими коллегами, которые несколько хуже ориентировались в обстановке. Кравчук, не теряя времени, взял инициативу в свои руки – он вызвался составить новый текст

соглашения, словно бы игнорируя, российско-белорусский черновик. “Я взял чистый лист бумаги, ручку и сказал, что буду писать, – вспоминал Кравчук. – Так мы начали. Сами писали, сами редактировали, без помощников. Если по старому протоколу, то раньше никогда не было, чтобы руководители государств сами писали государственные документы”[22].

Предыдущей ночью глава украинского государства запретил подчиненным работать с россиянами и белорусами. Впрочем, он и не нашел бы никого для такой работы. Кравчук признавался в интервью: “У меня экспертов не было”. Если премьер-министр Фокин желал уберечь хотя бы остатки Советского Союза, то советники президента из “Руха” добивались как раз обратного, но у них не было ни политического опыта, ни понимания формальной стороны дела. Кравчук мог полагаться лишь на собственные таланты аппаратчика-идеолога и результаты референдума, а также на неприязнь Ельцина к Горбачеву и желание российских “младореформаторов” как можно скорее приняться за экономические преобразования. Во время рабочего ужина 7 декабря президент Украины умело разыграл свои козыри. Первый раунд он выиграл, наотрез отказавшись подписывать соглашение, подготовленное в окружении Горбачева, или вести Украину в обновленный Союз. Теперь же Кравчуку удалось преподнести идею заключения какого бы то ни было договора как свою уступку. Позволь он приближенным участвовать в работе российско-белорусской группы, украинцы стали бы стороной этого процесса и Кравчук чувствовал бы себя связанным предложениями экспертов. Его тактика заключалась в том, чтобы удержаться в статусе арбитра, оценивающего проект непредвзято[23].

Кравчук пользовался черновиками соглашения о заключении восточнославянского союза, подготовленными в начале 1991 года по инициативе его и Ельцина. Горбачев идею похоронил. Осенью того же года специалисты в Верховной Раде доработали текст, и в ночь на 8 декабря Кравчук штудировал именно его. Спать украинский президент отправился в три часа. Его противником в словесном теннисе выступал главным образом Бурбулис с собственными “шпаргалками”. Опираясь на российско-белорусский проект и на бумаги Кравчука и Бурбулиса, главы государств начали постатейное обсуждение. Член украинской делегации Михаил Голубец, который провел утро 8 декабря в комнате советников, уверяет, что первые тридцать-сорок минут из бильярдной не доносилось ни звука. Потом оттуда вышли Фокин и Бурбулис, явно обеспокоенные, и в режиме блица обсудили с экспертами несколько вопросов. Еще через четверть часа из бильярдной донеслось “ура”: начальство наконец-то привело свои позиции по первой статье к общему знаменателю. По предложению Ельцина, успех отметили бокалом шампанского. После этого обсуждение пошло довольно гладко[24].

Всего в соглашении о создании Содружества Независимых Государств четырнадцать статей. Первые лица договорились соблюдать принципы территориальной целостности и неприкосновенности границ каждой теперь суверенной республики. Заявили и о намерении установить объединенный

контроль над арсеналами стратегических вооружений, о желании проводить сокращение своих войск и двигаться к полному ядерному разоружению. Участники СНГ получали право объявить о своем нейтралитете и безъядерном статусе. Возможность присоединиться к Содружеству оставалась открытой для всех республик СССР и даже других государств, если они разделяют цели и принципы, закрепленные в договоре. Координирующие органы СНГ должны были располагаться в Минске, а не в Москве: столице двух империй предпочли белорусскую.

Три государства гарантировали исполнение международных обязательств (собственных и вытекающих из договоров СССР), со дня подписания соглашения не допуская применения на своей территории общесоюзных законов. “Деятельность органов бывшего Союза ССР на территориях государств-членов Содружества прекращается”, – гласила заключительная статья. (Логичный финал для текста, который открывался преамбулой: “Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года… констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”[25].)

Предложение, что три республики, когда-то основавшие Советский Союз, не могут его покинуть, а должны его распустить, выдвинул советник Ельцина по правовым вопросам Сергей Шахрай. Советская Конституция сохраняла за республиками право выйти из состава СССР, и впервые этим правом, после многолетней борьбы, воспользовались в сентябре 1991 года прибалты. Шахрай объяснял, что выход России, Украины и Белоруссии в любом случае означает роспуск Советского Союза – ведь образовали его 30 декабря 1922 года именно РСФСР, УССР, БССР. (И еще Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, включавшая Грузинскую, Армянскую и Азербайджанскую республики – но она была упразднена в 1936–1937 годах.) Поэтому вынести Союзу приговор имели право только три государства-основателя, доказывал Шахрай[26].

Кебич уверяет, что слова о роспуске Советского Союза в соглашение добавили по инициативе Бурбулиса, уже после того, как полный текст прочитали и одобрили высшие руководители трех государств. По утверждению белорусского премьер-министра, Геннадий Эдуардович огорошил Ельцина тем, что в документе пропущена одна статья. “Но прежде мы должны денонсировать Союзный договор 1922 года, – убеждал шефа государственный секретарь. – Только тогда наши договоренности с правовой точки зрения будут абсолютно корректными”. Главы государств с этим согласились. Кравчука вполне устраивал и выход из Союза вместе с Россией и Белоруссией, а вот Ельцину этого не хватило бы. Таким образом его страна лишалась прав на половину советских владений, не получала законных оснований на сохранение в них хотя бы части былого влияния и оставалась подчиненной обрубку империи во главе с набившим оскомину Горбачевым. Покинь РСФСР Советский Союз, не распуская его, у Михаила Сергеевича

появился бы шанс сохранить трон и дальше царствовать в Москве – союзном центре и в то же время столице независимой России. Затягивать противостояние с советским президентом, принимавшее все более неприглядный вид, Ельцину было ни к чему. Поэтому российскому правительству ничего не оставалось, как пойти на роспуск Союза[27].

Церемония подписания прошла в два часа дня на первом этаже резиденции, в холле. Столы принесли из других залов, стулья – из жилых комнат. Кебичу поручили найти какую-нибудь скатерть; ее одолжили в столовой. Следующим заданием Кебича была обработка немногочисленных представителей СМИ. Журналист Яков Алексейчик запомнил его слова о том, что Ельцин "не совсем в форме". "Советское шампанское", которым президент России отмечал каждую согласованную статью, вероятно, сказалось не только на бракоразводном процессе советских республик. Журналистам посоветовали не задавать Борису Николаевичу вопросов. Тем не менее после официальной части Ельцин – явно в приподнятом настроении – сам решил выступить перед журналистами. Но глава пресс-службы Совмина Белоруссии, помня о приказе своего начальника, перебил высокого гостя: "Борис Николаевич, не надо ничего говорить, все же ясно!" Ельцин был изумлен. "Ну, если вам все ясно…" – недоуменно изрек он и вышел из зала. На этом пресс-конференция кончилась[28].

Кравчук вспоминал, что тот день дался Ельцину нелегко. Он просчитывал ходы, обдумывал, на чью помощь надеяться и чьего противодействия ждать при неминуемом столкновении с Горбачевым. "Борис Николаевич заметно нервничал, – отмечал Кравчук в мемуарах. – Он боялся, что Горбачев сможет перетянуть Назарбаева на свою сторону". Нурсултан Назарбаев, глава Казахстана, был самым влиятельным руководителем в традиционно мусульманской части СССР. Горбачеву уже удавалось блокировать предложения лидеров восточнославянских республик благодаря поддержке Казахстана и его соседей из Средней Азии. Более того, Казахстан был единственной республикой, кроме России, Украины и Белоруссии, на территории которой находилось ядерное оружие. Немалую долю населения Казахстана составляли русскоязычные, поэтому в недавнем прошлом его видели частью "восточнославянского союза". Ельцин велел подчиненным звонить в Алма-Ату (еще не Алматы). Те доложили, что Назарбаев уже летит в Москву. Кравчук вспоминал: "Я предлагал Борису Николаевичу не волноваться, чувствуя, что обратного хода у этого процесса уже не будет". Однако это успокоить Ельцина не могло[29].

Президент России требовал обеспечить ему возможность разговора с Назарбаевым прежде, чем Горбачев начнет того обрабатывать. Он поручил задание Александру Коржакову, но тому оставалось лишь ждать. Попытка убедить старшего в диспетчерской службе Внуково-2 передать сообщение на самолет Назарбаева ничего не дала. Генерал ответил, что у него другой начальник и что он не хочет и не будет выполнять просьбы полковника Коржакова. Последний в мемуарах сделал вывод: "Двоевластие всегда

чревато тем, что люди в этот период ни одну власть не признают. Горбачева уже всерьез не воспринимали, издевались над ним. А Ельцину не хватало рычагов власти”. Позднее выяснилось, что Горбачев запретил авиадиспетчерам соединять кого бы то ни было с президентом Казахстана, пока тот летит в Москву[30].

Ельцин все-таки дозвонился Назарбаеву – уже после того, как тот приземлился в Москве, – и принялся доказывать, что образованием СНГ они с Кравчуком и Шушкевичем воплотили в жизнь идею, высказанную самим Назарбаевым в 1990 году: новый четырехсторонний Союз. Назарбаев пообещал приехать в Вискули. Кебич даже отправил на аэродром машину встретить старого друга из Алма-Аты, однако Назарбаев не появился. Сначала выяснилось, что пришлось дозаправлять самолет, затем – что в Беловежскую пущу глава Казахстана не заглянет, ограничившись Минском, а после – что останется в Москве еще на сутки. По слухам, Горбачев уговорил гостя не ехать в Вискули, предложив ему (эфемерный в то время) пост председателя Совета Министров СССР. Министр иностранных дел Белоруссии Кравченко рассказывал:

Известие, что Назарбаев не прилетит, произвело на всех тягостное впечатление. В тот момент оставалось только гадать, какие аргументы нашлись у Горбачева, чтобы Назарбаев изменил свои планы. Уж не готовится ли Горбачев и впрямь применить силу? И тут-то [председатель КГБ Белоруссии] Эдуард Ширковский зловеще пошутил: “А ведь достаточно одного батальона, чтобы всех нас тут прихлопнуть… ”[31]

Но Ширковский вовсе не шутил. В первой половине дня 8 декабря он подошел к премьер-министру Кебичу:

– Вячеслав Францевич, это же самый настоящий государственный переворот! Я доложил обо всем в Москву, в Комитет [государственной безопасности]. Жду команды Горбачева.

Кебич остолбенел. “Я вроде бы не робкого десятка, – вспоминал он. – Но от этого сообщения забегали по спине мурашки, руки похолодели. Как ветром сдуло хмель”.

Председатель правительства спросил главу тайной полиции:

– Ты думаешь, команда последует?

– А как же! Ведь налицо факт государственной измены, предательства, если называть вещи своими именами. Поймите меня правильно, я не мог не реагировать. Давал присягу.

Кебич предпочел бы услышать совсем другое.

– Ну хотя бы меня предупредил!

– Боялся, что не согласитесь. Да и не хотел втягивать вас. В случае чего всю ответственность возьму на себя.

Ширковский явно желал услужить двум господам сразу[32]. Премьер-министр не стал посвящать Шушкевича в подробности своей беседы с председателем КГБ. С другой стороны, нельзя исключать, что тот поставил в известность Ельцина или Кравчука. Гостям пришло на ум, что пора бы дать отдохнуть и хозяевам. Назарбаев задерживался в Москве, и не могло быть

сомнений в том, что Горбачеву доложили, чем завершились переговоры в Вискулях. Связь усадьбы с миром успели к тому времени восстановить, и журналисты уже передали свои репортажи в редакции. Доведение новостей до сведения миллионов в бывшем уже СССР и за рубежом должно было стать лучшей защитой от нападения. Когда гости Вискулей собрались в холле, ожидая поездки на аэродром, главы теперь независимых государств уединились в апартаментах Ельцина. Первый звонок они сделали человеку, во власти которого фактически находились – министру обороны СССР Евгению Шапошникову. В первые дни после августовского путча Шапошников получил этот пост благодаря настойчивости Ельцина. За три месяца подчиненный верховного главнокомандующего СССР не дал Борису Николаевичу повода усомниться в своей преданности.

Президент России дозвонился Шапошникову в десятом часу вечера по московскому времени. Он уведомил министра, что три страны образуют СНГ, и зачитал отрывки из договора, касавшиеся обороны. Шапошникову понравился способ решения проблемы стратегических вооружений: сохранение единого командования. Борис Николаевич нашел еще одну причину, в силу которой Евгению Ивановичу стоило держать его сторону, а не сторону Горбачева. Среди подписанных 8 декабря документов было решение о формировании Совета обороны СНГ. Первым постановлением этого органа Шапошникову поручалось командование стратегическими силами СНГ. Эту должность он принял. Маршал писал позднее, что "инициатива руководителей трех республик, по-видимому, вносила некоторую определенность, помогала обществу выйти из тупика"[33].

Едва Шапошников положил трубку, как ему позвонил на удивление хорошо осведомленный Горбачев. "Ну, что нового? – спросил вроде бы еще верховный главнокомандующий. – Ты ведь только сейчас разговаривал с Ельциным.

Что там в Белоруссии?" Его собеседник не знал, что ответить. "Он извивался, как уж на сковородке, – писал Горбачев в мемуарах, – но все же сказал, что ему звонили, спрашивали, как он смотрит на характер объединенных Вооруженных Сил в будущем государственном образовании. Откровенно врал". Если же верить Шапошникову, Горбачев сказал: "Не вмешивайся не в свое дело, предупреждаю!" Затем президент бросил трубку. Сергей Шахрай позднее утверждал, что Горбачев в тот вечер пытался дозвониться командующим военными округами. При фактическом дезертирстве министра обороны верховному главнокомандующему осталось лишь просить поддержки у чинов пониже. Но у него ничего не вышло. Егор Гайдар после рассказывал, что Горбачеву не удалось найти ни единого верного полка. Ельцин и его приближенные не уставали обхаживать генералов. Один раз, звоня из Вискулей, помощники президента России, желавшие связаться с Павлом Сергеевичем Грачевым, первым заместителем Шапошникова и спасителем Ельцина во время путча, по ошибке попали на пресс-секретаря президента СССР – Андрея Серафимовича Грачева[34].

Заручившись поддержкой Шапошникова, руководители трех восточнославянских государств отважились на звонок в Кремль. Ельцин говорить отказался, поэтому деликатное задание поручили Шушкевичу как хозяину. Но перед этим Бориса Николаевича соединили с Джорджем Бушем. По словам премьер-министра Белоруссии, российский лидер торопился со звонком в Вашингтон, пока никто из Вискулей не переговорил с Горбачевым. Ельцин якобы ответил тем, кто предлагал ему не нарушать субординацию: "Во-первых, СССР больше не существует, Горбачев – не президент и нам не указ. А во-вторых, во избежание неожиданностей лучше пусть он узнает об этом как о факте свершившемся, который уже нельзя отменить". Шушкевич согласился. По словам

Кебича, председатель Верховного Совета Белоруссии видел в звонке Бушу страховку. Кравчук давал объяснение в подобном же духе: "Это чтобы мир знал, где мы и что за документы принимаем. На всякий, как говорится, случай"[35].

В США Ельцин позвонил после разговора с Шапошниковым. Сначала министру иностранных дел России Андрею Козыреву пришлось объяснять помощникам американского президента, кто он такой и зачем беспокоит: в Вашингтоне Козырева тогда мало кто знал. Длилась беседа почти полчаса. Ельцин известил Буша о решении, принятом в Беловежской пуще, и подчеркнул стремление руководителей восточнославянских государств сохранить единый контроль над ядерным оружием и взять на себя международные обязательства Советского Союза. Не забыл президент России упомянуть и о взаимопонимании с Шапошниковым. Ельцин также заверил Буша, что на их стороне Назарбаев, который скоро прилетит в Минск и поставит подпись под соглашением. Действительно ли Борис Николаевич верил, что Нурсултан Абишевич решится их поддержать, или вводил заокеанского коллегу в заблуждение, не ясно – но говорил он с Бушем от лица руководства четырех, а не трех бывших советских республик. "Все это очень серьезно, – объяснял Ельцин. – Наши четыре государства дают 90 % валового продукта Советского Союза". Не скрыл он и то, что Горбачеву о принятых решениях еще не сообщили. Как обычно, Буш повел себя осторожно. Он молча слушал собеседника, время от времени вставляя: "Ясно". Американец пообещал изучить текст соглашения. Ельцин добился своего: президент Соединенных Штатов ознакомился с его взглядом на положение дел и не выразил неприятия происшедшего в Вискулях[36].

Глава белорусского парламента Шушкевич взял на себя неблагодарный труд – заявить президенту СССР, что такого государства больше нет:

Я в двух словах его проинформировал: "Подписали вот такое заявление, и суть его сводится к следующему… Мы надеемся на конструктивное продолжение такого подхода и другого не видим". Горбачев: "Да вы понимаете, что вы сделали?! Вы понимаете, что мировая общественность вас осудит! Гневно!" А я уже слышу, что Ельцин разговаривает с Бушем: "Джордж, привет!" – и Козырев переводит. Горбачев продолжает: "Что будет, когда об этом узнает Буш?!" А я говорю: "Да Борис Николаевич уже

сказал ему, нормально он воспринял." И тогда на том конце провода Горбачев устроил немую сцену. И мы попрощались.

Горбачев был в бешенстве. Он велел передать трубку Ельцину: "То, что вы сделали за моей спиной, согласовав с президентом Соединенных Штатов, – это позор, стыдобища!"[37] Горбачев хотел вызвать "славянскую троицу" на следующий день к себе. Ни у Кравчука, ни у Шушкевича желания ехать в Москву не возникло. У главы России выбора, естественно, не было. Договорились, что Ельцин озвучит позицию всех троих. Кто-то "порадовал" Кравчука и Ельцина, что их самолеты могут сбить по указке из Кремля, когда они поднимутся с военного аэродрома в Пружанах. Если верить слухам, дошедшим до американских дипломатов, Ельцин прибыл в Москву рано утром 9 декабря пьяным – его пришлось выносить из самолета.

Как будто еще в советской, но теперь уже российской столице Анатолий Черняев слушал новости. "Полночь, – записал он в дневнике. – Только что – радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич объявили о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права"[38].

Что касается самолета президента Украины, то в полетное расписание включили рейс в Москву, но улетел он в Киев. Кравчук не предупредил никого, включая семью, куда направится из Вискулей, а находясь там, не сделал ни одного звонка. Когда же он добрался до своей загородной резиденции под Киевом, то увидел вооруженных людей. Леонид Макарович приготовился к худшему. Оказалось, однако, что это новая охрана. Только дома президент рассказал обо всем жене. "Так мы уже не в Союзе? – спросила Антонина Кравчук. – Что, уже все?" Супруг ответил: "Кажется, все". Узнав, что ночью звонил Горбачев, Кравчук махнул рукой. Он уже не считал советского вождя своим начальством[39].

Руководители Белоруссии решили остаться пока в Вискулях. Шушкевич, Кебич и Кравченко отправились спать. В Каменюках, приграничной деревне, директор заповедно-охотничьего хозяйства Сергей Балюк поздно вечером вернулся домой и разбудил жену: "Советский Союз распался!" "Я спросонья никак не могу понять, что случилось, куда бежать, – вспоминала Надежда Балюк. – А он такой возбужденный, нервный, все повторяет: нету Советского Союза, нету"[40].

Часть VI
Прощай, империя!

Глава 16
От Союза к Содружеству

Около полудня 9 декабря, на следующий день после заключения договора в Беловежской пуще, в Кремль приехала кавалькада автомобилей. Перед Горбачевым, хозяином как будто упраздненного СССР, предстал Борис Ельцин в сопровождении сопровождении телохранителей. В окружении российского лидера не исключали наихудшего. Начальник охраны полковник Коржаков ехал в "Ниве" с карабином на переднем сиденье. К кабинету Горбачева российского лидера проводили Коржаков и один из охранников. Они остались в приемной лицом к лицу с кремлевской

охраной, нервно дожидаясь исхода встречи президентов. Та затянулась почти на два часа. Ельцина и его приближенных беспокоило, не дерзнет ли Горбачев сделать то, на что ему не хватило либо смелости, либо влияния тогда, когда “бунтовщики” находились в Вискулях – арестовать одного из них. Перед приездом Борис Николаевич позвонил Михаилу Сергеевичу и потребовал гарантий безопасности. Тот спросил: “Ты что, с ума сошел?” И в ответ услышал: “Может, не я, а кто-то еще?”[1] Утром того же дня помощник президента СССР Вадим Медведев дозвонился по мобильному телефону Горбачеву, который ехал в Кремль. Горбачев показался ему настроенным весьма воинственно. Медведев принялся было излагать содержание подготовленного им по распоряжению шефа документа, в котором обосновывал целесообразность сохранения Союза с экономической точки зрения – но Горбачева это мало интересовало. По его мнению, теперь были уже нужны не аргументы, а нечто другое. Рабочий день он начал с консультации с юристами. “Михаил Сергеевич бушует, заявляет, что он уйдет, пошлет их всех и так далее, покажет им”, – рассказал Анатолию Черняеву один из присутствовавших на той встрече. Тем не менее, когда вице-президент РСФСР Александр Руцкой, разъяренный подписанным в Беловежской пуще договором, примчался в Кремль и спросил у Горбачева, почему тот не прикажет схватить “пьяную троицу” государственных преступников, президент предложение отклонил. Вместо этого он поручил Георгию Шахназарову составить проект обращения к гражданам Союза, в котором “должны быть проставлены все точки над **i**, прямо и без обиняков сказано о роли Кравчука и других участников Минских соглашений”[2].

Горбачев ожидал, что президент России явится в компании Кравчука и Шушкевича. “Пусть объяснят всей стране, миру и мне”, – заявил своему пресс-секретарю Андрею Грачеву Михаил Сергеевич и добавил, что поговорил с Нурсултаном Назарбаевым и тот тоже возмущен и ждет от Ельцина объяснений. Борис Николаевич согласился приехать на встречу с Горбачевым и Назарбаевым в полдень, а вот Кравчук не имел ни малейшего желания следовать его примеру. Да и Шушкевич позвонил Георгию Ревенко, руководителю аппарата президента СССР, и сообщил, что не приедет. Если верить Ревенко, белорус, “почти всхлипывая”, путано объяснял, что ему надо выспаться и осмыслить происшедшее – ведь в Беловежской пуще все случилось внезапно. Однако, если Горбачев и Ельцин сочтут нужным провести переговоры в более широком составе, он явится. Через несколько минут Горбачев воспользовался туманными обещаниями Шушкевича в разговоре с украинским президентом, сказав, что глава парламента Белоруссии собирается в дорогу.

Кравчук полуночный звонок из Москвы оставил без внимания, и глава Советского Союза велел связаться с ним еще раз.

– Так ты приедешь в Москву? – спросил Горбачев в лоб. Когда собеседник ответил вежливым, но твердым отказом, Горбачев пустил в ход все аргументы, какие пришли в голову.

– Что такое? Ты же член [Государственного] Совета [СССР]. Как ты можешь? Союз еще есть.

Президент Украины возразил:

– Союза уже не существует.

– Так что, ты не приедешь? – переспросил изумленный Горбачев.

Кравчук, всегда учтивый и уклончивый, на этот раз ответил прямо: нет, и подумал при этом: “Наездился – и я, и другие”. Дальнейшее общение не имело смысла.

– Ну ладно, – произнес разочарованно президент СССР и повесил трубку. По воспоминаниям Кравчука, одной из причин, которая заставила его отказать, было подозрение, что в Москве готовят западню. В мемуарах он пишет: “Я почувствовал: нас не выпустят оттуда, будут держать до тех пор, пока мы не откажемся от соглашения, подписанного в Беловежской пуще”[3].

Горбачев ждал Ельцина у себя в кабинете. Назарбаев тоже был там. Казахстанский лидер, несмотря на обещание, ни в Беловежскую пущу, ни в Минск не наведался, а теперь, по-видимому, решил поддержать советского вождя. Ельцин начал с того, что заявил о своем желании склонить Кравчука к подписанию какого бы то ни было Союзного договора, предлагая варианты: и соглашение сроком на четыре или пять лет, и ассоциированное членство Украины в восточнославянском союзе. Поскольку Кравчук отвергал идею за идеей, образование СНГ оказалось в таких обстоятельствах единственно возможным выходом, доказывал Ельцин. Михаил Сергеевич, однако, был озабочен не столько возникновением СНГ, сколько распадом Советского Союза. Несколько часов спустя он пересказывал приближенным слова, которыми выговаривал Ельцину:

– Вы собрались втроем, а кто вам дал такие полномочия? Госсовет не поручал, Верховный Совет не поручал.

Президент России не признавал за собой никакой вины и грозил уйти. Горбачев удержал его, но разговор продолжался на повышенных тонах. Хозяин кабинета поставил вопрос ребром:

– Ты мне скажи, что завтра людям говорить?

Ельцин ответил:

– Я скажу, что займу ваше место.

Затем он обвинил Горбачева:

– Вы трижды в день переговариваетесь с Руцким.

– А ты – с Бушем.

Михаил Сергеевич за словом в карман не лез. “И так – сорок минут перебранки, – вспоминал позднее с горечью Назарбаев. – Мне даже стыдно стало присутствовать при этом”. Президент СССР требовал, чтобы судьбу Союза определил еще один референдум. Наконец оппоненты достигли компромисса: текст соглашения о создании СНГ решили разослать парламентам (бывших) союзных республик для оценки. Ельцин позвонил Кравчуку: “Леонид Макарович! Никогда и ни с кем не хотел бы я больше иметь подобного разговора”[4].

Президент СССР не арестовал непримиримого противника, но не оставил и попыток удержаться у власти. Он не верил в легитимность Содружества и надеялся, что оно вскоре канет в Лету, а Советский Союз, напротив, устоит. Поэтому в середине декабря 1991 года Москва на две недели стала ареной самой напряженной политической борьбы после путча – поединка Горбачева и Ельцина за лояльность глав республик, депутатов республиканских парламентов, высшего военного командования и международного сообщества. От исхода этой борьбы зависело будущее не только одной из мировых держав, но и всего мирового порядка. В столице нашелся только один человек, чье мнение принимали во внимание оба не знавших покоя президента – госсекретарь США Джеймс Бейкер, который наезжал в Москву время от времени. Проблема заключалась в том, что ни Бейкер, ни Буш в первые дни не понимали, протянуть ли руку только что образованному СНГ – или помочь Горбачеву избавиться от него.

Горбачев верил, что ему под силу собрать воедино обломки советского государства. Начал он с попытки усовестить министра обороны СССР, маршала авиации Евгения Шапошникова, хотя менее чем за сутки до того велел ему не вмешиваться в политику. “Возможно, – сказал он военачальнику после рандеву с Ельциным и Назарбаевым, – соберем еще одну встречу в Ново-Огареве и предложим подписать Союзный договор тем, кто этого желает”. Девятого декабря президент успел принять и гостей из Средней Азии: президента Таджикистана и туркменского сановника. Зато первые лица Узбекистана и Киргизии отмахнулись от вызова в Москву и передали Назарбаеву, что, по их мнению, тому стоило бы вернуться в Алма-Ату. Ходили слухи о возможном образовании мусульманской или среднеазиатской конфедерации в противовес СНГ[5].

Вечером того же дня теледикторы зачитали обращение Горбачева по поводу договора от 8 декабря. Это был плод долгой и болезненной дискуссии с советниками. Все они пришли к единому мнению: президенту СССР следует не отмалчиваться, а донести свою позицию до страны. Оставался вопрос: с чем конкретно обратиться к людям? Кремлевские советники, которые в тот вечер заглянули на прием в Спасо-хаус, отзывались о Беловежском соглашении как о новом путче – однако заявление Горбачева, озвученное в эфире, оказалось неожиданно мирным, непротивленческим. Глава Советского Союза приветствовал возвращение нового руководства Украины за стол переговоров и хвалил документ за статьи, гарантирующие сохранение общего экономического, оборонного и культурного пространства. С другой стороны, подчеркивал он, хотя каждая республика и обладала правом на выход из состава СССР, три восточнославянских лидера не имели полномочий выносить приговор всему Союзу. Горбачев доказывал, что Беловежское соглашение необходимо обсудить в союзном и республиканских парламентах, и предлагал вынести вопрос о судьбе государства на референдум[6].

Черняев, которого 9 декабря к Горбачеву не вызывали, услышал обращение по телевизору. Инициативу шефа он принял без энтузиазма: “Даже если народные депутаты соберут [необходимые для проведения референдума] 1/5 подписей – все равно ничего не выйдет. Николай II имел мужество отречься от престола после трехсот лет правления династии. М[ихаил] С[ергеевич] никак не поймет, что его дело сделано. Давно надо было уходить., беречь достоинство и уважение к сделанному им в истории”[7].

Джордж Буш и его подчиненные с тревогой следили за пьесой, которую разыгрывали в Москве. Николас Бернс признается: “Нас застали отчасти врасплох события 8 декабря – встреча Ельцина, Кравчука и Шушкевича. Мы никак не ожидали заявления о твердом намерении выйти из состава Советского Союза… Нас это удивило, но мы предположили, что такой поворот событий похоронит его – если эти три республики решительно настроились на отделение, шансов на то, что Союз выживет, почти не было. Думаю, тогда впервые стало абсолютно очевидно, что Советский Союз начнет разваливаться, причем довольно скоро”. Больше всего волновала президента Соединенных Штатов возможность участия военных в конфликте Горбачева с одной стороны и Ельцина и его союзников из числа республиканских лидеров – с другой.

Вечером 9 декабря Буш надиктовал: “Теперь Горбачев заявляет, что эти выходки Ельцина незаконны. ‘Необходим референдум, надо дать людям высказаться’. А мне этим вечером, в понедельник, не дают покоя силовые структуры. Что делали их военные? Хранили молчание. Чего нам ждать? Не допустят ли там кровопролитие? Уйдет ли Горбачев в отставку? Попытается ли дать сдачи? Продумал ли Ельцин свою тактику? Ситуация сложная, крайне сложная”. В последний раз Буш так переживал из-за августовского путча. В те дни он не мог связаться с президентом СССР и некоторое время казалось, что президент России пропал. Теперь он мог легко позвонить обоим – но что это дало бы?[8]

Вопрос о возможном вмешательстве армии не был праздным. Одним из преимуществ положения Горбачева – из тех, что не успели еще утратить смысл – оставался пост верховного главнокомандующего. Михаил Сергеевич был не прочь пустить в дело этот козырь и побить им карты Бориса Николаевича. Утром 9 декабря он звонил Шапошникову, чтобы сгладить впечатление от взбучки, которую задал накануне. Десятого декабря, во вторник, президент СССР вызвал командующих военными округами на совещание в Министерство обороны. Горбачев выступил в присутствии Шапошникова и призвал военных остаться на его, верховного главнокомандующего, стороне и помочь удержать Советский Союз от распада. Михаил Сергеевич не удержался от нотации о необходимости лелеять советский патриотизм. Ничего не вышло. Министр Шапошников и его сторонники медленно, но верно подминали под себя военную машину. В тот же день Евгений Иванович снял с должностей двух заместителей. Верховный главнокомандующий покинул совещание разочарованным:

надежды на военных было мало. Помощники Горбачева позднее сетовали, что генералы даже не посчитали нужным скрыть свою неприязнь[9].

Беда не приходит одна: 10 декабря Горбачев узнал, что не только строптивый украинский парламент, но и куда более осмотрительный белорусский ратифицировали соглашение об СНГ. Верховная Рада при этом внесла в текст поправки – всего двенадцать, – нивелировавшие содержание тех немногих направленных на “интеграцию” статей, которые удалось отстоять в Вискулях “младореформаторам” Ельцина. Кравчук сумел убедить депутатов проголосовать за ратификацию, но всякое предложение, которое вело к возвращению Украины в сферу российского влияния, встречало отпор. Беловежский договор вызвал неприятие даже у правительства. (Против выступил, например, министр обороны Константин Морозов[10].) В Минске документ критиковали и с просоветских, и с антисоветских позиций – но довольно мягко. Большинство депутатов его одобрили – даже Александр Лукашенко, будущий белорусский президент и неутомимый хулитель Беловежского соглашения. Согласно воспоминаниям министра иностранных дел Белоруссии Петра Кравченко, Лукашенко восторгался происшедшим, поздравлял министра и жал ему руку со словами: “Хлопцы, вы молодцы… Ну, вы сделали там…”[11]

Горбачев, встретив в Министерстве обороны холодный прием, собрал приближенных из Политического консультативного совета – созданного им осенью 1991 года органа, на чью помощь в укреплении власти он рассчитывал. Силовое решение проблемы отпадало. Тем временем республиканские парламенты взялись за ратификацию договора об СНГ, так что шансы Горбачева удержаться в Кремле стремительно таяли. Начиная совещание, президент огорчил собравшихся: Ельцин, даже не думая спрашивать его мнения, переподчинил себе службу, ответственную за правительственную связь: “Они взяли власть, и все”.

На повестке дня стоял один, но головоломный вопрос: что делать? Евгений Примаков, директор только что выделенной из КГБ Центральной службы разведки СССР, описал ситуацию:

– У нас никаких силовых возможностей нет. На армию не опереться. Международные силы будут взаимодействовать с республиками.

Министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе произнес именно то, что Горбачев хотел услышать:

– Отставку воспримут как уход от ответственности.

Горбачев немедленно согласился:

– Скажут – сбежал.

Глава Советского Союза решил бороться[12].

На следующий день, 11 декабря, положение Горбачева ухудшилось. Ельцин, встревоженный совещанием своего оппонента с командующими военными округами, сам пригласил генералов на разговор. Встреча прошла для президента России как нельзя лучше. Один из участников обоих мероприятий не скрывал, что поначалу он и его сослуживцы не знали, как ко всему этому отнестись, но Ельцин нашел нужные слова – в конце концов, за

его плечами была победа на выборах. Борис Николаевич легко мог пообещать офицерам то, что уже было не под силу Михаилу Сергеевичу – существенную прибавку к жалованью, которое из-за инфляции за несколько предыдущих месяцев превратилось в гроши. Сверх того, Ельцин клялся, что выведет общество из трясины. В тот же день российское руководство подвело под Кремль мину и с другой стороны: Верховный Совет РСФСР утвердил резолюцию, которой отзывал депутатов из союзного парламента, лишив таким образом Горбачева возможности использовать последний для отмены Беловежского соглашения козырь. Михаил Сергеевич протестовал, но без толку[13].

На этом российские депутаты не остановились и 12 декабря, следуя примеру украинских и белорусских коллег, проголосовали за денонсацию Союзного договора 1922 года и ратификацию соглашения о создании СНГ – то есть сделали то, чего добивался от них Ельцин. Президент России выступил в парламенте и привел доводы в пользу такого шага, изображая авторов Беловежского соглашения вовсе не могильщиками империи, а ее спасителями. “В нынешних условиях, – уверял он, – только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства”. Не забыл Борис Николаевич и обнадежить депутатов насчет остальных частей бывшего Советского Союза: СНГ, мол, ждет их с распростертыми объятьями. “Мы стремились учесть интересы не только трех республик, но всех возможных будущих членов Содружества. Не могу согласиться, что в его основу положен какой-то этнический принцип. Мы с равным уважением относимся к народам разных национальностей”. Верховный Совет Ельцина не разочаровал: 188 человек проголосовали “за” при семи воздержавшихся и всего шести проголосовавших против[14].

В это самое время Горбачев уверял журналистов, что слухи о его скорой отставке беспочвенны: “Какое мы имеем право резать Отечество, как пирог? Мы пришли в сей мир на шестьдесят-семьдесят лет, создавалось же наше государство десять веков, после нас будут жить поколения, а мы начали Отечество как пирог резать. Так что, разрежем пирог, выпьем и закусим? Нет! От меня этого не ждите”. Последним его шансом было заседание Верховного Совета СССР, назначенное на тот же день. Надежды не оправдались – из-за отзыва депутатов рядом республик президент СССР туда не поехал. “Во второй половине дня, – записал в дневнике Медведев, помощник Горбачева, – была сделана попытка собрать Верховный Совет Союза. Но… о кворуме, а, значит, и принятии решений, имеющих законную силу, не могло быть и речи”. Затем стали известны результаты голосования в российском парламенте – это был сокрушительный удар по Кремлю. Переводчик главы Советского Союза Павел Палажченко в мемуарах размышляет: “Думаю, именно после решения российского парламента одобрить Минское соглашение Горбачев перестал сопротивляться процессу, который уже обрел собственную динамику”[15].

Еще перед встречей в Вискулях Николай Португалов, один из советников Горбачева, составил записку, в которой доказывал, что президенту стоило бы подать в отставку, не дожидаясь распада общесоюзных учреждений. “Имя и авторитет президента СССР – великого русского реформатора – ни в коем случае не должны быть связаны ни сейчас, ни в истории с катастрофой, которая вот-вот обрушится на наше Отечество”, – утверждал Португалов. Он призывал Горбачева повторить мужественный поступок Шарля де Голля и уйти с президентского поста, перед этим объяснив гражданам Советского Союза, с какими действиями новых руководителей республик он не может согласиться: “Этот выход – не только самый достойный, но и самый рациональный, самый правильный политически, ибо только он сохраняет реальную *возможность возвращения к власти по зову Отечества и его народа*”. Каким чудом такое могло бы случиться? Португалов пророчил: “Рейтинг Ельцина продолжает падение, рейтинг Горбачева будет расти, по мере сбывания его предсказаний [о политической и экономической катастрофе]. Запад окажет ему моральную поддержку”[16].

Неизвестно, прочитал ли Михаил Сергеевич эту записку. Но вечером 12 декабря, зная о том, что Верховный Совет РСФСР одобрил договор, заключенный в Вискулях, и роспуск СССР, Горбачев вызвал Черняева, который, как ему было известно, поддерживал идею отставки. “Печальный, – записал в дневнике помощник президента. – Расспросил о впечатлениях от российского парламента, который ратифицировал Беловежское соглашение. Подивился оскорблениям космонавта Севастьянова, заявившего с трибуны парламента: документ слабый, но хорошо, что ‘эра Горбачева’ кончилась… Попросил ‘от руки’ написать проект прощальной речи перед народом”. Слухи об отставке последнего советского вождя ходили в Москве уже не один день – толчок им дали события в Беловежской пуще, – но именно разговор с Черняевым стал первым признаком того, что Горбачев действительно готов к такому поступку[17].

Двенадцатого декабря, когда Горбачев велел Черняеву подыскать слова, какими он смог бы объявить об отставке, Джеймс Бейкер проснулся в половине пятого утра. Госсекретарю предстояло произнести в тот день речь, и ему не давала покоя одна строчка. В Москве была уже половина третьего дня, и Верховный Совет РСФСР голосовал за ратификацию соглашения об СНГ. Именно это объединение, чье будущее было трудно предсказать, лишило Бейкера сна: он внезапно вспомнил, что в черновике речи, которой он анонсировал поворот в американской внешней политике, СНГ ни единым словом не упоминалось. Текст описывал постсоветское пространство таким образом: “Россия, Украина и прочие республики”. Стоит ли включить туда и Содружество? Надолго ли оно задержится на карте? Не заменит ли его вскоре какая-нибудь другая, более жизнеспособная структура? Бейкер набрал номер своей подчиненной Маргарет Татвайлер (ничуть не смущаясь тем, что ее разбудит) и осведомился, передали ли текст речи журналистам. Бейкеру

повезло: он едва ли не в последний момент внес поправки. Ему пришла в голову фраза, которую он впоследствии назвал “болезненно неуклюжей”: “Россия, Украина, другие республики и какие бы то ни было объединения”[18].

Место, избранное Госдепартаментом для провозглашения нового курса, должно было послужить своеобразным резонатором и подчеркнуть значительность события. В Принстоне (штат Нью-Джерси) располагался одноименный университет – в 1952 году Бейкер получил там свой первый диплом, – но этим дело не ограничивалось. В Принстоне жил и работал Джордж Ф. Кеннан, самый известный знаток международных отношений эпохи холодной войны. Восьмидесятисемилетний изобретатель политики “сдерживания”, которая легла в основу американской стратегии в отношениях с Москвой, сидел в первом ряду. Бейкер начал с похвалы Кеннану за плодотворную идею – по мнению Бейкера, “сдерживание” оказало на противника задуманное воздействие. СССР перестал существовать. “Государство, фундамент которого заложил Ленин, а воздвиг Сталин, несло в себе семена своей гибели”, – заявил госсекретарь.

Крах этой империи, по мысли Бейкера, знаменует собой рождение нового мира, и Соединенным Штатам не следует упускать возможности, которые предоставляет “новая Русская революция”, и выстроить с недавним врагом долгосрочные отношения:

Если в период холодной войны мы вели себя, как пауки в банке, то теперь страны Запада и бывшие советские республики находятся в положении альпинистов, связанных одной веревкой и способных вместе взойти на вершину. Но если бывший Советский Союз рухнет в бездну фашизма или хаоса, он потянет за собой Запад. Однако… если мы станем упорно, не вполсилы, тянуть русских, украинцев и их соседей, они смогут твердо встать на ноги и вместе с нами карабкаться вверх – к прочной демократии и к свободе. Само собой, нам следует укрепить эту веревку, а не резать ее.

Бейкер позднее писал, что речью в Принстоне стремился добиться выполнения двух важных задач: заявить, что суровые нравы времен холодной войны останутся в прошлом, и показать бывшим советским республикам, что Америка теперь желает вести дела с ними, а не с Горбачевым и союзным центром. Бейкер предупредил: дружественные отношения Белый дом обещает только тем главам государств, кто будет придерживаться определенных правил: единый контроль над советским ядерным арсеналом, вывод стратегических вооружений с территории всех бывших советских республик, кроме России, преданность идеям демократии и рыночной экономики. Таким образом, поддержка Западом (в первую очередь Соединенными Штатами) теперь независимых стран будет прямо зависеть от того, не нарушит ли их руководство перечисленные условия. Основную часть речи госсекретарь посвятил разъяснению причин, по которым Америке нельзя было бросать республики на произвол судьбы, и описанию сути и масштаба необходимых мер. Особое внимание он уделил гуманитарной помощи. Бейкер утверждал, что зима 1991/92 годов может

стать такой же важной для мировой истории, как российские зимы в 1812, 1917 и 1941 годах. Если этой зимой люди станут тяжко страдать от холода и голода, может статься, что от завоеваний “новой Русской революции” не останется ничего[19].

Антураж (университетские стены), одна из главных тем речи (гуманитарная помощь и экономическое содействие европейскому противнику, обращенному в союзника) и, наконец, слова Бейкера о поддержке свободы и демократии не могли не напомнить о выступлении другого госсекретаря США. Джордж Маршалл в 1947 году посетил церемонию вручения дипломов в Гарварде и там объявил о широкомасштабной программе помощи разоренной войной Европе, призванной обеспечить той демократическое будущее и прочные союзнические отношения с США. Бейкер начал отстаивать выделение серьезных средств республикам, отважившимся встать на путь построения демократии, в сентябре 1991 года – после посещения Москвы, Санкт-Петербурга и Алма-Аты. Тогда госсекретарь предлагал Бушу поддержать демократических лидеров. “На кону может стоять нечто равнозначное послевоенному восстановлению Германии и Японии, превращению их в союзные нам демократии – только в этот раз после долгой холодной войны, а не короткой ‘горячей’”, – писал Бейкер из Москвы[20].

Когда стали известны результаты референдума на Украине, сотрудники Госдепартамента с удвоенной энергией взялись обрабатывать американских политиков насчет целесообразности крупномасштабной программы помощи. В конспекте, подготовленном для Бейкера перед встречей с шефом 4 декабря, кроме прочего, было записано: “Поворотный момент.

Нам надо помочь демократам добиться успеха. За следующие несколько месяцев может решиться их судьба. Нельзя допустить, чтобы могло показаться, что мы ничего для них не сделали. Это не должны быть усилия одной стороны. Надо и других подстегнуть и мобилизовать”. Бейкер исправил слово “демократов” на “демократические республики”. Еще он – на полях, против упоминания о четырехстах миллионах долларов, которые выделялись на ядерное разоружение бывшего СССР, – приписал: “За сорок лет мы потратили триллионы. Это маленькая инвестиция в *нашу же безопасность* ’.

Трудно сказать, удалось ли Бейкеру убедить Буша 4 декабря, но в конспекте, который он взял с собой на следующую встречу 11 декабря, мы читаем едва ли не мольбу: решительно поддержать идею ассигнования средств для создания “островков процветания” там, где демократы замахивались на коренные преобразования. Бейкер имел в виду, например, Петербург и мэра Анатолия Собчака. Некий служащий Госдепартамента для убедительности сравнил победу Соединенных Штатов во Второй мировой войне с окончанием холодной. Интересно, что американец приписал сравнение советнику Горбачева Григорию Явлинскому:

Я слушал вашу речь в Перл-Харборе, и один отрывок меня по-настоящему тронул. Вы сказали: “Мы сокрушили тоталитаризм, а когда дело

было сделано, мы помогли своим врагам создать демократические государства. Мы протянули руку помощи – и Европе, и Азии. Мы превратили врагов в друзей, мы залечили их раны и в то же время помогли сами себе”… По-моему, сегодня мы оказались в такой же ситуации. Мы одержали мирную победу в холодной войне. Теперь нам стоит определиться, по словам Явлинского, как поступить с побежденным нами народом. У нас есть шанс на огромный успех, но и опасность нам грозит огромная.

Автор записки стремился указать Бушу путь, которым шел в свое время Гарри Трумэн – предлагал уговорить американцев раскошелиться ради тех, кто живет за океаном:

Вы прошли первые два испытания – принесли свободу Восточной Европе и Кувейту, но историки воспримут их всего лишь как примечания к вашей реакции на нынешний кризис… Вам следует доказать американскому народу, что дорогой к миру и процветанию служит интернационализм, а не изоляционизм. Американцы должны убедиться в том, что как верховный главнокомандующий вы делаете все, чтобы не допустить попадания ядерного оружия неизвестно в чьи руки. Бомбы страшат людей, и они надеются, что в этом вопросе вы их не подведете[21].

К призывам Бейкера президент прислушивался неохотно. В 1991 году администрация потратила около четырех миллиардов долларов на гарантии по экспортным кредитам, обеспечив таким образом поставки в СССР продовольствия и других товаров. Тем не менее Соединенные Штаты отставали от ЕЭС, особенно в выделении прямых дотаций. Семьдесят процентов помощи СССР поступило из Западной Европы. К началу 1992 года одна Германия выделила около сорока пяти миллиардов долларов на экономическую помощь Союзу (немалую их долю потратив на то, чтобы поскорее проводить оккупационные войска с немецкой земли). Аналогичный “Плану Маршалла” замысел, за который ратовал Бейкер и о котором грезили российские демократы, так и не воплотился в жизнь. Различные причины заставили администрацию Буша не следовать примеру Трумэна, и важнейшими явились нехватка денег и сокращение производства в самих США. В 1947 году, после Второй мировой войны, американская экономика росла как на дрожжах – сверхдержава давала 35 % мирового ВВП. К 1991 году ее доля упала до 20 %. Соединенные Штаты входили в затяжную рецессию[22].

Белый дом в то время не мог разбрасываться деньгами, поскольку не располагал такой же поддержкой обеих партий в Конгрессе, какой добилось правительство Трумэна и Маршалла в середине 40-х годов. Ни истеблишмент, ни избиратели не видели в распаде Советского Союза смертельной угрозы для Америки – в отличие от превращения его в сверхдержаву в первые годы холодной войны. Осенью 1991 года США испытывали спад производства, так что призывы к увеличению затрат мало у кого нашли бы отклик. Напротив, американцы скорее рассчитывали на выгоду от прекращения долгого противостояния, а не появления еще одной расходной статьи. Даже самые пылкие сторонники наращивания дотаций

Советскому Союзу говорили, как правило, о гуманитарной помощи. Как бы то ни было, госсекретарь призвал страны Запада единодушно подставить плечо бывшим республикам СССР. “Бейкер показывает, как помочь Советам в переходный период”, – под таким заголовком 13 ноября в “Нью-Йорк таймс” вышла статья Томаса Фридмана. Подзаголовок, однако, успокаивал: “Но ни о каком заметном увеличении затрат речи не идет”[23].

В конспекте от 13 декабря, с которым Бейкер собирался на очередной тет-а-тет в Овальном кабинете, сквозило уныние. Приближенные госсекретаря если не опустили руки, то уж точно с трудом придумывали новые аргументы для Буша. Вот что они предложили: “Может быть, стоит обсудить вашу предстоящую поездку – прежде всего, чтобы подготовить почву для гуманитарной помощи, которая нам затем понадобится. Могут пригодиться армейские припасы и транспорт”. Помощникам Бейкера явно не нравилось, что в Белом доме пренебрегали их идеями. Деннис Росс, руководитель группы политического планирования Госдепартамента (он же готовил речь для Принстона), выслал Бейкеру текст выступления еще 6 декабря, сопроводив его запиской, которую госсекретарь назвал “непривычно прямолинейной”. Росс не только доказывал, что пора уходить от политики “сдерживания”. Он советовал более не ставить на Горбачева, поскольку политический вес того в Советском Союзе представлялся незначительным. Кроме того, Росс не скрывал разочарования действиями других органов исполнительной власти США. “Мало кто там понимает, что на кону, – жаловался Росс, которого Бейкер цитирует в раннем варианте своих мемуаров (затем он этот пассаж вычеркнул), – и почти все хорошие идеи, которые у нас появлялись за последние три месяца, они похоронили”[24].

Госсекретарь подобрал день для принстонского бенефиса, чтобы подчеркнуть начало своего турне по Советскому Союзу (или, скорее, его обломкам). Он собирался наведаться в Москву, а также в столицы Киргизии, Казахстана, Белоруссии и Украины. Замысел Бейкера состоял в разъяснении американской политики в свете итогов референдума на Украине, но в бывшем СССР перемены происходили так быстро, что госсекретарю приходилось корректировать планы на ходу. Когда Госдепартамент наконец решил махнуть рукой на союзный центр и перейти к налаживанию отношений с республиками, анализ обстановки еще более усложнило известие об учреждении СНГ. Теперь одной из главных задач Бейкера стало выяснение роли Содружества в разделе советского наследства (не в последнюю очередь ядерных вооружений) – и в судьбе новых стран. “Я не знал, – признавался он, вспоминая свои размышления перед отъездом в Москву 14 декабря, – можно ли будет встать хоть где-нибудь на твердую почву в стране, которая погружается в хаос”[25].

Слово “хаос” нельзя считать преувеличением. Посольство США в Москве с трудом находило бензин для своего автопарка. Международный аэропорт Шереметьево, в котором приземлился самолет из Вашингтона, остался одним из немногих действовавших в Советском Союзе, хотя и там отменяли рейс за рейсом. Большинство аэропортов закрылось из-за нехватки

топлива. Тринадцатого декабря на первой полосе “Нью-Йорк таймс” (в том же номере на полосе *A24* давали обширные выдержки из принстонской речи Бейкера) поместила статью “Московские бедствия”. Событие, о котором рассказывала газета, произошло в родных для Ельцина местах – в Свердловске (уже переименованном в Екатеринбург). “На этой неделе в Екатеринбурге, на Урале, пассажиры, которым было негде сесть и нечем утолить голод, – рассказывал репортер, – истощенные более чем суточным ожиданием и не получившие за это время никаких пояснений, захватили после очередной отсрочки вылета самолет и приказали экипажу лететь в Крым”. Огромная империя страдала от безвластия. Зато ее арсеналы ломились от оружия массового поражения[26]. Ситуация, принимая во внимание исторические примеры, была очень опасной.

Вскоре после того, как мир узнал новости из Беловежской пущи, Майкл Р. Бешлосс и Строб Тэлбот, эксперты по международным отношениям, отправились в Москву, чтобы взять интервью у Горбачева. (Бешлосс – автор нескольких трудов о президентах Соединенных Штатов, Тэлбот – внешнеполитический обозреватель журнала “Тайм”, знаток Советского Союза и Восточной Европы и переводчик мемуаров Никиты Хрущева на английский язык.) Приглашение они получили от ближайшего окружения советского президента. Через год с небольшим Тэлбота пригласят в правительство Билла Клинтона, его друга со студенческих лет – сначала на должность особого координатора, а после и заместителя госсекретаря – чтобы курировать Восточную Европу и Россию. А пока они с Бешлоссом ухватились за возможность пообщаться с Горбачевым. Американцы вместе работали над книгой об окончании холодной войны, однако интервью их просили взять для “Тайм”. Позднее Бешлосс и Тэлбот так оценили задачу собеседника: “Горбачеву терять было уже нечего, и он пытался опереться на единственных оставшихся сторонников – западную публику”[27].

Вечером 13 декабря, когда Палажченко привез в Кремль интервьюеров (с ними приехал и Джон Коухан, глава бюро “Тайм” в Москве), гости, по их воспоминаниям, приготовились услышать лебединую песню Михаила Сергеевича. Горбачев, как ни странно, ни в малейшей степени не производил впечатления разбитого полководца. Двенадцатого декабря, за сутки до интервью, Горбачева серьезно огорчило известие о ратификации Беловежского договора российским парламентом… но утро вечера мудренее. На вопрос, в котором была лишь доля шутки, останется ли он при власти в понедельник (через три дня в журнале уже собирались напечатать отрывок интервью), Горбачев ответил со смехом: “В понедельник? Конечно”.

Вне всякого сомнения, Горбачева до сих пор мучила обида из-за выходки Ельцина: 8 декабря тот из Вискулей позвонил в первую очередь в Вашингтон. “Не было нужды втягивать в это Буша, – наставлял глава Советского Союза Бешлосса и Тэлбота. – Это вопрос моральных устоев Ельцина. Не могу ни одобрить, ни оправдать такое его поведение”. Горбачев раскритиковал и Белый дом, попрекая американцев тем, как легко они в

обход Кремля начали устанавливать отношения с руководителями республик. А ведь кое-кто из этих руководителей, по мнению Михаила Сергеевича, выходом на международную арену был обязан именно ему: “Что ж, если Горбачев присылает сюда этих людей, получается, что с Горбачевым покончено, а нам стоит поддержать новых лидеров. А здесь не успеваешь следить за новостями. Пока *мы* еще пытаемся понять, что творится, Соединенные Штаты, кажется, во всем разобрались! Не думаю, что это порядочно – особенно по отношению к тем из нас, кто выступал за партнерство и за полноценное сотрудничество”[28].

Если Горбачев в американских товарищах почти что разочаровался, его приближенные пока не теряли надежды опереться на них. Пятнадцатого декабря, через два дня после интервью, Бешлосс и Тэлбот навестили квартиру на окраине Москвы: их пригласил на неформальный обед переводчик Горбачева Палажченко. После обеда он попросил жену оставить их одних и предложил изумленным американцам записать секретное послание правительству США. Палажченко надиктовал следующее:

Президент [Горбачев] открыт для любых перспектив. Возможно, он займет тот или иной пост в Содружестве. Но унижать себя ради этого он не позволит. Руководству Соединенных Штатов и Запада стоило бы подумать, как внушить Ельцину и другим, насколько полезно будет оставить президенту ту или иную активную роль и как важно сделать это таким образом, чтобы не задеть его достоинство. В то же время вполне вероятно, что через несколько недель он превратится в частное лицо. Некоторые уже фабрикуют против него [уголовное] дело. Важно, чтобы Ельцин не имел с этим ничего общего и чтобы он запретил плести интриги с целью повредить президенту. Повторюсь: руководству Соединенных Штатов не следовало бы оставлять у него никаких сомнений на этот счет. Все вышеизложенное – личная точка зрения, которая с президентом не обсуждалась.

Палажченко заверил Бешлосса и Тэлбота, что не выступает от лица Михаила Сергеевича. Об авторе сообщения он упорно молчал, зато объяснил, кому оно предназначалось. Доставить записку надлежало одному из трех человек: Джорджу Бушу, Джеймсу Бейкеру либо Деннису Россу, доверенному лицу госсекретаря, ответственному за политическое планирование. Палажченко некоторое время спустя вспоминал, что решил передать послание в Вашингтон по рекомендации коллеги, который обладал обширными связями в советских политических кругах – позднее тот вошел в окружение Ельцина. Этот коллега рассказал переводчику, что собрана целая команда, которая лихорадочно разыскивает “компрометирующие материалы”, и что организаторы путча, вполне вероятно, изменят свои показания, чтобы подставить “его” – Горбачева. Виновные в попытке государственного переворота в августе действительно утверждали, что чрезвычайное положение объявили с молчаливого согласия президента Советского Союза[29].

Поступок Палажченко был затеей верного слуги, надеющегося помочь хозяину и одновременно сохранить место. Несмотря на драматизм своего

положения, ломился переводчик в открытую дверь. Два дня назад, 13 декабря, Буш поставил Ельцина в известность о том, что его беспокоит будущее Горбачева. Когда Борис Николаевич позвонил в Белый дом сообщить о ратификации Беловежского соглашения российским, украинским и белорусским парламентами, президент Соединенных Штатов спросил:

– Чем, по-вашему, займется Горбачев?

Ельцин признался, что не намерен предлагать Горбачеву пост в руководстве СНГ:

– У нас не будет поста президента Содружества. Мы все будем равными.

В конце беседы Буш вернулся к судьбе последнего советского вождя.

– У вас перемены, и я надеюсь, что все происходит ненасильственным путем, – прозрачно намекнул он президенту России.

Тот пообещал Бушу не допустить унижения Горбачева:

– Я гарантирую, лично вам обещаю, господин президент, что все произойдет по-хорошему, в рамках приличий. Мы окажем Горбачеву и Шеварднадзе всяческое уважение. Все будет спокойно, постепенно и без радикальных мер.

Буша ответ удовлетворил:

– Замечательно. Рад это слышать[30].

Вскоре после этого разговора хозяин Белого дома из вежливости позвонил и Горбачеву. Тот выругал Ельцина и глав других бывших республик за то, что они, учредив СНГ, выбили опору у него из-под ног. Такую тактику Михаил Сергеевич называл любительщиной. “Горбачев не сдерживал гнева, – позднее вспоминал Буш. – Он… пересказывал все события, начиная с 25 ноября”.

Как ни злило Горбачева поведение российского руководства, казавшееся ему предательством, президент СССР не отбрасывал возможность сотрудничества с новым государственным объединением. “Какой я вижу свою роль в будущем? – задал он Бушу риторический вопрос. – Если Содружество станет аморфной организацией, без какого-либо механизма внешних сношений, военного и экономического взаимодействия, то я не вижу для себя никакой роли”. Подтекст был ясен: Михаил Сергеевич готов был снизойти до СНГ, но тому потребовалось бы образовать межгосударственные органы, чтобы координировать свою деятельность – а заодно и подыскать ему руководящую должность[31].

Положив трубку, Буш повернулся к Скоукрофту:

– Ну что, теперь точно конец?

– Да, у Горбачева вид довольно жалкий.

В журнале телефонных переговоров Белого дома стенограмма впервые не получила пометку “Беседа с президентом Советского Союза”[32].

Вечером 15 декабря, вскоре после того как переводчик Горбачева надиктовал секретную депешу изумленным Бешлоссу и Тэлботу, в Шереметьево приземлился самолет из США, на борту которого находились Бейкер и Росс – два из трех адресатов письма Палажченко. Тэлбот поспешил

доставить письмо в гостиницу "Олимпик Пента" и передать его Россу в собственные руки. Тэлбот объяснил, что получил сообщение от одного из приближенных Горбачева, но имени не назвал. Впрочем, советник госсекретаря и сам угадал его. Правда, у него тут же возникло другое предположение – Александр Яковлев. Когда Росс отнес бумагу своему боссу – Бейкер остановился в той же гостинице (ее построили для Олимпиады 1980 года, которую Соединенные Штаты бойкотировали), – тот оценил обстановку следующим образом: "Ну что ж, это дело оставлять нельзя… Придется обговорить его и с Ельциным, и с Горбачевым. Однако впутываться в это мы не можем"[33].

С момента посещения Москвы Бейкером прошло три месяца. В начале сентября советская столица порадовала его теплой погодой и эйфорией, которой сопровождался крах августовского путча. Теперь в Москве стояли пасмурные, холодные дни, и политическая атмосфера была унылой – по меньшей мере в свите Горбачева. Московский график Бейкера соответствовал изменившемуся соотношению сил. Первым он собирался проведать не советского министра иностранных дел Шеварднадзе, своего старого друга, – а Козырева, российского коллегу Эдуарда Амвросиевича. Они познакомились с Бейкером в Брюсселе, когда Козырев спешно отправился на Запад, чтобы призвать его лидеров поддержать Ельцина. С конца августа политический вес Козырева многократно вырос, и в ноябре 1991 года министр иностранных дел СССР Борис Панкин на его фоне выглядел уже бледно. Возвращение Шеварднадзе в здание министерства на Смоленской-Сенной площади уже не могло переломить эту тенденцию.

Козырев не испытывал особой радости по поводу визита Бейкера. Дел у него было невпроворот, и он не понимал, каким образом государственный секретарь США поможет российскому правительству наладить отношения с соседями по распущенному Союзу. "Декабрь был страшный месяц по объему работы с бывшими республиками, – рассказывал Козырев в интервью. – И тут еще приперся Бейкер. В этот момент он был совершенно ни к чему, потому что мы в своих делах разбирались". Американец вошел в кабинет министра в бывшем здании ЦК КПСС в окружении своих подчиненных и засыпал Козырева вопросами о том, как предполагает функционировать СНГ, начиная с контроля над ядерными арсеналами и вообще военной машиной и заканчивая выработкой совместного внешнеполитического курса и тем, насколько СНГ желает признания мировыми державами в качестве равноправного игрока. Андрей Владимирович отделался привычным для российского руководства ответом – Беловежский договор, мол, позволил остановить хаотический распад Советского Союза. Подробностями высокого гостя он не побаловал.

Козырев стремился к сепаратному признанию США членов Содружества. Бейкер же делать такой подарок Ельцину не торопился. Признание казалось ему главным пряником, который Америка могла предложить России и другим в обмен на исполнение требований касательно безопасности, демократии и рыночных реформ. От внимания госсекретаря не

ускользнуло, что его партнер отзывался о Советском Союзе как о не существующем уже государстве. Бейкера подобный радикализм не устраивал – он не сбросил еще СССР со счетов. Внешнеполитическое ведомство США испытывало к Союзу определенную привязанность. Помощники Бейкера вскоре сами начали задавать Козыреву вопросы – и его ответы их также мало удовлетворили. Позднее министр признался, что в те дни в российском руководстве царила сумятица: “Конечно, у нас порядка никакого не было. Все с колес делалось. Ни правительства нормального, ничего”[34].

Тем же вечером госсекретарь США высказал Шеварднадзе все, что думал о Козыреве. Они поужинали вместе, частным образом, дома у скульптора Зураба Церетели, земляка и друга министра иностранных дел СССР: “В комнате, стены которой пестрели пятнами абстрактных полотен, мы сели за белый пластиковый стол. Вокруг стояла разноцветная мебель, скорее садовая”. В 90-х годах Церетели станет одним из наиболее популярных и в то же время одиозных скульпторов в России. (Его памятники правителям воздвигнут в Москве, Петербурге и других городах, причем эти монструозные формы многих возмутят из-за нарушения архитектурных ансамблей. Отливал скульптор в бронзе самых разных персонажей, от императоров – Петра Великого и Николая II – до Иосифа Сталина и Владимира Путина.) Ужиная в причудливо отделанном и обставленном доме Церетели, американец наконец-то нашел благодарного слушателя – у Шеварнадзе оказались сходные взгляды на СНГ: хотя появление Содружества казалось единственным выходом из тупика, тем не менее, по словам Бейкера, “стороны, образовавшие это новое Содружество, не вполне понимали, что делают”. Так же приятно было старым друзьям сойтись во мнении о том, что признание СНГ Соединенным Штатам необходимо поставить в зависимость от того, какая именно судьба ждет Вооруженные Силы бывшего Союза[35].

На следующий день Бейкер поехал задавать вопросы о Содружестве, о контроле над ядерными боеголовками и так далее единственному человеку в Москве, который должен был знать ответы – президенту России. Манера Ельцина произвела на американского гостя выгодное впечатление. Борис Николаевич настоял, чтобы встреча прошла буквально под носом у Горбачева – в Екатерининском зале. Михаил Сергеевич, как правило, принимал там высокопоставленных гостей из-за рубежа. Ельцин явился с целой свитой, куда входили не только Козырев, Гайдар и другие “младореформаторы”, но и двое членов тающего правительства СССР – министр обороны Евгений Шапошников и министр внутренних дел Виктор Баранников. Приближенные Ельцина заинтриговали журналистов, накануне события намекнув: стоит внимательно следить за тем, кто явится в Кремль вместе с их шефом. Они имели в виду двух союзных министров – их появление в компании президента России должно было недвусмысленно показать и американским визитерам, и жителям одной шестой части суши, кто теперь отдает приказы в Москве.

Борис Николаевич начал с того, что поприветствовал Бейкера “в русских стенах, на русской земле”. Затем он изложил свою позицию по вопросам, на которые днем раньше Козырев не дал внятного ответа: СНГ, ядерное оружие, гуманитарная помощь бывшему Союзу. Недолго думая, Ельцин пошел с козырного туза: 21 декабря к Содружеству присоединятся Казахстан и республики Средней Азии. Затем он объявил, что РСФСР намерена переподчинить себе основные союзные министерства, занять место СССР в Совете Безопасности ООН и единолично контролировать “кнопку” – ядерное оружие на территории бывших союзных республик. В присутствии Шапошникова Ельцин удивил гостей еще и рассказом о своей мечте: поставить в один прекрасный день Вооруженные Силы СНГ под командование НАТО. Президент добивался от Соединенных Штатов признания независимости России, Украины и Белоруссии, а также статуса первой как правопреемницы Советского Союза на международной арене.

Госсекретарю, не удовлетворенному общением с Козыревым, понравились ответы Ельцина – подробные и откровенные. С другой стороны, Андрей Владимирович, скорее всего, предупредил Бориса Николаевича, какие именно проблемы интересуют американского коллегу. Но Бейкер не забыл и о недавно полученном послании Палажченко – он заговорил о Горбачеве, не скрывая, что ему не терпится и на этот вопрос получить конкретный ответ. Президент России заявил гостю, что пересуды в СМИ о возможном назначении бывшего хозяина Кремля верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СНГ не имеют под собой оснований. А вот с тем, что Горбачева следовало бы защитить от унижений, Ельцин спорить не стал. Когда Бейкер пересказал дошедшие до него слухи об угрозе возбуждения уголовного дела в отношении президента СССР и дал понять, что это в Соединенных Штатах не поймут и не одобрят, Борис Николаевич проявил снисхождение к поверженному противнику: “Горбачев многое сделал для нашей страны. С ним надо обходиться с уважением, и он заслуживает, чтобы с ним так обходились. Пора уже становиться такой страной, где вожди могут уйти в почетную отставку!”

Острый вопрос о централизованном контроле над ядерным оружием Бейкер с Ельциным обсудили, выставив помощников за дверь. Президент поведал гостю, что имелось три ядерных чемоданчика с кодами запуска: один у Горбачева, один у Шапошникова, один у самого Ельцина. Для боевого применения баллистических ракет должно было поступить подтверждение от всех троих. Таким образом, Борис Николаевич намекал, что Михаил Сергеевич уже не обладал единоличной властью и в этой сфере. Теперь какое угодно его распоряжение ракетно-ядерным войскам потребовало бы согласия Ельцина. Вообразить же их заодно с Горбачевым было очень трудно, о чем бы ни шла речь – тем более о запуске ракет. При роспуске Советского Союза и частичной замене его функций Содружеством президент России видел предпосылки только к сокращению числа ядерных чемоданчиков, никак не наоборот. “У Горби телефон и чемоданчик отнимут еще до конца декабря”, – записал Бейкер в блокноте советского производства, на обложке которого

красовалось слово “Москва”. Ельцин объяснил, что Горбачев вместе со своим постом лишится и полномочий, но первые лица Украины, Белоруссии и Казахстана – тех стран, где размещалось ядерное оружие, – чемоданчиков не дождутся. “Руководство Украины, Белоруссии и Казахстана не понимает, как эти штуки работают, поэтому рассказываю я только вам, – откровенничал Ельцин. – Им достаточно будет и телефонов”. Бейкера объяснение вполне удовлетворило.

В завершение разговора президент России пообещал гостю список чиновников, с которыми Соединенные Штаты могли бы контактировать по вопросу доставки гуманитарной помощи. Представитель Белого дома решил не задавать вопросов, которые бы поставили Ельцина в неловкое положение, так что из подготовленной для него “шпаргалки” он вычеркнул следующий параграф: “Сейчас мы не можем даже поставлять продовольствие по [договору с] Корпорацией] т[оварного] к[редита], потому что ваша сторона обязалась оплачивать транспортные расходы, но не может. Так что вам надо сообразить, как оплачивать расходы КТК, срок у которых подходит в январе. Если с вашей стороны последует неуплата, по закону мы не имеем права продолжать. Это будет катастрофа”.

Госсекретарь остался доволен встречей. Уверенность в себе Ельцина, прямые и ясные ответы на вопросы, днем ранее, в разговоре с Козыревым повисавшие в воздухе, – все это заставило Бейкера проникнуться к Ельцину уважением. Вероятно, именно тогда, слушая президента, он расстался с привязанностью к советской империи и принял новые правила игры: СССР заменит Содружество во главе с Россией. Проводя параллель между этим совещанием и визитом к Горбачеву через несколько часов, американец отметил в мемуарах, что в тот день “увидел своими глазами прошлое Советского Союза и будущее России”[36].

Козырева очередная встреча с Бейкером разочаровала. Дело было не в зависти к талантам Ельцина – по мнению министра, тот упустил уникальную возможность прямо спросить, готовы ли США открыть широкомасштабную программу финансовой поддержки России, а договорился вместо этого только о гуманитарной помощи. Еще до приезда в Кремль Козырев обсудил с Гайдаром (его мнению относительно экономических реформ президент полностью доверял), как можно добиться успеха на этом направлении. Условились, что Андрей Владимирович попросит шефа дать Егору Тимуровичу слово, чтобы тот объяснил госсекретарю, в чем именно нуждается страна. Не вышло. Позднее, в интервью, Козырев рассказывал, что когда американец спросил, только ли России необходима гуманитарная помощь, Борис Николаевич ответил: “Нет, почему? Украине, всем республикам гуманитарную помощь”. Его слова “младореформаторов” застали врасплох. “Мы с Егором [Гайдаром] чуть не выскочили из штанов во время этой беседы, – жаловался министр иностранных дел. – Я ему говорю: ‘Егор, это то, что ты хотел?’ Он говорит: ‘Нет, это не то’. Я говорю: ‘Дайте Егору сказать’”. Однако Ельцин отмахнулся от своего ведущего экономиста. “Никто не говорил, когда говорил он”, – вспоминал Козырев.

Андрей Владимирович не догадался, с чем явился гость из Вашингтона. Никто и не собирался воплощать в жизнь аналог “Плана Маршалла”. Гуманитарная помощь, техническая поддержка – вот все, что Соединенные Штаты хотели и могли предложить тогда России и другим бывшим союзным республикам. Когда Козырев провожал Бейкера в аэропорту 17 декабря (американец увез подаренную по случаю мороза мидовскую бобриковую шапку), его удручало, что российское правительство попросило Вашингтон лишь о гуманитарной помощи. Надежда на выделение России крупных средств оказалась беспочвенной. “Он [Бейкер] так в моей шапке отвалил с гуманитарной помощью в зубах и занимался этим”, – даже через много лет Козырева раздражали воспоминания о том дне. В общем-то, сделку министр провернул весьма выгодную: обменял шапку, которой красная цена сто долларов, на гуманитарную помощь стоимостью в сотни миллионов долларов. Но мечтал Козырев для России совсем о другом[37].

Перед отъездом из Москвы Бейкер вернулся в Кремль, чтобы побеседовать с человеком, политика которого привела к настолько глубоким переменам в стране и в мире, что для него самого там места уже не осталось. Направляясь на третий этаж Сенатского дворца, в кабинет Горбачева, гостю следовало мобилизовать все свои дипломатические способности, чтобы еще раз не задеть хозяина за живое.

Тремя днями ранее, 13 декабря, когда Буш из вежливости позвонил президенту Советского Союза, тот кольнул американского коллегу: “Джордж, думаю, что Джиму Бейкеру не стоило выступать с речью в Принстоне – особенно провозглашать, что СССР прекратил свое существование. Всем нам надо вести себя осторожнее в такие времена”. Горбачев перепутал речь в университете с заявлением, сделанным госсекретарем немного ранее: “Советского Союза, каким мы его знали, больше не существует”. Бейкер объявил это перед телекамерами, узнав, чем закончилась встреча в Беловежской пуще – и старался подобрать формулировки настолько мягкие, насколько позволяли обстоятельства. Тем не менее Буш предпочел успокоить Михаила Сергеевича: “Согласен с вашей критикой”. После этого разговора президент СССР позвонил Анатолию Черняеву и похвастался, что дал Бушу “отлуп за поведение”[38].

Бейкеру надо было постараться не разозлить Горбачева еще сильнее. Однако встреча прошла на удивление гладко. Михаил Сергеевич ничем не показывал, что обижен, и только однажды позволил себе упомянуть “бестактное” поведение Соединенных Штатов: “Видимо, были какие-то ошибки, какие-то серьезные просчеты с моей стороны, и какие-то с вашей”. Бейкер истолковал эти слова как возможную отсылку к утечке из Белого дома информации о признании независимости Украины либо реакции на события в Вискулях. Если Горбачев и дал волю гневу, то лишь относительно Ельцина и других учредителей Содружества, которых он обвинял в перевороте. Горбачев отлично понимал, насколько шатким было его положение, и госсекретаря поразил контраст между поведением Горбачева и

его российского соперника. “Ельцин распустил перья, – вспоминал Бейкер, – а Горбачев поджал хвост”. Американец уверил Михаила Сергеевича, что Соединенные Штаты не бросят его на произвол судьбы: “Что бы ни случилось, мы останемся вашими друзьями. И нам очень грустно наблюдать… что с вами обращаются с пренебрежением. Скажу откровенно – мы против”. Бейкер ни словом не обмолвился о гарантиях “почетной отставки” Горбачева[39].

Впрочем, какую бы неприязнь ни вызывал у Михаила Сергеевича президент России, последний советский вождь не отбрасывал возможность сотрудничества с руководством бывших республик. В записке, подготовленной Черняевым для беседы с Бейкером, говорилось, что учреждение СНГ привело к появлению новой реальности. “Хотел бы, чтобы я и мои старые товарищи, – сказал Горбачев, имея в виду присутствовавших Александра Яковлева и Эдуарда Шеварднадзе, – помогли обеспечить будущее Содружества и преемственность в управлении”. Горбачев сообщил Бейкеру, что уже обсудил с Ельциным график передачи власти. И президент СССР, и его американский гость при всем их скептическом отношении к Беловежскому договору понимали, что от СНГ им никуда не деться. Однако если госсекретарь США мог рассчитывать на теплый прием и уважение, Горбачеву в новой реальности места не было.

Глава 17
Победа Евразии

Семнадцатого декабря – в день вылета Джеймса Бейкера из Москвы – Михаил Горбачев и Борис Ельцин встретились, чтобы обсудить передачу власти руководителям Содружества Независимых Государств. “Президенты согласились с тем, что процесс перехода союзных структур в новое качество должен завершиться к концу этого года, – на следующий день оповещала читателей проельцинская ‘Российская газета’. – В этот срок прекращается действие всех союзных структур, часть из них переходит под юрисдикцию России, остальная часть ликвидируется”. К середине декабря 1991 года всем стало очевидно, что обновленного Союза в каком бы то ни было виде ждать не стоит. Даже Горбачев понял, что его проект обречен. Место СССР заняло СНГ. Согласно данным опросов, образование этой структуры поддерживало 68 % граждан России. Тем не менее, неясной оставалась природа Содружества[1].

Определить характер объединения предстояло в первую очередь руководителям восточнославянских и среднеазиатских государств, которые съезжались в столицу Казахстана, чтобы 21 декабря провести переговоры о том, как выстраивать взаимоотношения после заключения договора в Беловежской пуще. Ельцин уже рассказал Бушу, что бывшие советские республики с преобладанием мусульманского населения присоединятся к Содружеству, однако никто еще не знал, в каком статусе и на каких условиях. Президент СССР связывал последние надежды на сохранение власти именно с казахстанским саммитом. Ему хотелось, чтобы президенты Казахстана и среднеазиатских республик превратили СНГ из задуманного в

Вискулях Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем аморфного объединения в некую более централизованную структуру. Как не раз бывало в 1989 году и после, Горбачев полагал, что “радикализм” российских политиков должен быть уравновешен консерватизмом представителей советской периферии.

Горбачев просчитался. Хотя большинству тех, на кого он надеялся – в первую очередь президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву и президенту Узбекистана Исламу Каримову, – создание одними лишь восточнославянскими государствами содружества пришлось не по нраву, они не видели выгоды в противостоянии с Ельциным. Обид на Кремль у них накопилось немало, а желание приобрести статус независимых правителей оказалось достаточно сильным, чтобы без колебаний выступить за Содружество, которое включало бы также их государства.

Хотя результат казахстанского саммита волновал сильнее всего двоих, Горбачева и Ельцина (а осчастливить мог лишь одного), первым чужеземцем, которому выпал шанс проверить отношение к Содружеству глав государств Средней Азии и Казахстана, стал Джеймс Бейкер, утром 17 декабря покинувший Россию. Маршрут перед ним лежал довольно извилистый: в Брюссель через Среднюю Азию, с остановками в Белоруссии и на Украине. График он назначил себе крайне тяжелый. Вылетал госсекретарь из Москвы в девять утра, в полчетвертого должен был прибыть в столицу Киргизии Бишкек (уже не Фрунзе), покинуть город без пяти восемь вечера и через сорок минут сесть в аэропорту казахстанской столицы. Последний выход госсекретаря к журналистам был назначен на 23.38 того же дня. На следующее утро предстоял перелет в Минск – прибыть туда Бейкер должен был в час дня. А уже без пяти шесть вечера американец должен был сходить с трапа в Киеве. Наконец, из украинской столицы Бейкеру следовало вылететь 19 декабря без пятнадцати семь утра, чтобы через два с четвертью часа успеть на заседание в Брюсселе[2].

Посещение Бишкека в графике значилось первым. “В регионе, где гораздо тверже стояли на ногах диктаторы, чем те, кто исповедовал идеалы Томаса Джефферсона, президент Киргизии Аскар Акаев выглядел совершенной аномалией, искренним адептом демократии и свободного рынка, – объяснял Бейкер в мемуарах, зачем ему понадобилось останавливаться в столице маленькой республики. – Мне казалось, что мое появление станет важным знаком для Акаева и мусульманского населения региона – знаком того, что США готовы поддержать реформы”. Акаев – еще недавно глава Академии наук Киргизской ССР – и впрямь был белой вороной среди нового поколения республиканских руководителей: кроме физика Станислава Шушкевича, все они вышли из коммунистической верхушки. Визит госсекретаря Соединенных Штатов на самом деле поднял боевой дух президента и граждан этого государства, которое только обретало независимость. Бейкер припоминал: когда Акаев увидел госсекретаря, выходящего из самолета, он стал “потрясать над головой кулаками, словно боксер, только что победивший в матче за титул в полусреднем весе”.

Президент Киргизии проводил именно ту линию, которую одобрял Бейкер. Аскар Акаевич безоговорочно приветствовал Содружество и не скрывал, что ему трудно пришлось бы без России, на чью защиту он надеялся ввиду таких угроз, как наступление радикального исламизма и растущее влияние соседнего Китая. Он не мечтал о ядерном оружии и был уверен, что для обороны его стране достаточно какой-нибудь тысячи солдат. С другой стороны, Акаев намеревался взять на вооружение пять принципов, провозглашенных Бейкером вскоре после августовского путча в назидание лидерам бывших советских республик. В целом, Киргизия выражала полную готовность превратиться в кирпичик нового мирового порядка, предложенного Вашингтоном. Госсекретарь улетал в Алма-Ату с такими мыслями: “Учитывая огромный моральный авторитет, которым обладают Соединенные Штаты в глазах немалой части этих республик и их руководства, на нас ложится особая ответственность. Мы обязаны поддержать их реформаторские планы”[3].

Не прошло и часа, как самолет Бейкера сел в столице Казахстана. За три с небольшим месяца он наведывался сюда уже во второй раз (в первый раз – в середине сентября, когда знакомился с положением дел в Советском Союзе после августовского путча). Новый визит Бейкера свидетельствовал и о значении республики, и о политической проницательности ее лидера. Пятидесятилетний Нурсултан Назарбаев руководил единственной бывшей советской республикой, которая не относилась к восточнославянской троице, но располагала ядерным арсеналом. Назарбаев был крупной фигурой на союзной шахматной доске, а теперь стремился к установлению прямых политических и экономических контактов с Западом. От планов Нурсултана Абишевича в немалой степени зависели судьба Советского Союза, будущее Содружества и разрешение вопроса о контроле над оружием массового поражения.

Казахстан провозгласил независимость позднее, чем многие другие союзные республики. Для этого потребовалось Беловежское соглашение и те события, которые за ним последовали. Сыграв в Кремле 9 декабря роль почти молчаливого свидетеля перепалки Ельцина и Горбачева, Назарбаев передумал поддерживать Горбачева и эфемерный уже Советский Союз и принял сторону Ельцина и СНГ. “Российская газета” позицию, занятую в те дни правителем Казахстана, резюмировала так: “Он посоветовал не спекулировать на теме противостояния славянских республик азиатским. Во-первых, потому что это опасно, во-вторых, потому что сам он резкий противник договоров по национальному, этническому принципу и считает их возвратом к средневековью. В-третьих, потому что он не видит в желании трех славянских государств найти оптимальные формы сотрудничества никаких антиказахских и прочих мотивов”.

Покинув Москву, Назарбаев направился в Алма-Ату, чтобы, не теряя ни дня, завершить процесс обретения Казахстаном независимости. Советский Союз доживал последние дни, и если казахстанское руководство желало играть сколько-нибудь существенную роль в СНГ или, возможно, другом

региональном объединении, ему следовало обзавестись атрибутами суверенитета. Десятого декабря Верховный Совет переименовал Казахскую Советскую Социалистическую Республику в Республику Казахстан. Через несколько часов Назарбаев принес присягу на верность республике как первый избранный президент – выборы состоялись 1 декабря, в тот же день, когда граждане Украины проголосовали на референдуме и выбрали президентом Кравчука. А уже 16 декабря парламент провозгласил независимость Казахстана, не утруждаясь узнать, поддержат ли такое решение граждане. Как подметили журналисты, 1 декабря украинцы добились права на самоопределение не только для своей страны, но и для Казахстана[4].

Бейкер собирался обсудить с Назарбаевым два вопроса: ядерное оружие и перспективы Содружества. С собой гость привез те же пряники, которыми администрация Соединенных Штатов рассчитывала соблазнить и других руководителей бывших советских республик: гуманитарная помощь и техническая помощь. Переговоры госсекретарь вел, имея под рукой "шпаргалки" для встреч с любым первым лицом на постсоветском пространстве. Там были перечислены американские пожелания относительно ядерных и обычных вооружений, разрешения территориальных споров и экономического сотрудничества. Там же уточнялись объемы помощи, которую США оказывали Советскому Союзу: с декабря 1990 года одна сверхдержава обязалась выделить другой около 3,5 миллиарда долларов. Только в декабре 1991 года СССР должен был получить товаров на боо миллионов долларов. Назарбаев, однако, выслушал это без энтузиазма. Его интересовали признание независимости Казахстана и капиталовложения из-за рубежа. "Присылайте инвесторов и советников, а не деньги", – заявил он Бейкеру[5].

Назарбаев высказал и свое неудовольствие недавними действиями Белого дома. Он полагал, что американцы способствовали роспуску Союза в Вискулях: "Ельцин объявил на весь мир, что позвонил президенту Бушу и что президент Буш безоговорочно поддержал его. Если это правда, я скажу одно – поскольку президента Буша уважают во всем мире, надо тщательно взвешивать каждое слово. Какого мнения был президент о законности того, что они предприняли? И что он думал о конституционности этого? В августе реакция Соединенных Штатов была совершенно ясна. А ведь их позицию всем важно знать. Теперь же перед нами попытки Ельцина придать законность своим действиям таким образом, чтобы за него это сделал президент Буш"[6].

Бейкер уверил, что Вашингтон сохранял нейтралитет и не оказывал никакой поддержки лидерам России, Украины и Белоруссии. Госсекретарь писал в мемуарах, что как бы сильно Назарбаева ни задело, что его не пригласили в Беловежскую пущу, он готов был простить им обиду: "Они [Ельцин, Кравчук и Шушкевич] принесли мне свои извинения, это все позади". Теперь глава Казахстана решительно выступал в поддержку Содружества, изо всех сил убеждая коллег из среднеазиатских республик

присоединиться к нему. “Мне еще раз придется сыграть роль пожарного, – заявил он Бейкеру, сравнивая последствия Беловежского соглашения с чрезвычайной ситуацией. – Я должен буду собрать их всех в одну упряжку”.

Главы государств Казахстана и Средней Азии настаивали на соблюдении важного условия, без которого вступать в СНГ не желали: они претендовали на статус учредителей этой организации и повторное подписание договора об ее создании, но уже с их участием. Назарбаев также добивался заключения отдельного соглашения между четырьмя государствами, на чьей территории располагался ядерный арсенал СССР – о том, как именно осуществлять над ним контроль. Последнее Бейкера несказанно обрадовало: “За пять часов до рассвета я попал наконец к себе в номер и подумал, что три часа разговора с Назарбаевым стали едва ли не самым большим успехом за всю поездку”. Американец желал Назарбаеву успеха. На следующий день в Минске он объяснял Шушкевичу: “Присоединение среднеазиатских республик к славянским означает, что Средняя Азия может служить мостом между Востоком и Западом и надежным заслоном против исламского фундаментализма”[7].

Если в Белом доме содействовали расширению восточнославянского альянса за счет Казахстана и Средней Азии ради сохранения единого командования советскими ракетно-ядерными силами и противодействия исламистам, причины, по которым политические круги республик желали присоединения к Беловежскому договору, гораздо разнообразнее и труднее поддаются анализу. Ядерное оружие имелось лишь у Назарбаева, а радикальный исламизм был всего лишь одним из факторов, определявших поведение руководителей этих пяти государств, большинство которых воспитала партия. Их заботила прежде всего Российская Федерация. Много лет они подчинялись Москве и полагались на нее. Теперь же им не терпелось начать жить своим умом – но не рвать все нити, связывавшие Среднюю Азию с имперским центром.

Во вторник, в день прилета Бейкера, Назарбаев председательствовал на многолюдном собрании в центре казахской столицы, приуроченном сразу к двум событиям: провозглашению независимости в понедельник и пятой годовщине антиправительственных выступлений в городе (16–17 декабря 1986 года). Протестовать на улицы вышла, в первую очередь, казахская молодежь, причем под “националистическими” лозунгами – это был один из первых признаков того, что в Советском Союзе нарастает межэтническое противостояние. Молодые люди в основном учились в вузах Алма-Аты, а возмутило их до такой степени назначение русского, Геннадия Колбина, первым секретарем Компартии Казахской ССР и фактическим руководителем государственного аппарата. Славяне эту должность не занимали уже давно. Горбачев, поставив Колбина, проводил в жизнь свой замысел по очищению власти от кадров, доставшихся ему от Леонида Брежнева, и расцветшей при этом последнем коррупции.

Михаил Сергеевич опирался на русских в партийной верхушке, чтобы прибрать к рукам союзные республики и региональные элиты. Еще в 1985

году он перевел в Москву Ельцина, сменившего на должности столичного градоначальника Виктора Гришина, брежневского мастодонта. Колбина же (в начале 70-х годов – второго человека в Свердловском обкоме КПСС) перебросили в Казахстан из Поволжья, с поста первого секретаря Ульяновского обкома. По благословению нового генсека “свердловская мафия” вытесняла дряхлых взяточников и казнокрадов, а заодно укрепляла положение Горбачева в государстве, которое нуждалось в политических и экономических реформах[8].

Но если призвание Ельцина москвичи приветствовали, “избрание” Колбина натолкнулось на враждебный прием и среди простых казахов, и среди ближайшего окружения предыдущего босса. Причина лежала на поверхности – стремясь побороть гидру коррупции, изгнать из кресел вождей, которые, казалось, в них вросли, Горбачев нарушил неписаный договор между союзным центром и периферией, который сложился после смерти Сталина: первое лицо республики должно было представлять ее титульный этнос. Михаил Сергеевич, ощутив в руках рычаги управления, вознамерился править Союзом из рабочего кабинета, отводя местным элитам роль исполнителей. Но Алма-Ата отличалась от Москвы. У республик было больше прав, чем у городов, и республиканские компартии, а с ними и местная интеллигенция, не собирались так просто отказываться от добытых с трудом привилегий ради прихоти очередного кремлевского мечтателя[9].

Ходили слухи, что верхушка партии и правительства Казахской ССР – а присылка “варяга” из Москвы вынуждала их задуматься о своем будущем – сама подстрекала к бунту алма-атинских студентов казахского происхождения. Назарбаев, казах, работал тогда председателем Совета Министров республики и считался одним из наиболее вероятных кандидатов на пост первого секретаря компартии, откуда Горбачев убрал Кунаева. Кое-кто доказывал, что именно Нурсултан Абишевич стоял за “Желтоксаном” (декабрьскими протестами). Если это правда, он умудрился не навлечь на себя гнев союзного руководства. В разгар событий он обратился к студентам, призывая тех разойтись по домам. Уговоры, однако, не помогли, и Назарбаев присоединился к сторонникам жестких мер. Демонстрантов, которые вышли на улицы за несколько месяцев до провозглашения Кремлем политики гласности, разогнали. Были жертвы, студентов таскали на допросы, арестовывали, исключали из вузов.

Назарбаев начал свое восхождение на вершину, работая инженером на металлургическом заводе. Учился он на Украине, в родном городе Брежнева – Днепродзержинске. Это обстоятельство он часто и с гордостью подчеркивал, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его приверженности интернационализму. События декабря 1986 года на Назарбаеве не отразились, и он терпеливо дожидался своего часа. Летом 1989 года Горбачев отозвал Колбина и дал зеленый свет Назарбаеву: Нурсултана Абишевича избрали первым секретарем компартии Казахстана. Таким образом, негласный договор между Кремлем и республиканской верхушкой, нарушенный Горбачевым почти три года назад, им же был восстановлен.

Произошло это в то время, когда политические круги Казахстана не ограничивались желанием вернуть те привилегии, какими они пользовались при Брежневе, а готовы были потянуть одеяло на себя – вследствие политических реформ власть генсека заметно ослабла. Весной 1990 года, когда не прошел еще год с момента избрания Назарбаева главой казахстанских коммунистов, он повысил свой статус до президента республики. Как и Горбачев, выборы он проводил в Верховном Совете, не решаясь пока на всеобщее голосование.

Назарбаеву приходилось тщательно обдумывать, какую степень независимости он мог себе позволить и до каких пределов доводить суверенитет Казахстана. Что касается политического и этнического равновесия в стране, ему надо было пройти по более тонкому льду, чем любому из коллег. Титульным этносом значились казахи, они же преобладали в руководстве, но большинство населения республики составляли отнюдь не казахи. Из 16,5 миллиона жителей Казахстана 6 миллионов были русскими. Казахам они уступали в численности лишь на полмиллиона. Третье место занимали украинцы, нередко русифицированные и в любом случае с точки зрения лингвистической и культурной – восточные славяне. Их было чуть меньше миллиона. В 80-х годах численность казахов в республике росла быстрее, чем какого-либо другого этноса, но некоренных жителей все равно насчитывалось больше. Славяне, как правило, могли похвастаться лучшим образованием, доминировали в областных центрах и не скрывали, что считают себя хозяевами положения. “Если вы попутешествуете по нашей стране, – сетовал Назарбаев в разговоре с Бейкером в сентябре 1991 года, – то увидите, как русские дети бьют казахских детей. Вот так и со мной было. Нелегко с ними жить”[10].

Неустойчивый этнический баланс Казахской ССР сложился в результате межнациональных опытов, которые руководители советской империи ставили над подданными, а также проводимой экономической политики. В начале 30-х годов состав населения республики разительно изменился из-за кампании насильственной коллективизации и сопровождавших ее экономических потрясений. Более миллиона казахов – четвертая часть всего народа – умерло от голода в 1930–1933 годах. В 50-х годах в Казахстан приехали сотни тысяч людей из РСФСР и других республик, поскольку настало время новой сельскохозяйственной кампании, задуманной Хрущевым – освоения целинных земель. Одним из главных полководцев той кампании стал Брежнев, восходящая звезда советского режима. Цель состояла в превращении степей севера Казахстана в пахотные земли, что должно было избавить СССР от хронической нехватки продовольствия. Накормить одну шестую часть суши досыта так и не вышло, зато среди жителей Казахской ССР значительно увеличилась доля славян[11].

Вступив на пост президента в апреле 1990 года, Назарбаев оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, казахи требовали для себя все больше прав, среди них росли “националистические” настроения. С другой стороны, русские и украинцы, преобладавшие в северных областях

Казахстана, все чаще задумывались о выходе из состава республики. Назарбаев, добиваясь расширения полномочий органов законодательной власти и большей хозяйственной самостоятельности, не поддерживал открыто ни национализм казахов, ни сепаратизм восточных славян. Он маневрировал между двумя лагерями, усиливал позиции алма-атинской элиты и превращался в политического тяжеловеса и на общесоюзном уровне. Его стали по-настоящему уважать Ельцин и Горбачев, Кравчук и Шушкевич. Слово Назарбаева немало значило и для руководства среднеазиатских республик. Провал переговоров по новому Союзному договору и учреждение СНГ стали очередным испытанием его таланта маневрировать, внешне сохраняя при этом непоколебимость.

Президент не мог рисковать, провозглашая независимость Казахстана против воли славянского большинства, однако смириться с перспективой вхождения в СНГ в той форме, какую оно принимало в первые дни после событий в Беловежской пуще, ему было не с руки. Включить шесть с половиной миллионов казахов в межгосударственное объединение с двумястами миллионами русских, украинцев и белорусов? Едва ли. Назарбаеву нетрудно было предвидеть последствия, которые грозили бы в таком случае позициям казахской политической элиты, не говоря уже о культуре и национальной идентичности. Еще опаснее казались те взгляды на Казахстан, что исповедовал Александр Солженицын, духовный патрон “восточнославянского союза” – а ведь многие полагали, что в Вискулях образовали именно такой союз. Солженицын проповедовал “воссоединение” Северного Казахстана с Россией. Назарбаев позднее уверял, что появись он в Белоруссии 8 декабря, соглашение в первоначальной редакции он не подписал бы[12].

Президент отказывался составить компанию в СНГ одним лидерам восточнославянских стран, но не прочь был пойти на это вместе с первыми лицами стран среднеазиатских, с преобладанием традиционно мусульманского населения. Двенадцатого декабря он вылетел в Ашхабад, столицу соседней Туркмении, на совещание пяти глав государств (также Узбекистана, Таджикистана и Киргизии). Принимал гостей президент Сапармурат Ниязов, а на повестке дня стоял вопрос о реакции Средней Азии и Казахстана на образование восточнославянского Содружества. Ниязов предлагал создать некую среднеазиатскую конфедерацию в противовес той, которую Ельцин, Кравчук и Шушкевич провозгласили в Вискулях. Назарбаев высказался против этой идеи – и не оказался в одиночестве. Он настойчиво призывал азиатские республики вступать в СНГ.

“Мы собрались у Ниязова в Ашхабаде, – позднее рассказывал в интервью Назарбаев, – до трех часов утра обсуждали ситуацию: то ли мы не признаем упразднения Союза, а Горбачева признаем президентом – но какой Союз без России? То ли создаем среднеазиатскую конфедерацию – это Ниязов предложил, но экономика-то у нас общая, армия единая, рубль один и тот же [с Россией], 1150 боеголовок в Казахстане… Как же можно вставать в конфронтацию с Россией?” Идея “туркестанской” конфедерации, понятно,

нравилась Ниязову: его вотчина изобиловала природным газом, а население насчитывало всего 3,5 миллиона человек, подавляющее большинство – туркмены. Назарбаев понимал, что перспектива полного отделения от России и других восточнославянских стран могла обострить противоречия между казахами и неказахами, которые и так уже его беспокоили, и довести до того, что Казахстан в общепризнанных границах перестал бы существовать. Все более реальным казался предсказанный Солженицыным распад республики[13].

Исход дискуссии, разгоревшейся в Ашхабаде поздней ночью, немало зависел от президента Узбекистана, пятидесятитрехлетнего Ислама Каримова. Узбекистан в СССР был самой густонаселенной среднеазиатской республикой – там жило около 20 миллионов человек (третье место после России и Украины). Число представителей титульного этноса превышало 14 миллионов. Таким образом, мало кто мог составить узбекам конкуренцию – из этнических меньшинств русские, занимавшие второе место в республике, насчитывали всего 1,65 миллиона. Узбекские политические круги не боялись славян у себя дома, однако их отношения с центром в последние годы существования Советского Союза назвать теплыми было невозможно. Кремль ни разу не посмел назначить первым секретарем ЦК местной компартии, то есть, правителем неславянской Узбекской ССР, этнического русского – как в Казахстане, – но поощряемая Москвой борьба с коррупцией озлобила верхушку республики, тем более что, по ряду причин, Узбекистан стал главной сценой этой антикоррупционной кампании[14].

Масштабное следствие по “хлопковому делу”, которое довольно скоро окрестили “узбекским”, началось еще при Андропове. Горбачев, заняв высший пост, не уставал подгонять правоохранительные органы, требуя обеспечить успех на этом направлении. Факты, ставшие достоянием гласности благодаря работе присланных из Москвы следователей, потрясли советских граждан. Первого секретаря ЦК Компартии Узбекской ССР обвинили в том, что он брал взятки от четырнадцати человек, на общую сумму в 1,2 миллиона рублей. Взятки, как утверждали следователи, давали порой даже в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца во время заседаний Верховного Совета СССР. Схему, в рамках которой в Узбекистане из рук в руки противозаконно перешли миллионы долларов, покрывал Шараф Рашидов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, фактически глава Узбекской ССР в 1959–1983 годах.

В середине 70-х годов Москва бомбардировала руководство Узбекистана требованиями увеличить производство хлопка – главного экспортного продукта республики. В один прекрасный день Рашидов, которому вскружил голову рекордный урожай, дал Брежневу обязательство ежегодно выдавать шесть миллионов тонн хлопка. Действительный же потенциал Узбекистана составлял три-четыре миллиона. Неосторожной похвальбой Рашидов поставил под угрозу не только собственную карьеру, но и будущее своего окружения. Осознав это, первый секретарь велел засеять хлопком каждый пригодный для этого клочок земли и превратил все население республики, включая школьников и студентов, в полукрепостных,

вынудив их трудиться на полях и лишив возможности нормально учиться и работать. Тем не менее его ухищрения желаемого результата не дали – собрать шесть миллионов тонн не удалось ни разу[15].

Метрополия стремилась выжать из Узбекистана “белое золото”. Хлопчатник выращивали под солнцем Средней Азии, главные же текстильные мощности располагались в РСФСР. Экономика Узбекской ССР несла убытки из-за того, что республика вывозила сырье и ввозила готовые ткани. Однако в Ташкенте нащупали колониальный выход из имперского тупика – положение могла спасти коррупция. Если недостающие два-три миллиона тонн невозможно было произвести, догадались лидеры Узбекистана, их можно было попросту приписать к официальной статистике.

Действие этой схемы обеспечивали десятки тысяч человек, занимавших посты от весьма скромных, в колхозах, до самых высоких – в республиканском правительстве и ЦК. Деньги, полученные из центра за якобы поставленный хлопок, распределяли в Узбекистане в виде взяток. Миллионы рублей уходили также в Россию, директорам текстильных фабрик, государственным и партийным чиновникам, за то, что те закрывали глаза на происходившее и подтверждали доставку хлопка, который поступал только на бумаге. Узбекистан превратился в рассадник организованной преступности, стал первой советской республикой, где количество рублевых миллионеров перевалило за сотню. Андропов, а впоследствии и Горбачев, дали добро на аресты лиц, вовлеченных в эту коррупционную схему. Под следствие попали тысячи людей – но в глазах многих узбеков крестовый поход против взяток и приписок предстал карательной экспедицией против их родины. Сторонники Рашидова и его подручных утверждали, что вина тех заключается лишь в одном: они старались любой ценой исполнить желания московского начальства.

Ислам Каримов, который возглавил республику в 1990 году, разделял чувства земляков. Он считал “хлопковое дело” замаскированными политическими репрессиями. В сентябре 1991 года он созвал съезд Коммунистической партии Узбекистана, к тому времени переименованной в Народно-Демократическую. Съезд принял резолюцию, которой снимал с осужденных в 80-х годах вождей все обвинения. В тексте утверждалось, что якобы взяточники честно работали на благо Родины. В конце декабря того же года, за несколько дней до победы на теперь уже всенародных выборах президента, Каримов помиловал всех осужденных по “узбекскому” делу. Эта история превратилась в символ страданий узбеков под коммунистическим “игом”[16].

В новоогаревском процессе, когда Горбачев тщетно пытался склонить республики к заключению нового Союзного договора, Каримов держался куда независимее Назарбаева. Ислам Абдуганиевич нередко присоединялся к Ельцину и Кравчуку, когда те блокировали попытки президента СССР удержать шатавшийся под ним трон (Назарбаев Горбачева обычно поддерживал). После августовского путча Каримов не замедлил очистить узбекское общество от внешних признаков советского строя – приказал

сносить памятники и переименовывать улицы. С другой стороны, он объявил, что Узбекистан к демократии не готов, подавил зарождавшуюся оппозицию и провозгласил, что лучший пример политических и экономических преобразований он видит в соседнем Китае. Тем не менее, при всей решительности, с которой Каримов рвал с Кремлем, Беловежское соглашение его не устроило. Свое раздражение сепаратным договором восточнославянских государств он высказал в лицо президенту России. Но во время продолжительных споров в Ашхабаде в ночь с 12 на 13 декабря Каримов поддержал Назарбаева и всех, кто выступил против подписания некоего документа, окрещенного московскими журналистами "мусульманской хартией".

Каримов стал сторонником расширения СНГ за счет среднеазиатских государств по другим причинам, нежели Назарбаев. Подобно президенту Акаеву, он рассчитывал, что страны Содружества (главным образом, конечно, Россия) помогут Узбекистану в его противостоянии с исламским фундаментализмом и послужат противовесом китайской экспансии. Сверх того, Каримову было нужно, чтобы российские ткацкие фабрики и впредь закупали хлопок. Без экспорта "белого золота" в Россию экономика Узбекистана обрушилась бы за считанные недели. В разговоре с журналистами после встречи в Ашхабаде Каримов отмел домыслы о том, что в восточнославянском Содружестве государства с мусульманским населением окажутся участниками второго сорта. Он заявил, что восточным республикам СССР уйти от роли статистов можно только одним путем: превратить Среднюю Азию в высокоразвитый регион с собственной обрабатывающей промышленностью[17].

При всем недовольстве, вызванном восточнославянским саммитом в Беловежской пуще, Назарбаев, Каримов и коллеги сошлись на том, что единственно верной стратегией было поддержать инициативу Российской Федерации и ее западных соседей (при том, что решение каждого из них определили разные комбинации политических, экономических, социальных, этнических и оборонных факторов). В Ашхабаде лидеры Казахстана и Средней Азии не только договорились о совместном вступлении в СНГ, но и придумали, как при этом сохранить лицо. "Обсудив, мы приняли заявление руководителей пяти республик, – рассказал Назарбаев репортерам после завершения встречи, – в котором говорится: 'Стремление лидеров республики Беларусь, России и Украины создать на месте ранее бесправных республик Содружество Независимых Государств воспринимается нами с пониманием'. Вступление всех республик в СНГ на правах учредителей, то есть на абсолютно равных правах – главное наше условие"[18].

Саммит в казахстанской столице, который, как уже многим было очевидно, должен был поставить точку в истории распадавшегося Советского Союза и определить будущее аморфного пока СНГ, назначили на 21 декабря, субботу. Местом проведения избрали алма-атинский Дом дружбы – именно там в начале ноября руководители двенадцати бывших

советских республик впервые провели переговоры в отсутствие Горбачева и подписали экономическое соглашение.

Нынешняя встреча также не предусматривала участия президента СССР. А вот число глав государств, которых стоило ждать в Алма-Ате, оставалось неясным почти до начала встречи. Журналисты, которые слетались в город – всего их приехало человек пятьсот, – чтобы наблюдать за собранием первых лиц, последним в советской истории и первым в постсоветской, могли только строить предположения. “Сегодня речь идет об участии уже не восьми государств, а девяти или даже десяти – ожидается, что к минской ‘тройке’ и ашхабадской ‘пятерке’ присоединятся Армения и, возможно, Молдова”, – сообщал корреспондент газеты “Известия”. Незадолго до открытия в столице Казахстана узнали о том, что к ним летит Аяз Муталибов, президент Азербайджана, который вел кровопролитную войну с Арменией за Нагорный Карабах[19].

С чем именно пожаловали в Казахстан главы государств со столь различными интересами (а Армения и Азербайджан открыто воевали), какие результаты принесет их встреча, никто сказать наверняка не мог. Единственным президентом, публично озвучившим свое видение саммита в Алма-Ате, оказался тот, кого туда не пригласили – Михаил Горбачев. Как бы он ни желал повлиять на ход событий, ему не оставалось ничего другого, кроме заявления для прессы с мыслями о том, какие обстоятельства его тревожили и какие меры он считал необходимыми. После ратификации Беловежского договора Верховным Советом РСФСР и Ашхабадской декларации республик Средней Азии и Казахстана ему пришлось смириться с неизбежным: место Союза займет Содружество. Семнадцатого декабря, в день, когда Бейкер покинул Москву, а Ельцин обсудил с Горбачевым вопрос о передаче власти, президент СССР через СМИ обнадежил сограждан тем, что позиции его и Бориса Николаевича совпадают на 80 %.

Что представляли собой оставшиеся 20 %, выяснилось через день. Восемнадцатого декабря Горбачев направил участникам встречи в Алма-Ате открытое послание, в котором предлагал сделать Содружество субъектом международного права и ввести общее гражданство параллельно с национальным. Также он доказывал необходимость сохранения единого командования Вооруженными Силами и общей структуры “по делам внешних сношений”, на которой лежала бы ответственность за исполнение международных обязательств Советского Союза и его представительство в Совете Безопасности ООН. Предлагалось и создание институций для проведения согласованной экономической, финансовой, научной и культурной политики. Наконец, из названия самой организации Горбачев хотел бы убрать слово “независимых” и переименовать ее в “Содружество европейских и азиатских государств”[20].

Послание прозрачно намекало на то, что, принимая термин “содружество”, Михаил Сергеевич стремился воссоздать в более мягкой форме государственное образование, ради которого лелеял Союзный договор, к концу декабря уже благополучно забытый. В крайнем случае

Горбачев был готов наконец признать тот конфедеративный принцип, который после путча отстаивали Ельцин и Назарбаев и недолгое время считал приемлемым Кравчук. Но было уже поздно: поезд конфедерации ушел. Текст послания составил Анатолий Черняев – его вариант президент СССР предпочел черновику Георгия Шахназарова. Черняев записал в дневнике, что проект Шахназарова был составлен "в сугубо конструктивных тонах – благословляющий, примирительный, с пожеланием успеха". Не задумал ли Горбачев напомнить о своих убеждениях, не считаясь больше с политическими последствиями? Или же он до сих пор надеялся, что ему предложат высокий пост в СНГ и это позволит ему не уходить на пенсию? В мемуарах Михаил Сергеевич о своих намерениях ничего не пишет, а только утверждает с явной ноткой горечи, что его послание "осталось без последствий"[21].

Через день после публикации этого документа российские газеты напечатали перевод интервью Ельцина итальянской "Ла република", из которого стало ясно, что Горбачеву едва ли стоит рассчитывать на продолжение политической карьеры. На вопрос "А будет ли играть какую-нибудь роль в Содружестве Горбачев?" президент России дал недвусмысленный ответ: "Нет. Мы будем обращаться с ним достойно и с уважением, которого он заслуживает, однако, поскольку мы решили к концу декабря завершить переходную фазу в стране, он тоже должен принять свое решение за этот срок"[22].

Борис Николаевич придавал институтам Содружества гораздо меньшее значение, чем его главный соперник. "Возможно, будут созданы Совет глав государств, Совет глав правительств и Совет обороны, в который войдут главы независимых государств", – перечислял госсекретарь Геннадий Бурбулис цели, которые ставила перед собой российская делегация на встрече в Алма-Ате. Восемнадцатого декабря эти вопросы обсуждались на заседании правительства России. В тот же день власти оценили несколько проектов государственного герба. В итоге было решено вернуться к старому, царскому гербу – двуглавому орлу. Бурбулис признался журналистам, что из двух вариантов символа, которые обсуждали министры, в итоге выбрали тот, где птица казалась более мирной. Российская Федерация меньше всего хотела пугать потенциальных партнеров по СНГ[23].

Природа задуманных в Москве учреждений и конкретный объем их полномочий чрезвычайно беспокоили Леонида Кравчука. Он даже несколько дней колебался, ехать ли ему вообще в Алма-Ату. В Вискулях президент Украины не уставал подчеркивать, что не пойдет на создание таких институтов СНГ, которые ограничивали бы независимость его страны. Тогда никто возражать ему не стал. Теперь же такие рамки для надгосударственных структур вдруг поставили под вопрос – заявления помощников Ельцина позволяли заподозрить того в желании "углубить интеграцию" и усилить центростремительные тенденции в Содружестве. Кравчуку это не понравилось. И в правительстве, и в Верховной Раде, и среди простых граждан многие порицали его за действия, походившие на торговлю

национальными интересами – да еще сразу после того, как украинцы на референдуме подтвердили свой выбор в пользу независимости. Многих настораживал внешнеполитический курс недавнего партаппаратчика, который привел государство к независимости, а затем, не советуясь ни с парламентом, ни с министрами, подписал договор, который, возможно, воссоздавал распавшийся Советский Союз.

Социологический опрос, проведенный в Москве, Киеве и Минске после заключения Беловежского соглашения, показал: в украинской столице его поддерживала лишь половина респондентов, в отличие от 84 % в российской и 74 % – в белорусской столице. Даже киевлян, одобривших учреждение СНГ, вдохновляла прежде всего вероятная экономическая выгода, а не идея политического объединения восточнославянских наций. Среди опрошенных в Киеве 54 % связывали с СНГ надежды на увеличение достатка, при 44 % в Минске и 38 % – в Москве[24].

Узнав, что руководители Казахстана и республик Средней Азии предложили отменить подписанный в Вискулях договор и заключить новый, Кравчук дал всем понять, что саммит в Алма-Ате ему не очень-то интересен. Уже не в первый раз он с достойным восхищения мастерством разыграл слабые карты. Показав готовность игнорировать эти переговоры, он вынудил партнеров нервничать. Если бывшие восточные республики СССР не хотели рвать окончательно с Россией, то Россия не хотела ничего учреждать без Украины. Ельцин категорически отказывался подписывать горбачевский проект Союзного договора без Кравчука, поскольку РСФСР оставалась почти одна в компании республик с преобладанием мусульманского населения. Борис Николаевич чем-то подобным представлял и Содружество без участия Украины. Восемнадцатого декабря в Киев прилетел госсекретарь Соединенных Штатов. Беседа гостя с Кравчуком началась с того, что Леонид Макарович попросил сверхдержаву не позволить ставить под сомнение независимость Украины. Впрочем, Кравчук признался, что в Казахстан он все же полетит – на это Бейкер и надеялся[25].

В отличие от президента Украины, Станислав Шушкевич, спикер белорусского парламента и первое лицо государства, в целесообразности саммита не сомневался. Вскоре после заключения Беловежского соглашения он выступил с заявлением: поскольку Содружество не задумывалось как исключительно восточнославянский клуб, к нему вольны присоединиться все бывшие республики СССР. Но Белоруссия не жаждала расширения СНГ любой ценой. Ее руководство предложило лишить права вступления в организацию те бывшие республики, на территории которых теперь шла война. Этот фильтр отсеивал Молдову, еще не утратившую надежду восстановить свой суверенитет над мятежным Приднестровьем (там преобладали славяне), а также два, если не все три закавказских государства. Азербайджан воевал, чтобы не потерять населенный главным образом армянами Нагорный Карабах, Армения же открыто помогала соплеменникам. В Грузии то и дело вспыхивали уличные стычки оппозиции с правительственными силами, а автономии Абхазия и Южная Осетия, где

грузины были в меньшинстве, требовали реализации права на самоопределение. Принятие такого критерия на саммите в Алма-Ате могло привести к исключению из СНГ даже России – из-за конфликта в Чечне[26].

Как бы кто ни оценивал предложение Белоруссии, руководителям, ехавшим в казахстанскую столицу, было необходимо внятно высказаться о конфликтах в бывших советских республиках. Когда до мероприятия оставались считанные дни, Приднестровье и Нагорный Карабах подали заявки на членство в СНГ – еще до того, как это сделали Молдавия и Азербайджан. С другой стороны, Российская Федерация признала независимость этих двух государств в их общепризнанных, советских границах. Однако пожары в мятежных регионах это не погасило. Недовольство в автономных республиках союзными, в состав которых они входили, в 19901991 годах неустанно подогревали из Кремля и теперь, при распаде Союза, сепаратизм там разгорался.

Неудивительно, что угроза утраты территорий некоторыми республиками заставила глав восточнославянских государств в Вискулях выступить за верховенство “законной власти”. По предложению России три лидера заявили о поддержке правительства Молдавии и его попыток подавить приднестровский сепаратизм. Ельцин, Кравчук и Шушкевич настаивали на нерушимости существующих границ. Принцип уважения территориальной целостности, таким образом, затмил этническую солидарность. Их единодушие по этому вопросу должно было не дать Союзу деградировать до “Югославии с ядерными бомбами”[27].

Если между восточнославянскими республиками распрей тогда не было, у других нашлись причины воевать. Межэтническое противостояние в некоторых неславянских регионах распавшейся империи становилось все острее. Пролилась кровь. В боевые действия втягивались соединения Советской Армии. Девятого декабря, на следующий день после заключения Беловежского соглашения, молдавские войска вступили в схватку с приднестровским “ополчением” за Бендеры, город на правом берегу Днестра. Сепаратистам оказывали поддержку части 14-й армии, формально еще обязанной исполнять приказы из Кремля. Вслед за этим начались бои в Дубоссарах. Восемнадцатого декабря президент Муталибов переподчинил себе армейские части на территории Азербайджана, потребовав от советских военных либо признать его главнокомандующим, либо покинуть республику. На следующий день армяне в Нагорном Карабахе образовали собственный комитет самообороны – орган, который взял на себя руководство местными боевиками и легко находил общий язык с советскими офицерами, подстрекаемыми из Москвы. Президент Армении Левон Тер-Петросян издал со своей стороны указ, направленный на углубление взаимодействия между властями республики и теми армейскими подразделениями, что базировались на ее территории. Азербайджанцы в советском солдате видели потенциального врага, армяне же считали его другом[28].

Гражданская война, которой Горбачев пугал Украину накануне референдума 1 декабря, вспыхнула в других бывших советских республиках.

Пока она охватила только Кавказ и славяно-романскую границу по Днестру. В следующем году война начнется в Таджикистане.

Саммит в Алма-Ате открылся по графику – 21 декабря, в 11.30, в Доме дружбы. Участникам предстояло вдохнуть новую жизнь в советское клише о дружбе народов. Им это, в общем, удалось. И во внутренней, и во внешней политике перед каждым вставали огромные трудности, но все надеялись, что эта встреча – самое масштабное мероприятие такого рода после путча – укажет бывшим советским республикам выход из того тупика, в котором они пребывали уже не первый месяц.

Саммит стран СНГ обеспечил их руководителям площадку для переговоров, в которой они остро нуждались и которую не могли им дать Горбачев и его новоогаревский процесс. Евгений Шапошников сразу же увидел ее преимущества: "Это была первая за многие месяцы встреча всех руководителей союзных республик в таком составе, – писал маршал в мемуарах. – Уже сам тот факт, что на нее приехали все, за исключением лидеров прибалтийских государств и Грузии, приславшей своего наблюдателя, говорил о многом. Я сравнивал эту встречу со многими другими – заседаниями Госсовета СССР, новоогаревскими совещаниями – когда по различным причинам некоторые лидеры на них не являлись"[29].

Формально все еще министр в правительстве Советского Союза, Шапошников занимал единственную должность в Содружестве (других ввести пока не успели) – главнокомандующего Вооруженными Силами. Главкомом его назначил Ельцин сразу же своего возвращения в Москву из Белоруссии. Силы эти, впрочем, на глазах таяли и разлагались. Утрата единого командования была связана не только с попытками трех закавказских республик так или иначе установить контроль над частями Советской Армии на своей территории (тем же занимались и вожди сепаратистов в Приднестровье и Нагорном Карабахе).

Не менее тяжелым ударом по идее сохранения общих Вооруженных Сил стал указ президента Украины, где миру вроде бы ничего не угрожало. Кравчук объявил себя главнокомандующим всеми советскими войсками, которые базировались на его территории. Шестого декабря присягу на верность Украине принес министр обороны Константин Морозов, еще недавно – протеже Шапошникова. Евгений Иванович попытался было заставить всех советских военнослужащих присягнуть России. В ответ Кравчук велел по возможности скорее сделать так, чтобы части, размещенные в пределах республики, присягнули именно Украине. На время совещания в столице Казахстана с этим решили повременить, но Шапошников не сомневался, что делегация из Киева внесет этот вопрос в повестку дня. Как ни странно, в Алма-Ате Кравчук и его люди об этом не упоминали[30].

Участники саммита сосредоточились на двух важнейших вопросах: роспуск Союза и учреждение нового Содружества, куда вошли бы не три, а одиннадцать независимых государств. Главы бывших советских республик всего за три с половиной часа договорились о принципах нового

международного объединения, которое собрало бы под одной крышей почти все, что оставалось от СССР после отделения Прибалтики. К трем часам дня составление черновика итогового документа завершилось – бумаги отправили машинисткам. Через два часа высокие гости, включая Ельцина, Кравчука и Шушкевича, подписали, среди прочего, новый вариант декларации о создании СНГ. Лидеры среднеазиатских государств настояли на своем: все государства, чьи официальные представители приехали в Алма-Ату, получили статус учредителей Содружества.

Большую часть решений принимали по инициативе российской делегации. Во-первых, собравшиеся утвердили проект, который предусматривал образование двух совещательных органов: Совета президентов и Совета премьер-министров СНГ. Не возражали они и против того, чтобы упразднить оставшиеся министерства и ведомства СССР – Борис Николаевич хотел поставить наконец точку в ссоре с Михаилом Сергеевичем. Поддержку получило и намерение Российской Федерации объявить себя правопреемником СССР, что, среди прочего, закрепило за ней постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Соглашение о совместном контроле над ядерными арсеналами вполне совпадало с той схемой, которую президент России обрисовал американскому госсекретарю в Москве за пять дней до саммита: только он, Ельцин, сможет отдать приказ о запуске ракет, тогда как самое большее, на что могут рассчитывать главы Украины, Белоруссии и Казахстана, – это консультации с ними. К июлю 1992 года тактическое оружие массового поражения должны будут вывезти с территории трех этих государств в Россию и там обезвредить. Такой план действий одобрили главы всех четырех постсоветских ядерных держав: Ельцин, Кравчук, Шушкевич и Назарбаев[31].

Встреча в Доме дружбы прошла настолько гладко потому, что повестку ограничили вопросами, по которым легко было найти общий язык. Прочие отложили до саммита 30 декабря. Главам государств предстояло собраться в Минске – теперь столице не только Белоруссии, но и Содружества. Не противился этому и Кравчук, который из всех первых лиц держался наиболее сдержанно и холодно. Он согласился оставить до встречи в Минске Шапошникова главнокомандующим Вооруженными Силами, не настаивая на создании армии Украины. Не критиковал Леонид Макарович и резолюцию, в которой Россия признавалась правопреемником Советского Союза во всем мире – что подразумевало и отказ Украины от своей доли союзной собственности за рубежом.

Вознаграждением для Украины, с его точки зрения, стал незамедлительный роспуск СССР как субъекта международного права, что устраняло последние препятствия для признания ее независимости Западом. Важнейшим успехом для киевской делегации стало игнорирование саммитом послания Горбачева: не учреждались надгосударственные структуры, не ущемлялся суверенитет Украины путем введения гражданства СНГ. Более того, о Совете обороны Содружества, придуманном в Беловежской пуще в порядке импровизации (только чтобы назначить Шапошникова

главнокомандующим и убедить его махнуть рукой на президента СССР), упомянуть “забыли”. Кравчук с удовольствием вспоминал, как на пресс-конференции Назарбаев “встал и без всякого… пафоса, по-деловому объявил о том, что вот все мы приняли решение, Союз больше не существует, есть СНГ, теперь мы должны строить новые отношения”[32].

Высоко над Атлантическим океаном, в самолете, летевшем в Вашингтон, Джеймс Бейкер снял трубку – ему позвонили из казахстанской столицы. Назарбаев рассказал: “Встреча в Алма-Ате завершилась. Участвовали одиннадцать республик”. Казахстан и страны Средней Азии присоединились к Содружеству, а Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан договорились о сохранении единого контроля над ядерным арсеналом. Тактическое ядерное оружие должны были отправить в ближайшее время в Россию, а не позднее конца 90-х годов три остальных государства обязывались принять безъядерный статус.

Услышанное чрезвычайно обрадовало Бейкера: “Позвольте мне сказать, как я благодарен вам за звонок и за подробный рассказ. Все прошло так, как можно было представить из наших с вами бесед с руководством республик”.

Назарбаев отметил, что пришлось немало потрудиться. “Вы сделали все превосходно”, – рассыпался в комплиментах американец. Бейкер пообещал бывшему первому секретарю ЦК Компартии Казахстана скорое признание независимости его республики[33].

“Истинное значение подписанных в Алма-Ате соглашений определит время”, – витийствовали московские “Известия”. Если о результатах саммита в долгосрочной перспективе можно было лишь гадать, масштаб события немедленно увидели те, чье ближайшее будущее зависело от подписанных документов. На следующий день Черняев отметил в дневнике: “Вчера состоялся алма-атинский погром. Поворот, видимо, сопоставимый с 25 октября 1917 года и с такими же неопределенными последствиями”. Черняев сравнивал происшедшее с захватом власти большевиками в Петрограде – событием, изменившем историю не только страны, но и мира. У него самого, а также у Горбачева впереди были нелегкие дни[34].

Глава 18
Рождество в Москве

Утром в понедельник, 23 декабря, в первый рабочий день после визита в Алма-Ату, Ельцин отправился к Горбачеву, чтобы завершить процедуру передачи власти. За свою безопасность, как после возвращения из Беловежской пущи, Ельцин уже не опасался. Теперь отмычкой для всех дверей служило принятое на саммите решение об упразднении институтов бывшего СССР. К тому же главы стран-участниц согласились передать России зарубежное имущество и права Советского Союза. Теперь Борису Николаевичу не терпелось избавиться от Михаила Сергеевича и вообще убрать все, что ему мешало. Несколькими днями ранее два президента условились, что передача власти растянется до середины января. В столице Казахстана руководители одиннадцати государств решили, что предложения

о роспуске союзных ведомств они рассмотрят 30 декабря в Минске. Но Ельцин не хотел ждать и неделю. Он мечтал, вероятно, приехать в белорусскую столицу в статусе единоличного правителя России, подобно президенту Украины Леониду Кравчуку и, как следовало ожидать, Исламу Каримову: в Узбекистане президентские выборы назначили на 29 декабря.

Еще в Алма-Ате Ельцин обсудил будущее Горбачева с коллегами. Сошлись на том, что с бывшим вождем надлежит обращаться уважительно, позволить ему уйти в отставку и обеспечить такое содержание, какое приличествует его статусу. Ельцин не постеснялся предложить остальным разделить с ним эти расходы. Однако, как писал в мемуарах Александр Коржаков, несмотря на то, что пенсионер номер один был прежде президентом всего Советского Союза, а не одной лишь РСФСР, главы других государств "от этой проблемы деликатно увернулись, намекнув, что Россия – страна богатая и прокормит Горбачева вместе со всей его свитой". На пресс-конференции Ельцин заявил: президенты обсуждали судьбу Горбачева и не будут поступать так, как раньше с советскими вождями – объявлять преступником, чтобы реабилитировать, – а поступят, как в цивилизованном государстве. "Как в цивилизованном государстве" прозвучало весьма расплывчато, а судя по тому, что опеку Горбачева в Доме дружбы переложили на Ельцина, российскому президенту оставили право толковать "цивилизованность" по собственному усмотрению[1].

Приехав 23 декабря в Кремль, Ельцин нашел там съемочные группы советского и американского телевидения. Они попросили разрешения снять, как президенты СССР и России приветствуют друг друга. Горбачев не возражал, а Ельцин отказался: никаких рукопожатий перед камерами. Он хотел показать всем, кто главный. В Кремле он появился почти без предупреждения и вынудил Горбачева отложить свои дела, хотя у того целый день был расписан. Михаил Сергеевич к тому времени почти смирился с неизбежным. Он уже признался в телефонном разговоре германскому канцлеру Колю, что сложит полномочия, если в Алма-Ате саммит утвердит намеченную заранее структуру СНГ. Его открытое послание к участникам этого совещания стало последней попыткой повлиять на судьбу лежавшей в руинах империи и продлить, если удастся, собственную политическую жизнь. Ни то, ни другое не удалось.

После обнародования этого документа Горбачев занялся исполнением запасного плана – уходом на пенсию. Когда руководство одиннадцати республик собиралось в Доме дружбы в Алма-Ате, президент СССР пригласил к себе в кабинет двух оставшихся у него союзников, Александра Яковлева и Эдуарда Шеварднадзе, а с ними и Анатолия Черняева. Он попросил их помочь написать заявление об отставке. Над речью работали два часа. Черняев отметил в дневнике: "Редактировали – увлеклись, будто… сочиняем очередную речь для Верховного Совета или чего-нибудь в этом роде. Споря о словах, будто забываем, что речь идет о некрологе"[2].

Утром 23 декабря Горбачев, не ждавший Ельцина, готовил запись своего последнего телеобращения к гражданам распавшегося Советского Союза. Съемочной группе пришлось отказать. Разговор двух президентов с глазу на глаз начался в Ореховой комнате, где прежде заседало Политбюро. Впрочем, через некоторое время Горбачев и Ельцин вызвали туда глав обоих президентских администраций, чтобы те зафиксировали достигнутые договоренности. Хоть беседа и не приносила сторонам ни малейшего удовольствия, затянулась она надолго, по разным сведениям – от шести до восьми часов. Ельцин и Горбачев составили график передачи власти. Михаил Сергеевич обещал произнести свою речь об отставке вечером 25 декабря, два дня спустя. После этого он должен был подписать указы об уходе с должностей президента и верховного главнокомандующего. Еще ему предстояло передать Ельцину и Шапошникову ядерный чемоданчик. Затем экспрезиденту и его свите отводилось четыре дня на выселение из Кремля – до 29 декабря. Советский флаг договорились в последний раз поднять и спустить над Красной площадью 31 декабря. Первый день нового года Кремль должен был встретить под новым флагом и с новым хозяином.

В ходе встречи Горбачев попросил присоединиться к нему и Александра Яковлева, чтобы переговоры шли легче. От него, одного из архитекторов перестройки, Горбачев отвернулся летом 1990 года, чтобы задобрить “ястребов”. Яковлева изгнали из Политбюро и даже исключили из партии. Во время путча он высказывался в пользу Ельцина, но после провала ГКЧП вернулся в Кремль. Яковлеву доверяли оба президента, и это делало его идеальным посредником. А посредник в одной из самых непростых дискуссий Ельцина и Горбачева за всю историю их соперничества не помешал бы. Яковлев писал в мемуарах, что оба вели себя с достоинством, тональность беседы была “деловой, взаимоуважительной”. Он подытожил впечатления так: “Порой спорили, но без раздражения”.

Борис Николаевич и Михаил Сергеевич нашли путь к перемирию. Горбачев обещал не критиковать Ельцина в труднейшее время экономических реформ – российское правительство вот-вот собиралось их начать. В свою очередь, Ельцин давал добро Горбачеву на учреждение собственного фонда, где бывший советский вождь мог бы стать полновластным хозяином. Фонду предстояло финансировать исследования социальных, экономических и политических проблем, при этом оставаясь вне политики. За четыре дня до визита российского президента Горбачев мечтал о собственном аналоге американской некоммерческой исследовательской корпорации “Рэнд”. Содержать придуманную им организацию стал бы Запад, через благотворительные фонды, а сотрудничать с ней – различные иностранные организации подобного рода. Уходивший в отставку лидер пригласил туда Черняева вместе с другими помощниками, а также Александра Яковлева. Те не сразу поверили в такой поворот, но Яковлев помог Горбачеву уговорить Ельцина, и тот согласился передать будущему фонду комплекс зданий, которым до августовского путча заведовал ЦК КПСС – учебный центр для зарубежных коммунистических кадров. Там

имелись аудитории, буфеты, спортзалы и гостиница. “Ельцин явно не представлял в тот момент истинных размеров и функциональности этого комплекса”, – вспоминал Коржаков[3].

Не забыли на этом совещании и о президентском архиве. В присутствии Яковлева Горбачев ознакомил нового владыку Кремля с содержимым одного из президентских сейфов – секретными документами, переходившими от одного первого лица к другому еще со времен Сталина. Там хранились карта к секретным протоколам пакта Молотова – Риббентропа (1939) и материалы внутреннего расследования Катынского расстрела весной 1940 года. Горбачев публично заявлял, что в советских архивах нет свидетельств об участи пленных граждан второй Речи Посполитой, а все это время в его сейфе лежали разоблачавшие СССР документы. Нашлись там и другие, не менее сенсационные – например, отчеты КГБ о Ли Харви Освальде и убийстве Кеннеди, из которых следовало, что советские спецслужбы не были замешаны в этом покушении.

Ельцин в воспоминаниях утверждал, что отказался притрагиваться к бумагам и таким образом поддерживать заговор по сохранению грязных секретов партии. Как российский президент признался позднее Борису Панкину, это были внешнеполитические документы, один отвратительнее другого. Ельцин якобы решил разорвать этот порочный круг и просто передать бумаги в архив – под роспись их последнего владельца. Президент России не хотел иметь с этим ничего общего. Ельцин заявил Горбачеву, что тот уже не генсек, а сам он генсеком не был и не будет. Это была попытка порвать с советским прошлым. Помощники Ельцина, которые забрали с собой дела после встречи в Кремле, передали их затем в архивы – во всяком случае, основной массив. Коржаков в мемуарах утверждал, что Ельцин кое-какие документы все же запер в личном сейфе. На полный разрыв с прошлым отваги президенту могло и не хватить[4].

Теперь речь зашла об отставке Горбачева. Высокие договаривающиеся стороны сошлись на том, что Горбачев сохранит свой оклад в четыре тысячи рублей, по советским меркам невиданно высокий, но равный сорока долларам на черном рынке. Пообещал ему Ельцин и загородный дом на поросшем лесом участке в шестнадцать гектаров, квартиру – несколько меньше той, которую президент СССР занимал раньше, – две машины и свиту в двадцать человек, куда входили повара, официанты, вахтеры и телохранители. Кое-кому из окружения Горбачева, включая Ивана Силаева, Ельцин позволил приватизировать государственные дачи – со значительной скидкой. А вот гарантировать Горбачеву защиту от уголовного преследования президент России отказался. Два дня спустя Ельцин заявил журналистам, что если бывший хозяин Кремля знает за собой какую-либо вину, признаться ему стоит немедленно.

Когда соперники обо всем договорились, изнуренный Горбачев удалился в комнату отдыха, примыкавшую к рабочему кабинету. “Не приведи Господи оказаться в его положении”, – сказал Ельцину Яковлев. Они просидели в Ореховой комнате еще час. По воспоминаниям Яковлева,

“выпили, поговорили по душам”. Когда Ельцин ушел, Александр Николаевич заглянул к начальнику и увидел, как тому плохо: “Он лежал на кушетке, в глазах стояли слезы”.

– Вот видишь, Саш, вот так, – пожаловался Горбачев.

“Как мог, утешал его, – рассказывал Яковлев. – Да и у меня сжималось горло. Мне до слез было жаль его.

Душило чувство, что свершилось нечто несправедливое. Человек, еще вчера царь кардинальных перемен в мире и в своей стране, вершитель судеб миллиардов людей на Земле, сегодня – бессильная жертва очередного каприза истории”. Михаил Сергеевич попросил воды, затем сказал, что хотел бы остаться один. Яковлев ушел[5].

Президент России, уходя из Кремля, никогда, видимо, не чувствовал себя до такой степени всесильным. Яковлев наблюдал, как он “твердо, словно на плацу, шагает по паркету”. Вывод напрашивался сам собой: “Шел победитель”. Вернувшись на работу с документами из секретного архива, Ельцин позвонил в Вашингтон. Он хотел рассказать Бушу о результатах саммита в Алма-Ате и о том, как происходила передача власти в Москве.

“Здравствуйте, Борис, с Рождеством вас”, – услышал Ельцин. Новости о сохранении единого командования ракетноядерными войсками и обязательствах Украины, Белоруссии и Казахстана стать с течением времени безъядерными государствами занимали центральное место в рассказе. Не забыл российский президент пересказать и условия, на которых он отправил в отставку президента СССР. “Горбачев удовлетворен, – заверил Борис Николаевич. – Как мы с вами и договорились, мы намерены таким образом оказать ему уважение. Повторяю, он удовлетворен. Я уже подписал указ по всем этим вопросам”.

После этого Ельцин перешел к проблеме контроля над смертоносной кнопкой. “После того как президент Горбачев объявит 25 декабря о своем уходе, контроль над ядерным оружием передадут президенту России в присутствии Шапошникова. Перерыва в контроле над кнопкой не будет ни на секунду”. Президент США остался доволен.

Сообщив Бушу новости, которые тому хотелось услышать, Ельцин не упустил случая намекнуть на желательность скорейшего признания России Соединенными Штатами и передачи ей места СССР в Совете Безопасности ООН. Неплохо было бы поторопиться и с доставкой в бывший Союз гуманитарной помощи. Из Белого дома обещали уделить внимание каждому из трех вопросов. Также Буш дал согласие на проведение двустороннего саммита, предложенного Ельциным, хотя в детали пока не вдавался. Итак, Борис Николаевич добился того, о чем мечтал. Он становился единоличным хозяином Кремля – надо было лишь уладить формальности[6].

Горбачев 25 декабря 1991 года, в день, который официально считался последним для него как президента СССР, планировал действовать по сценарию, согласованному с Ельциным 23 декабря. В семь часов вечера Горбачеву предстояло выступить с речью, затем он должен был подписать

указы о сложении с себя полномочий и, наконец, передать коды запуска ядерных ракет.

Дату прощального выступления выбрали отчасти случайно. Из-за того, что Ельцин нагрянул в Кремль 23 декабря и сорвал намеченную запись этого обращения, глава Советского Союза предложил Егору Яковлеву, председателю Всесоюзной государственной телерадиокомпании, дать ему прямой эфир на завтра или послезавтра. Горбачеву хотелось разделаться с этим как можно быстрее, поэтому он предпочел бы 24 декабря. Однако Яковлев посоветовал шефу подождать еще сутки, чтобы телезрители спокойно встретили Рождество.

Телезрители, о которых заботился Яковлев, жили, само собой, в Европе и Америке. Православное рождество отмечали по юлианскому календарю, и наступало оно только через тринадцать дней, 7 января 1992 года. У Яковлева и вправду были причины поберечь душевное спокойствие западных телезрителей, не обращая внимания на отечественных. Какой бы титул он ни носил, его вотчину, советское телевещание, уже прибрали к рукам люди Ельцина. Единственной съемочной группой, которая могла запечатлеть последние дни Горбачева на престоле, оказалась американская. “Если б Егор Яковлев не притянул в эти последние дни Эй-би-си, которая буквально дневала в коридорах, снимая все, что попало… остался бы М[ихаил] С[ергеевич] в информационной блокаде до самого своего конца в Кремле”, – записал в дневнике Черняев. Упомянутую съемочную группу возглавлял Тед Коппел, легенда телевидения. Помимо группы Коппела, присутствовала еще одна – из Си-эн-эн, телеканала, который приобрел эксклюзивные права на трансляцию за пределами СССР прощальной речи Горбачева. Этой группой руководил тогдашний президент Си-эн-эн Том Джонсон[7].

Работа с американскими продюсерами и операторами давалась кремлевским чиновникам нелегко – приходилось преодолевать не только языковой, но и культурный барьер. Так, Горбачев и люди из его окружения полагали, что Сочельник на Западе был праздником более важным, чем сам день Рождества. Их представления были основаны на православных обычаях. К этому добавилась еще одна накладка: к изумлению подчиненных Михаила Сергеевича, не все на Западе отмечали один из главных христианских праздников.

Утром 25 декабря один из сотрудников президента аппарата подошел к Коппелу и его продюсеру Рику Каплану и любезно поздравил их по-английски с Рождеством. Каплан, еврей, ответил, что ему стоит желать счастливой Хануки, и сбил собеседника с толку. “Зачем это мне говорить ‘счастливого Хоннекера’”? – переспросил тот Каплана, имея в виду бежавшего из ГДР вождя восточногерманских коммунистов. Американцы расхохотались[8].

Помощники Горбачева поняли, как они ошиблись с датой трансляции прощальной речи, когда попробовали в последний раз организовать телефонный разговор шефа в качестве президента СССР. Звонили в Кэмп-Дэвид. Посольство США в Москве было закрыто, а в союзном Министерстве

иностранных дел уже заправляли люди Ельцина. Павел Палажченко сумел дозвониться с обычного городского номера в Москве за океан, на коммутатор Государственного департамента. Палажченко заказал разговор на пять часов вечера – десять утра на Восточном побережье США, – то есть за два часа до выступления Горбачева по телевидению. В резиденции президента США Джордж и Барбара Буш, вместе с детьми и внуками, едва успели развернуть полученные подарки.

“Поздравляю с Рождеством вас, Барбару и всю вашу семью, – начал Горбачев. – Я размышлял над тем, когда выступить с заявлением, во вторник или сегодня. В итоге я решил сделать это сегодня, в конце дня”. Черняева, свидетеля этой беседы, весьма порадовало то, что президент США согласился выслушать Горбачева в праздник. По душе пришелся ему и тон, в котором шел разговор. В дневнике он передал впечатления следующим образом: “Разговор М[ихаил] С[ергеевич] вел на грани фамильярности – ‘по-русски’… ‘как друзья’. Но и Буш впервые ушел от сдержанности, наговорил много хвалебных слов”. Согласно американской расшифровке этой беседы, Буш вспомнил один из визитов Горбачева в Кэмп-Дэвид. Президенты играли в подковы, и Горбачев довольно ловко набрасывал их на колышек. Буш сказал президенту Советского Союза: “Мое дружеское расположение к вам неизменно и. будет таким всегда. На этот счет не может быть никаких сомнений”[9].

Нашлось место и для серьезных материй: Буш и Горбачев обсудили окончательную передачу Ельцину контроля над советским ядерным арсеналом. (Довольно скоро президент США с изумлением узнал, что Теду Коппелу и съемочной группе Эй-би-си позволили присутствовать при этом разговоре в кабинете Горбачева. Присутствие журналистов в это время и в этом месте ошарашило не только Белый дом, но и Палажченко. Позднее он писал: “Это производило странноватое впечатление – пока президент вносил последние правки в текст своего обращения и указа, которым передавал Ельцину контроль над советским ядерным оружием, американские телевизионщики деловито сновали туда-сюда, проверяя свои кабели и микрофоны. Кто бы мог подумать, что это – все это – было бы возможно всего лишь год тому назад?”[10]

Возле обоих телефонных аппаратов находились американцы, что выглядело весьма символично. Позвонив в Белый дом, Горбачев, по сути, признал, что Соединенные Штаты остались единственной на планете сверхдержавой. По иронии судьбы, именно оттуда привезли ручку, которой Михаил Сергеевич подписал указы об уходе с обоих постов. Когда настало время скрепить документы подписью, оказалось, что его собственная ручка для письма не годится. Джонсон, президент Си-эн-эн и старший в съемочной группе, протянул Горбачеву свой “Монблан” – подарок жены на серебряную свадьбу. Михаил Сергеевич задумался:

– Это американская?

– Нет, сэр. Либо французская, либо немецкая.

Президент СССР подписал указы ручкой, произведенной германской компанией, основанной в Гамбурге незадолго до Первой мировой войны. Тот факт, что американский бизнесмен преподнес ее советскому вождю, причудливым образом подчеркнул, насколько выросло могущество Соединенных Штатов[11].

Горбачев выступил в семь часов вечера по московскому времени. Эта его речь стала первой, которую в прямом эфире транслировали не только на Советский Союз, но и за рубеж. Внутреннюю аудиторию обслуживало государственное телевидение – его руководство решило уделить внимание президенту. Остальной мир мог услышать Горбачева благодаря Си-эн-эн. Пресс-секретарь Андрей Грачев вспоминал, что голос Михаила Сергеевича почти дрожал, когда он начал зачитывать текст обращения, однако ему удалось взять себя в руки. Черняев был доволен тем, как держался шеф: “Он был спокоен. Не стеснялся заглядывать в текст. И получилось с ходу хорошо”.

У помощника Горбачева была еще одна причина для радости: текст, куда Михаил Сергеевич “не стеснялся заглядывать”, подготовил именно он, Черняев. Другая версия, составленная Александром Яковлевым, о которой Черняев отозвался как о “сопливо-обидчивой”, была отброшена. В ней, среди прочего, говорилось: “И пусть остается на совести тех, кто бросает в меня сейчас камни, позволяет себе хамство и оскорбления. Порядочные люди, надеюсь, напомнят им, где бы они были, если бы все осталось по-старому”. Отверг президент и вариант Андрея Грачева. Последний критиковал руководителей непокорных республик и утверждал, что без союзного центра перспектива сотрудничества России и бывших национальных окраин выглядела совсем туманной: “Равноправный политический союз, к примеру, между крошечной Молдавией и гигантской Россией в принципе невозможен… Явное экономическое превосходство России – основа для грядущего российского империализма”. Грачев предлагал шефу обратиться через головы президентов напрямую к населению теперь уже независимых государств и попросить их поддержки в деле сохранения и реформирования единой федеративной структуры.

Горбачеву явно хотелось избежать открытого противостояния с Ельциным. Тем не менее Черняев с гордостью отметил, что в итоговом варианте текста ему удалось восстановить некоторые смелые пассажи, в том числе такой: “Решения подобного масштаба должны были бы приниматься на основе народного волеизъявления”. Было очевидно, что эти слова не могли не разозлить президента России, и Михаил Сергеевич, редактируя свое обращение, сначала их вычеркнул, но после вернул. По настроению, которое приближенный Горбачева позднее уловил из разговоров в своем кругу, он понял, что шеф не ошибся. Близкие к Черняеву люди, комментируя услышанное, твердили о “достоинстве и благородстве”. Яковлев же воспринял речь по-другому. Он отметил в мемуарах, что Горбачев демонстрировал типичные заблуждения того, кто лишен способности к

самоанализу: “Он еще не вышел из того психологического тупика, в который сам себя загнал, обидевшись на весь свет”.

Горбачев начал обращение так: “Дорогие соотечественники! Сограждане! В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям”. Аудитории осталось лишь догадываться, как вынужденная отставка (в силу роспуска Советского Союза и упразднения поста президента СССР) превратилась в добровольный уход. Не отличалось логичностью и дальнейшее: “Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно – и за сохранение союзного государства, целостности страны”. (Как можно было ратовать за свободу, суверенитет и даже независимость республик и одновременно – за сохранение Союза, препятствуя республикам в осуществлении своего права на суверенитет и независимость, удалось понять, вероятно, немногим.) Горбачев, как и Черняев, оставался в плену дискурса, характерного для политической элиты последних лет

Советского Союза, когда “суверенитет” не был равнозначен “независимости” – а значение обоих терминов во внутрисоюзном употреблении не совпадало с принятым в остальном мире.

А вот о своих достижениях у руля СССР Горбачев поведал убедительнее: завершение холодной войны, демонтаж тоталитарной системы, демократизация советской политической жизни, налаживание полноценного диалога с внешним миром. Однако мало кто в Советском Союзе чувствовал благодарность к бывшему президенту. Кое-кому даже звук его голоса уже стал в тягость – ведь целых шесть лет под бесконечные речи и увещевания Горбачева уровень жизни неуклонно падал. Некоторые испытывали к нему жалость, но почти никто не хотел и дальше видеть его в Кремле. Черняеву Михаил Сергеевич казался фигурой трагической, и с этим трудно поспорить. Горбачев ставил перед собой высокие цели и не боялся тектонических сдвигов. Своим упорством он изменил к лучшему целый свет и ту его часть, которой правил. С другой стороны, он оказался неспособен изменить себя – будучи в душе демократом, не отважился выставить свою кандидатуру на общенародные выборы и пытался усидеть на троне так долго, что расползавшаяся под его ногами страна попросту от него устала[12].

После того как Горбачев окончил телевыступление, ему осталось только передать Ельцину ядерный чемоданчик. Процедура предполагала, что президент России явится в кабинет Горбачева вместе с маршалом Шапошниковым и офицерами, которые отвечали за это устройство связи. Когда Горбачев, после короткого интервью Си-эн-эн, возвращался в кабинет, он увидел, что Шапошников ожидает в приемной, но Ельцина поблизости нет. Оказалось, что Борис Николаевич позвонил Евгению Ивановичу во время трансляции прощальной речи и сказал, что он к Горбачеву не пойдет и что принять у бывшего президента СССР чемоданчик маршал может и сам.

Обращение Горбачева к народу, как выяснилось, Ельцина разъярило. В тексте ни словом не упоминался процесс передачи власти российскому руководству, а все похвалы за демократизацию Советского Союза достались одному лишь Горбачеву. Не досмотрев трансляцию, взбешенный Ельцин выключил телевизор. Теперь перемирие, заключенное два дня назад, утратило для него силу. Ельцин уже не видел смысла в том, что ему и раньше не хотелось делать – посещать Горбачева как президента СССР. После беседы 23 декабря президент России признался свите, что никогда больше не явится к тому в кабинет. Теперь соперник дал Ельцину удобный повод уклониться от прощального визита вежливости.

Ельцин передал в Кремль новое предложение: встреча теперь могла произойти только на нейтральной территории – в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Вопрос был в том, кто к кому придет. Горбачев, который никак не мог успокоиться после разговора с Шапошниковым, заявил помощникам, что ноги его там не будет. К тому же в зале обычно принимали зарубежные делегации. Горбачев не желал исполнять приказы Ельцина, да и отношения Советского Союза и России межгосударственными отнюдь не считал. Шапошников, однако, изловчился и устроил передачу кодов запуска баллистических ракет так, что недругам вообще не пришлось встречаться. Процедура состоялась в одном из коридоров Кремля – одни офицеры сдавали чемоданчик, другие его принимали. Отдавали друг другу честь они в присутствии съемочной группы Си-эн-эн, которая упаковывала аппаратуру.

Нарушив одну из договоренностей с Горбачевым, Ельцин решил, что ему незачем соблюдать и остальные. Он велел спустить советский флаг над Сенатским дворцом не 31 декабря, как было условлено, а тем же вечером. Горбачев закончил читать свое обращение в 19.12. Не прошло и получаса, как алого полотнища на привычном месте уже не было. “Уже в первые минуты после сложения с себя полномочий президента страны мне пришлось столкнуться с бесцеремонностью”, – писал Горбачев в мемуарах. Горбачев хотел забрать себе, как сувенир, знамя, в последний раз поднятое 25 декабря над Сенатским дворцом. Ему не позволили этого сделать люди из кремлевской обслуги – прихоти Михаила Сергеевича для них уже ничего не значили. После семидесяти четырех лет над Москвой вновь развевался триколор. У СНГ собственного флага не было. Если какой-нибудь и утвердили бы, то подняли бы его все равно в Минске[13].

После того как с формальностями было покончено, Горбачев отметил событие рюмкой коньяка в своем кабинете с ближайшими советниками: Анатолием Черняевым, Александром Яковлевым, Егором Яковлевым и другими. Затем они перешли в Ореховую комнату, где им составил компанию Андрей Грачев, пресс-секретарь Горбачева. По воспоминаниям Грачева, “последний прощальный ужин он провел в Ореховой гостиной в окружении всего лишь пятерых членов его ‘узкого круга’, не получив ни одного телефонного звонка с выражением если не благодарности, то хотя бы поддержки или сочувствия от тех политиков новой России или отныне

независимых государств СНГ, которые были ему всем обязаны”. Из первых лиц пожелания благополучной жизни в отставке Горбачеву в его последние дни у власти высказывали лишь западные лидеры: президент Франции Франсуа Миттеран, премьер-министр Великобритании Джон Мейджор, канцлер Германии Гельмут Коль… За полчаса до выступления Горбачева по телевизору ему позвонил министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер.

В мемуарах бывший президент СССР расскажет о “тайной вечере” в Кремле не так драматично: “Рядом были самые близкие мне сотрудники и друзья, которые разделяли со мной все огромное напряжение и драматизм последних месяцев президентства”. По-настоящему крепко тех, кто в последний день правления Горбачева пил коньяк и закусывал мясной нарезкой в бывшем зале заседаний Политбюро, объединяла вера в перестройку – мирную революцию в советском обществе. Все они помогали Михаилу Сергеевичу ее осуществить. Грачев позднее вспоминал, что настроение за столом, где еще недавно восседали партийные бонзы, было серьезным и несколько печальным. Каждый разделял то с трудом поддающееся описанию чувство, которое испытываешь после завершения большого и трудного дела. Из Кремля компания уехала уже за полночь. Будущее вселяло осторожные надежды и – в значительно большей степени – опасения. Горбачев попросил Черняева передать знакомым в немецком издательстве, что гонорар за перевод его книги об августовском путче в Москву лучше не пересылать. Никто не знал, что принесет завтрашний день[14].

Рано утром 26 декабря, когда Горбачев и его приближенные покинули Кремль, в Вашингтоне еще праздновали Рождество. Джордж Буш через несколько часов после разговора с бывшим президентом СССР прилетел из Кэмп-Дэвида в столицу и из Овального кабинета обратился по телевидению, в прямом эфире, к согражданам. Его выступление началось в девять вечера по североамериканскому восточному времени, то есть в пять утра по московскому. Ведущие американские телеканалы отменили или перенесли запланированные передачи, чтобы дать зрителям послушать историческую, как многие предполагали, речь президента[15].

Все ожидали, что Горбачев уйдет в отставку (после саммита в Алма-Ате это казалось неизбежным), но никто не знал, что будет после. Двадцать третьего декабря, когда Ельцин нагрянул вдруг в Кремль, чтобы согласовать с Михаилом Сергеевичем процедуру передачи власти, Эд Хьюэтт, эксперт по СССР в Совете по национальной безопасности, и его помощник Ник Бернс заканчивали работу над заявлением, которым их шеф должен был откликнуться на уход советского коллеги. Хьюэтт, Бернс и другие чиновники убеждали Буша объяснить согражданам, насколько важным событием стал распад Советского Союза, однако тому не хотелось распространяться на эту тему. По мнению Бернса, Буш предпочитал не осложнять жизнь Горбачеву, которому и так приходилось несладко. Затем от Скоукрофта передали: от

идеи выступления Белый дом вообще отказался, поэтому Хьюэтту и его подчиненному пришлось, не теряя ни минуты, засесть за пресс-релиз о том, какую роль в бескровном завершении холодной войны и в мировой истории сыграл Горбачев.

Новый текст изобиловал похвалами президенту СССР за "революционное преобразование тоталитарной диктатуры и освобождение своего народа из ее тисков". Отмечалась и положительная роль Горбачева в международных отношениях, ведь он "предпринял смелые и решительные шаги к преодолению глубокого раскола времен холодной войны и содействовал тому, чтобы Европа стала единой и свободной". В качестве примеров советско-американского сотрудничества в мировой политике упомянули войну в Персидском заливе, умиротворение Никарагуа и Намибии, положительную динамику израильско-палестинского диалога. "Теперь, когда он [Горбачев] уходит в отставку, – должен был сообщить президент США, – я хотел бы публично, от лица американского народа выразить ему признательность за неуклонную приверженность делу мира во всем мире, а от себя лично выразить уважение к его интеллекту, широте взглядов и отваге"[16].

Бернс отправил набросок в Государственный департамент, Деннису Россу и Тому Найлсу, и попросил к двум часам дня передать свои замечания. В сопроводительной записке говорилось, что президент скорее всего опубликует документ в день отставки Горбачева. Черновик не вызвал ни вопросов, ни возражений ни у Госдепа, ни у кого бы то ни было еще. Хьюэтт и Бернс решили, что им не придется забивать головы работой в канун Рождества и в сам праздник. Но их надежды не оправдались. Двадцать четвертого декабря, приехав в Кэмп-Дэвид, Буш велел устроить телеконференцию с советниками, в том числе со Скоукрофтом, госсекретарем Джеймсом Бейкером, пресс-секретарем Белого дома Марлином Фитцуотером и социологом Робертом Титером (вызов последнего означал, что до президентских выборов оставалось не так уж много времени). Целью совещания стала выработка позиции по отношению к ожидавшейся отставке Горбачева. Текст, подготовленный Хьюэттом и Бернсом, собравшиеся одобрили, но Скоукрофт обратил внимание на другое обстоятельство: скорый уход советского вождя – новости из Москвы позволяли предполагать, что ждать оставалось не больше суток, – был слишком важным делом. Не следовало прощаться с Горбачевым, просто поручив Фитцуотеру зачитать заявление. Скоукрофт был убежден, что президенту стоило лично обратиться к нации. Ему удалось склонить к этому и шефа.

Однако текст обращения еще предстояло составить. Титеру, прикидывавшему, как выступление президента скажется на настроениях избирателей, понравился набросок Хьюэтта и Бернса, и он предложил: "Пусть парочка, которая написала это заявление, переделает его в речь". Скоукрофт и Фитцуотер велели соединить их с авторами черновика, поздравили с Рождеством и сообщили, что ждут от них новый текст не

позднее девяти часов утра завтрашнего дня. Бернсу тем не менее надо было закончить срочное дело: в сочельник он с женой Элизабет и тремя маленькими дочерьми (восьмилетней Сарой, пятилетней Элизабет и Кэролайн, которой было полтора года) по семейному обычаю ставил под елку молоко и печенье, чтобы Санта-Клаусу было чем угоститься. Позаботившись об этом, Бернс выехал в Белый дом.

Хьюэтт и его подчиненный подбирали слова, которыми президент должен был обратиться к народу, до трех часов утра 25 декабря. “Предсмертные судороги коммунизма вынудили меня работать над президентской речью не только в сочельник, но и на Рождество, – писал Бернс через несколько дней одному из знакомых. – Такой поворот пришелся не по душе Либби и девочкам, но я попытаюсь загладить свою вину!” Вскоре после восьми утра в доме Бернса зазвонил телефон. С ним хотели связаться из Кэмп-Дэвида помощники Буша. Текст правили весь день. Вдобавок Бернсу приказали стенографировать телефонный разговор с Кремлем в то утро. Внезапное решение Горбачева уйти в отставку на Рождество испортило праздник многим сотрудникам администрации президента США[17].

В 21.01 Джордж Буш выступил с обращением к нации, которое заняло семь минут:

В последние месяцы мы с вами стали свидетелями одной из самых масштабных исторических драм XX столетия: революционного преобразования тоталитарной диктатуры, Советского Союза, и освобождения его народов. Более сорока лет Соединенные Штаты во главе стран Запада вели борьбу против коммунизма и той угрозы, что он представлял нашим главным ценностям. Эта борьба так или иначе затронула каждого американца. Всем государствам пришлось жить под угрозой ядерного уничтожения. Теперь это противостояние закончилось. Угроза применения ядерного оружия отнюдь не исчезла, однако уменьшилась. Восточная Европа вырвалась на волю, а самого Советского Союза более не существует. Это победа свободы и демократии. Это победа… наших ценностей[18].

Немалую часть письменного заявления Буша об отставке советского коллеги, опубликованного в тот же день, включили в выступление по телевизору. Тем не менее оценка этого события в речи заметно отличалась – собственно, более радикальную перемену трудно было и представить. В первоначальном тексте завершение холодной войны представлялось плодом совместных усилий, при активном участии Горбачева. В телеобращении отставка последнего трактовалась как окончание холодной войны, то есть формальное закрепление победы Соединенных Штатов. Союзника, который помог прекратить многолетнее противостояние, низвели до статуса поверженного врага. До последних недель существования Советского Союза Белый дом стремился помешать его распаду и удержать любой ценой Горбачева на троне. Но когда тот от власти отрекся, Буш не упустил шанса похвалить себя за успех, которого он так долго пытался избежать – утрату надежного партнера в преобразовании мира после холодной войны. Одной из

причин такого кульбита стали неудовлетворительные показатели Буша в президентской гонке. Другой – ликование его помощников.

Бернс позднее вспоминал, что он с Хьюэттом получили лишь общие указания. Детали в значительной степени отражали их собственные представления о чувствах американского руководства. Бернс признавался:

Мы были вне себя от радости… Мы избежали Третьей мировой войны, избежали катастрофы, а наши демократические ценности завоевали Европу, и победой же обернулись все жертвы, что приносила для Европы Америка. Не было никакого сожаления о Советском Союзе. Какие бы хорошие отношения мы ни поддерживали с Горбачевым и Шеварднадзе, многие из нас относились к Союзу как к империи зла, по выражению Рейгана. Вот почему текст речи, который мы с Эдом составили в тот вечер, должен был передать ощущение триумфа демократии, победы Соединенных Штатов и европейских народов над коммунизмом[19].

Президент в рождественской речи не забыл объявить и о признании суверенных государств, появившихся на обломках Советского Союза: “Соединенные Штаты признают и приветствуют возникновение свободной, независимой и демократической России, которую возглавляет отважный президент Борис Ельцин”. Российскую Федерацию порадовали не только признанием и обещанием немедленного установления дипломатических отношений (путем простой смены вывески на посольстве в Москве), но и поддержкой в вопросе передачи России места СССР в Совете Безопасности ООН. Украине, Белоруссии, Казахстану и Киргизии, которые не так давно посетил Бейкер, а также Армении, имевшей влиятельное лобби, пообещали признание и скорейшее открытие американских дипломатических представительств. Остальным советским республикам (Молдавии, Туркмении, Азербайджану, Таджикистану, Грузии и Узбекистану) предложили установление отношений в том случае, если те докажут Соединенным Штатам, что привержены принципам Бейкера не меньше соседей[20].

На следующий день, 26 декабря, на пресс-конференции в Белом доме никто из журналистов не спросил президента США о судьбе Горбачева. Буш упомянул Горбачева лишь один раз, когда речь зашла о командовании войсками стратегического назначения. Контроль над ядерным оружием, а также доставка гуманитарной помощи не только интересовали репортеров, но и были единственной темой вопросов, затрагивавших бывший Советский Союз. Если имя Горбачева произнесли однажды, то Ельцина – шесть раз. Для американских СМИ, а значит, и для американских граждан, Союз Советских Социалистических Республик стремительно становился достоянием истории[21].

Через несколько дней Бейкер нашел время написать личное письмо Горбачеву:

Вы осознали, какой ошибкой являлось соперничество сверхдержав и самоизоляция вашей страны. Ваша речь на заседании ООН в 1988 году открыла новую эру в международной политике. Шаг за шагом Вы призывали

Соединенные Штаты присоединиться к вам в построении нового мира. Мы оказались готовы и к этому, и к установлению с чистого листа партнерских отношений между нашими государствами. И мы показали всем, чего стоят наши совместные усилия: в Афганистане, Центральной Америке, Камбодже, Намибии, Персидском заливе и на Ближнем Востоке. Сверх того, мы сотрудничали не только ради контроля над вооружениями, но и ради их ликвидации. Мы добивались снижения риска применения ядерного оружия до самого низкого уровня с тех пор, как такое оружие изобрели. Что важнее всего, мы стали свидетелями перемен на карте Европы – мирных и демократических. Мы увидели, как объединилась Германия, а народы Центральной и Восточной Европы получили неограниченное право на выбор своего будущего. Как я неоднократно подчеркивал, ничто из этого не случилось бы без вашей политической воли. Вам навсегда гарантировано место в истории[22].

Рано утром в пятницу, 27 декабря, сотрудники Кремля сняли табличку “Президент Советского Союза Горбачев Михаил Сергеевич” с двери кабинета на третьем этаже Сенатского дворца и заменили ее другой: “Президент Российской Федерации Ельцин Борис Николаевич”. В начале девятого порог кабинета, о котором так долго грезил, переступил и сам Ельцин в сопровождении своего главного советника Геннадия Бурбулиса, а также председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Хасбулатова и министра печати и информации Михаила Полторанина. О том, что произошло далее, мы знаем только от сторонников Горбачева.

Ельцин ворвался как танк – давая всем понять, кто здесь главный. “Ну, показывай”, – бросил он секретарю-дежурному. Президент России взглянул на письменный стол и не увидел того, что ожидал. “А вот тут на столе стоял мраморный прибор. Где он?” – грозно спросил Ельцин. Перепуганный чиновник объяснил, что прибора такого не было, поскольку Михаил Сергеевич чернильными ручками обычно не пользовался, на столе у него лежали фломастеры. “Ну ладно. А там что?” – и Ельцин направился в святая святых: комнату отдыха генеральных секретарей и президента СССР. Там стоял письменный стол, ящики которого Ельцин стал выдвигать. Один оказался запертым, и он велел позвать коменданта. Разыскать его удалось не сразу. Когда ключи нашли, ящик оказался пуст. “Ну ладно”, – повторил разочарованно Ельцин. Он вернулся в кабинет, уселся с приближенными за стол для совещаний. Открыли бутылку виски. Президент России отметил взятие последней крепости на вражеской земле. Было полдевятого утра. Через несколько минут победители покинули завоеванную территорию в превосходном расположении духа. Уходя, Ельцин поддел секретаря: “Смотри у меня! Я сегодня же вернусь!” Он и вправду вернулся и подписал несколько указов в присутствии журналистов[23].

“Это было торжество хищников – другого сравнения не нахожу”, – негодовал в мемуарах Горбачев. Ему позвонили из кремлевской приемной, чтобы поставить в известность о вторжении. Ранее Горбачев условился с Ельциным, что кабинетом он сможет пользоваться до вечера воскресенья. Но

для Бориса Николаевича договоренности с Михаилом Сергеевичем уже не имели значения: он не мог дождаться переезда в кабинет, хозяева которого обладали верховной властью. В понедельник, 30 декабря, Ельцин должен был находиться в Минске на первой рабочей встрече руководителей СНГ. Ему хотелось уехать туда, избавившись от Горбачева. "Долгие проводы – лишние слезы", – писал он позднее[24].

Когда Горбачев приехал в Сенатский дворец, любители виски оттуда уже ушли. Последнего советского вождя охватывало отчаяние. У него было назначено интервью с японскими журналистами, а теперь пришлось подыскивать новое помещение. В его прежнем кабинете в углу все еще стоял красный флаг, но войти туда он уже не имел права. Экспрезидент дал интервью в кабинете Ревенко, руководителя аппарата. Черняев, описывая в дневнике захват последнего прибежища шефа, резко отзывался о поведении Ельцина, но не жаловал и Горбачева: "Зачем унижаться так, зачем он ходит в Кремль… и флаг уже сменен над куполом Свердловского зала, и не президент он уже! Кошмар! А тот хамит, еще больше и больше. Топчет все наглее." Свердловским залом в то время назывался Екатерининский зал Сенатского дворца, а по имени Черняев не смог назвать Ельцина[25].

Президент России, казалось, был не в состоянии обуздать свою жажду мести – невзирая на данное Бушу и Бейкеру слово благородно обращаться с поверженным врагом. Ельцин перешел в атаку, не дожидаясь выступления Горбачева по телевидению. Растерянная Раиса Максимовна позвонила мужу в Кремль вечером 25 декабря, когда тот заканчивал редактировать текст прощальной речи, и рассказала, что в их квартиру явились какие-то облеченные властью люди, потребовавшие, чтобы помещение освободили в течение двух часов. Это было грубейшим нарушением обещания, данного Ельциным 23 декабря. Горбачев тогда согласился переехать в квартиру поменьше – но только после отречения от власти. Переходный период должен был закончиться в январе следующего года, а из вежливости, если не сказать снисходительности, его вполне можно было продлить. Но семью президента выгоняли из дома еще до того, как он подписал указ о своей отставке! Горбачев был в ярости. По воспоминаниям Черняева, который присутствовал при разговоре Михаила Сергеевича с супругой, тот "рассвирепел, весь пошел пятнами, позвонил одному, другому… крыл матом". Приспешники Ельцина дрогнули, и переезд отложили на сутки. Горбачеву никто уже не мешал звонить в Вашингтон и обращаться в последний раз к народу[26].

На следующее утро Горбачеву, который вернулся домой поздно ночью после кремлевских посиделок в узком кругу, ничего не оставалось, как смириться с выселением. В мемуарах он так описывает увиденное дома: "Кучами, вперемешку лежали вещи, книги, посуда, папки, газеты, письма и бог знает что". Когда Михаил Сергеевич приехал в тот же день на старое место работы, его вид выражал уныние. Охране Горбачева пришлось дожидаться лимузина, который отвез бы бывшего главу государства в Кремль (среди тех благ, которые Ельцин в понедельник пообещал ему

оставить, был и президентский ЗИЛ). Еще труднее оказалось найти грузовик, чтобы вывезти вещи из квартиры. Ирина Вирганская, дочь Горбачевых, вспоминала, как отец собирался звонить Ельцину: “Ведь с ним по-человечески обо всем договорились!” Раиса Максимовна возразила: “Никому ни звонить, ни просить ни о чем не надо. Мы лучше умрем с Ириной, но упакуемся и переедем. Люди нам помогут”[27].

Раиса Горбачева с дочерью упаковали вещи. Им помогали телохранители, которые опекали их еще в Форосе. После домашнего ареста в Крыму семья последнего советского вождя уже знала, что делать. Раиса Максимовна сожгла переписку с мужем, Ирина – свои дневники. “Мы все последнее время жили как бы в чужом доме, – вспоминала дочь президента о периоде между путчем и его отставкой. – Все висело на тонкой ниточке. Не знали, какая из властей – КГБ или демократы – в него вломятся”. Первая леди особенно тщательно паковала книги, которые держала на полках выстроенными по алфавиту (по фамилии автора). Среди них были подарки от Маргарет Тэтчер, а также том Тараса Шевченко, которого глубоко чтил ее отец Максим Титаренко. В книге воспоминаний “Я надеюсь…”, вышедшей несколькими месяцами ранее в Соединенных Штатах, Горбачева цитировала строки поэта, в конце декабря 1991 года казавшиеся особенно уместными: “Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами! Что вы встали на бумаге хмурыми рядами?”[28]

У Горбачева были все основания возмущаться выходками приближенных Ельцина, но в этом отношении новый режим едва ли оказался хуже старого. При Горбачеве с теми, кого оттеснили от кормушки, не церемонились. Перестройка мало что изменила. Александр Яковлев рассказывал, что, будучи с одобрения Горбачева выведен из состава

Политбюро, он моментально лишился привилегий, положенных членам высшего партийного органа: “Как только меня избрали в Политбюро, домой меня увезла уже другая машина вместе с охраной, но как только Горбачев принял мою отставку, машину отобрали сразу же, а освободить дачу велели к одиннадцати часам утра следующего дня”[29].

По Москве пошли слухи о том, что Ельцин выгнал Горбачева с семьей из дома и завладел его кабинетом в Кремле. Руководство России предстало в крайне невыгодном свете. В мемуарах Борис Николаевич не забыл пожаловаться на “поднятые прессой слухи о том, что мы буквально выкидывали вещи бывшего генсека из Кремля”. Он уверял, что семье Горбачевых дали достаточно времени на переезд, и возлагал вину за нарушение договоренностей на неизбежные “трения между клерками”. Одним из этих “клерков” был Коржаков, начальник охраны Ельцина. Он почти каждый день донимал телохранителей экс-президента: просил напомнить шефу, что пора съехать с дачи. Избежать этого, по словам Коржакова, было невозможно. Барвиха-4 была единственной правительственной резиденцией вне Москвы, оборудованной всеми средствами связи, в которых нуждался глава государства и верховный

главнокомандующий. “Других аналогичных объектов рядом с Москвой не было”, – утверждает Коржаков[30].

Рано или поздно бывшему президенту СССР пришлось бы освободить казенные помещения. Впрочем, Ельцин сделал все от него зависевшее, чтобы эта процедура для семейства Горбачевых оказалась как можно неприятнее. Желал ли он отомстить за боль, которую генсек причинил ему и его жене Наине? В ноябре 1987 года, когда Ельцин лежал в московской больнице – приходил в себя после провала, которым обернулось для него заседание Политбюро, и последовавшей попытки самоубийства, – Горбачев приказал сотрудникам КГБ вытащить его из постели и отвезти в Московский горком, где Ельцина должны были снять с должности первого секретаря. Хозяин Кремля отмахнулся тогда от жалоб Ельцина (тот уверял, что не может ходить без посторонней помощи) и пропустил мимо ушей слова министра здравоохранения, предупредившего генсека, что состояние больного внушает тревогу. Ельцину врачи делали инъекции анальгетиков и спазмолитиков, но сотрудникам госбезопасности на это было плевать. Наина Иосифовна в отчаянии бросила тогда им в лицо “фашисты” и велела передать Горбачеву, что он преступник[31].

Изгнание президента СССР из Кремля стало ярким свидетельством того, как ненавидели друг друга Горбачев и Ельцин. Однако их вражда, при всей своей остроте, не должна заслонять другие, более важные причины событий 1991 года. Ведь не Михаил Сергеевич и не Борис Николаевич принимали решение, сохранить ли Советский Союз. Невозможным оказалось сосуществование на одной территории старого Союза и укреплявшихся институтов власти Российской Федерации и других союзных республик. Когда руководство Украины взяло курс на выход из СССР, перед Ельциным и его окружением встал выбор: тащить ношу империи самим или сбросить ее. Они избрали второе. Противостояние Горбачева и Ельцина лишь ускорило этот процесс.

Эпилог

“Президент Соединенных Штатов!” – громко объявил пристав, и зал заседаний Палаты представителей огласился аплодисментами. В дверях показался Джордж Буш в сером костюме и галстуке в серо-голубую полоску. В сопровождении нескольких членов обеих палат Конгресса президент направился к столу секретаря. Президент улыбался, пожимал руки, обменивался приветствиями и даже показывал иногда пальцем на конгрессменов и чиновников администрации, которым не терпелось взглянуть на него хотя бы мельком, а то и перекинуться словом. Аплодисменты долго не утихали. Главе государства явно нравилось внимание. Буш пообещал, что выскажется о “серьезных вещах, серьезных переменах и серьезных проблемах”. И сдержал слово.

Было начало десятого вечера 28 января 1992 года, вторник. Джордж Буш готовился выступить с третьим – как предполагали журналисты, самым важным – посланием Конгрессу о положении в стране. Кроме присутствовавших в зале, речь слушали миллионы телезрителей. От

президента ожидали не только размышлений о самом бурном годе его правления (и всю послевоенную историю Соединенных Штатов), но и предположений о том, что в наступившем году ждет Америку и мир. Когда аплодисменты стихли, Буш признался: “Знаете, этого послания ждали с большим нетерпением, и я хотел сделать все, чтобы попасть в десятку, но так и не смог уговорить Барбару прочесть его вместо меня”. Зал взорвался овациями. Конгрессмены поднялись со своих кресел.

Буш, обычно сдержанный, удачно посмеялся над собой. Его жена сидела в первом ряду балкона рядом с Билли Грэмом, самым известным в Америке протестантским проповедником. Первая леди и вправду могла похвастаться обаянием, которого не хватало ее мужу. Тем не менее, в этот раз он показал, на что способен. Подготовленная с помощью пиарщиков (в том числе помогавших Бушу на президентских выборах 1988 года) речь имела успех: конгрессмены еще несколько раз вставали с мест[1].

Одной из сильных сторон выступления стал доклад о внешней политике. Успехи Буша на международной арене признавали и его друзья, и враги, и республиканцы, и демократы. “Мы собрались… в непростой и весьма многообещающий период нашей истории, истории человечества в целом, – заявил президент. – За последние двенадцать месяцев в мире произошли перемены почти библейского масштаба”.

Девяносто первый год начался “Бурей в пустыне” и закончился распадом Советского Союза: “В этом году коммунизму настал конец. Но самая важная вещь, которая произошла на планете за всю мою жизнь, за всю нашу жизнь – милостью Божией Америка победила в холодной войне”. (Этот пассаж встретили едва ли не криками “ура”.) Президент продолжил: “Холодная война не просто закончилась – она закончилась [нашей] победой”. Буш воздал должное американским военным и налогоплательщикам за жертвы, принесенные ими на алтарь победы. Закончил он тем, что нарисовал картину светлого будущего:

Впервые за тридцать пять лет наши стратегические бомбардировщики не приведены в боевую готовность. Им больше незачем стоять на круглосуточном дежурстве. Завтра в школе нашим детям будут рассказывать об истории и природе. У них не будет, как у моих детей, учений на случай бомбардировки. Им не покажут, как залезать под парты и закрываться при ядерном взрыве. Моим внукам не придется этого делать. Их не станут мучить кошмары, от которых десятилетиями страдали дети. Угрозы, конечно, не ушли. Но навязчивого страха уже не будет… Мир, некогда разделенный на два вооруженных лагеря, признает теперь одну сверхдержаву – Соединенные Штаты Америки. Пока я президент, я продолжу курс на поддержку свободы по всему миру – но не потому, что успех вскружил мне голову, и не потому, что я человеколюбив, а ради безопасности наших потомков. Это очевидный факт: упорство в борьбе за мир – отнюдь не порок, самоизоляция в стремлении обезопасить себя – отнюдь не добродетель.

Буш высказался недвусмысленно: Соединенные Штаты избавились от противника, а теперь им выпало править миром[2]. Тон выступления

кардинально отличался от взвешенных заявлений Буша и его советников до отставки Горбачева 25 декабря 1991 года. Перемена была связана с набиравшей обороты предвыборной гонкой. Ради второго срока хозяину Белого дома показалось выгодным приравнять коллапс советской империи к окончанию холодной войны – что, по мнению американского правительства, произошло еще год, а то и два назад. Стараясь не усугублять непростое положение Горбачева после объединения Германии в 1990 году, Буш удержался от “танцев на [Берлинской] стене”. В то время нельзя было исключать ответный удар “ястребов” в СССР, прибалтийские республики еще не добились независимости, а из Восточной Европы не ушли советские войска. Теперь же у Буша были развязаны руки, и радость победы кружила голову. В американской администрации предпочли не вспоминать совместную с Горбачевым декларацию о завершении противоборства, сделанную во время саммита в декабре 1989 года на Мальте, а также заявления Белого дома, из которых следовало, что московская встреча двух президентов в июле 1991 года стала первой после холодной войны. Горбачев громко протестовал – он не мог смириться с пренебрежением собственным вкладом в мирное разрешение конфликта, – но США не подали виду, что обратили на это внимание. По слухам, частным образом Буш посоветовал бывшему коллеге пропускать мимо ушей красноречие, которым сопровождалась избирательная кампания. В октябре 1992 года Михаил Сергеевич заметил в интервью “Нью-Йоркеру”: “Видимо, эти вещи необходимы во время выборов, но если такое высказывают всерьез, это огромное заблуждение”[3].

Увы, эксплуатация “победы в холодной войне” не дала ожидаемого результата. Экономика США никак не могла выбраться из рецессии, а социологические опросы показывали, что президент, которого еще недавно любила вся Америка (после операции в Персидском заливе Буша поддерживало 89 % сограждан), стремительно терял шансы на победу на выборах. По мнению “Вашингтон пост”, президент, выступая перед Конгрессом, не произвел хорошего впечатления и на половину аудитории. Подобно Черчиллю, он провел страну через грозные испытания, но не сумел обратить это себе на пользу. И в 1945 году в Великобритании, и в 1992 году в США избиратель предпочел тех, кто пообещал перемены во внутренней политике.

Буш повторил судьбу Черчилля и в другом: он попытался повлиять на память общества о войне, в завершении которой сам сыграл важную роль. В соавторы мемуаров он выбрал своего советника Скоукрофта. Несомненно, они старались сохранять объективность, но хронологические рамки рассказа, определенные периодом нахождения Буша на вершине власти, задали собственную логику. Естественным им казалось не относить окончание холодной войны к моменту падения Берлинской стены (ноябрь 1989 года), а продлить ее до распада Советского Союза (декабрь 1991 года). Книгу “Мир стал другим” Буш и Скоукрофт завершили последним звонком президенту от Горбачева на Рождество 1991 года[4].

В 90-х годах члены администрации сорок первого президента США публиковали мемуары, давали интервью и этим помогали сложиться представлению о том, что конец холодной войны напрямую связан с исчезновением СССР. Они смешивали два эти события, но не ставили второе себе в заслугу: Белый дом приложил немало сил, чтобы удержать Советский Союз на плаву. Некоторым приближенным Буша показалось, что у них отняли победу. “Джордж Буш, – жаловался Роберт Гейтс в мемуарах, доведенных им также до конца 1991 года, – который не захотел ‘плясать на стене’, не собирался объявлять о нашей победе в холодной войне. Никто не устроил празднества по всей стране, как после войны в Персидском заливе… Мы выиграли холодную войну, но остались без парада”. По утверждению Гейтса, одной из причин того, что никто с размахом не праздновал победу, стал тот факт, что в декабре 1991 года в Вашингтоне “не было согласия по вопросу о том, помогли ли Соединенные Штаты. Советскому Союзу сойти в могилу”[5].

Джек Мэтлок, который служил послом в Москве с 1987 года и покинул этот пост в 1991 году, накануне путча, не уставал доказывать, что прекращение холодной войны, крах коммунизма и распад Советского Союза – совсем не одно и то же.

“Курс, взятый США по отношению к трем этим процессам, значительно разнился, и столь же разной была наша роль”, – заметил однажды Мэтлок. По словам дипломата, сценарий завершения холодной войны принадлежал в первую очередь сверхдержаве, которую он представлял; Америка же последовательной защитой прав человека помогла похоронить коммунизм. С другой стороны, примирение было на руку лидерам Советского Союза, и их заслуги в демонтаже коммунистического строя гораздо выше, нежели американцев. Что касается гибели СССР, то США отстаивали возвращение прибалтийским государствам независимости, но не возражали против сколь угодно долгого сохранения статус-кво для прочих советских республик: “Мы не разваливали Советский Союз, хотя кое-кому сейчас не терпится увенчать себя за это лаврами, а в России есть шовинисты, которым на руку нас в этом обвинять”[6].

Если распад СССР не обусловлен в сколько-нибудь серьезной степени деятельностью американцев и не стал событием, тождественным и краху коммунизма и победе США в холодной войне, то что же привело к гибели одну из самых мощных в истории держав? “Размышляя над историей международных отношений в Новое время (эпоху, к которой позволительно отнести события с середины XVII века до настоящего времени), – писал в 1995 году Джордж Ф. Кеннан, один из самых дальновидных теоретиков и практиков холодной войны, – я с трудом могу припомнить столь же необычайный, поразительный и, на первый взгляд, необъяснимый случай, как внезапная и окончательная дезинтеграция, сопровождаемая уходом с мировой сцены… в 1987–1991 годах великой державы, известной вначале как Российская империя, а затем как Советский Союз”[7].

То, над чем ломал голову Кеннан, не составляло загадки для некоторых помощников Горбачева. “С СССР в этот год происходило в сущности то, что случилось ‘в свое время’ с другими империями, когда истощался отведенный им историей потенциал”, – подытожил события 1991 года Анатолий Черняев. С его точки зрения, крах Советского Союза стал закономерным финалом того процесса, который набрал ход в начале века и получил мощный толчок от обеих мировых войн: упадок империй, а затем исчезновение их с карты. Преемники русских царей лишились своих владений последними – вслед за Габсбургами, а также бывшими владыками Османской, Британской, Французской, Португальской империй и нескольких империй поменьше. Конец Советского Союза мог показаться экстраординарным по той причине, что в нем мало кто видел империю: обычно его относили к национальным государствам. Даже Черняев оказался крепок только задним умом[8].

Считать Советский Союз империей или нет (дискуссия об этом идет до сих пор), – в небытие он ушел подобно империям, развалившись по тем границам, которые более или менее совпадали с границами этническими и языковыми. Нельзя не заметить сходства с механизмами распада других держав, особенно Британской империи (доминионы стали независимыми странами). В 1945 году Сталин добился двух дополнительных мест в Генеральной Ассамблее ООН для Украинской и Белорусской ССР. Эти республики принимали участие в Ялтинской конференции в статусе, формально равном статусу британских доминионов. Тем не менее ничего подобного автономии, которой пользовались Канада и Австралия, Украина и Белоруссия не имели. Отличие же их населения по этническому составу от России не позволяло ставить их на одну доску с теми же штатами в составе США (в Ялте Рузвельт пытался получить места в Генеральной Ассамблее для двух штатов, но его не поддержали сами американцы).

Подобно британским доминионам, республики в 1991 году вышли из-под власти метрополии с собственными лидерами и институтами. Как и в случае некоторых других доминионов и колоний в XX веке, кое-какие республики покинули Союз не вопреки, а согласно желанию господствовавшего в империи народа. После достижения Украиной независимости правительство России не только не удерживало среднеазиатские республики, но даже было не против от них избавиться. Есть и другая параллель с европейскими империями: предоставление гражданских прав, в первую очередь избирательных, жителям всех республик превратило сохранение СССР в прежнем виде в почти невыполнимую задачу[9].

Передача реальной власти демократически избранным органам, как выяснилось, исключала возможность существования СССР, несмотря на все усилия Горбачева доказать обратное. Довольно часто без внимания остается тот факт, что роспуск империи стал неизбежным итогом электоральной политики. Красный колосс обрушился менее чем через три года после введения полусвободных выборов – впервые в бывшей империи Романовых, начиная с 1917 года, когда большевики вооруженным путем взяли власть в

Петрограде. Окончательный крах Советского Союза оказался прямым следствием референдума на Украине 1 декабря 1991 года, в ходе которого более 90 % пришедших на участки проголосовали за независимость. Таким образом, утратили силу результаты предыдущего референдума, проведенного в марте 1991 года, когда более 70 % поддержало сохранение СССР при условии кардинальных реформ. Следовательно, жить Союзу или умереть, определили его граждане. Даже принятое в декабре 1991 года, в кабинетной тиши, решение глав трех восточнославянских государств распустить СССР получило одобрение подавляющего большинства депутатов демократически избранных парламентов России, Украины и Белоруссии. Попытка же удержать империю на плаву в привычном виде, напротив, произошла в форме путча, который разбился о стены Верховного Совета РСФСР.

Введение электоральной демократии стало потрясением для политической жизни Советского Союза и вынудило руководство страны переменить манеру управления. Это поставило советских лидеров в зависимость как от поддержки масс, так и от взаимопонимания элит. С одной стороны, избиратели теперь ограничивали политикам пространство для маневра, с другой – бесспорный успех на выборах давал тем право на коренные преобразования. Голосовали простые люди, но вопросы, которые они находили в бюллетенях, формулировали в союзном центре и в республиканских столицах. (Там же и подсчитывали голоса.) Горбачев подчеркивал, что вопрос о роспуске СССР так и не был вынесен на референдум. Имелись ли основания приравнять волеизъявление граждан Украины 1 декабря 1991 года к приговору Советскому Союзу? Ответ на этот вопрос дали президенты, спикеры, премьер-министры. Но не все они были равны. Демократия оставляла на обочине правителей, не получивших мандат непосредственно от масс. Именно в последние месяцы 1991 года достигло пика противостояние между избранным на всеобщих выборах президентом России Борисом Ельциным и президентом СССР Михаилом Горбачевым, обязанным должностью народным депутатам. Исход их конфликта показывает решающую роль электоральной политики в судьбе двух главных персонажей воссозданной здесь драмы.

Горбачев выпустил на волю джинна перемен и еще раз показал, что революции склонны к пожиранию своих детей. Если для большевистской революции образцом служила Французская, то горбачевская перестройка черпала вдохновение и заимствовала лексикон у западного либерализма. Последний генеральный секретарь ЦК КПСС, подобно имперским предшественникам, искал на Западе исцеления от недугов, обусловивших неспособность его страны конкурировать с тем же Западом в экономической, социальной и военной сферах. Со времен Петра российские элиты пытались догнать Европу, примеряя к обществу различные европейские модели. Эта практика не раз показывала, как плохо приживаются эти ростки на русской почве, в не подвергшихся вестернизации массах. Трудности элита неоднократно пробовала преодолеть такими методами, как военный переворот (например, восстание гвардейских офицеров в декабре 1825 года),

либеральные реформы (прежде всего осуществленные Александром II) и революция, которую возглавил Владимир Ленин. Горбачевские реформы стали попыткой догнать Запад, копируя западные же институты.

Горбачев, подобно своим предшественникам, нисколько не задумывался над тем, что родился и достиг высших должностей в империи. Тем не менее, его усилия централизовать государственную власть, искоренить коррупцию, пронизавшую общество в среднеазиатских республиках, и опереться на новое поколение российских управленцев вроде Ельцина и Колбина (соперника Ельцина в 70-х годах) настроили периферийные элиты против Кремля. Впервые за несколько десятилетий на окраинах империи вспыхнул пожар “национализма”. Еще сильнее озлобил республиканское руководство Горбачев гласностью, лишив партию статуса священной коровы в глазах СМИ, а особенно тем, что заставил коммунистическую верхушку доказывать свое право на власть – проходить через горнило выборов. Политики в РСФСР и союзных республиках, лавируя между Сциллой демократии и Харибдой национализма, стали сильнее зависеть от гражданина с бюллетенем и менее – от воли хозяина далекого Кремля. В таких условиях они просто не могли не бросить вызов московской гегемонии, не потребовать сначала автономии, а затем и полной самостоятельности. Когда партийная верхушка утратила пиетет перед генсеком, а националисты и либеральная интеллигенция принялись добиваться все новых уступок, Михаил Сергеевич остался в одиночестве, вооруженный лишь правом отдавать приказы силовым структурам. В последние годы жизни СССР попытки власти выйти из тупика путем кровопролития наблюдались не раз, особенно в нерусских регионах: Прибалтике, Грузии, Азербайджане. В марте 1991 года насилием пытались запугать Ельцина и его сторонников уже в Москве.

Тот факт, что до августовского путча президент СССР оставался и генеральным секретарем ЦК КПСС, затрудняет разделение двух процессов: падение коммунистического строя и распад советской империи. Есть и такое мнение: после запрета партии, которая “склеивала” республики, удержать последние в единых границах оказалось нечем. На самом деле к августу 1991 года “клейстер” уже выдохся и первые секретари заняли кресла председателей парламентов республик, а нередко и президентов – глав государств, пришедших к власти без участия Москвы. Партийные боссы вроде Ислама Каримова в Узбекистане повысили статус приобретением таких титулов, и удовлетворить их теперь могло по меньшей мере преобразование Союза на конфедеративных началах, если не безоговорочная независимость.

Запрет Ельциным компартии не разорвал связи между союзной столицей и периферией, которые более или менее сохранились лишь в Советской Армии и в КГБ, а спровоцировал бывшую партийную верхушку на открытое сопротивление новому, как им казалось, путчу в Москве – да еще направленному прямо против них. После запрета партии переговоры Горбачева и Ельцина с главами республик шли своим чередом, и на их течение КПСС уже нисколько не влияла. Горбачеву удалось исподволь

ослабить власть партии задолго до того, как в России ее объявили вне закона. После путча партия сыграла роль козла отпущения: на ней легко было отыграться, хотя ответственность за попытку переворота лежала главным образом на КГБ и генералитете.

В публичных заявлениях, а после и в мемуарах, Горбачев присвоил лавры едва ли не единственного защитника СССР. Он утверждал, что новый Союзный договор был последним средством сохранить державу, а его враги стремились избавиться не только от президента СССР, но и от Советского Союза. Это правда, но лишь частично. На самом деле противоборство в Москве шло не между сторонниками и противниками Союза, а между двумя точками зрения на реформу Союза. После путча Горбачев отмел идею, пропагандируемую окружением Ельцина – учреждение конфедеративного государства. Формально Горбачев был обязан согласиться с этим предложением Ельцина, чтобы указать отправную точку для переговоров о будущем Союза. На самом деле президент СССР противился конфедерации до тех пор, пока не увидел текст Беловежского соглашения – но тогда эта идея уже утратила смысл.

Барьер между сторонниками двух концепций объединения не только разделял российское и союзное правительства, но и проходила по Кремлю. Георгий Шахназаров и Анатолий Черняев, помощники Горбачева, скептически относились к замыслу шефа убедить глав республик подписать новый Союзный договор. По мнению последнего министра обороны СССР Евгения Шапошникова, пренебрежительное отношение Горбачева к идее конфедерации стало фатальным: “Если бы Горбачев пошел навстречу тем тенденциям, которые несли в себе идею конфедерации с предоставлением центру по общему согласию монополии на связь, транспорт, оборону, совместную внешнюю политику и другие общие для всех республик компоненты жизни и деятельности общества, кто знает, в каком государственном образовании мы жили бы сейчас”. Как и другие военачальники, маршал отказал Горбачеву в помощи, когда президент (и до, и после Беловежской пущи) просил армию поддержать Союз в том виде, который одобрял сам[10].

Борис Ельцин в нашей реконструкции последних месяцев истории Советского Союза предстает фигурой гораздо более сложной, чем только могильщик коммунизма и восточнославянского единства. Ельцин и его приближенные ощущали ответственность за судьбу СССР глубже, чем обычно думают, когда речь идет о людях, заложивших фундамент современной России. Даже самые дальновидные советники президента России не сразу поняли, что проводимая ими линия ведет к роспуску Союза. “Не было изначально задачи развалить Советский Союз, – признавался в интервью Геннадий Бурбулис. – Задача была – разыскать возможности и ресурсы управлять Российской Федерацией по всем правилам дееспособной власти”. Весной 1990 года, по Бурбулису, лишь невозможность осуществления каких-либо реформ по вине ретроградов в союзном

парламенте вынудила демократическую оппозицию сделать ставку на органы власти РСФСР. Избрание Ельцина председателем парламента России превратило этот законодательный орган в таран, с помощью которого демократы пробивали дорогу своим начинаниям.

До авантюры ГКЧП Ельцин хотел отобрать у союзного центра как можно больше полномочий – в том числе право пользования природными богатствами России. Этой цели он достиг в конце июля 1991 года, будучи президентом РСФСР. Заговорщики поставили под угрозу его власть и возможность распоряжаться этими ресурсами. Провал путча дал Ельцину и его людям возможность с триумфом вернуться на союзное политическое поле, не так давно ими оставленное, и перейти в наступление. Ельцин, не позволив "ястребам" сохранить империю, взвалил эту ношу на свои плечи. Когда околокремлевские бюрократы потеряли власть, а позиции их шефа, Горбачева, заметно ослабли, команда Ельцина занялась "рейдерским захватом" союзных структур: те, которые оказались не нужны или не по зубам, вроде компартии, просто распустили. Ельцин показывал, что он не только понимает лучше Горбачева, куда дует ветер перемен, но и сильнее как лидер – и что московский трон перейдет к нему. Однако этим он провоцировал республики на бунт, на провозглашение независимости. Ельцину приходилось сбавлять обороты. Идею "рейдерского захвата" СССР он оставил и включился в обсуждение переустройства Союза на конфедеративных началах, что дало бы правительству России достаточно власти для самостоятельного проведения экономических и социальных реформ, без оглядки на консерваторов из бывших партийных верхов прочих республик.

Окружение Ельцина видело в России спасательный круг для советской демократии и программы переустройства экономики. В этом они походили на большевиков эпохи военного коммунизма – уверенных, что страна окажется той спичкой, которой они разожгут пожар пролетарской революции. Одним из главных различий между этими проектами было то, что в 1917 году Ленин ради мировой революции призывал держаться заодно крайне левые силы по всей полиэтнической Российской империи. Ельцину и поддержавшим его демократам показалось выгоднее спасаться в одиночку. На это были свои причины. В годы Гражданской войны Ленин твердил, что революция потухнет без украинского угля, а в 1991 году самые ценные полезные ископаемые и другие ресурсы оказались в основном на территории России. Уход Советского Союза в небытие от гибели других империй отличало лишение бывших колоний свободного доступа к богатствам метрополии. От утраты покоренных прежде территорий российское руководство выиграло, как никто. Этот фактор оказал серьезное влияние на политику Ельцина[11].

Трудно переоценить значение личной вражды Ельцина и Горбачева для распада Советского Союза. Президент России в мемуарах размышлял о причинах своего нежелания примерить на себя роль Горбачева и заменить того у руля СССР, а Горбачев, в свою очередь, обвинял Ельцина в том, что

тот развалил Союз с единственной целью: выжить его из Кремля и лишить власти. Перспектива занять место свадебного генерала в конфедерации, где заправлял бы правитель России, Горбачева явно не устраивала. Некоторые современные российские авторы усматривают в противоборстве Ельцина и Горбачева главную причину распада советской империи. Другие (например, один из главных путчистов генерал Валентин Варенников) полагают, что не один Ельцин, а все республиканские руководители мечтали об отставке водившего их за нос президента СССР. Нельзя отрицать, что горькая обида, нанесенная Ельцину верхушкой партии и лично генеральным секретарем, толкнула его в объятия либеральной демократии. Однако избранный Ельциным в дальнейшем курс определяла именно демократическая программа – политическая, экономическая и социальная[12].

Как бы ни был Ельцину неприятен хозяин Кремля, он считал нужным посоветоваться с Горбачевым перед отъездом в Белоруссию. Переговоры с Леонидом Кравчуком российский лидер начал с того, что предложил рассмотреть одобренный главой СССР план преобразования Союза. Именно линия, проводимая президентом Украины, которому референдум 1 декабря дал право добиваться безоговорочной независимости страны, привела империю к гибели. Ни Ельцин, ни Горбачев не могли себе представить жизнеспособный Советский Союз без Украины. Эта республика занимала в нем второе после РСФСР место и по числу населения, и по вкладу в общие закрома. Российскому руководству и так не хотелось нести бремя империи, а без помощи Украины – и подавно. Сверх того (как не раз признавался Ельцин Бушу), без украинцев России весьма неуютно пришлось бы в одном доме с многочисленным населением Казахстана и Средней Азии, тем более что республики последней не могли существовать без непрерывной подпитки субсидиями.

Когда речь идет о том, чтобы приписать кому-либо заслугу или возложить на кого-либо вину за распад Советского Союза, в центре внимания практически всегда оказывается правительство России. Однако признание важности сыгранной им роли приводит к своеобразной аберрации восприятия – и в результате противостояние Ельцина с Горбачевым заслоняет собой почти все. Между тем после путча влияние этого конфликта на судьбу СССР неуклонно падало. К декабрю 1991 года российское руководство или фактически поставило союзные органы под свой контроль, или лишило их возможности что-либо предпринять вопреки своей воле. Исход распри между Россией и Кремлем был предрешен еще до украинского референдума 1 декабря и заключения договора в Беловежской пуще 8 декабря. Именно отношения России с Украиной, а не с немощным центром стали для империи фатальными.

Кравчук, родившийся в межвоенной Польше, оказался во главе ненасильственной кампании за право на самоопределение в республике, где мобилизация патриотических сил весьма походила на прибалтийскую. В западной части Украины, которую СССР поглотил лишь во время Второй

мировой войны (как и Литву, Латвию и Эстонию), демократические выборы 1990 года привели к отстранению от власти советских элит. Галицию и Волынь, аннексированные согласно пакту Молотова – Риббентропа (1939), империя переварить так и не сумела. Легко вообразить Советский Союз в том или ином виде и в наши дни – при условии, что Сталин не заключил бы с Гитлером "пакт о ненападении" и не завладел бы половиной Восточной Европы. СССР мог бы сохраниться (без Прибалтики), если бы Сталин пошел навстречу Рузвельту на Ялтинской конференции (1945) и оставил Львов Польше. Однако советский диктатор настоял на своем. А в конце 80-х годов именно этот город стал центром притяжения сторонников независимости и дерусификации. После 1 декабря 1991 года представить Украину без Львова так же трудно, как Советский Союз без Украины.

Если события на западе Украины перекликались с прибалтийскими, то на востоке республики многое происходило в унисон с Москвой, Ленинградом (Санкт-Петербургом) и шахтерскими регионами России. В центральной и восточной частях Украины, которые вошли в состав СССР в момент его образования, верхушка компартии цеплялась за власть, даже если массы были против этого. В авангарде здесь находились шахтеры Донбасса и либеральная интеллигенция, которая стала играть важную роль в горсоветах крупных индустриальных центров. Таким образом, по всей Украине старые элиты чувствовали себя брошенными союзным центром. Чтобы удержаться на плаву, им поневоле приходилось искать общий язык с оппозицией.

В 1922 году Ленин пошел на образование Советского Союза ради того, чтобы умиротворить Украину. Союз возник как федеративное государство с мощным центром, который в первое свое десятилетие стремился к тому, чтобы не дать украинцам возобновить борьбу за независимость, а русским – снова войти в роль хозяев империи. Большевистская элита Украинской ССР понесла огромные потери в ходе трагических событий 30-х годов, но окрепла после Второй мировой войны и пробилась к союзному рулю, получив фактический (неформальный) статус младшего партнера русской элиты. В правление Никиты Хрущева и Леонида Брежнева украинские коммунисты имели в Москве прочные позиции или даже доминировали, однако при Горбачеве лишились былого влияния.

Тем не менее, при всем недовольстве новым генсеком, украинские аппаратчики до августовской авантюры сохраняли приверженность идее Союза – а некоторые остались верны ей и после. Попытка Ельцина совершить, улучив момент после путча, "рейдерский захват" союзного центра грозила украинской верхушке опасностью остаться с Россией один на один. Если Горбачев не терял надежды привлечь украинцев в союзные структуры (в 1990 году он сделал бывшего первого секретаря КПУ Владимира Ивашко своим заместителем в КПСС, а после путча предложил Витольду Фокину пост премьер-министра преобразованного Союза), то у Ельцина подобных намерений не было. Да и сам Киев такие перспективы интересовали все меньше. К распаду Советского Союза привело именно стремление украинских элит к полной самостоятельности, а также неумение

и нежелание российского руководства предложить сколько-нибудь привлекательный вариант интеграции (но не конфедерации, в которой заправляла бы Москва).

После путча надежда на то, что Россия и Украина останутся вместе, с каждым днем таяла. В конце августа 1991 года Кравчук принял посланцев Ельцина во главе с Руцким, однако россияне не смогли остановить движение Украины к независимости. К октябрю Кравчук уже перестал ездить в Москву, а для его судьбоносной встречи с Ельциным в Вискулях понадобилось белорусское посредничество.

Горбачеву, а также тем, кто при нем возвысился, не удалось повторить маневр Габсбургов, в середине XIX века заставивших немецкую аристократию разделить выгоды и тяготы управления империей с венграми – и таким образом продливших свое пребывание на троне. Проект славянского союза, предложенный Александром Солженицыным (некоторые полагали, что благодаря Беловежскому соглашению он получил шанс на воплощение), на самом деле был проектом расширения российской территории, а не поиска общего языка с Украиной, не предложением партнерства. Поскольку население Украины с поразительным единодушием высказалось 1 декабря за независимость, Кравчук недолго думая поставил и Горбачева, и Ельцина перед фактом: Украина покидает СССР. В Беловежской пуще Ельцину пришлось вести с Кравчуком переговоры лишь о том, на каких условиях это произойдет и какими будут отношения двух государств.

Неспособность Горбачева восстановить власть после путча, неуклюжая попытка Ельцина отобрать рычаги управления и стремление провести экономические реформы без оглядки на соседей, наконец, упорство, с которым Кравчук добивался для Украины независимости, – все это поставило в трудное положение тех периферийных лидеров, которые не объявляли о своем желании выйти из состава СССР. Святослав Шушкевич и Вячеслав Кебич, хозяева саммита в Беловежской пуще, заверили Ельцина и Кравчука, что поддержат любое их решение. Впрочем, белорусы прекрасно понимали, что выбора у них нет – следовать в кильватере российского корабля их принуждала зависимость республики от поставок энергоресурсов. Нурсултан Назарбаев, президент Казахстана и хозяин встречи в Алма-Ате 21 декабря, оценивал свое положение так же, хотя его заботили не российские нефть и газ, а восточнославянское (преимущественно русское) население его страны, превосходившее численностью казахов, титульную нацию. Да и руководство республик Средней Азии не представляло себе Советский Союз без России, хотя бы и обновленный по замыслу Горбачева. Наблюдалась цепная реакция: Украина мечтала вырваться из Союза, Россия не могла вообразить Союз без Украины, а прочие республики, пусть даже желавшие остаться в том или ином объединении, не представляли себе Союз без России. Прежние хозяева общесоюзного дома чуть не взашей вытолкали Казахстан и государства Средней Азии, не оставив им другого выбора, кроме вступления в Содружество Независимых Государств.

В отличие от СССР, устройство СНГ позволяло гораздо легче двигать планку политического, экономического и социального взаимодействия между бывшими союзными республиками. Если Великое княжество Финляндское или Царство Польское обладали в Российской империи особыми правами и привилегиями, о которых русским или украинским губерниям не стоило и мечтать, то в СССР все республики, от крошечной Эстонской ССР до огромной РСФСР, с точки зрения Конституции были равны. Увеличение степени самоуправления Эстонии оказывалось невозможным без аналогичных уступок России. Эта черта советского строя и предопределила неминуемый распад федерации после того, как в Прибалтике, на Западной Украине, в Молдавии и на Кавказе набрало ход движение за независимость.

Продиктованная конституционным строем обязанность союзного центра относиться к республикам одинаково – это та черта советской политической жизни, на которую в Вашингтоне не обращали должного внимания. Буш ратовал за независимость Литвы, Латвии и Эстонии, полагая, что СССР без них не только выживет, но даже не пострадает. Он упирал на справедливость и легитимность такого пересмотра границ: ведь Соединенные Штаты никогда не признавали аннексию Сталиным этих трех маленьких стран и теперь подчеркивали необходимость возвращения им независимости. Дюжине остальных советских республик США ничего подобного не желали, однако убедить тех не следовать примеру прибалтов оказалось невозможно. Буш напрасно подмочил себе репутацию речью в Киеве 1 августа 1991 года. С другой стороны, он очень затруднил Горбачеву использование формально все еще подчиненных тому силовых структур и введение в Прибалтике военного положения на сколько-нибудь долгий срок. Точечные же удары по “националистам” не принесли Кремлю пользы. Из-за давления Запада продолжительное кровопролитие обошлось бы президенту СССР слишком дорого, так что ему приходилось действовать в рамках Конституции.

Шаги, предпринятые Бушем и Бейкером, ускорили распад Советского Союза, однако это не только не входило в их намерения, но едва ли не прямо им противоречило. Стремление вырвать прибалтийские страны из объятий Москвы – лишь один из примеров американской стратегии, которая привела к непредвиденным последствиям. Трудно сомневаться в том, что Соединенные Штаты, помогая Горбачеву удержаться на плаву после путча и вынуждая российское руководство с ним сотрудничать, не позволили Ельцину ни взять под свой контроль союзный центр, ни навязать Горбачеву конфедерацию в сентябре и октябре 1991 года, когда главы республик еще не манкировали совещаниями у президента СССР. В ноябре, за несколько недель до украинского референдума, Вашингтон непрестанно давил на Ельцина, не позволяя ему выпустить кровь из жил союзного правительства – прежде всего, МИДа. Только за считанные дни до 1 декабря Буш отважился намекнуть журналистам на скорое признание независимости Украины,

подтолкнув Советский Союз к краю пропасти. В тот раз правительство США осознавало последствия своих действий.

Почему же Джордж Буш и его советники поступали именно так? Личное расположение американца к советскому коллеге – Горбачева он уважал и как человека, и как политика – могло, разумеется, стать одной из причин, но важнее была установка Белого дома на то, чтобы дольше удерживать советскую империю от краха. Краткосрочная выгода от таких действий, как признался Джеймс Бейкер в начале 1991 года, заключалась в том, чтобы добиться от издыхающего левиафана максимальных уступок в области контроля над вооружениями и в международных отношениях. С этой точки зрения стратегия была избрана наилучшая. Отказ Советского Союза помогать марионеточным “народным демократиям” на Кубе и в Афганистане, согласие сильно урезать ядерный арсенал, содействие Горбачева предложенному США плану мирного урегулирования арабо-израильского конфликта – вот главные успехи Буша на советском направлении осенью 1991 года.

Но более всего Америку тревожила сохранность ядерного оружия недавнего потенциального противника. В Вашингтоне думали, что граждане США будут спать гораздо крепче, если “кнопка” останется в распоряжении той же советской военной машины, с которой Колин Пауэлл, председатель Объединенного комитета начальников штабов, и другие высшие командиры привыкли иметь дело. В этом отношении политика Белого дома оказалась не менее успешной. Восьмого декабря Ельцин позвонил Бушу из Вискулей и поспешил успокоить американского коллегу: президенты восточнославянских государств договорились о совместном и централизованном контроле над ядерным оружием СССР. Не последнюю роль играла и перспектива погружения обломков Союза в хаос – особенно это касалось России, Украины, Белоруссии и Казахстана, на территории которых размещалось ядерное оружие. Впрочем, как ни стращал бывших подданных обеспокоенный тем же самым Горбачев, Советский Союз не превратился в “Югославию с ядерными бомбами”. Россия при Ельцине не пошла по пути Сербии, и, в отличие от Слободана Милошевича, ее глава не стал воевать за оказавшиеся под властью Кравчука, Назарбаева и прочих “инсургентов” земли, которые многим его согражданам казались исконно русскими.

Уход Советского Союза в небытие без масштабного кровопролития был обеспечен не только ельцинским курсом, но и осмотрительной политикой Кравчука и Назарбаева в отношении русскоязычного меньшинства. Впрочем, в благополучном исходе есть и заслуга Америки. Президент США, действуя заодно с европейскими лидерами, приложил немало усилий к тому, чтобы избежать повторения югославского сценария: Германия тогда помогала Словении и Хорватии выйти из состава федерации, а другие западные страны не занимали никакой определенной позиции. Буш сумел убедить Запад действовать на советском направлении сообща и выступал от лица не только Соединенных Штатов, но и этих государств. Как следствие, руководители

бывших союзных республик могли наладить отношения со странами Запада лишь при условии выполнения требований Вашингтона касательно ядерного оружия, нерушимости границ и прав этнических меньшинств. Эти требования были объявлены в начале осени 1991 года Бейкером и служили ориентиром для государств, которым вскоре предстояло образовать Содружество. Отступали от них разве в мелочах.

Проиграв битву за сохранение Советского Союза в качестве младшего партнера на международной арене, американское правительство способствовало его мирному роспуску. Достижение это трудно переоценить, особенно если задуматься над историей подобных держав. В некотором смысле и вправду наступил конец истории – но не в виде окончательной победы либерализма, которую провозгласил Фрэнсис Фукуяма в бестселлере 1990 года “Конец истории и последний человек”, а как точка в долгом процессе распада европейских империй. Соединенные Штаты, появившиеся на свет в ходе восстания против британской метрополии и сделавшиеся врагом колониализма, неожиданно для себя оказались во главе процесса ликвидации страны, представлявшейся многим последней на планете империей. Так американцы, сами того не желая, исполнили свое антиимперское предназначение[13].

Есть все основания рассматривать 1991 год как поворотный в мировой истории и тем более в истории “постсоветского пространства”. Некоторые зовут его “годом чудес”, *annus mirabilis,* другие же, напротив, – *annus horribilis.* К последним принадлежит и российский президент Владимир Путин, который назвал те события “крупнейшей геополитической катастрофой века”[14].

Именно в 1991 году новые хозяева Кремля определили стратегию в отношении “близкого зарубежья”, которой их наследники придерживались до российско-грузинской войны 2008 года. Бывшим союзным республикам позволили отделиться без боя, однако автономным, вроде Чечни, поблажки не дали. Москва, извлекшая уроки из событий 1991 года, перестроила федерацию так, что у некоторых субъектов, в первую очередь у Татарстана и Чечни, прав стало больше, чем у остальных. Благодаря этому внешнее единство российского государства сохранилось даже в самые трудные годы, при Ельцине. Для усмирения мятежных автономий Ельцин готов был заменять кнут пряником (в советские времена последний был в дефиците). При этом, подавляя стремление собственных национальных окраин к независимости, российские президенты заимствовали тактику Горбачева 1990 и 1991 годов. (Тот пытался натравить глав автономий на Ельцина и других республиканских лидеров и подлить масла в огонь в грузинских Абхазии и Южной Осетии, молдавском Приднестровье, украинском Крыму.)

То, что теперь многие считают изобретением Путина – агрессивное втягивание бывших советских республик в “интеграционные” объединения, жесткие меры против вступления некоторых, вроде Украины и Грузии, в НАТО и структуры, связанные с ЕС, – также восходит к событиям 1991 года.

Многие советники Ельцина рассматривали СНГ не в качестве инструмента цивилизованного развода, а как механизм контроля России над постсоветским пространством. Они верили, что в тот момент государству было выгодно сбросить бремя традиционного империализма, но через два десятилетия, когда политические и экономические проблемы будут преодолены, республики по своей воле вернутся под власть России. Кое-кто, например Александр Лукашенко, действительно присоединился к управляемым из Кремля политическим, экономическим и оборонным проектам. Однако другие неуклонно двигались в противоположном направлении, и в конце 2003 года появились признаки новой холодной войны между Россией и Западом. Первым поводом к обострению стала "Революция роз" в Грузии (она привела к власти Михаила Саакашвили, который получил высшее образование на Украине, во Франции и США), вторым – украинская "Оранжевая революция", когда поддержанный Западом Виктор Ющенко одержал верх над ставленником Москвы Виктором Януковичем. Сегодня, как и в 1991 году, наиболее далекими от России в политическом отношении остаются Литва, Латвия и Эстония, а страной, от выбора которой сильнее всего зависит будущее "интеграции" одной шестой части суши по российским лекалам, – Украина[15].

Истоки американской внешнеполитической стратегии, которая во многом определила международные отношения в первом десятилетии XXI века, также следует искать в том времени, когда Бейкер убедил президентов распадавшегося Союза и нарождавшейся России оставить на произвол судьбы Наджибуллу. Афганистан лишился последних признаков цивилизованности и погрузился в пучину безудержного насилия. Единственной альтернативой произволу оказался "Талибан". За относительное умиротворение в стране, которого добились религиозные фанатики, пришлось заплатить тысячами жертв за ее пределами: Усама бен Ладен превратил Афганистан в свою главную базу. Ответ президента Джорджа У. Буша на брошенный Америке 11 сентября 2001 года вызов также во многом определили уроки, извлеченные из событий 1991 года.

Пока здание СССР на глазах телезрителей рассыпалось в прах, эксперты из Белого дома взялись за конструирование нового мира. В этом мире влияние Советского Союза должно было если не сойти на нет, то по крайней мере превратиться в третьестепенный фактор международной политики. Руководство стратегическим планированием поручили министру обороны Дику Чейни, непосредственный контроль над исполнением – его заместителю Полу Вулфовицу. Новая доктрина отражала взгляды, озвученные президентом в его послании Конгрессу в январе 1992 года: холодная война не просто закончилась – она закончилась победой Америки. Теперь, когда США стали единственной на планете сверхдержавой, им предстояло исполнить свое предназначение. Раньше на пути Америки стояли географические и политические барьеры – прежде всего возводимые противником в холодной войне. Теперь все было иначе.

Через несколько недель после речи Буша-старшего, когда доктрину Вулфовица частично пересказали журналистам, выяснилось, что предназначение сверхдержавы не сводилось к защите свободы по всему миру. Заключалось оно и в том, чтобы предотвращать появление на международной арене равных США противников – в случае необходимости путем превентивной войны. Именно такую внешнеполитическую стратегию взял в 2001 году на вооружение Джордж Буш-младший. В марте 2003 года он послал войска в Ирак, чтобы уничтожить в зародыше угрозу, которой никогда не было. Хусейн довольно скоро был низложен, но война обошлась более чем в 190 тысяч жизней, повергла Ирак в хаос и осложнила обстановку на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты потеряли убитыми почти 45 тысяч военнослужащих и около 3,5 тысячи работавших по контракту гражданских лиц[16].

Джордж У. Буш верил в победу Америки в холодной войне и восхвалял "моральную ясность" убеждений, которые помогли нации победить. В ноябре 2003 года, после первых успехов в Ираке, президент выступил на мероприятии, посвященном двадцатилетнему юбилею Национального фонда демократии, и отдал должное твердости духа американцев, благодаря которой "глобальное ядерное противостояние с Советским Союзом обошлось без кровопролития – как ушел в небытие и сам Советский Союз". В этом триумфалистском нарративе президент почерпнул вдохновение для экспорта демократии на Ближний Восток и преобразования мусульманского мира. "А теперь и мы должны применить извлеченные из тех событий уроки, – заявил Джордж У. Буш. – Мы пришли к новому великому повороту, и наша твердость… определит новый этап всемирного движения к демократии"[17].

Новый этап, однако, так и не наступил. Вместо него пришел кошмар войны в Ираке. Есть немало причин утверждать, что путь, который привел Америку к вторжению, начинается именно в 1991 году. Речь не только о жажде довести войну 1990–1991 года до логического конца. В Вашингтоне после распада СССР укоренилась вера в свою мощь – доблесть победителя, который попросту стер противника с карты. В плену этих представлений находился и тот, кто в марте 2003 года отдал роковой приказ армии Соединенных Штатов.

Благодарности

Я покинул Москву 20 августа 1991 года, на второй день переворота. До самой посадки никто не знал, дадут ли заговорщики (точнее, руководство "Аэрофлота") долететь до Монреаля или, изменив маршрут, направят самолет в Гавану. Однако все обошлось. Они не контролировали не только наш самолет, но и ситуацию в Москве.

А к следующему дню путч как повод для волнений себя исчерпал. Обескураженные событиями в Советском Союзе коллеги из Университета Альберты (Канада), куда я ехал преподавать в качестве приглашенного профессора, просили, чтобы я прочитал курс о кризисе в СССР, о судьбе российской и советской демократии. Вместо этого я – человек, приехавший с Украины и понимающий размах национального движения в этой

республике, – предложил провести курс о национальном вопросе в СССР. Принимающая сторона отнеслась к предложению с известной долей скептицизма. Казалось, национальный вопрос не входил в число тем дня и не имел явной связи с событиями в Москве (по крайней мере, так полагали многие представители американского научного сообщества). Я настоял на своем.

Ко времени окончания курса (декабрь 1991 года) Советский Союз прекратил свое существование, распавшись на пятнадцать национальных государств. В отличие от многих своих североамериканских коллег я понимал значимость национального вопроса в СССР и следил за эволюцией советских республик. Однако меня, как и коллег, удивляла скорость развития событий. Я не до конца осознавал суть мирной революции в период между провалом путча в августе и распадом Советского Союза в декабре.

Книги о крахе Советского Союза, написанные журналистами, политологами, историками, проливают мало света на вопрос, что и почему происходило в стране и мире в последние месяцы 1991 года. Мне не оставалось ничего, кроме как написать книгу самому.

В первую очередь я хочу поблагодарить за интервью непосредственных участников событий: президента Украины Леонида Кравчука; спикера белорусского парламента Станислава Шушкевича; министра обороны Украины генерала Константина Морозова; депутата советского парламента, украинского писателя и дипломата Юрия Щербака; посла США в Польше (позднее в Пакистане) Томаса Саймонса; сотрудника Совета по национальной безопасности, позднее посла в Греции и заместителя госсекретаря Николаса Бернса. Я также благодарен людям, которые помогли организовать указанные интервью: Маршаллу Голдману, Марте Дычок, Любомиру Гайде, Леониду Полякову и другим.

Госсекретарь Джеймс Бейкер любезно разрешил воспользоваться его документами, хранящимися в Библиотеке рукописей им. Мадда (Принстонский университет). Посол Бернс, ознакомившись с рукописью, дал исключительно полезные комментарии. Замминистра иностранных дел РФ Анатолий Адамишин, прочитав рукопись, отнесся к ней благосклонно. Не в меньшей степени я благодарен своим гарвардским коллегам Марку Креймеру и Мэри Саротти, а также аспирантке Элизабет Керли за комментарии к первому варианту рукописи.

Мои материалы и доклады комментировали также Терри Мартин, Чарли Майер и Эрец Манела, а также Блэр Рубл из Международного центра им. Вудро Вильсона (Вашингтон), Влад Зубок (Лондонская школа экономики) и Ольга Павленко (РГГУ). Их советы помогли мне выправить текст, сократить неважные фрагменты, устранить ошибки. Как обычно, Мирослав Юркевич, мой давний друг и редактор, провел замечательную работу по облагораживанию текста.

Я признателен отделению истории Гарвардского университета за предоставление мне осенью 2011 года творческого отпуска для работы над книгой, а также – за материальную поддержку исследований – Украинскому

научному институту и Центру российских и евразийских исследований им. Дэвиса. Особую благодарность выражаю своему коллеге профессору Тиму Колтону, вместе с которым в 2012/13 учебном году мы вели семинар “Имперское наследие и международная политика в постсоветском пространстве”, а также сотрудникам и стипендиатам Центра им. Дэвиса. От Тима и участников семинара я узнал много нового о советской и постсоветской политике.

Архивариус Принстонского университета Дэниел Дж. Линке помог мне получить разрешение на использование бумаг Джеймса Бейкера из Библиотеки им. Мадда. Алексей Литвин оказал содействие в получении доступа к архиву Горбачев-фонда. Михаил Прозуменщиков, Петер Руггенталер, Юрий Шаповал и Владимир Вятрович консультировали меня по вопросам работы в российских и украинских архивах, а также архивах других стран бывшего СССР. Я благодарен Евгении Пановой из международного отдела ИТАР-ТАСС и Оскару Эспайльяту из “Корбис” за помощь в подборе иллюстраций.

Литературный агент Джилл Нирим помогла мне сделать изложение материала максимально доступным для специалистов и для широкого круга читателей и нашла прекрасного издателя. Кроме того, я хотел бы выразить признательность издательству “Бейсик букс” и лично Ларе Хеймерт и ее коллегам. Я особенно благодарен редакторам Роджеру Лабри и Кэти О’Доннел.

Наконец, я вряд ли написал бы эту книгу (как и все остальные), если бы не постоянный интерес, поддержка и советы моей супруги Елены.

Мне чрезвычайно приятно, что книгу увидит российский читатель. Главная заслуга в этом принадлежит Варе Горностаевой, выбравшей ее из десятков изданий по истории России и СССР, которые ежегодно выходят за рубежом, и приложившей усилия к тому, чтобы перевод появился как можно быстрее. Я хочу выразить особую признательность переводчикам Сергею Гирику, Сергею Лунину и Анатолию Сагану. В известном смысле в книге нет ни единого моего слова: все они принадлежат переводчикам. Но, конечно, я несу ответственность за порядок слов, их смысл и то, помогают ли они российским читателям понять, что произошло с их страной и четырнадцатью другими советскими республиками в далеком уже 1991 году.

Примечания

Предисловие

1 Bush, George H. W. *Address to the Nation on the Commonwealth of Independent States.* December 25, 1991. George Bush Presidential Library and Museum, Archives, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=379i&year=1991&month*=i2;Bush, George H. *W.State of the Union Address.* January 28, 1992. C-SPAN. *http://www.c-spanv1deo.org/program/23999-1.*

2 *Statement on the Resignation of Mikhail Gorbachev as President of the Soviet Union.* December 25, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers,

http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_ papers.php?id=3790&year= 199&month = 12.

3 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 563–564; Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996. P 552–575.

4 Schrecker, Ellen Cold War Triumphalism and the Real Cold War / In: Schrecker, Ellen, ed. *Cold War Triumphalism: The Misuse of History After the Fall of Communism.* New York, 2006. Pp. 1-26; Cumings, Bruce *Time of Illusion: Post-Cold War Visions of the World* / In: SCHRECKER, Ellen, ED. *Cold War Triumphalism,* pp. 71-102; *Тайны мира с Анной Чапман,* № 79. *Гибель империи.* 13 февраля 2013 г., *www.youtube.com/watch?v=Tizr8FriNbs; Секретный сценарий развала СССР и России в планах ЦРУ.* 31 января 2013 г., *www.youtube.com/watch?v=PfeiGv 6IkQc.*

5 О Советском Союзе как о многонациональном государстве см.: Pipes, Richard *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923.* Cambridge, MA, 1997; Martin, Terry *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, NY, 2001; Hirsch, Francine *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union.* Ithaca, NY, 2005.

6 Об СССР как о империи и роли политического национализма в его гибели см.: Szporluk, Roman *Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union.* Stanford, CA, 2000; Lieven, Dominic *Empire: The Russian Empire and Its Rivals.* New Haven, CT, 2002. Ch. 9; Beissinger, Mark R. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State.* Cambridge, 2002. P 4; Burbank, Jane, and Frederick Cooper *Empires in World History: Power and Politics of Difference.* Princeton, NJ, 2010. Ch. 13.

7 Дэвид Ремник, удостоенный Пулитцеровской премии за книгу об СССР (Remnick, David *Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire.* New York, 1994), посвящает финальной главе истории холодной войны лишь две с половиной страницы, Майкл Доббс (Dobbs, Michael *Down with Big Brother: The Fall of the Soviet Empire.* New York, 1997) – шесть страниц, а Стивен Коткин (Kotkin, Stephen *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 19702000.* Oxford, 2001) – пять.

8 Kotkin *Armageddon Averted.* Introduction and ch. 4; Kotkin, Stephen *Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment.* New York, 2009. Preface; Lake, David A. *The Rise, Fall, and Future of the Russian Empire: A Theoretical Interpretation* / In: Dawisha, Karen, and

Bruce Parrott, eds. *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective.* Armonk, NY, 1997. Pp. 30–62; Colton, Timothy J. *Yeltsin: A Life.* New York, 2008. Chs. 8 and 9.

Глава 1. Встреча в Москве

1 Reynolds, David *Summits: Six Meetings That Shaped the Twentieth Century.* New York, 2007. Pp. 1-102.

2 *U. S.-Soviet Relations and the Moscow Summit.* July 26, 1991. C-SPAN, *www.c-spanvideo.org/program/19799-1; Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms.* July 31, 1991. US Department of State, *http://www.state.gov/www/global/arms/starthtm/start/start1.html.*

3 Gaddis, John Lewis *The Cold War: A New History.* New York, 2006; Kissinger, Henry *Diplomacy.* New York, 1996. Pp. 423–732; Zubok, Vladislav M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev.* Chapel Hill, NC, 2007. Pp. 1-226.

4 Shane, Scott *Cold War's Riskiest Moment* // Baltimore Sun, August 31, 2003.

5 *Atomic War Film Spurs Nationwide Discussion* // New York Times, November 22, 1983; Reagan, Ronald *An American Life.* New York, 1990. Pp. 585–586; Fisher, Beth A. *The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War.* Columbia, MO, 2000; Reagan, Ronald *Address to the Nation and Other Countries on United States – Soviet Relations, January 16, 1984, http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/11684a.html.*

6 Bush, Barbara *A Memoir.* New York, 1994; Bush, George *All the Best, George Bush: My Life in Letters and Other Writings.* New York, 2000; Tarpley, Webster Griffin, AND Anton Chaitkin *George Bush: An Unauthorized Biography.* Joshua Tree, CA, 2004.

7 *Remarks at the Arrival Ceremony m Moscow, July 30, 1991* and *Remarks by President Gorbachev and President Bush at the Signing Ceremony for the Strategic Arms Reduction Talks Treaty in Moscow, July 31, 1991.* Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=32$6&year= 199i&month=7.*

8 Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War*. Boston, 1993. P 411; Bush, George, and Brent Scow-croft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 510–511.

9 *Mikhail Sergeevich Gorbachev.* Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991, Bush Presidential Library, Presidential Records, Office of the First Lady, Scheduling, Ann Brock Series: Moscow Summit, Monday 7/29/91 to Thursday 8/1/91 – Moscow and Kiev, no. 4.

10 Brown, Archie *The Gorbachev Factor.* Oxford, 1997; Grachev, Andrei *Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War.* Cambridge, 2008; Garthoff, Raymond L. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War.* Washington, D. C., 1994; Oberdörfer, Don *From the End of the Cold War to a New Era: The United States and the Soviet Union, 1983–1991.* Baltimore, 1998.

11 Goodman, Walter *Summit Image: Hardly a Mikhail and George Show* // New York Times, August 1, 1991; Gibbons, Gene *Pre Advance Pool Report, Moscow Summit, July 29 – August 1, 1991, July 25, 1991.* Bush Presidential Library, Presidential Records, White House Office of Media Affairs, Media Guide to the President's Trip to the USSR – Summer 1991.

12 Goodman *Summit Image;* Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 511; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 415.

13 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels*, pp. 411–412; *Memorandum of Conversation. Extended Bilateral Meeting with Mikhail Gorbachev of the USSR.* July 30, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu. edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-oj-}o-Gorbachev%2ü[l].pdf.*

14 Talbott, Strobe *Mikhail Gorbachev and George Bush: The Summit Goodfellas* // Time, August 5, 1991.

15 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 405–406.

16 *Jane's Strategic Weapons Systems,* issue 50, ed. Duncan Lennox. Surrey, 2009. Pp. 161–163; *Study Details Catastrophic Impact of Nuclear Attack on US Cities* // Space War, March 23, 2007, *www.spacewar. com/reports/Study_Details_Catastrophic_ Impact_Of_Nuclear_Attack_On_US_Cities_999.html.*

17 Palazhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. Pp. 292–293; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 508–509; *В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991).* Москва, 2000. С. 695–696.

18 *Memorandum of Conversation. Extended Bilateral Meeting with Mikhail Gorbachev of the USSR.* July 30, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bush-library.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-07-30-Gorbachev%20[1].pdf.*

19 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 511–512; Remnick, David *All Substance, No Style Makes a Dull Summit: Businesslike Bush Forsakes the Flourishes* // Washington Post, July 31, 1991.

20 Goodman *Summit Image* // New York Times, August 1, 1991.

21 Remnick *All Substance, No Style;* Devroy, Ann *First Lady: Bush Must Run Again: "For Country's Sake", She Tells Interviewers* // Washington Post, August 1, 1991; White House, Office of the Press Secretary *Interview of Ms. Bush by Steve Fox, ABC.* July 31, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed A. Hewett Files: POTUS Meetings March 1991 – July 1991: Moscow Summit, July 1991, no. 1.

22 *Raisa Maksimovna Gorbachev.* Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991; Горбачева, Раиса *Я надеюсь…* Москва, 1991; Черняев, Анатолий, Гусенков, Виталий *Памятная записка для Михаила Горбачева по программе его визита в Соединенные Штаты Америки с 29мая по 4 июня 1990 года.* Архив Горбачев-фонда. Ф. 2, № 8288.1; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 939; *Raisa Gorbachev to Join Barbara Bush at 'Wellesley* // Harvard Crimson, May 18, 1990; *Wellesley Students Hail Raisa Gorbachev* // New York Times, May 20, 1990.

23 Bush, Barbara *Address to Soviet Children.* July 1991. Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991; Clines, Francis X. *Red*

Square Is Beautiful. That's Agreed // New York Times, July 31, 1991; Smith, J. Y. *Raisa Gorbachev, Activist First Lady Dies* // Washington Post, September 20, 1999; Bush, Barbara *Eulogy: Raisa Gorbachev* // Time, October 4, 1999.

24 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels*, p. 415; Маркова, Галина *Большой Кремлевский дворец.* Москва, 1981.

25 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 514; *Remarks by President Gorbachev and President Bush at the Signing Ceremony for the Strategic Arms Reduction Talks Treaty in Moscow.* 31 July 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=j2$6&year= 19pi&month=7.*

26 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 514; Apple Jr., R. W *Summit in Moscow: Bush and Gorbachev Sign Pact to Curtail Nuclear Arsenals, Join in Call for Mid-East Talks* // New York Times, August 1, 1991.

27 Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. P 624.

28 Gorbachev *Memoirs,* p. 624; Черняев *Совместный исход,* с. 968–969; Черняев, А. С. *1991 год: Дневник помощника президента СССР.* Москва: Терра, Республика, 1997.

29 *Internal Points for Bessmertnykh Meeting.* July 28, 1991. James A. Baker Papers, box 110, folder 5; Bush and Scow-croft *A World Transformed,* pp. 514–515.

30 Fein, Esther B. *Summit in Moscow: The God (of Technology) That Failed* // New York Times, August 1, 1991.

Глава 2. Могильщик партии

1 Talbott, Strobe *Mikhail Gorbachev and George Bush: The Summit Goodfellas* // Time, August 5, 1991; *At Big Moment, Little Earpiece Fails* // New York Times, August 1, 1991.

2 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 514–515; *Toasts at a Dinner Hosted by President Bush in Moscow.* 31 July 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_ papers.php?id=j2$6&year= 19pi&month* =7.

3 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 510–514; Palazhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. Pp. 305–306; *Dmitriy Timofeyevich Yazov.* The Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991, Bush Presidential Library.

4 Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. Pp. 624625; Горбачев, М. С. *Жизнь и реформы.* Кн. 2. Москва, 1995. С. 308; Palazhchenko *My Years,* pp. 300–301; Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 413; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 512; Matlock, Jack *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union.* New York, 1994. P 564.

5 Gorbachev *Memoirs*, pp. 624–625; Palazhchenko *My Years,* pp. 300–301; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 413; Bush and Scowcroft *A World*

Transformed, p. 512; Seib, Jerry *Pool Report no. 11. Bush, Gorbachev – and Yeltsin – Go to Dinner.* Moscow, USSR, Tuesday, July 30, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Files, Subject Files: Moscow Summit – Press Releases, Fact Sheets, Remarks, no. 2; Matlock *Autopsy on an Empire,* p. 564.

6 Colton, Timothy J. *Yeltsin: A Life.* New York, 2008; Aron, Leon *Yeltsin: A Revolutionary Life.* New York, 2000; Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994.

7 *Boris Nikolaevitch Yeltsin.* The Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991, Bush Presidential Library.

8 Colton *Yeltsin,* pp. 183–184; Авен, Петр, Кох, Альфред *Ельцин служил нам! Интервью с Геннадием Бурбулисом* // Форбс, 22 июля 2010 Г., *www.forbes.ru/node/53407/print.*

9 Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 862–863, 968; Gorbachev *Memoirs,* pp. 601–602.

10 Шенин, Олег *От партии ждут энергичных действий. Проект доклада на собрании секретарей республиканских, региональных и областных комитетов, 24 января 1991 г.* РГАНИ. Ф. 89, оп. 23, № 2, 25–26.

11 ЦК КПСС *Об обстановке в партийной организации советских учреждений в г. Женева (Швейцария).* РГАНИ. Ф. 89, оп. 20, № 23, 1–6; Economic Survey of Europe, no. 3 (2003): 125.

12 Beissinger, Mark R. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State.* Cambridge, 2002. Pp. 147–199.

13 См.: Walker, Edward W *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union.* Lanham, MD, 2003. P 88.

14 *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 150–155; Likhachev, Yegor *Inside Gorbachev's Kremlin.* New York, 1996; Brown, Archie *The*

Gorbachev Factor. Oxford, 1996; Brown, Archie *Seven Years That Changed the World: Perestroika in Perspective.* Oxford, 2007.

15 *В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991).* Москва, 20оо. С. 499, 529; Beissinger *Nationalist Mobilization,* p. 405.

16 Szporluk, Roman *Dilemmas of Russian Nationalism* / In: *Russia, Ukraine and the Breakup of the Soviet Union.* Stanford, 2000. P. 183–228; Beissinger *Nationalist Mobilization,* pp. 390–396, 401–416; Walker *Dissolution,* pp. 78–81; *Россия сегодня: Полит. портр. в документах, 1985–1991: Новые партии; Новые лидеры; Новое рабочее движение.* М., Международные отношения, 1991. С. 449.

17 *Eduard Shevardnadze to James Baker.* Moscow, January 20, 1991. James A. Baker Papers, box 102, folder 35.

18 Черняев *Совместный исход,* с. 862–863.

19 Gorbachev *Memoirs,* pp. 326–347, 569–607; Walker *Dissolution,* pp. 55-136.

20 Szporluk *Dilemmas of Russian Nationalism,* pp. 188–198; Черняев *Совместный исход,* с. 947, 961; Болдин, Валерий *Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева.* Москва, 1995.

21 *Союз можно было сохранить,* с. 268–283.

22 *President. USSR. Designated Gifts.* Bush Presidential Library, Presidential Records, Office of the First Lady, Scheduling, Ann Brock Series: Moscow Summit, Monday 7/29/91 to Thursday 8/1/91 – Moscow and Kiev, USSR [3].

23 Colton *Yeltsin,* pp. 171–173; Yeltsin, Boris *Quotation of the Day* // New York Times, September 11, 1989; Суханов, Л. Е. *Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника.* Эксмо: Алгоритм, 2011.

24 Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996. P 478–479; Bush and Scowcroft *A*

World Transformed, pp. 141–143; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 103–104.

25 Gates *From the Shadows,* p. 503; цит. по изд.: Панарин, И. *Первая мировая информационная война. Развал СССР.* СПб.: Питер, 2010; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 142–143; COLTON *Yeltsin,* p. 172.

26 *Luncheon with President Mikhail Gorbachev of the USSR, July 30, 1991,* Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-07-30-Gorbachev%20[2].pdf.*

27 *Memorandum of Conversation. Meeting with Boris Yeltsin, President of the Republic of Russia.* July 30, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bush-library.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-07-30-Yeltsin.pdf; The White House Office of the Press Secretary. Remarks of President Bush and President Yeltsin in Press Availability.* July 30, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed A. Hewett Series: POTUS Meetings, March 1991 – July 1991: Moscow Summit, July 1991, no. 1.

28 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 412413; *Points to Be Made for Meeting with President Yeltsin.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: POTUS Trip to Moscow and Kiev, July 27 – August 1, 1991, no. 1; Алимов, Г. *Указ о департизации начнет действовать с 4 августа. Буш – Ельцин – Горбачев* // Аргументы и факты, № 30 (30 августа 1991 г.): 7; Lee, Jessica *Pool Report no. 10. President Bush Visits Boris Yeltsin and Stops at Tsereteli Studio.* Moscow, USSR, Tuesday, July 30, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: Moscow Summit – Press Releases, Fact Sheets, Remarks, no. 2.

29 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 509; Алимов *Указ о департизации,* с. 7.

Глава 3. Цыпленок по-киевски

1 *Nuclear Weapons Effects from Hiroshima to Nagasaki to the Present and Beyond: A Broad-Gauged Analysis with New Information Regarding Simultaneous Detonations and Firestorms* / Nukefix, *www.nukefix.org/weapon.html.*

2 Matlock, Jack *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union.* New York, 1994. Pp. 464–465; Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. Pp. 408–410.

3 Солодкин, Сергей "*Главреду" удалось раздобыть в Лондоне сенсационные записи бесед Михаила Сергеевича с иностранными политиками* // Главред, 5 октября 2009 г., *http://www.glavred.info/archwe/2009/10/05./163604-3.html.*

4 *Russians Divided over Baltics' Independence,* April 12, 1991, USIA Research Memorandum, National Archives and Records Administration, RG 306, box 49, M 52–91.

5 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. P 512; *Implications of Alternative Soviet Futures,* National Intelligence Estimate, NIE 11-18-91 (June 1991), *http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000265647/DOC_ 0000265647.pdf;* Matlock *Autopsy on an Empire,* pp. 565–566.

6 *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 414–415; *Handwritten notes on the killing of Lithuanian border guards passed by Brent Scowcroft to James Baker on July 31, 1991.* James A. Baker Papers, box 110, folder 5; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 513–514; Gorbachev *Memoirs,* p. 623; Горбачев *Жизнь и реформы,* с. 306–307.

7 *Richard Nixon/Frank Gannon Interviews.* May 13, 1983. Day 5, Tape 1, 00:01:59, *http://www.libs.uga.edu/media/collections/ nixon/nixonday5.html;* Black, Conrad *Richard M. Nixon: A Life in Full.* New York, 2008. P 814.

8 Hardesty, Von, and Bob Schieffer *Air Force One: The Aircraft that Shaped the Modern Presidency.* New York, 2005. Pp. 127–154; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 515; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 415–416.

9 Matlock *Autopsy on an Empire,* p. 567; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 416; *Remarks to the Supreme Soviet of the Republic of the Ukraine in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_ papers.php?id=j26/&year= 199i&month = 8.*

10 Gibbons *Pre Advance Pool Report, Moscow Summit, July 29 – August 1, 1991, July 25, 1991;* Page, Susan *Pool Report, Pool H.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: Moscow Summit – Press Releases, Fact Sheets, Remarks, no. 1; Matlock *Autopsy on an Empire,* p. 567.

11 Литвин, Володимир *Політична арена України: дійові особи та виконавці.* Киев, 1994; *Україна: політична історія XX – початок XXI століття.* За ред. Володимира Литвина та ін. Киев, 2007. С. 875–947;

Кушнір, Ліна Валентина Шевченко: Провести демонстрацію 1 травня 1986-*го наказали з Москви* // Українська правда, 25 квітня 2011 р., *http://www.istpravda.com.ua/articles/*4db5d3966*b*581/*view_comments/*.

12 Page *Pool Report, Pool H.*

13 *Leonid Makarovich Kravchuk.* The Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991; *Интервью автора с Леонидом Кравчуком.* Киев, 1 сентября 2011 г.; KiniAHi, Вахтанг, та Володимир Федорин *Кравчук: "Щербицький сказав: 'Какой дурак придумал слово* перестройка?'" // Украшська правда, 13 вересня 2011 р.; Черемис, Валентин *Президент. Роман-есе.* Киев, 1994; Remnick, David *Ukraine Split on Independence as Republic Awaits Bush Visit* // Washington Post, August 1, 1991.

14 *Remarks at the Arrival Ceremony in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991. *http://bushlibrary. tamu.edu/research/public_papers.php? id=J26f&year= i9<?i&month = 8;* Matlock *Autopsy on an Empire,* p. 568; *Как Буш в Верховной Раде выступал: ретроспектива Независимости, http://for-ua.com/analytics/ 2oo9/o8/2i/o82iy6.html.*

15 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 510–511; Matlock *Autopsy on an Empire,* p. 569; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 957–958; Lapychak, Chrys-TYNA N. *Bush Notes Importance of Republics in Historic Trip to Ukrainian Capital* // Ukrainian Weekly, August 4, 1991, 1; Page *Pool Report, Pool H;* Bush, George H. W *Remarks to the Supreme Soviet of the Republic of the Ukraine in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 417.

16 *Интервью автора с Леонидом Кравчуком.* Киев, 1 сентября 2011 г.; KiniAHi TA Федорин "*Кравчук: Щербицький сказав'".*

17 Драч, Іван *Ми вітаємо Джорджа Буша – як президента США і не приймаємо його як московського агітатора* / В кн.: Політика: статті, доповіді, виступи, інтерв'ю. Киев, 1997. С. 324–327; также см.: *Rukh Chairman Ivan Drach's Remarks to President Bush* // Ukrainian Weekly, August 11, 1991. P 3.

18 *Интервью автора с Леонидом Кравчуком*. Киев, 1 сентября 2011 г.

19 *Points to Be Made for Meeting with the Ukrainian Chairman Leonid Kravchuk.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Files, Subject Files: POTUS Trip to Moscow and Kiev, July 27 – August 1, 1991, no. 3.

20 *Memorandum of Conversation. Meeting with Ukrainian Supreme Soviet Chairman Leonid Kravchuk.* August 1, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-08-01-Kravchuk.pdf; Proposals of the Ukrainian SSR for Possible Directions of Trade-and-Economic Cooperation Between the Ukrainian SSR and USA.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed Hewett Files: POTUS Meetings, March 1991 – July 1991: Moscow Summit, July 1991, no. 1.

21 Об истории Украины см.: Magocsi, Paul Robert *A History of Ukraine,* 2nd ed. Toronto, 2010. О пути Украины к независимости см.: Nahaylo, Bohdan, and Victor Swoboda *Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR.* New York, 1990; Nahaylo, Bohdan *The Ukrainian Resurgence.* Toronto, 1999.

22 Bush, George H. W. *Remarks to the Supreme Soviet of the Republic of the Ukraine in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers. Также см.: Nixon, Richard *Toast at a Dinner in Kiev,* May 29, 1972, The American Presidency Project, *www.presidency.ucsb.edu/ws/index. php?pid=3440#axzziQonAP09C; Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.

23 Bush *Remarks to the Supreme Soviet of the Republic of the Ukraine in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991.

24 *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.

25 Bush, George H. W *Remarks to the Supreme Soviet of the Republic of the Ukraine in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=3267&year= 1p<)i&month = 8.*

26 Ukrainian Weekly, August 11, 1991.

27 *The Moscow Coup* // Washington Post, August 20, 1991; Safire, William *After the Fall* // New York Times, August 29, 1991; Safire, William *Bush at the UN* // New York Times, September 16, 1991; Safire, William *Putin's* "*Chicken Kiev*" // New York Times, December 6, 2004; *Bush Sr. Clarifies "Chicken Kiev' Speech"* // Washington Times, May 23, 2004; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 15–16; Matlock *Autopsy on an Empire,* pp. 570–571, 798.

28 McFeatters, Ann *Pool Report No. 21. Pool from the Supreme Soviet Session to St. Sophia to Babii Yar.* Kiev, USSR. August 1, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: Moscow Summit – Press Releases, Fact Sheets, Remarks, no. 1.

29 Кузнецов, Анатолий *Бабий Яр: Роман-документ.* Москва, 2012; Khiterer, Victoria *Babi Yar: The Tragedy of Kiev's Jews* // Brandeis Graduate Journal 2 (2004): 1-16.

30 Gibbons *Pre Advance Pool Report, Moscow Summit.* July 25, 1991; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 516517; Bush, George *Remarks at the Babi Yar Memorial in Kiev, Soviet Union.* August 1, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=3268&year=1991&month = 8; Розпад Радянського Союзу. Усна гсторгя незалежног України 1988–1991,* запись 9.

31 Бураковський, Олександр *Рада нащональностей Народногоруху України (1989-1-993).* Эдмонтон, 1995; Бураковський, Олександр *Рух, евреі, Україна. Роздуми інородця* // Киев, №№ 1–2 (1997): 93-125; *Интервью с Лаковом Блейхом в Розпад Радянського Союзу.* Усна історія незалежної України 1988–1991, запись 2, *http://oralhistory.org.ua/interview-ua/470/.*

32 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 417; *Gennadiy Ivanovich Yanayev.* The Trip of President Bush to Moscow and Kiev, July 30 – August 1, 1991.

33 Matlock *Autopsy on an Empire,* p. 571; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 517.

Глава 4. Крымский пленник

1 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. P 526.

2 Ibid., p. 520; Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. Pp. 422–423; *Statement by Deputy Press Secretary Popadiuk on the Attempted Coup in the Soviet Union.* Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=jjij&year= 1991&month = 8.*

3 *Telephone Conversation with Prime Minister Brian Mulroney of Canada.* August 19, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/mem-cons_telcons/1991-o8-19-Mulroney.pdf.*

4 *First Statement on Soviet Coup.* August 19, 1991. *www. c-spanvideo.org/program/20y05-1;* Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 429–430; Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. Pp. 514–518; *Assorted JAB Notes from Events Related to Attempted Coup in USSR, 8/12-8/22.* James A. Baker Papers, box 110, folder 6; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 504–505> 515.

5 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 521522; *Telcon with Jozsef Antall, Prime Minister of Hungary.* August 19, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-08-19-Antall.pdf.*

6 Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 475; Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996. P 502; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 521–522.

7 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 521–522; *Telephone Conversation with Prime Minister Brian Mulroney of Canada.* August 19, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons.

8 Медведев, Владимир *Человек за спиной.* Москва, 1994. С 253–260, 269–273; Горбачевская дача “Заря” в Форосе, *http://www.foros-yalta.com/?id=288;* Степанков, Валентин, Лисов, Евгений *Кремлевский заговор. Версия следствия.* Москва, 1992. С. 17, 56, 135–143.

9 Медведев *Человек за спиной,* с. 278.

10 Dobbs, Michael *Down with Big Brother: The Fall of the Soviet Empire.* New York, 1997. Pp. 377–379.

11 Brent, Jonathan, and Vladimir Naumov *Stalin's Last Crime: The Plot Against the Jewish Doctors, 1948–1953.* New York, 2004. Pp. 313–325;

Медведев *Человек за спиной,* с. 147–148; Зенькович, Николай *Михаил Горбачев, жизнь до Кремля.* Москва, 2001. С. 587.

12 Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. P 631; Горбачев, М. *Жизнь и реформы.* Кн. 2. Москва, 1995. С. 558; Варенников, Валентин Неповторимое. Кн. 6, ч.

3. Москва, 2001; Болдин, Валерий *Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева.* Москва, 1995. С. 15–16.

13 Болдин *Крушение пьедестала,* с. 13–17; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства,* изд. 2-е. Москва, 2007. С. 289290; Gorbachev *Memoirs,* pp. 626–630; Горбачев *Жизнь и реформы,* с. 585.

14 Болдин *Крушение пьедестала,* с. 182, 263–265, 282, 333–334, 380–381; Степанков, Лисов *Кремлевский заговор,* с. 8; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 972–974; Ebon, Martin *KGB: Death and Rebirth.* Westport, CT, 1994. Pp. 3–6.

15 Gorbachev *Memoirs,* pp. 631–632; Болдин *Крушение пьедестала,* с. 15–17; Варенников *Неповторимое.* Кн. 6, 4. 3; Dobbs *Down with Big Brother,* pp. 377–379; Черняев *Совместный исход,* с. 972–974.

16 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 19.

17 Gates *From the Shadows,* p. 424.

18 Ibid., pp. 476–477, 491; Крючков, Владимир *Личное дело.* Москва, 2003. С. 364–475.

19 Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994. Pp. 38–39; Ельцин, Б. Н. *Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008; Gorbachev *Memoirs,* pp. 628, 642, 643; *Союз можно было сохранить,* с. 204.

2 °Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 62, 84–85; *Союз можно было сохранить,* с. 289–290; Remnick, David *Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire.* New York, 1994. P 45; Павлов, Валентин *Август изнутри. Горбачев-путч.* Москва, 1993. С. 105–115; Варенников *Неповторимое.* Кн. 6, ч. 3.

21 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 90; Болдин *Крушение пьедестала,* с. 18–19; Gorbachev *Memoirs,* p. 632.

22 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 90–91.

23 Там же, с. 107–110; Bonnell, Victoria E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin, eds. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. Pp. 33–41; *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под ред. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 827–831; Remnick *Lenin's Tomb,* pp. 459–460.

24 Gorbachev *Memoirs,* p. 633; Горбачев *Жизнь и реформы,* [с]. 5[6]4.

25 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 421; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 526.

Глава 5. Бунтарь

1 Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994. Pp. 42–46, 53–54, 57, 61–62, 69, 172; Ельцин, Б. Н. *Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 65, 78, 82, 90; Коржаков, Александр *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* Москва, 1997. С. 80–84; Bonnell, Victoria E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin, EDS. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. Pp. 170–171, 218–220; Степанков, Валентин, Лисов, Евгений *Кремлевский заговор. Версия следствия.* Москва, 1992. С. 110–112; *Красное или белое? Драма августа-91. Факты. Гипотезы. Столкновение мнений.* Москва, 1992. С. 89–92.

2 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 108, 117–121; *Красное или белое,* с. 95–96; Colton, Timothy J. *Yeltsin: A Life.* New York, 2008. P 198.

3 Colton *Yeltsin,* p. 198; Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего*. Москва, 1993. С. 18–19; Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 109, 123.

4 Болдин, Валерий *Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева.* Москва, 1995. С. 19–20; Грачев, Андрей *Горбачев. Человек, который хотел как лучше.* Москва, 2001. С. 366.

5 Bonnell, Cooper, and Fredin, eds. *Russia at the Barricades,* pp. 42–54, 318–321; Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 134–135.

6 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 122–123, 133.

7 Там же, с. 159–160.

8 Yeltsin *The Struggle for Russia,* pp. 43–45; Ельцин *Записки президента,* с. 67; Коржаков *Борис Ельцин,* с 84.

9 *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 289; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 941; Коржаков *Борис Ельцин,* с. 82; Colton *Yeltsin,* pp. 147–149, 308–314; Ghaemi, Nasir *A First-Rate Madness: Uncovering the Links Between Leadership and Mental Illness*. New York, 2011.

10 Bonnell, Cooper, and Fredin, eds. *Russia at the Barricades,* pp. 172–175; Yeltsin *The Struggle for Russia,* pp. 77–78;

Colton *Yeltsin,* pp. 200–201; Руцкой, Александр *Кровавая осень.* Москва, 1995.

11 Yeltsin *The Struggle for Russia,* pp. 80, 83; Ельцин *Записки президента,* с. 101, 104–105; Коржаков *Борис Ельцин, с.* 87–89.

12 Elliot, Iain *On-the-Spot Impressions* / In: Bonnell, Victoria E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin, EDS. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. Pp. 293–294; Yeltsin *The Struggle for Russia,* pp. 85–86; *Красное или белое,* с. 99; Bonnell, Cooper, and Fredin, eds. *Russia at the Barricades,* pp. 95–96; Медведев, Вадим *В команде Горбачева. Взгляд изнутри.* Москва, 1994. С. 196.

13 American Embassy, Moscow то Secretary of State, Washington *Charge's Meeting with RSFSR Foreign Minister: Yeltsin's Next Steps and Letter for*

President Bush. August 19, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas Rostow Series: USSR (Coup), no. 2; *Yeltsin's Letter to President Bush.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: USSR Coup Attempt August 1990 [sic], no. 1.

14 Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War*. Boston, 1993. Pp. 430–431; Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996. P 522; *Reaction to Coup in the Soviet Union.* August 19, 1991. White House Travel: Air Force One Channel, C-SPAN Video Library, *www.c-spanvideo.org/program/20711-1.*

15 *Undated letter from Vice President Yanaev to President Bush.* Unofficial Translation, Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: USSR Coup Attempt August 1990 [sic], no. 1; Memo from Ed A. Hewett *Meeting between Ambassador Viktor Komplektov and Robert Gates.* Bush Presidential-Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: USSR Coup Attempt August 1990 [sic], no. 1; Gates *From the Shadows,* p. 522.

16 Gates *From the Shadows,* pp. 521–522; *Minutes of the Deputies Committee Meeting.* August 19, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Deputies Committee Files, NSC/DC 300, 301; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* p. 432.

17 Gates *From the Shadows,* p. 523; Бешлосс М., Тэлботт С. *Измена в Кремле: Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами.* М.: Алгоритм, 2010. С. 319; *Statement on the Attempted Coup in the Soviet Union.* August 19, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php? id=jj16&year=199i&month= 8.*

18 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. P 523.

19 Scowcroft, Brent *Memorandum for the President, Subject: Phone Call to President Boris Yeltsin.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: USSR Coup Attempt, August 1990 [sic], no. 2; *Phone Call to Boris Yeltsin: Suggested Talking Points.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed A. Hewett Series, USSR Chronological Files: August 1991, no. 1.

20 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 527–528; *Telecon with President Boris Yeltsin of Republic of Russia, USSR.* August 20, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-08-19-Yeltsin.pdf;* Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 433–434.

21 Лебедь, А. И. *За державу обидно.* Москва, 1995. С. 400–401.

22 Коржаков *Борис Ельцин,* с. 93–94; Sabonis-Chafee, Theresa *Reflections from the Barricades* / In: Bonnell, Victoria E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin,

EDS. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. Pp. 242–245.

Глава 6. Триумф

1 Кох, Альфред, Авен, Петр *Андрей Козырев: настоящий камикадзе* // Форбс, 28 сентября 2011 г., *www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze;* American Consul, Strasbourg to Secretary of State, Washington *Kozyrev in Strasbourg: Stand for Election or Stand Aside.* August 22, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 4 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 5.

2 Kozyrev, Andrei *Stand by Us* // Washington Post, August 21, 1991.

3 *The President's Press Conference.* August 20, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushUbrary.tamu.edu/research/public_papers.hp?id=}}17&year= 1991&month = 8;* Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. Pp. 433–434.

4 Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. Pp. 520–521.

5 Memo from McKenney Russell, USIA to Robert Gates, White House *USIA Media Coverage of Gorbachev Ouster, August 19, 1991;* McKenney Russell to Robert Gates, White House *USIA on Day Two After the Coup, August 21, 1991;* McKenney Russell to Robert Gates, White House *The Coup's Third and Last Day on USIA Media.* August 22, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nancy Berg Dyke Series,

Subject Files: Soviet Union – Coup – August 1991, Public Diplomacy.

6 Baker *The Politics of Diplomacy,* p, 521.

7 Ibid., pp. 160–162.

8 Степанков, Валентин, Лисов, Евгений *Кремлевский заговор. Версия следствия.* Москва, 1992. С. 162–168.

9 Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего.* Москва, 1993. С. 19, 39.

10 Kucher, Valerii *A Russian Reporter Remembers* / In: Bonnell, Victoria E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin, EDS. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. P 334; Elliot, Iain *On-the-SpotImpressions* / In: Bonnell, Victoria E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin, eds. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. P 291; Sabonis-Chafee, Theresa *Reflections from the Barricades* / In: BONNELL, VICTORIA E., Cooper, Ann, and Gregory Fredin, eds. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY, 1994. Pp. 244–245; Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 178.

11 Коржаков, Александр *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* Москва, 1997. С. 93–94; Hetzer, Michael *Death on the Streets* / In: BONNELL, VICTORIA E., COOPER, Ann, and Gregory Fredin, eds. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup.* Armonk, NY 1994. Pp. 253-254.

12 *Красное или белое? Драма августа-91. Факты. Гипотезы. Столкновение мнений.* Москва, 1992. С. 113–130; Dunlop, John B. *The August 1991 Coup and Its Impact on Soviet Politics* // Journal of Cold War Studies 5, no. 1 (2003): 94-127 (110–111).

13 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 180–184.

14 Там же, с. 270–279; Геворкян, Наталья, Тимакова, Наталья, Колесников, Андрей *От первого лица.*

Разговоры с Владимиром Путиным. Москва, 2000. Глава "Демократ"; Gessen, Masha *The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin.* New York, 2013. Pp. 108–118.

15 DUNLOP *The August 1991 Coup and Its Impact on Soviet Politics,* p. 111; Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 186–187; *Красное или белое,* с. 251.

16 Коржаков *Борис Ельцин,* с. 93–96, 113; Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994. P 93.

17 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 434–435; Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 528–530; American Embassy to Secretary of State *USSR State of Emergency: Situation Report, no. 21, 08:00 [a.m.] local, August 21.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 3 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 11.

18 Hersh, Seymour M. *The Wild East* // Atlantic Monthly, June 1994.

19 *Telecon with President Boris Yeltsin of the Russian Federation.* August 21, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-08-21-Yeltsin%20[tj.pdf.*

20 Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 522; Шапошников *Выбор,* с. 47–50; *Telecon with President Boris Yeltsin of the Russian Federation.* August 21, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/mem-cons_telcons/1991-08-21-Yeltsin%20[1].pdf; Assorted JAB Notes from Events Related to Attempted Coup in USSR, 8/12-8/22,* James A. Baker Papers, box 110, folder 6.

21 DUNLOP *The August 1991 Coup and Its Impact on Soviet Politics,* p. 111; Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 186–187; *Красное или белое,* с. 251.

22 Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. Pp. 632640; Медведев *В команде президента.* Гл. "Август 91-го"; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 19/2-1991 годы.* Москва, 2008. С. 982–983; Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 205–207; *Красное или белое,* с. 141–142; DUNLOP *The August 1991 Coup and Its Impact on Soviet Politics.*

23 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 531–532; *Telecon with President Mikhail Gorbachev of the USSR.* August 21, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-08-21-Gorbachev.pdf;* Черняев *Совместный исход*, с. 983; *Exchange with Reporters in Kennebunk-port, Maine, on the Attempted Coup in the Soviet Union.* August 21,

1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/public_papers.php?id= 3322&year= 1991&month = 8.*

24 Yeltsin *The Struggle for Russia,* p. 101; Palazhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. Pp. 311312; Черняев *Совместный исход,* с. 983.

25 Степанков, Лисов *Кремлевский* заговор, с. 208–210, 213–217, 297.

Глава 7. Русский бунт

1 *Пресс-конференция президента СССР* // Правда. 23 августа 1991 г.

2 *Возвращение президента СССР* // Правда. 23 августа 1991 г.

3 Черняев, А. *Совместный исход. Дневник двух эпох, 19/2– 1991 годы.* М., 2008. С. 984; Remnick, David *Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire.* New York, 1994. Pp. 494495; Dobbs, Michael *Down with Big Brother: The Fall of the Soviet Empire.* New York, 1997. P 411.

4 *В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (19851991).* Москва, 2000. С. 497–498; Медведев, В. *В команде*

Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 199–200; Gorbachev, M. *Memoirs.* New York, 1995. P. 641.

5 *Пресс-конференция президента СССР* // Правда. 23 августа 1991 г.; *В Политбюро ЦК КПСС,* с. 497–498.

6 *Российский триколор как символ августа 1991 г.* / Радио Свобода. 21 августа 2009 г. *www.svobodanews.ru/content/article/1804909.html;* Ельцин, Б. Н. *Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 137.

7 Известия. 23 августа 1991 г.; *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под ред. С. М. Шахрая. Москва,

2009. С. 841–843, 847–849; Медведев *В команде Горбачева,* с. 199–200.

8 Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994. Pp. 106–109; Коржаков, Александр *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* Москва, 1997. С. 115–117; Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего.* Москва, 1993. С. 62–65.

9 Ельцин *Записки президента,* с. 137.

10 *Опрос. “Улица” о М. Горбачеве* // Аргументы и факты. 23 августа 1991 г.; Горбачев, М. *Жизнь и реформы.* Кн. 2. Москва, 1995. С. 575.

11 Горбачев *Жизнь и реформы,* с. 578.

12 *В Политбюро ЦК КПСС,* с. 697–698.

13 Collins то the Secretary of State *Communist Monuments Coming Down. Lenin May Be Evicted from Mausoleum.* August 26, 1991. P 2. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 4 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 9.

14 Шапошников *Выбор,* с. 63.

15 Коржаков *Борис Ельцин,* с. 116–117; Севостьянов, Е. *В августе 91-го, www.savostyanov.ru/index_6.html;* Dobbs

Down with Big Brother, pp. 411–417; Yeltsin *Struggle for Russia,* p. 100; Remnick *Lenin's Tomb,* pp. 493–494.

16 *Gorbachev 's Speech to Russians: A Major Regrouping of Political Forces* // New York Times, August 21, 1991; Remnick *Lenin's Tomb*, pp. 494–495.

17 Горбачев *Жизнь и реформы,* с. 577; *Gorbachev's Speech to Russians,* p. 7; Авен, Петр, Кох, Альфред *Ельцин служил нам! Интервью с Геннадием Бурбулисом* // Форбс, 22 июля 2010 г., *www.forbes.ru/node/53407/print.*

18 Авен, Кох *Ельцин служил нам;* Gorbachev *Memoirs,* p. 644.

19 Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 438.

20 *Memorandum of telephone conversation with Boris Yeltsin.* August 21, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-08-21-Yeltsin%20[2].pdf.*

21 American Counsul to the Secretary of State *Kozyrev in Strasbourg: Stand for Election or Stand Aside.* August 21, 1991.

22 *Красное или белое? Драма августа-91. Факты. Гипотезы. Столкновение мнений.* Москва, 1992. С. 116–117.

23 *Распад СССР,* с. 853–856; *В Политбюро ЦК КПСС,* с. 699701; Горбачев *Жизнь и реформы,* с. 575–581; Медведев *В команде Горбачева,* с. 201–202.

24 Черняев *Совместный исход,* с. 967–968; ЦК КПСС *Об ориентировке для партийных комитетов по закону РСФСР “О милиции”, 4 июня 1991 г.* РГАНИ. Ф. 89, оп. 11, д. 90; *Информация о деятельности партийных организаций Компартии РСФСР.* РГАНИ. Ф. 89, оп. 23, д. 8.

25 Степанков, Валентин, Лисов, Евгений *Кремлевский заговор. Версия следствия.* Москва, 1992. С. 236–254; *Пуго, Борис Карлович. http://www.biografija.ru/show_bio. aspx?id= 109919.*

26 Медведев *В команде Горбачева*, с. 198; Куценко, А. *Маршалы и адмиралы флота Советского Союза.* К., 2007. С. 18–21.

27 *Soviet Turmoil. New Suicide: Budget Director* // New York Times, August 27, 1991; Dobbs *Down with Big Brother,* pp. 420–421; Степанков, Лисов *Кремлевский заговор,* с. 233236; *Распад СССР,* с. 85–87; Kotkin, S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 19/0-2000.* Oxford, 2001. P 113–117.

Глава 8. Независимая Украина

1 Турченко, Ф. ГКЧП і проголошення незалежності України: погляд із Запоріжжя. Запоріжжя, 2011. С. 108–111.

2 Интервью с Джоном Степанчуком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/315/.

3 Интервью с Леонидом Кравчуком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 8. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/510; Туглук, В. День, що змінив хід історії // Урядовий кур’єр. 23 августа 2011 г.

4 Рахманин, С. Борис Шариков: “То, что ГКЧП провалится, я почувствовал, когда увидел пресс-конференцию членов комитета” // Зеркало недели. 18 августа 2001 г.

5 Шаповал, Ю. Як гекачепісти країну з кризи виводили // Зеркало недели. 19 августа 2006 г.; Рахманин, С. Борис Шариков; Интервью с Леонидом Кравчуком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 8. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/ 510; Кравчук, Л. Маємо те, що маємо. Спогади і роздуми. К., 2002. С. 94–98; Интервью с Валентином Варенниковым. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 2. http://oralhistory.org.ua/interviewua/401/.

6 Интервью автора с Леонидом Кравчуком. Киев, 1 сентября 2011 г.; Кравчук Маємо те, що маємо, с. 99.

7 Киянський, Д. Академік, віце-прем’єр, дипломат // Зеркало недели. 2 февраля 2002 г.; Євген Марчук: “Якби я чисто шизофренічно захотів зробити ГКЧП” // Історична правда. http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/08/12/51759/view_comments/ (размещено 12 августа 2011 г.).

8 Интервью с Григорием Крючковым. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 4. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/516/; Из шифротелеграммы ЦК Компартии Украины. Независимость Украины. Хроника. http://usenet.su/showthread.php/222481-5-5.

9 Интервью с Адамом Мартынюком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 4. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/603; Из выступления Председателя Верховного Совета УССР Л. М. Кравчука по украинскому телевидению. 19 августа 1991 г. Независимость Украины. Хроника; US Embassy in Moscow to Secretary of State. Reaction in Ukraine to the Coup in Moscow. P. 2. August 23, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 4 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 5.

10 Программа “Время”, 19 августа 1991 г. www.youtube.com/watch?v=HY5wf-ywETE; Solchanyk, Roman Kravchuk and the Coup // Ukrainian Weekly. September 1, 1991. P. 2, 10.

11 Турченко, Ф. ГКЧП, с. 9–54; Plokhy, S. Ukraine and Russia: Representations of the Past. Toronto, 2008. Pp. 165–181; казацкий марш 1990 г. и музыкальный фестиваль “Червона рута” 1991 г. можно увидеть на видеозаписи SichCentr

7: Cossack Hogan at Festivals in Zaporozhye, размещенной на YouTube пользователем SichCentr 22 июля 2009 г. См.: http://youtu.be/Ex_cFOqEvoQ.

12 US Embassy in Moscow to Secretary of State. Reaction in Ukraine to the Coup in Moscow. P. 3. August 23, 1991.

13 Gessen, Masha The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin. New York, 2013. Pp. 108–118.

14 Интервью с Владимиром Гриневым. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/239/; US Embassy in Moscow to Secretary of State, August 23, 1991. Reaction in Ukraine to the Coup in Moscow. P. 3.

15 General Strike Planned by Democratic Groups // Ukrainian Weekly, August 25, 1991. Pp. 1, 13; Kolomayets, Marta What the Coup Meant for Ukraine // Ukrainian Weekly, August 25, 1991. Pp. 1, 10; Solchanyk Kravchuk and the Coup, p. 10.

16 Yeltsin, Boris The Struggle for Russia. New York, 1994. P. 66; Интервью с Владимиром Филенко. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991, ч. 4. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/438; Интервью с Русланом Хасбулатовым. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991, ч. 1–2; Интервью с Николаем Багровым. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. http://oralhistory.org.ua/interviewua/372; Telecon with President Boris Yeltsin of the Russian Federation. August 21, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-08-21-Yeltsin%20[1].pdf; Lapychak Kravchuk Criticized, p. 2.

17 Lapychak Kravchuk Criticized, p. 4; Solchanyk Kravchuk and the Coup, p. 10.

18 Шапошников, Евгений Выбор. Записки главнокомандующего. Москва, 1993. С. 63–64.

19 Совещание с руководителями республик // Известия. 24 августа 1991 г.; Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд. Москва, 2007. С. 308–309.

2 °Союз можно было сохранить, с. 309; Интервью автора с Леонидом Кравчуком. 1 сентября 2011 г.; Gorbachev’s Speech to Russians: A Major Regrouping of Political Forces // New York Times, August 21, 1991; Кавацюк, Руслан, Перевозная, Оксана Витольд Фокин: “Люди могут выйти на майдан” // Gazeta.ua, 4 февраля 2009 г. http://www.inosmi.ru/ukraine/20090204/247198.html.

21 Кіпіані, Вахтанг, та Володимир Федорин Крачук: “Щербицький сказав: ‘Какой дурак придумал слово перестройка?’” // Українська правда, 13 вересня 2011 р.; Пилипчук, В. Під час ГКЧП у Кравчука були в запасі шапки з червоними зірками і тризубом // Gazeta.ua. 19 августа 2011 г.

22 Solchanyk Kravchuk and the Coup; Интервью с Джоном Степанчуком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/315; Туглук День, що змінив хід історії.

23 Solchanyk Kravchuk and the Coup; Lapychak, Chrystyna Ukraine, Russia Sign Interim Bilateral Pact // Ukrainian Weekly, September 1, 1991. P. 9; Туглук День, що змінив хід історії; Интервью с Владимиром Яворивским. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 5. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/382/.

24 The Question for Mr. President from Narodna Rada (the “People’s Council”). George Bush to Ed Hewett (Aboard AF I). August 1, 1991; George Bush to Lukianenko. Draft paper. No date. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed A. Hewett Series, USSR Chronological Files: August 1991, no. 2.

25 Интервью с Левко Лукьяненко. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 4. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/541.

26 Интервью с Владимиром Гриневым. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/239/; Интервью с Владимиром Яворивским. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 5. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/382/.

27 Lapychak Ukraine, Russia Sign Interim Bilateral Pact, p. 9; Туглук День, що змінив хід історії.

28 Интервью с Леонидом Кравчуком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 8. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/510; Кравчук Маємо те, що маємо, с. 101.

29 Интервью с Богданом Гаврилишиным. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. http://oralhistory.org.ua/interview-ua/189; Интервью с Дмитрием

Павлычко. Там же. Ч. 4. http://oralhistory.org.ua/interviewua/497/.

30 Акт проголошення незалежності України. Официальный веб-сайт Верховной Рады Украины. http://gska2.rada.gov.ua/site/postanova/akt_nz.htm.

31 Кравчук Маємо те, що маємо, с. 102–103; Интервью с Джоном Степанчуком. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3.

32 Турченко, Ф. ГКЧП, с. 111–112; Кравчук Маємо те, що маємо, с. 102–104.

Глава 9. Спасение империи

1 Кузнецова, В. *Украина* // Независимая газета. 29 августа 1991 г.

2 *Союз распадается под перебранку депутатов* // Известия. 28 августа 1991 г.; Чугаев, С., Щепорки, В. *Правительство уволено, парламент продолжает работать* // Известия. 29 августа 1991 г.; Solchanyk, Roman *Ukraine and Russia: Relations Before and After the Failed Coup* // Ukrainian Weekly. September 29, 1991. P 9.

3 *Gorbachev’s Speech to the Russians* // New York Times, August 24, 1991; Szporluk, R. *Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union.* Stanford, CA, 2000. Pp. 183–228.

4 *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 20°7. С. 310–317.

5 Там же, с. 317–319.

6 Matlock, Jack *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union.* New York, 1994. P 451.

7 *Интервью автора с Юрием Щербаком*. Рим, 19 июня 2012 г.; Keller, Bill *A Collapsing Empire* // New York Times, August 27, 1991; Clines, Francis X. *A New Vote Promised. President, in Address to Parliament, Accepts Blame for Coup* // New York Times, August 27, 1991; Solchanyk *Ukraine and Russia,* p. 9; *Союз можно было сохранить,* с. 314–315.

8 Вощанов, П. *Как я объявлял войну Украине* // Новая газета. 23 октября 2003 г.

9 *Заявление пресс-секретаря Президента РСФСР* // Российская газета. 27 августа 1991 г.; Вощанов *Как я объявлял войну Украине.*

10 Barrington, L. *Russian Speakers in Ukraine and Kazakhstan: "Nationality", "Population" or Neither?* // Post-Soviet Affairs 17, no. 2 (2001): 129–158; Khazanov, A. M. *After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Policies in the Commonwealth of Independent States.* Madison, WI, 1995; Melvin, N. J. *The Russians: Diaspora and the End of Empire* / In: *Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union.* Ed. by C. King and N. Melvin. Boulder, CO, 1998. P 27–58; Kuzio, Taras *Russians and Russophones in the Former USSR and Serbs in Yugoslavia: A Comparative Study of Passivity and Mobilization* // East European Perspectives 5, no. 13 (June 25, 2003).

11 Solchanyk *Ukraine and Russia,* p. 9; *Союз можно было сохранить,* с. 315–316.

12 *Из заявления группы "Независимая гражданская инициатива"* // Независимая газета. 3 сентября 1991 г. Сравн.: *Союз можно было сохранить*, с. 285–288.

13 Портников, В. *Украина не имеет претензий к России. Реакция на заявление пресс-секретаря президента РСФСР* // Независимая газета. 29 августа 1991 г.; Solchanyk *Ukraine and Russia,* p. 9.

14 Вощанов *Как я объявлял войну Украине;* ЧЕРВОНЕНКО, В. *Независимость: как это было. Интервью с Юрием Щербаком* // vovremia.info, 24 августа 2007 г. *http://vovremya. info/art/118/882352.html; Интервью автора с Юрием Щербаком.* Рим, 19 июня 2012 г.

15 Цекора, С. *Россия и Украина договорились* // Известия. 29 августа 1991 г.

16 *Интервью автора с Юрием Щербаком*. Рим, 19 июня 2012 г.; Калинина, Н. *Сергей Станкевич: Нет никаких оснований считать путч опереткой* // Русский курьер. 14 августа 2006 г.

17 Цекора *Россия и Украина договорились;* Калинина *Сергей Станкевич;* SOLCHANYK *Ukraine and Russia,* p. 11.

18 Казахстанская правда. 30 августа 1991 г.; Ардаев, В. *Казахстан и Россия: согласие подтверждено* // Известия. 30 августа 1991 г.

19 МОРОЗ, О. *За рюмкой ключевые вопросы не решались. Интервью с Егором Гайдаром* // Newsland, 2 мая 2011 г. *www.newsland.ru/news/detail/id/690529.*

20 Фельгенгауэр, П. *Новая форма военно-экономического союза “14+1”, где 1 – это Россия* // Независимая газета.

29 августа 1991 г.; Минасян, Л. *Центр умер. Да здравствует центр* // Независимая газета. 29 августа 1991 г.; Гагуа, А. *Мы переоцениваем наших партнеров* // Независимая газета. 29 августа 1991 г.; Селюнин, В. *Если распад неизбежен, его надо хорошо организовать* // Известия. 29 августа 1991 г.; Румянцев, О. *Не заболтать бы победу* // Известия. 30 августа 1991 г.

21 Литвинова, И. *Борис Ельцин прибыл в Латвию. В Риге открыто первое посольство* // Известия. 30 августа 1991 г.; Коржаков, Александр *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* Москва, 1997. С. 123–124.

22 *Союз можно было сохранить,* с. 315; Медведев, Вадим *В команде Горбачева. Взгляд изнутри.* Москва, 1994. С. 202; Schmemann, S. *Plea for Survival* // New York Times, August 29, 1991; *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под ред. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 863; Чугаев, Щепорки *Правительство уволено,* с. 4.

23 Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. Pp. 649651; Ельцин, Б. Н. *Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 139–140; *Союз можно было сохранить,* с. 317–319.

24 Медведев *В команде Горбачева,* с. 205.

25 *Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия. Стенограммы, материалы, документы (1990–1993)*. Под ред. О. Румянцева В 6 т. Т. 2: 1991. М., 2008. С. 814–815; Ельцин *Записки президента,* с. 140.

26 *Распад СССР,* с. 916–920; Ельцин *Записки президента,* с. 140; *Блиц-интервью. Тер-Петросян, председатель Верховного Совета Армении* // Аргументы и факты. 29 августа 1991 г.

27 *Распад СССР,* с. 920–921; Коржаков *Борис Ельцин,* с. 118119, 125.

28 Вов Strauss то Secretary of State *My Meeting with Boris Yeltsin.* August 24, 1991. Pp. 1–3. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 4 of 4: Moscow Coup Attempt (1991), no. 6.

Глава 10. Вашингтонская дилемма

1 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. P 539.

2 Ibid.; Hyams, Joe *Flight of the Avenger: George Bush at War.* New York, 1991; Tarpley, W G., and A. Chaitkin

George Bush: An Unauthorized Biography. Joshua Tree, CA, 2004. P. 101–114.

3 Lieven, Anatol *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence.* New Haven, CT, 1994. P 82–85, 204–254, 374–384.

4 *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.

5 Secstate то Amembassy Bucharest. March 22, 1991. Subject: CSCE. *Handling Moldova in CSCE.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed A. Hewett Series, Russia Subject Files: 4.3.0 – US Relations with Russia, Policy on the Debate over the Union; Nicholas Burns to Ed Hewett *Response to the Soviet Embassy on the USSR Borders.* April 1, 1991. Ibid.; George Bush to Mikhail Gorbachev *Draft of August 27,1991.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns and Ed A. Hewett Series, USSR Chronological Files: August 1991, no. 1.

6 Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. P 238; из доклада Джека Мэтлока в Центре российских и евразийских исследований им. Дэвиса (Гарвардский университет), 25 октября 2011 г.

7 *George H. W Bush to Mikhail Gorbachev.* January 23, 1991. James A. Baker Papers, box 109, folder 9; Matlock, Jack *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union.* New York, 1994. Pp. 469–473.

8 Walker, Edward W *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union.* Lanham, MD, 2003. Pp. 55-178; *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под РЕД. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 265–635.

9 *Интервью автора с Томасом Саймонсом.* 13 мая 2013 г.; *George H. W Bush to Mikhail Gorbachev.* January 23, 1991; Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insiders Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996. P. 528–529.

10 Bush and Scowcroft *A World Transformed*, pp. 207, 223; *Olgerts Pavlovskis, Chairman of Joint Baltic American National Committee to President Bush.* June 13, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, White House Office of Records Management, Subject Files, General: Economic Summit, London, England, 7/15-17/91; *Benjamin L. Cardin and 44 other members of the US Congress to President Bush.* July 26, 1991. Ibid.; *Letter from the leadership of the Commission on Security and Cooperation in Europe, signed by Senator Alfonse DAmato and others, to President Bush.* July 26, 1991. Ibid.; *Points to Be Made for Meeting with President Boris Yeltsin.* [July 1991.] Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Subject Files: POTUS Trip to Moscow and Kiev, July 27 – August 1, 1991, no. 1; *Points to Be Made for Meeting with Chairman Leonid Kravchuk.* [July 1991.] Ibid., no. 3.

11 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 533–534; Amembasy Moscow, to Secstate, Washington August 25, 1991. Subject: *Baltic Independence Initiative: Letter from Lithuanian President Landsbergis to the President.* P 1–2. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 4 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 7; Amembasy Moscow, to Secstate, Washington August 26, 1991. Subject: *USSR*

Supreme Soviet Special Session Begins with Endless Procedural Wrangling. Ibid. Situation Room Files: USSR Part 4 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 9.

12 *Slade Gorton to George H. W Bush.* August 23, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, White House Office of Records Management, Subject Files, General: Russia; Bush AND SCOWCROFT *A World Transformed,* pp. 538–539.

13 *Memorandum of telephone conversation, Bush and Vytau-tas Landsbergis,* August 31, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/ pdfs/memcons_telcons/1991-o8-}i-Landsbergis.pdf; Bush and ArnoldRuutel.* September 2, 1991. Ibid. *http://bushlibrary.tamu. edu/research/pdfs/memcons_telcons/\99\-09-02-Ruutel.pdf; Bush and Anatolii Gorbunovs.* September 2, 1991. Ibid. *http:// bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-09-02-Gorbunovs.pdf; George Bush to Vytautas Landsbergis*. August 31, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Jane Hall Series, Soviet Union, 1991; Bush AND SCOWCROFT *A World Transformed,* p. 539.

14 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 540; Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 526.

15 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 540–541; Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 441, 444–445.

16 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 541–542.

17 Baker *The Politics of Diplomacy*, pp. 624–636; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 541–542; Cheney, Dick, with Liz Cheney *In My Time: A Personal and Political Memoir.* New York, 2011. Pp. 231–232.

18 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 541–542.

19 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 526–527; Gates *From the Shadows,* p. 85–96; Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. Pp. 661–662; Zubok, Vladislav M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev.* Chapel Hill, NC, 2007. Pp. 254–264; Adamishin, Anatoly, and Richard Schifter *Human Rights, Perestroika and the End of the Cold War.* Washington, D. C., 2009.

20 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 526–529; Pankin, Boris *The Last Hundred Days of the Soviet Union.* London, 1996. Pp. 115–122; *JAB exchange of notes w/Strauss re: meetings w/Gorbachev/Yeltsin in Moscow 9/11/91.* James A. Baker Papers, box 110, folder 7.

21 Панкин, Б. *Сто оборванных дней.* М., 1993. С. 40, 82-103; Pankin *The Last Hundred Days,* p. 71.

22 Панкин *Сто оборванных дней,* с. 92–93; Pankin *The Last Hundred Days,* pp. 104–105.

23 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 526–539.

24 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 532–533; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 928.

25 Lew, Khristina *Ukrainians Demonstrate Across United States. 5000 rally Across from White House* // Ukrainian Weekly, September 29, 1991. P 1; Kolomayets, Marta *Delegation Representing Free Ukraine Arrives in US. Kravchuk Meets with Bush, Addresses UN Assembly* // Ukrainian Weekly, October 6, 1991. P. 1.

26 *Meeting with Leonid Kravchuk, Ukrainian Supreme Soviet Chairman.* September 25, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/mem-cons_telcons/1991-09-25-Kravchuk.pdf; Meeting with Soviet Foreign Minister Boris Pankin During the UNGA.* September 24, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bush.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-09-24-Pankin.pdf;* Bush AND Scowcroft *A World Transformed,* p. 543; Kolomayets, Marta *Kravchuk Delegation in US Capital Emphasizes Ukraine's Independence* // Ukrainian Weekly, October 6, 1991. P 1; *Интервью автора с Леонидом Кравчуком.* Киев, 1 сентября 2011 г.; Зленко, А. *Дипломатія і політика. Україна в процесі динамічних геополітичних змін. Харків*, 2003. С. 239–240.

27 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 544545; *Telcon with secretary-general of NATO Manfred Woerner.* September 27, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-09-27-Woerner.pdf.*

28 *Address to the Nation on Reducing United States and Soviet Nuclear Weapons.* September 27, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_ papers.php?id=}4}8&year= 199i&month = 9; Telcon with Mikhail*

Gorbachev, president of the USSR. September 27, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-09-27-Gorbachev.pdf.*

29 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 544–545, 547; Черняев *Совместный исход,* с. 990; Pankin *The Last Hundred Days,* p. 107; *Telecon with Mikhail Gorbachev, President of the Union of Soviet Socialist Republics.* October 5, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-10-05-Gorbachev.pdf.*

30 Gates *From the Shadows,* p. 530.

Глава 11. Российский ковчег

1 *Telecon with Boris Yeltsin, President of the Russian Republic.* Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http:// bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-09-25-Yeltsin.pdf; Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.

2 *Миротворческая миссия Ельцина и Назарбаева завершилась. Подписано пятистороннее коммюнике* // Независимая газета. 25 сентября 1991 г.; Colton, Timothy J. *Yeltsin: A Life.* New York, 2008. P 223; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 997.

3 Colton *Yeltsin,* p. 223; Авен, Петр, Кох, Альфред *Ельцин служил нам! Интервью с Геннадием Бурбулисом* // Форбс, 22 июля 2010 Г., *WWW.forbes.ru/node/53407/print.*

4 Gaidar, Y. *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia.* Washington, D. C., 2007. P 228–229.

5 *Силаев против Силаева* // Известия. 25 сентября 1991 г.; *Беседа главного редактора Валентина Логунова с членом Государственного Совета Михаилом Полтораниным* //

Российская газета. 26 сентября 1991 г.; *Силаев ушел из кабинета* // Московские новости. 29 сентября 1991 г.

6 Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. Pp. 538–539; Станкевич, С. *Я думаю, Ельцин должен просто выбрать* // Московские новости. 29 сентября 1991 г.

7 DUNLOP, J. *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire.* Princeton, NJ, 1995. Pp. 261–464; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 328; Авен, Кох *Ельцин служил нам.*

8 Гайдар, Е. *Дни поражений и побед.* М., 1997. С. 1–259; Медведев, Вадим *В команде Горбачева. Взгляд изнутри.* Москва, 1994. С. 219.

9 Гайдар *Дни поражений и побед,* с. 253.

10 Там же, с. 256–259, 261–264.

11 Авен, Кох *Ельцин служил нам.*

12 Там же; Горбачев, М. *Понять перестройку.* М., 2006. С. 347.

13 Шахназаров, Г. *Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника.* М., 1993. С. 281–282; *Союз можно было сохранить*, с. 323–324.

14 Шахназаров *Цена свободы,* с. 284–285.

15 *Союз можно было сохранить,* с. 327–328; *Премьер не согласился с экономической политикой СССР* // Курс. 15 декабря 2011 Г. *http://www.kurs.ru/15/8946.*

16 Черняев *Совместный исход,* с. 992.

17 *Союз можно было сохранить*, с. 323–324, 329.

18 Шахназаров *Цена свободы,* с. 287–289; Ельцин, Б. *Замечания по проекту Союзного договора от 25 октября 1991 г.* Архив Горбачев-фонда. Ф. 5, № 3730.01.

19 Черняев *Совместный исход,* с. 997; *Союз можно было сохранить,* с. 332–333; Медведев *В команде Горбачева,* с. 217–218.

20 Черняев *Совместный исход,* с. 997.

21 Там же, с. 997; Панкин *Сто оборванных дней,* с. 240; Pankin, Boris *The Last Hundred Days of the Soviet Union.* London, 1996. P 244. [Между текстом русского и английского изданий воспоминаний Б. Панкина присутствуют значительные разночтения. – *Прим. пер.]*

22 *Telecon with Boris Yeltsin, President of the Republic of Russia.* October 8, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons.

http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-10-08-Yeltsm.pdf.

23 Черняев *Совместный исход,* с. 997; Медведев *В команде Горбачева,* с. 218; *Союз можно было сохранить,* с. 330–353.

24 *Союз можно было сохранить,* с. 334, 353–354; Walker, Edward W *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union.* Lanham, MD, 2003. P 147; Dunlop *The Rise of Russia,* p. 267.

25 Гайдар *Дни поражений и побед,* с. 105.

26 Там же, с. 104–105; Авен, Кох *Ельцин служил нам.*

27 Ельцин, Б. Н. *Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 155–156.

28 Авен, Кох *Ельцин служил нам.*

29 *Союз можно было сохранить,* с. 353–354.

30 *Telecon with Boris Yeltsin, President of the Republic of Russia.* October 25, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-10-25-Yeltsin.pdf.*

31 Ельцин, Б. *Обращение к народам России, к Съезду народных депутатов Российской Федерации* // Российская газета. 29 сентября 1991 г.

32 *Мы боялись шоковой терапии, а получили шоковую хирургию* // Известия. 29 октября 1991 г.; *Самый популярный президент наконец-то готов к самым непопулярным мерам. Группу камикадзе возглавит Ельцин?* // Независимая газета. 29 октября 1991 г.; *Российская программа реформ: реакция в республиках неоднозначна* // Известия. 30 октября 1991 г.

Глава 12. Последний герой

1 Baker, James a., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. P. 515; Harms, Gregory, and Todd M. Ferry *The Palestine-Israel Conflict: A Basic Introduction,* 2nd ed. London, 2008. Pp. 141–158; *The Madrid Peace Conference* // Journal of Palestine Studies 21, no. 2 (Winter 1992)1117-149.

2 *Charter of Paris for a New Europe. www.osce.org/mc/39516;* SAROTTE, M. E. *1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe.* Princeton, NJ, 2009.

3 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 407–410; Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 286–287, 316–317, 400–410; HERRING, George *From Colony to Superpower: U. S. Foreign Relations Since* 1776. New York, 2008. Pp. 908–912.

4 Pankin, Boris *The Last Hundred Days of the Soviet Union.* London, 1996. Pp. 195–223; *Memorandum of Conversation, Meeting with Emir of Bahrain.* October 15, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http:// bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-10-15-Isa%20[2].pdf; Talking Points for Syria.* September 19, 1991. P 1. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security files, Edmund J. Hull Series, Subject Files.

5 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 410, 548; MlSCAMBLE, W *From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima and the Cold War.* Cambridge, 2007. Pp. 203–204.

6 Панкин *Сто оборванных дней,* с. 231; Pankin *The Last Hundred Days,* p. 230. [В английском и русском изданиях воспоминаний Б. Панкина имеются разночтения. – *Прим. пер.]; The President's Press Conference with President Gorbachev of the Soviet Union in Madrid, Spain.* October 29, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers. *http:// bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=3563&year= 199i&month= 10.*

7 Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 995–996, 1004; Pankin *The Last Hundred Days,* pp. 230–232.

8 Горбачев, М. С. *Жизнь и реформы.* Кн. 2. Москва, 1995. С. 605–606; *Telcon with Prime Minister Felipe Gonzalez of Spain.* August 19, 1991. Bush Presidential Library. Memcons and Telcons. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/mem-cons_telcons/1991-08-19-Gonzalez.pdf.*

9 Rosenthal, A. *Uncertainty on Gorbachev Gives New Twist to Meeting with Bush* // New York Times, October 28, 1991; Колесниченко Т., Волков В. *Мадридский марафон* // Правда. 29 октября 1991 г.; Cowell, A. *The Middle East Talks: Bush and Gorbachev in Spain: Let the Talks Begin* // New York Times, October 30, 1991.

10 *Luncheon Meeting with President Gorbachev.* October 29, 1991, 12:30—1:15 p.m. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-10-29-Gorbachev%20[1].pdf;* Pankin *The Last Hundred Days*, p. 232.

11 *Meeting with President Gorbachev of the USSR.* October 29, 1991, 1:20—2:45 p.m. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons. *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/ memcons_telcons/1991-10-29-Gorbachev%20[2].pdf;* Черняев *Совместный исход,* с. 1004–1008, 1012, 1016; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 356–358; Gorbachev *Memoirs,* p. 664–665.

12 Черняев *Совместный исход,* с. 1008–1009; Pala-zhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. Pp. 339–341; Панкин *Сто оборванных дней,* с. 233; Pankin *The Last Hundred Days,* pp. 232, 234. [Между английским и русским изданиями воспоминаний Б. Панкина в цитируемых фрагментах присутствуют разночтения; отсутствующие в русском издании места приведены в переводе. – *Прим. пер.]*

13 *Amembassy Moscow to Secstate Washington DC, Subject: Clarification of Monday's Speech by Yeltsin, October 26, 1991.* P. 1–7. Bush Presidential Library.

Presidential Records, National Security Council, White House Situation Room Files: USSR Part 3 of 4 Moscow Coup Attempt (1991), no. 14.

14 Панкин *Сто оборванных дней,* с. 234–235.

15 *Middle East Peace Conference, 1988–1991.* James A. Baker Papers. Box 106, folder 7.

16 *Союз можно было сохранить,* с. 358–362; Pankin *The Last Hundred Days,* p. 234; Горбачев, М. С. *Жизнь и реформы.* Кн. 2. Москва, 1995. С. 606; Черняев *Совместный исход,* с. 1008–1010; Bush and Scowcroft *A World Transformed*, pp. 549–550.

17 Черняев *Совместный исход,* с. 985, 1009–1014; *Союз можно было сохранить*, с. 362–365.

18 Черняев *Совместный исход,* с. 1012; Palazhchenko *My Years,* pp. 339–344.

19 Черняев *Совместный исход,* с. 1014–1016.

20 *Союз можно было сохранить,* с. 367–372; Панкин *Сто оборванных дней,* с. 247; Pankin *The Last Hundred Days,*

p. 249. [Часть цитаты приведена по английскому изданию воспоминаний Б. Панкина, поскольку в русском издании соответствующий фрагмент отсутствует. – *Прим. пер.]*

21 Панкин *Сто оборванных дней,* с. 246; Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 559; *Союз можно было сохранить,* с. 365–372.

22 Черняев *Совместный исход,* с. 1017–1018.

23 DUNLOP, J. *Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict.* Cambridge, 1998. Pp. 1-84.

24 *Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав по республикам СССР.* Demosckop Weekly. *http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php.*

25 *Чечня в пламени сепаратизма* / Сост. А. Сурков. Саратов, 1997. С. 65.

26 Там же, с. 62–66; Dunlop *Russia Confronts Chechnya,* pp. 100–115.

27 DUNLOP *Russia Confronts Chechnya,* pp. 115–117.

28 *Чечня в пламени сепаратизма,* с. 77–80; DUNLOP *Russia Confronts Chechnya,* pp. 115–117, 121.

29 *Чечня в пламени сепаратизма,* с. 73–74, 77.

30 DUNLOP *Russia Confronts Chechnya,* pp. 117–120; *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под ред. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 965; Черняев *Совместный исход,* с. 1018; *Чечня в пламени сепаратизма,* с. 79–81.

31 *Чечня в пламени сепаратизма,* с. 82; DUNLOP *Russia Confronts Chechnya,* pp. 119–120; Вощанов *Как я объявлял войну Украине.*

32 Dunlop *Russia Confronts Chechnya,* pp. 118–119; Черняев *Совместный исход,* с. 1018.

33 Черняев *Совместный исход,* с. 101–198; Gorbachev *Memoirs,* p. 688. [В русском оригинале эта фраза отсутствует. – *Прим. пер.*]

34 Шахназаров, Г. *Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника.* М., 1993. С. 291–292, 299.

35 Там же, с. 287–289, 565–567.

36 Там же, с. 565–567; Черняев *Совместный исход,* с. 1020.

37 Черняев *Совместный исход,* с. 1021–1023; Медведев, Вадим *В команде Горбачева. Взгляд изнутри.* Москва, 1994. С. 221; *Союз можно было сохранить,* с. 375–382; Панкин *Сто оборванных дней,* с. 254; Walker, Edward W *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union.* Lanham, MD, 2003. Pp. 149–150.

38 Palazhchenko *My Years,* p. 433.

Глава 13. Накануне

1 *Интервью автора со Станиславом Шушкевичем.* Гарвардский университет, 17 апреля 2000 г.; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 384–393; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 1026–1030.

2 Lapychak, Chrystyna *Parliament Votes to Boycott Union Structures, Passes Law on Ukrainian Citizenship* // Ukrainian Weekly, October 13, 1991. Pp. 1–2.

3 Кравчук, Л. *Маємо те, що маємо. Спогади і роздуми.* К., 2002. С. 110; Черемис, Валентин *Президент. Роман-есе.* Киев, 1994. С. 277.

4 Шахназаров, Г. *Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника.* М., 1993. С. 560–561; Pala-zhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. P 341; Bush, George, and Brent Scow-croft *A World Transformed.* New York, 1998. P 550; Wilson, Andrew *Virtual Politics: Faking Democracy in the PostSoviet World.* New Haven, CT, 2005. Pp. 1-32.

5 Palazhchenko *My Years,* p. 341; Bush and Scow-croft *A World Transformed,* p. 550.

6 Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 448; Lamis, Renee M. *Realignment of Pennsylvania Politics since 1960: Two-party Competition in A Battleground State.* University Park, PA, 2009. Pp. 119ff.

7 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 448–449; *Hank Brown to President Bush,* September 16, 1991, и набросок ответа Б. Скоукрофта (декабрь 1991 г.). Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Chronological Files:

December 1991, no. 1; *U. S. Senate Passes Resolution Urging Recognition of Ukraine* // Ukrainian Weekly, December 1, 1991. Pp. 1, 14.

8 *It Would be Prudent, George* // Ukrainian Weekly, November 24, 1991. P 6; KuROPAS, MYRON B. *Bren and Harry: Two Peas in a Pod* // Ukrainian Weekly, November 24, 1991. P 7; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 447–448.

9 Goldgeier, James M., and Michael McFaul *Power and Purpose: US Policy Toward Russia After the Cold War.* Washington, D. C., 2003. P 47.

10 Popadiuk, Roman *The Leadership of George Bush: An Insider’s View of the Forty-First President.* College Station, TX, 2009. Pp. 155–160.

11 Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. Pp. 560–561; *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.; Smith, Jeffrey *U. S. Officials Split over Response to an Independent Ukraine* // Washington Post, November 25, 1991.

12 *Christopher Cox and other US congressmen to George H. W Bush, November 26, 1991,* 1–6. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Chronological Files: December 1991, no. 1.

13 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 560–561; *JAB Notes from 11/26/91 Conversation with POTUS (Recognition of Ukraine Independence)*. James A. Baker Papers, box 110, folder 9.

14 *Draft Cable to USNATO for Nov 27NAC,* 1–5. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Chronological Files: December 1991, no. 3.

15 *R. Gordon Hoxie to Robert Gates, November 19, 1991.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Roman Popadiuk Series, Chronological Files: December 1991; Trofimov, Yaroslav *Vote Brings Wave of Recognition* // Ukrainian Weekly, December 8, 1991. Pp. 3, 6.

16 Kolomayets, Marta *Ukrainian American Leaders Meet with President Bush on the Eve of Ukrainian Referendum* // Ukrainian Weekly, December 1, 1991. Pp. 1, 3, 14; *Rukh Appeals to President Bush* // Ukrainian Weekly, December 1, 1991. P. 14; Miller, William F. *Firmly Rooted in Two Lands* // Cleveland.com, *www.cleveland.com/heritage/index.ssf?/heritage/more/ukraine/ukraine*[2]*.html.*

17 Yang, John R. *Bush Decides to Accelerate U. S. Recognition of Ukraine* // Washington Post, November 28, 1991.

18 Ibid.; Baker *The Politics of Diplomacy*, p. 561; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 552; Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996. P– 531.

19 Черняев *Совместный исход,* с. 1028–1029.

20 Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 561; Palazhchenko *My Years,* p. 347; Остальский, Андрей *Советско-американская размолвка из-за украинского референдума* // Известия. 29 ноября 1991 г.; *Украина: за день до выстраданной воли* // Известия. 29 ноября 1991 г.; Черняев *Совместный исход,* с. 1028–1029.

21 *Telcon with President Mikhail Gorbachev of the USSR.* November 30, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-11-30-Gorbachev.pdf;* Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 551–552; Черняев *Совместный исход*, с. 1029.

22 *В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)*. Москва, 2000. С. 730; *Распад*

СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения. Под ред. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 997–998.

23 Черняев *Совместный исход,* с. 1029.

24 Там же, с. 1030.

25 Там же, с. 1027–1028.

26 *Союз можно было сохранить,* с. 406, 411–412; Медведев, Вадим В *команде Горбачева. Взгляд изнутри.* Москва, 1994. С. 223.

27 Кравчук *Маємо те, що маємо, с.* 110–111; Черняев *Совместный исход,* с. 1027–1028.

Глава 14. Украинский референдум

1 Кравчук, Л. *Маємо те, що маємо. Спогади і роздуми.* К., 2002. С. 116–117; *Интервью автора с Леонидом Кравчуком.* Киев, 1 сентября 2011 г.

2 *Kravchuk Leading, Chornovil Second m Presidential Race* // Ukrainian Weekly, November 10, 1991. Pp. 1, 14; Marples, David *Support Runs High for Independence. Kravchuk Likely to Be Elected* // Ukrainian Weekly, November 25, 1991. Pp. 1–2; Кравчук *Маємо те, що маємо,* pp. 114–115.

3 Касьянов, Георгий *Украина 1997–2007. Очерки новейшей истории.* К., 2008. С. 36–37; информация получена от Юрия Ратомского, бывшего сотрудника Днепропетровского обкома КПУ (27 декабря 1991 г.).

4 *Интервью с Владимиром Гриневым.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3; Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 114.

5 Чорнов1л, Вячеслав *Автобюграфпя.* Рух прес (вебсайт). *http://rukhpress.com.ua/002005/print.phtml; Интервью с Вячеславом Черно волом.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. *http:// oralhistory.org.ua/interview-ua/648/; Интервью с Левко Лукьяненко.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 4. *http://oralhistory.org.ua/interview-ua/541;* Lapychak, Chrystyna *In Odessa: One Day on the Trail with Rukh Candidate Viacheslav Chornovil* // Ukrainian Weekly, November 10, 1991. Pp. 1, 9-10.

6 *Интервью с Вячеславом Черноволом.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 3. *http://oralh1story.org.ua/mterv1ew-ua/648/; Интервью с Дмитрием Павлычко.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Ч. 4. *http://oralhistory.org.ua/ interview-ua/497/; Ukraine's Presidium Rejects Diaspora Vote on Referendum* // Ukrainian Weekly, November 24, 1991. P 3.

7 Zakydalsky, Oksana *Larysa Skoryk Speaks at Canadian Friends of Rukh Conference* // Ukrainian Weekly, October 31, 1991. Pp. 1, 11.

8 Marples *Support Runs High for Independence;* Marples *Kravchuk Leading;* Кравчук *Маємо те, що маємо,* pp. 117118; Shevel, Oxana *Nationality in Ukraine: Some Rules of Engagement* // East European Politics and Societies 16, no. 2 (Spring 2002): 386–413.

9 *Интервью с Николаем Багровым.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 3.

http://oralhistory.org.ua/mterview-ua/37T; ALLWORTH, Edward A. *The Tatars of Crimea: Return to the Homeland.* Durham, NC, 1998.

10 Marples *Kravchuk Leading; Интервью с Владимиром Гриневым и Левко Лукьяненко*. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. *http://oralhistory. org.ua/interview-ua/239, http://oralhistory.org.ua/interview-ua/541.*

11 Зленко, А. *Дипломатія і політика. Україна в процесі динамічних геополітичних змін. Харків*, 2003. С. 66–67; *News Briefs from Ukraine* // Ukrainian Weekly, December 1, 1991. P. 2.

12 *Интервью с Мартой Дычок.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 3. *http:// oralhistory.org.ua/mterview-ua/229/.*

13 Касьянов, Георгий *Украина 1997–2007,* с. 37; информация получена от Елены Плохий, осенью 1991 года жившей в Днепропетровске.

14 Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 993–995; *Bush Names Babyn Yar Delegation* // Ukrainian Weekly, October 6, 1991. P. 2; Lapychak, Chrystyna *Ukraine Remembers Babyn Yar* // Ukrainian Weekly, October 13, 1991. Pp. 1, 8; *Интервью с Леонидом Кравчуком.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 9. *http://oralh1story.org.ua/mterv1ew-ua/510.*

15 Solchanyk, Roman *Centrifugal Movements in Ukraine and Independence* // Ukrainian Weekly, November 24, 1991. Pp. 8-10; *Minorities Congress Decisively Supports Ukraine's Independence* // Ukrainian Weekly, November 24, 1991. P 1; Arel, Dominique *Language Politics in Independent Ukraine: Towards One or Two Languages?* // Nationalities Papers 23, no. 3 0995): 597–622.

16 *News Briefs from Ukraine* // Ukrainian Weekly, December 1, 1991. P. 2.

17 Morozov, Kostiantyn P *Above and Beyond: From Soviet General to Ukrainian State Builder.* Cambridge, MA, 2000. Pp. 1–7, 74–75; 133–152.

18 *Интервью автора с Константином Морозовым (Киев, 6 сентября 2011 г.);* Lapychak, Chrystyna *Deputies Draft Law on Military* // Ukrainian Weekly, October 27, 1991. Pp. 1–2; *Brzezinski Notes Ukraine's Statement* // Ukrainian Weekly, October 27, 1991. P 2; Marples *Support Runs High for Independence*.

19 MOROZOV *Above and Beyond,* pp. 91-152; *Интервью с Константином Морозовым.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 6. *http:// oralhistory.org.ua/interview-ua/632; Интервью автора с Константином Морозовым*. Киев, 6 сентября 2011 г.; Jaworsky, John *Ukraine's Armed Forces and Military Policy* // Harvard Ukrainian Studies 20 (1996): 223–247; Olynyk, Stephen D. *Ukraine as a Military Power* / In: *Ukraine: The Search for a National Identity.* Ed. Sharon L. Wolchik and Volodymyr Zviglyanich. Lanham, MD, 2000. P. 69–94.

20 Lapychak, Chrystyna *Reflections on an Independent Ukraine* // Ukrainian Weekly, December 8, 1991. PI 6.

21 *Интервью автора с Юрием Щербаком*. Рим, 19 июня 2012 г.

22 Lapychak, Chrystyna *Independence: Over 90 Percent Vote in Referendum: Kravchuk Elected President of Ukraine* // Ukrainian Weekly, December 8, 1991. Pp. 1, 5; Lew, Khris-TINA *Delving into Eastern Ukraine on the Eve of Nationhood* // Ukrainian Weekly, December 22, 1991. Pp. 8–9; Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 118; *Интервью с Леонидом Кравчуком.* Розпад Радянського Союзу. Усна Кторш незалежно! Укра!ни 1988–1991. Кассета 9. *http://oralhistory.org.ua/interview-ua/510.*

23 Черняев *Совместный исход,* с. 1030–1031; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 418.

24 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. P 554; *Союз можно было сохранить,* с. 420.

Глава 15. Славянская троица

1 *Telcon with President Boris Yeltsin of the Republic of Russia.* November 30, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-11-j0-Yeltsin.pdf;* Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 552553; *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.

2 *Интервью автора со Станиславом Шушкевичем.* Гарвардский университет, 17 апреля 2000 г.; Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 552–554.

3 *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 424.

4 Авен, Петр, Кох, Альфред *Ельцин служил нам! Интервью с Геннадием Бурбулисом* // Форбс, 22 июля 2010 г., *www. forbes.ru/node/3407/prmt;* Remnick, David *Resurrection: The Struggle for a New Russia.* New York, 1998. P 25.

5 Солженицын, Александр *Как нам обустроить Россию?* // Комсомольская правда. 18 сентября 1990 г.; Solzhenitsyn, Aleksandr *Rebuilding Russia: Reflections and Tentative Proposals.* New York, 1991.

6 Solchanyk, Roman *Ukraine and Russia: The Post-Soviet Transition.* Oxford, 2001. P 38; Авен, Кох *Ельцин служил нам.*

7 *News briefs* // Ukrainian Weekly, December 15, 1991; Кравчук, Л. *Маемо те, щомаемо. Спогади іроздуми.* К., 2002. С. 128; Черемис, Валентин *Президент. Роман-есе.* Киев, 1994. С. 245–247, 260–261.

8 Голубець, М. *Быовежа очимаучасника.* Лвт, 1996. С. 9; *Шушкевич, Станислав Станиславович* / В кн.: *Кто есть кто в России и ближнем зарубежье. Справочник.* М., 1991 С. 749; Шушкевич, Станислав *Освальда я запомнил солдафоном* // Известия. 21 ноября 2003 г.

9 Marples, David *Belarus: A Denationalized Nation.* Amsterdam, 1999; Zaprudnik, Jan *Belarus: At a Crossroads in History.* Boulder, CO, 1993.

1 °Старостин, Дмитрий *Десять лет Беловежской пуще* // Vesti.ru. 9 декабря 2001 г.; Шушкевич, Станислав *Монолог о путче* // Огонек. 2 декабря 1996 г.

11 Семаков, В. В. *Беловежская пуща, 1902–2002.* Минск, 2002; Duffy, Peter *The Bielski Brothers: The True Story of Three Men Who Defied the Nazis, Built a Village in the Forest, and Saved 1,200Jews.* New York, 2004.

12 *Katalog fauny Puszczy Bialowieskiej*. Warsaw, 2001; Карлюкевич, Алесь *Генсек с ружьем* // Советская Белоруссия. 21 июня 2ooi г. (№ 113); Черняев, Анатолий *Меморандум Горбачеву об организации визита канцлера Коля в СССР.* 17 июня 1991 г. Архив Горбачев-фонда. Ф. 2, № 8943.1.

13 Дмуховский, Мечислав *Беловежские тайны* // Советская Белоруссия. Собеседник. 12 декабря 2003 г.; Кравчук, Леонид *Шушкевич и Ельцин представляли себя, а я – волю народа* // УНИАН, 5 декабря 2006 г.; Крыжановский, Владимир *Тостов было;* Коржаков, Александр *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* Москва, 1997. С. 127; Кебич, Вячеслав *Искушение властью. Из жизни премьер-министра.* Минск, 2008. С. 190–194.

14 *Кебич, Вячеслав Францевич* / В кн.: *Кто есть кто в России и ближнем зарубежье. Справочник.* М., 1991.

15 Эйсмонт, Мария *Михаил Бабич, бывший офицер охраны Вячеслава Кебича: "В Вискулях опасались предательства"* // Народная воля, 12 декабря 2001 г.; *Союз можно было сохранить,* с. 432; Кравченко, Петр *Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика* // Народная воля. 30 сентября 2006 г. (№№ 154–157).

16 *Союз можно было сохранить,* с. 440; Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 129–130.

17 Авен, Кох *Ельцин служил нам;* Зайнашев, Юрий *Беловежская пуща: что это было?* // Новые известия. 8 декабря 2006 г.; Шаповал, Юрий *Две декабрьские истории не без морали* // День. 10 декабря 2004 г.; Михальченко, М., Андрущенко, В. *Беловежье. Л. Кравчук. Украина 1991–1995.* Киев, 1996. С. 99.

18 Черемис *Президент,* с. 268–269; *Союз можно было сохранить,* с. 445–447; Кравченко *Беларусь на распутье.*

19 *Союз можно было сохранить,* с. 433; Кебич *Искушение властью,* с. 199–200; ЭЙСМОНТ *Михаил Бабич.*

20 МОРОЗ, О. *За рюмкой ключевые вопросы не решались. Интервью с Егором Гайдаром* // Newsland, 2 мая 2011 г. *www.newsland.ru/news/deta1l/1d/690529;* Кравченко *Беларусь на распутье.*

21 Голубець *Бгловежа,* с. 13–14; Крыжановский *Тостов было*; Кравченко *Беларусь на распутье.*

22 Кравчук *Шушкевич и Ельцин представляли себя*; Черемис *Президент,* с. 269; Шахрай, Сергей *Нам удалось предотвратить югославский сценарий* // Новые известия, 8 декабря 2006 г.; Кебич *Искушение властью,* с. 201.

23 Мороз *За рюмкой*; Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 125; *Интервью с Леонидом Кравчуком.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 9. *http://oralh1story.org.ua/mterv1ew-ua/510;*

Черемис *Президент,* с. 267, 271; Кравчук *Шушкевич и Ельцин представляли себя*; Голубець *Бгловежа,* с. 13; Крыжановский *Тостов было.*

24 Голубець *Бгловежа,* с. 15; Пашков, Сергей *Советский Союз. Последние дни* // Вести недели, 2 декабря 2001 г.; Кожевин, Игорь *15лет каждый за себя* // Vesti.ru. 8 декабря 2006 г.; *Станислав Шушкевич: “Ни по одному пункту не было разногласий”* // Ежедневник. 9 декабря 2008 г.; *Союз можно было сохранить,* с. 435.

25 *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под РЕД. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 1028–1031.

26 Гайдар, Е. *Дни поражений и побед.* М., 1997. С. 148–150; Авен, Кох *Ельцин служил нам.*

27 Кебич *Искушение властью,* с. 202.

28 Кожевин *15 лет;* Алексейчик, Яков *Холодный декабрь в Вискулях* // Семь дней. 8 декабря 2001 г. (№ 49).

29 Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 132.

30 Коржаков *Борис Ельцин,* 1997, с. 128; Голубець *Бгловежа,* с. 16; Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 125; *Интервью с Леонидом Кравчуком*. Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 9. *http:// oralhistory. org.ua/mterview-ua/510.*

31 Мороз *За рюмкой;* Кебич *Искушение властью*, с. 207208; *Из беседы президента Казахстана Н. Назарбаева с редакторами московских газет 15 апреля 1995 г.* Архив Горбачев-фонда. *www.gorby.ru/userfiles/file/iz_besedy_prezidenta_kazahstana_n.pdf;* Robbins, CHRISTOPHER *Apples Are from Kazakhstan.* New York, 2008. Pp. 282–285; Кравченко *Беларусь на распутье.*

32 Кебич *Искушение властью,* с. 202–203.

33 Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего.* Москва, 1993. С. 125–127.

34 Там же; Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. P. 659; Шахрай *Нам удалось;* Мороз *За рюмкой;* Гайдар *Дни поражений и побед,* с. 148–150; *Беловежское эхо* // НТВ. 11 декабря 2011 г.

35 Кравченко *Беларусь на распутье;* Кебич *Искушение властью,* с. 206–207; Черемис *Президент,* с. 270.

36 Кравчук, Леонид *В сауне не парился, шампанского не пил. http://bp21.org.by/ru/art/a051207.html; Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia.* December 8, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http:// bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-12-08-Yeltsin.pdf.*

37 Шушкевич *Монолог о путче;* Кебич *Искушение властью,* с. 210–211; Кравчук *Маємо те, що маємо,* с. 131–132; Gorbachev *Memoirs,* p. 659.

38 Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 450; Голубець *Бгловежа,* с. 17; Черемис *Президент,* с. 274; Дмуховский *Беловежские*

тайны; Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 1034.

39 Черемис *Президент,* с. 274.

40 Кравченко *Беларусь на распутье;* Дмуховский *Беловежские тайны.*

Глава 16. От Союза к Содружеству

1 O’Clery, Conor *Moscow, December 25, 1991: The Last Days of the Soviet Union.* New York, 2011. Pp. 192–193.

2 Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 1034; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 465; O’Clery *Moscow,* pp. 192–193; Шахназаров, Г. *Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника.* М., 1993. С. 303.

3 Черемис, Валентин *Президент. Роман-есе.* Киев, 1994. С. 274–275; Кравчук, Л. *Маємо те, що маємо. Спогади і роздуми.* К., 2002. С. 133.

4 *Союз можно было сохранить,* с. 465–466; Грачев, Андрей *Горбачев. Человек, который хотел как лучше.* Москва, 2001. С. 401 и далее; Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott *At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 450; O’Clery *Moscow,* p. 192.

5 *Союз можно было сохранить,* с. 465–469; Черняев *Совместный исход,* с. 1034; Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего.* Москва, 1993. С. 128; *Станислав Шушкевич: обрести суверенность, но не разъединяться границами* // Российская газета. 10 декабря 1991 г.; *Нурсултан Назарбаев: “Я – прагматик и буду отталкиваться от событий”* // Российская газета. 10 декабря 1991 г.

6 *Союз можно было сохранить,* с. 469–470; BESCHLOSS AND Talbott *At the Highest Levels,* p. 450.

7 Черняев *Совместный исход,* с. 1035.

8 *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.; Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 556–557.

9 Шапошников *Выбор,* с. 128; *Генералы уходят. Почему? К кадровым переменам в Генштабе* // Московские новости.

15 декабря 1991 г.; Dunlop, J. *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire.* Princeton, NJ, 1995. Pp. 272–275; *Союз можно было сохранить,* с. 472.

10 *Ратифицировано соглашение о содружестве независимых государств. Украина* // Известия. 11 декабря 1991 г.; Lapychak, Chrystyna *Ukraine Ratifies Amended Agreement on the Commonwealth* // Ukrainian Weekly, December 15, 1991. Pp. 1–2; *Интервью автора с Константином Морозовым.* Киев, 6 сентября 2011 г.

11 *Ратифицировано соглашение о содружестве независимых государств. Белоруссия* // Известия. 11 декабря 1991 г.; Кравченко, Петр *Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика* // Народная воля. 30

сентября 2006 г. (№№ 154–157); Кебич, Вячеслав *Искушение властью. Из жизни премьер-министра.* Минск, 2008. С. 216–217.

12 *Союз можно было сохранить,* с. 472–474.

13 DUNLOP *The Rise of Russia,* p. 275; *Армия не верит союзным структурам* // Российская газета. 13 декабря 1991 г.; Pala-zhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. P. 352.

14 *Выступление Президента РСФСР Б. Н. Ельцина* // Российская газета. 13 декабря 1991 г.; *Союз можно было сохранить,* с. 477–481.

15 Медведев, Вадим *В команде Горбачева. Взгляд изнутри.* Москва, 1994. С. 227; *В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)*. Москва, 2000. С. 736–739; *М. С. Горбачев о ситуации в стране и о себе* // Известия. 12 декабря 1991 г.; Palazhchenko *My Years,* p. 352.

16 Португалов, Николай *Меморандум Михаилу Горбачеву.* Декабрь 1991 г. Архив Горбачев-фонда. Ф. 5, № 10866.1.

17 Черняев *Совместный исход,* с. 1036; *Горбачев бросает вызов "Славянскому Союзу"* // Известия. 10 декабря 1991 г.

18 Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992.* New York, 1995. P 563.

19 Ibid., pp. 562–564; *Baker Sees Opportunities and Risks as Soviet Republics Grope for Stability* // New York Times, December 13, 1991; Friedman, Thomas *Baker Presents Steps to Aid Transition by Soviets* // New York Times, December 13, 1991; Gaddis, John Lewis *George F. Kennan: An American Life.* New York, 2011; Thompson, Nicholas *The Hawk and the Dove: Paul Nitze, George Kennan and the History of the Cold War.* New York, 2009.

20 Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 535.

21 *Proposed agenda for meeting with the president.* December 4, 1991, 1:30 p.m.; December 10, *Soviet points for meeting with the president.* James A. Baker Papers, box 115, folder 8.

22 Congressional Research Service *CRS Report to the Congress: U. S. Assistance to the Former Soviet Union.* March 1, 2007, *www.fas.org/sgp/crs/row/RL32866.pdf;* Tar-NOFF, KURT *CRS Report to Congress. U. S. Assistance to the Former Soviet Union, 1991–2002: A History of Administration and Congressional Action.* Updated, January 15, 2002, 1–7, *www.policyarchive.org/handle/1020y/bitstreams/914.pdf;* Haran, Olexiy *Disintegration of the Soviet Union and the U. S. Position on the Independence of Ukraine.* Discussion paper 95–09, Center for Science and International Affairs, John F. Kennedy School of Government, Harvard University. August 1995. *http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/ 2933/disintegration_of_the_soviet_union_and_the_us_position_ on_the_independence_of_ukraine.html.*

23 Friedman *Baker Presents Steps to Aid Transition,* p. A24.

24 *Proposed agenda for meeting with the president, December 13, 1991, 11:00 a.m.* James A. Baker Papers, box 115, folder 8; Baker *The Politics of Diplomacy,* Chapter Files, James A. Baker Papers, box 195, folder 5, ch. 31, 7–8.

25 Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 564.

26 Ibid.; Bohlen, Celestine *Moscow Misery: The Planes Don't Fly and That's Not All* // New York Times, December 13, 1991.

27 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. xi-xiv, 451–452; Kohan, John, and Strobe Talbott *I Want to Stay the Course* // Time, December 23, 1991.

28 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 452454; Kohan and Talbott *I Want to Stay the Course.*

29 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 455–456; Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 565; Черняев *Совместный исход,* с. 1036–1037; Palazhchenko *My Years,* pp. $^{2}5^{2-2}54$.

30 *Telephone Conversation with President Boris Yeltsin of Russia.* December 13, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-12-13-Yeltsin.pdf;* Bush and Scowcroft *A World Transformed,* p. 557.

31 *Telephone Conversation with President Gorbachev of the FSU.* December 13, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telconsA991-12-13-Gorbachev.pdf.*

32 Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 556–558.

33 Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 455456; Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 572.

34 Кох, Альфред, Авен, Петр *Андрей Козырев: настоящий камикадзе* // Форбс, 28 сентября 2011 г., *www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/y4501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze;* Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 564–567.

35 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 567–569; Благодаров, Константин *От шедевров Церетели люди просто обалдели* // Комсомольская правда. 4 сентября 2002 г.

36 *JAB Notes from 12/16/91 Mtg. w/Russian Pres. Yeltsin at the Kremlin, St. Catherine's Hall, Moscow, USSR.* James A. Baker Papers, box 176, folder 28; *JAB Notes from 1-on-1Mtg. w/B. Yeltsin During Which Command and Control of Nuclear Weapons Was Discussed 12/16/91.* James A. Baker Papers, box 110, folder 10; Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 569–572; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 456–457; Кох, Авен *Андрей Козырев;* Palazhchenko *My Years,* p. 353.

37 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 575–578; Кох, Авен *Андрей Козырев.*

38 *Telephone Conversation with President Gorbachev of the FSU.* December 13, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_ telcons/1991-i2-i3-Gorbachev.pdf;* Bush and Scowcroft *A World Transformed,* pp. 556–658.

39 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 573–574; Palazhchenko *My Years,* pp. 355–356.

40 Черняев, Анатолий *К беседе с Бейкером.* Декабрь 1991 г. Архив Горбачев-фонда. Ф. 2, № ^465.i; Черняев *Совместный исход,* с. Ю37.

Глава 17. Победа Евразии

1 *Встреча двух президентов* // Российская газета. i8 декабря 1991 г.; *Россияне поддерживают создание СНГ* // Независимая газета. i8 декабря 1991 г.

2 *Schedules for December 7, i8, and 9, 1991,* James A. Baker Papers, box 110, folder 10.

3 Baker, James A., with Thomas M. DeFrank *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 989–992.* New York, i995. Pp. 578-58L

4 *Нурсултан Назарбаев: "Я – прагматик и буду отталкиваться от событий"* // Российская газета. 10 декабря 1991 г.; *Присяга Назарбаева* // Российская газета. 11 декабря 1991 г.; *Казахстан объявил независимость* // Известия. i7 декабря 1991 г.

5 *JAB Core Points Used During Trip to Moscow, Bishkek, Alma Ata, Minsk and Kiev, 1*2/15—18/91. James A. Baker Papers, box 110, folder 10; Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 58! 585–586; *Дж. Бейкер – первый гость независимого Казахстана* // Известия. 17 декабря 1991 г.

6 Baker *The Politics of Diplomacy,* Chapter Files, James A. Baker Papers, box 195, folder 5, chs. 31, 36.

7 Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 580–582; *Заявление глав государств Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан* // Известия. 17 декабря 1991 г.

8 *Годовщина декабрьских событий прошла спокойно* // Независимая газета. 18 декабря 1991 г.

9 Уак, Аркен Баттаулы *Материалы геноцида, организованного Н. Назарбаевым против казахского народа в декабре 1986 года.* М., 2000; Кожаназаров, Хаджимурат, Матаева, Айгуль *Правда бессмертна* // Солдат. 27 марта 2003 г.

10 Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 538.

11 Pannier, Bruce *Kazakhstan: The Forgotten Famine* // Radio Free Europe, December 28, 2007. *www.rferl.org/content/article/t0/9J04.html; Сепаратизм русских регионов в Казахстане – вина руководства республики* // Независимая газета. 11 декабря 1991 г.

12 *Интервью президента Казахстана* // Российская газета. 21 декабря 1991 г.

13 *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 486–487.

14 Левитин, Леонид *Узбекистан на историческом повороте.* Ташкент, 2005. С. 8–12.

15 *О письме в ЦК КПСС работников прокуратуры СССР тт. Гдляна Т. Х. и Иванова Н. В. от 11 ноября 1986 года.* РГАНИ. Ф. 89, оп. 24, д. 18; *ЦК КПСС. О ходе выполнения постановления Политбюро № П151/3.*. РГАНИ. Ф.

89, оп. 24, д. 19; Собчак, Анатолий *Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента.* М., 1991. Гл. 5.

16 *Хлопковое дело.* Размещен на *YouTube* пользователем *edglezin* 11 апреля 2011 г. См.: *www.youtube.com/watch?v=sIKYYYpr_ vo;* Waugh, Daniel C. *Tamerlane's Heirs: Perspectives on 1991 and Its Aftermath in Central Asia.* Seattle, 2011. P 27; *Итоги ашгабатской встречи вызвали вздох облегчения в стране* // Известия. 14 декабря 1991 г.

17 Waugh *Tamerlane's Heirs,* pp. 26–51; *Итоги ашгабатской встречи.*

18 *Участники встречи в Ашгабате готовы стать членами содружества. Но равноправными* // Известия. 13 декабря 1991 г..

19 *Путь к содружеству: Минск – Ашгабат – Алма-Ата* // 19 декабря 1991 г.; *История Советского Союза завершается в столице Казахстана* // Известия. 20 декабря 1991 г.; *Аяз Муталибов тоже в Алма-Ате* // Независимая газета. 21 декабря 1991 г.

20 *Горбачев предлагает название: Содружество европейских и азиатских государств – СЕАЗ* // Известия. 19 декабря 1991 г.; *Союз можно было сохранить,* с. 488–492.

21 Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 1037; Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. P 660.

22 Ельцин, Борис *Мы пережили трагический эксперимент* // Российская газета. 19 декабря 1991 г.

23 *Какие рабочие и представительные органы могут быть в СНГ* // Известия. 19 декабря 1991 г.; *Республика вернет себе старый герб* // Независимая газета. 19 декабря 1991 г.

24 *Интервью автора с Константином Морозовым.* Киев, 6 сентября 2011 г.; *Оппозиция накаливает обстановку. Леонид Кравчук руководит государством* // Независимая газета. 21 декабря 1991 г.; *Ратифицировано соглашение о содружестве независимых государств. Украина* // Известия. 11 декабря 1991 г.; *Социологический опрос на актуальную тему* // Известия. 12 декабря 1991 г.

25 *JAB Notes from 12/18/91 Mtg. w/Ukraine Pres. Kravchuk at Marimskiy Palace in Kiev, Ukraine.* James A. Baker Papers, box lio, folder 10; Baker *The Politics of Diplomacy,* pp. 581–583.

26 *JAB Notes from 12/18/91 Mtg. w/Supreme Soviet Chairman Shushkevich at the Government Res. Minsk, Belarussia [sic].* James A. Baker Papers, box 110, folder 10; *Станислав Шушкевич: обрести суверенность, но не разъединяться границами* // Российская газета. 10 декабря 1991 г.; *Белорусская делегация серьезнее других отнеслась к переговорам* // Независимая газета. 28 декабря 1991 г.; *Молдова вступит в СНГ?* // Независимая газета. 21 декабря 1991 г.

27 *Станет ли Беловежская пуща карабахской* // Российская газета. 21 декабря 1991 г.; Кравченко, Петр *Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика* // Народная воля. 30 сентября 2006 г. (№№ 154–157); *Россия признала независимость Молдовы* // Независимая газета. 19 декабря 1991 г.

28 *Штурмуют полицию* // Независимая газета. 10 декабря 1991 г.; *Снова кровь в Дубоссарах* // Известия. 14 декабря 1991 г.; *Комитет самообороны Нагорно-Карабахской республики* // Известия. 20 декабря 1991 г.; *Армения укрепляет границы* // Известия. 20 декабря 1991 г.; *Независимость только тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет себя защищать. Новые указы президента Армении* // Независимая газета. 21 декабря 1991 г.; *Безопасность не гарантируется* // Российская газета. 21 декабря 1991 г.

29 Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего.* Москва, 1993. С. 129–130.

30 *История Советского Союза завершается в столице Казахстана* // Известия. 20 декабря 1991 г.; *Президент создает армию. Чем все-таки командует Леонид Кравчук?* // Независимая газета. 17 декабря 1991 г.; Morozov, Kostian-TYN P *Above and Beyond: From Soviet General to Ukrainian State Builder.* Cambridge, MA, 2000. Pp. 183–193; Кравчук, Л. *Маємо те, що маємо. Спогади і роздуми.* К., 2002. С. 145.

31 *Союз можно было сохранить,* с. 493–503; *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Кн. 1, Нормативные акты. Официальные сообщения.* Под ред. С. М. Шахрая. Москва, 2009. С. 1044–1053; Morozov *Above and Beyond,* pp. 187–188; Palazhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. Pp. 359–360.

32 *Союз можно было сохранить,* с. 499.

33 *Telecon with Nursultan Nazarbayev.* Saturday, December 21, 1991, 12:55 EST; Baker *The Politics of Diplomacy,* p. 585.

34 *В Алма-Ате родилось содружество 11 независимых государств* // Известия. 23 декабря 1991 г.; Черняев *Совместный исход,* с. 1039.

Глава 18. Рождество в Москве

1 Черняев, Анатолий *Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы.* Москва, 2008. С. 1039; Коржаков, Александр *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* Москва, 1997. С. 129–130; O'Clery, Conor *Moscow, December 25, 1991: The Last Days of the Soviet Union.* New York, 2011. Pp.207–208.

2 Черняев *Совместный исход,* с. 1039–1044; O'Clery *Moscow*, p. 208.

3 Яковлев, Александр *Сумерки.* М., 2005. С. 506–507; Шахназаров, Г. *Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника.* М., 1993. С. 307; O'CLERY *Moscow,* pp. 208–219; Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994. Pp. 120–121; Коржаков *Борис Ельцин,* с. 129130; Черняев *Совместный исход,* с. 1040, 1042.

4 Dobbs, Michael *Down with Big Brother: The Fall of the Soviet Empire.* New York, 1997. Pp. 447–448; Pankin, Boris *The Last Hundred Days of the Soviet Union.* London, 1996. P 86; Yeltsin *The Struggle for Russia,* pp. 122–123, 305–316; O'Clery *Moscow*, pp. 211–214; Коржаков *Борис Ельцин*, с. 137–138.

5 Яковлев *Сумерки*, с. 508.

6 Там же, с. 507; *Memorandum of telephone conversation with President Boris Yeltsin.* December 23, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and

Telcons, *http://bushlibrary. tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-12-23-Yeltsm.pdf.*

7 Черняев *Совместный исход,* с. 1042; O’Clery *Moscow,* pp. 208, 211–214.

8 O’Clery *Moscow,* pp. 25–26.

9 Palazhchenko, Pavel *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter.* University Park, PA, 1997. Pp. 364–366; *Telecon with Mikhail Gorbachev, President of the Soviet Union.* December 25, 1991. Bush Presidential Library, Memcons and Telcons, *http:// bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-12-25-Gorbachev.pdf.*

10 Palazhchenko *My Years,* p. 365.

11 O’Clery *Moscow,* pp. 201–205, 218, 226.

12 Ibid., pp. 222, 225; Черняев *Совместный исход,* с. 10401042; *Обращение М. С. Горбачева к народу.* Декабрь 1991 г. Архив Горбачев-фонда. Ф. 5, № 10868; Грачев, Андрей *Проект обращения Президента СССР к народу.* 14 декабря 1991 г. Архив Горбачев-фонда. Ф. 5, № 10884.1; *Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* 2-е изд. Москва, 2007. С. 504–507; *Ельцин по-прежнему популярен. По крайней мере в Москве* // Независимая газета. 19 декабря 1991 г.

13 Черняев *Совместный исход,* с. 1042–1043; Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего*. Москва, 1993. С. 136; Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. Pp. 671–672; *Союз можно было сохранить,* с. 507; Palazhchenko *My Years,* pp. 366–367; O’Clery *Moscow*, pp. 231–237.

14 O’Clery *Moscow*, pp. 236–237, 241–247; Грачев, Андрей *Горбачев. Человек, который хотел как лучше.* Москва, 2001. С. 418; Gorbachev *Memoirs,* p. 671; Palazhchenko *My Years,* p. 399; Черняев *Совместный исход,* с. 1043.

15 Beschloss, Michael R., and Strobe Talbott At *the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War.* Boston, 1993. P 464.

16 *Nick Burns to Dennis Ross and Thomas Niles.* December 23, 1991; *Draft Statement on the Resignation of President Gorbachev.* Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Chronological Files: December 1991, no. 1; *Statement on the Resignation of Mikhail Gorbachev as President of the Soviet Union.* December 25, 1991, Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=790&year= 19<)i&month = 12.*

17 *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.; Beschloss and Talbott *At the Highest Levels,* pp. 459–460; *Nick Burns to Ron McMullen, United States Military Academy, West Point.* December 31, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, Nicholas R. Burns Series, Chronological Files: December 1991, no. 1.

18 *Address on Gorbachev Resignation.* December 25, 1991. C-SPAN. *http://www.c-spanvideo.org/program/23549-1>; Address to the Nation on the*

Commonwealth of Independent States. December 25, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http:// bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=3791& year= 199i&month= 12.*

19 *Интервью автора с Николасом Бернсом.* Гарвардский университет, 15 июня 2012 г.

20 *Address to the Nation on the Commonwealth of Independent States.* December 25, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=3791&year=199i&month = 12; U. S. Policy on Recognition of Former Soviet Republics. Press Guidance.* December 28, 1991. Bush Presidential Library, Presidential Records, National Security Council, John A. Gordon Series, Subject Files: Russia, December 1991.

21 *The President's News Conference.* December 28, 1991. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/ research/public_papers.php?id=3792&year= 199i&month = 12.*

22 *James Baker to Mikhail Gorbachev.* December 29, 1991. James A. Baker Papers, box 110, folder 10.

23 O'Clery *Moscow,* pp. 261–262; Черняев *Совместный исход,* с. 1043–1044; Грачев *Горбачев,* с. 420.

24 Gorbachev *Memoirs,* p. 672; Yeltsin *The Struggle for Russia,* p. 124.

25 Черняев *Совместный исход,* с. 1043–1044.

26 Там же, с. 1042.

27 Gorbachev *Memoirs,* p. 672; Черняев *Совместный исход,* с. 1042–1043; Грачев *Горбачев,* с. 417–418.

28 O'Clery *Moscow,* pp. 266–267.

29 Яковлев *Сумерки,* с. 555.

30 Gorbachev *Memoirs,* p. 671; Yeltsin *The Struggle for Russia,* p. 124; Коржаков *Борис Ельцин,* с. 139.

31 Colton, Timothy J. *Yeltsin: A Life.* New York, 2008. Pp. 140–150.

Эпилог

1 *State of the Union Address.* January 28, 1991. C-SPAN. *http:// www.c-spanvideo.org/program/23999-1.*

2 *Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union.* January 28, 1992. Bush Presidential Library, Public Papers, *http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers. php?id=j886&year= 1992&month = 01.*

3 *Bush and Gorbachev Declare End of Cold War.* History, A&E Television Networks, History.com, *www.history.com/speeches/ bush-and-gorbachevdeclare-end-of-cold-war#bush-and-gorbachev-declare-end-of-cold-war;* Holser, Karen *The First True Post-Cold War Summit* // Baltimore Sun, July 28, 1991; *Bush Told Gorbachev to Ignore "Crowing' over Cold War Victory"* // Seattle Times, October 26, 1992.

4 YOUNG, John R. *In State of Union, President Evokes Spirit of Gulf War* // Washington Post, January 29, 1991.

5 Bush, George, and Brent Scowcroft *A World Transformed.* New York, 1998. Pp. 559–561; Kotkin, Stephen *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 19/0-2000.* Oxford, 2001. P 185; Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How they Won the Cold War.* New York, 1996. P 552.

6 Matlock, Jack *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union.* New York, 1994. Pp. 66/-6/2; *The End of the Cold War, the Collapse of Communism, and the Fall of the Soviet Union.* Part 4 of *The Collapse of the Soviet Union and the End of the Cold War: A Diplomat Looks Back.* Interview of Jack Matlock by Harry Kreisler. "Conversations with History" series, Institute of International Studies, University of California, Berkeley, February 13, 1997, *http://globetrotter.berkeley.edu/conversations/Matlock/matlock-con 4.html.*

7 Kennan, George F. *Witness to the Fall* // New York Review of Books, November 1995, 7-10 (7).

8 Gorbachev, Mikhail *Memoirs.* New York, 1995. P 1046.

9 Beissinger, Mark *The Persistent Ambiguity of Empire* // PostSoviet Affairs no. 11 (1995); Beissinger, Mark R. *Rethinking Empire in the Wake of Soviet Collapse* / In: *Ethnic Politics and Post-Communism: Theories and Practice.* Ed. Zoltan Barany and Robert Moser. Ithaca, NY, 2005. Pp. 14–44; Becker, S. *Russia and the Concept of Empire* // Ab Imperio, 2000, nos. 3–4: 329–342; Martin, Terry *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, NY, 2001; Martin, Terry *The Soviet*

Union as Empire: Salvaging a Dubious Theoretical Category // Ab Imperio, 2002, no. 2: 91-105; Burbank, Jane, and Frederick Cooper *Empires in World History: Power and Politics of Difference.* Princeton, NJ, 2010. Chap. 14; Lieven, Dominic *Empire: The Russian Empire and Its Rivals.* New Haven, CT, 2002. Chap. 9; Plokhy, S. M. *Yalta: The Price of Peace.* New York, 2010. Chap. 14.

10 Gorbachev *Memoirs,* pp. 651–657; Шапошников, Евгений *Выбор. Записки главнокомандующего.* Москва, 1993. С. 102.

11 Авен, Петр, Кох, Альфред *Ельцин служил нам! Интервью с Геннадием Бурбулисом* // Форбс, 22 июля 2010 г., *www.forbes.ru/node/53407/print.*

12 Yeltsin, Boris *The Struggle for Russia.* New York, 1994. P 116; Gorbachev *Memoirs,* p. 658; *Интервью с Валентином Варенниковым.* Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України 1988–1991. Кассета 2. *http:// oralhistory.org.ua/interview-ua/401/.*

13 Fukuyama, Francis *The End of History* // National Interest, Summer 1989; Fukuyama, Francis *The End of History and the Last Man.* New York, 1992.

14 Herring, George *From Colony to Superpower: U. S. Foreign Relations Since 1776.* New York, 2008. P 914; Chivers, C. J. *Russia Will Pursue Democracy, but in Its Own Way, Putin Says* // New York Times, April 26, 2005.

15 Lucas, Edward *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West.* New York, 2009.

16 Unger, Craig *American Armageddon: How the Delusions of Neoconservatives and the Christian Right Triggered the Descent of America – and Still Imperil Our Future.* New York, 2007. Pp. 115–117; *Iraq War: 190,000Lives, $2.2 Trillion.* Press release, Costs of War Project, Brown University. March 14, 2013. *http://news.brown.edu/pressreleases/2013/03/warcosts.*

17 Bush, George W. *Commencement Address at the United States Military Academy at West Point, West Point,*

New York. June 1, 2002. *http://www.presidentialrhetoric. com/speeches/06. 01.02.html;* Bush, George W *Freedom in Iraq and the Middle East: Address at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy, Washington, D. C.* November 6, 2003. *http://www.presidentialrhe toric.com/speeches/11.06.03.html.*

Примечания

1

Одно из значений слова *chicken* – “трус”. – *Прим. пер.*

(обратно)

Оглавление